ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ МАКИАВЕЛЛИ

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Я хочу попасть в ад, а не в рай. Там я смогу наслаждаться обществом пап, королей и герцогов, тогда как рай населен одними нищими, монахами и апостолами» – кто еще мог сказать такое, кроме великого Николо Макиавелли, автора бессмертной книги «Государь» («Il Principe») и самой «неполиткорректной» формулы власти: «Цель оправдывает средства»! Много лет будучи секретарем Совета десяти Флорентийской республики и выполняя важнейшие дипломатические поручения, Макиавелли знал изнанку власти не понаслышке и даже после краха карьеры, лишившись возможности заниматься политикой, продолжал исследовать ее природу в своих книгах, главная из которых, «Государь», была напечатана лишь через пять лет после его смерти. А еще через семь – запрещена в первый раз. Потом ее запрещали бессчетно и повсюду, проклиная автора как «сына Сатаны», «пророка тирании» и «темного гения Возрождения». Но Макиавелли просто имел мужество писать то, с чем были согласны, но о чем предпочитали помалкивать власть имущие, – что искусство политики вне морали и религии, что христианское смирение лишь ослабляет государство, отдавая его в лапы не встречающим отпора негодяям, что в борьбе за власть все средства хороши, а значит, в конечном счете цель оправдывает средства...

Читайте новую книгу от автора бестселлеров «Великий Черчилль» и «Великий Наполеон» – лучшую биографию «темного гения власти», заветам которого политики следуют вот уже полтысячи лет.

- Борис Тененбаум
  - Простые граждане Республики Флоренция
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - ПРИМЕЧАНИЯ
  - Семейные дела дома Медичи, 1464—1478
    - I
    - II
    - III
    - IV

- V
- VI
- ПРИМЕЧАНИЯ

- Лоренцо ди Пьеро ди Медичи, прозванный Великолепным
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - ПРИМЕЧАНИЯ
- О силе проповеди и о том, сколь непрочной она бывает, 1494—1498
  - I
  - II
  - III
  - ПРИМЕЧАНИЯ
- Секретарь Второй Канцелярии Флорентийской Республики, 1498—1501
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - ПРИМЕЧАНИЯ
- О проблемах, возникших у викариев церкви провинции Романья, 1499—1502
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - ПРИМЕЧАНИЯ
- О меморандумах, написанных помощником гонфалоньера Пьеро Содерини, 1502—1503
  - I
  - II
- Семейные дела дома Борджиа, 1492—1503
  - I
  - II

- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- X
- XI
- XII
- XIII
- XIV
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ О некоторых сложностях загробного существования, 1503
- I
- II
- III
- IV
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ О неудачных проектах мастера Леонардо, 1503—1504
- I
- II
- III
- IV
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ О вреде совести и о пользе идеологии, 1506—1508
- I
- II
- III
- IV
- V
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ О трудностях создания армии в условиях рыночной экономики, 1504
- I
- II
- III
- IV
- V
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ «Ваше великолепие, мессер капитан-генерал...» 1509
- I
- II

- III
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ Лев Святого Марка, сменивший книгу на меч, 1508—1510
- I
- II
- III
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ Большие перемены в Республике Флоренция, 1510—1512
- I
- II
- III
- IV
- V
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ О печальной судьбе побежденных...
- I
- II
- III
- IV
- V
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ О попытке Никколо Макиавелли понравиться дому Медичи
- I
- II
- III
- IV
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ «Государь» Макиавелли, прочитанный как самиздат...
- I
- II
- III
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ При дворе папы римского Льва X
- I
- II
- III
- IV
- V
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ Беседы в садах Орти Оричеллари
- I

- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ О силе проповеди и о том, сколь необоримой она бывает, 1517—1520
- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ Никколо Макиавелли и его мелкие разовые поручения...
- I
- II
- III
- IV
- V
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ Смерть папы, эдикт императора и местные проблемы Флоренции
- I
- II
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ Фарс как средство бегства от действительности
- I
- II
- III
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ Никколо на службе у дома Медичи
- I
- II
- III
- IV
- ПРИМЕЧАНИЯ

○ О том, как прекрасный теоретик может оказаться

никудышным практиком
- I
- II
- III
- IV
- ПРИМЕЧАНИЯ

1527
- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- ПРИМЕЧАНИЯ

О том, что было потом
- I
- II
- III
- IV
- ПРИМЕЧАНИЯ

Некая загадка – и попытки ее разрешения
- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- ПРИМЕЧАНИЯ

Эпилог

Приложения
- Список гильдий Флоренции
- Некоторые произведения Никколо Маккиавелли
  - «ГОСУДАРЬ»
    -
    - КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ ГОСУДАРЮ, ЧТОБЫ ЕГО ПОЧИТАЛИ
    - КАК ИЗБЕЖАТЬ ЛЬСТЕЦОВ
  - ОПИСАНИЕ ТОГО, КАК ИЗБАВИЛСЯ ГЕРЦОГ ВАЛЕНТИНО ОТ ВИТЕЛОЦЦО ВИТЕЛЛИ, ОЛИВЕРЕТТО ДА ФЕРМО, СИНЬОРА ПАОЛО И ГЕРЦОГА ГРАВИНА

ОРСИНИ
- «О ТОМ, КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ С ВОССТАВШИМИ ЖИТЕЛЯМИ ВАЛЬДИКЬЯНЫ»
- КОМЕДИЯ «МАНДРАГОРА»
- ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПИСЬМА НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ, НАПРАВЛЕННОГО ИМ ИЗ КАРПИ ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧИАРДИНИ
- ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПИСЬМА НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ О САВОНАРОЛЕ, АДРЕСОВАННОЕ К РИЧЧАРДО БЕККИ
- ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПИСЬМА НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ.
- «ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА», написанная Рафаэлем Сабатини

- Современники Макиавелли, представленные их собственными словами
  -
  - Эразм Роттердамский
    - «ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ»
- Стихи на русском об Италии эпохи Макиавелли
  - Осип Мандельштам
  - Л. Лосев
- Отрывок из лекции о Венеции

○ Краткий список использованной литературы
○ Иллюстрации

Борис Тененбаум
Великий Макиавелли
Темный гений власти
«Цель оправдывает средства»?

Простые граждане Республики Флоренция

I

Жизнь в городе Флоренция в 1469 году от Рождества Христова, право же, была приятной. Городские дома богатых флорентийцев были чудо как удобны, а их сельские виллы были еще лучше. Самое главное – был мир. Войны сторонников папства и сторонников Империи остались в далеком прошлом, Флоренция в итоге оказалась самостоятельным государством, а ее городское самоуправление (коммуна) подчинило себе округу и стало Республикой.

Бернардо Макиавелли по рождению принадлежал к флорентийскому семейству с долгой родословной, которую он мог проследить – и с большими подробностями – на столетия в прошлое. Макиавелли занимались торговлей и в свое время изрядно преуспевали. Но семейство росло и дробилось, и к тому времени, когда Бернардо вырос и вступил в права наследования, на его долю пришлось уже немного – городское жилье в так называемом подворье Макиавелли, где он жил, окруженный множеством других жилищ его близких, далеких и очень далеких родственников, и семейная ферма, которую он гордо называл имением. Собственно, правильнее было бы называть эту земельную собственность несколько скромнее. Ну, скажем, именьицем?

Крепостное право во Флоренции отменили еще в 1289 году, так что земельные владения обрабатывались или работниками по найму, или вообще сдавались третьим лицам в аренду.

Все во Флоренции стояло на твердой рыночной основе – даже земледелие, – и ценность земли определялась тем, что она приносила. Вот и именьице в Сан-Андриа, расположенное примерно в дюжине километров на юг от Флоренции, по дороге на Рим, приносило Бернардо около сотни флоринов в год.

Это много или мало?

Ну, смотря с чем сравнивать. Поденщики зарабатывали во Флоренции 12—15 флоринов в год, работники с квалификацией получше – флоринов 30—40, хорошие мастера-ремесленники почти вдвое больше, то есть примерно флоринов 70. Так что Бернардо Макиавелли с его сотней в год мог считаться как бы принадлежащим к классу собственников. С другой стороны, во Флоренции действовала система налогообложения, и налог взыскивался именно с собственности. Ясное дело, для оценки размера налога надо было завести документацию, оценивавшую размеры собственности, и во Флоренции таким базовым документом служил «*Catasto*», периодически обновляемый список

налогоплательщиков и оценки стоимости их собственности.

Отец Бернардо, Никколо ди Буонисенья Макиавелли, в *Catasto* 1427 года значился обладателем 1086 флоринов, все в форме земельных владений. Место он занимал вполне респектабельное, в списке из 9780 лиц – в первой трети. Но дело тут в том, что в списке был и ряд имен с собственностью свыше 10 тысяч флоринов, в который входило только 137 человек.

А были люди и совсем другого порядка благосостояния – например Палла Строцци с его 163 тысячами или Джованни ди Биччи ди Медичи с 91 тысячей флоринов, – таких было не больше дюжины. Строцци, Медичи, Пацци, Содерини, Веттори, Гвиччиардини – на их фоне Бернардо Макиавелли, получивший лишь часть собственности своего отца и наследия ничем не приумноживший, был лицом незначительным…

В Республике Флоренция в принципе существовало «*…правление простых граждан…*». Но вес простого гражданина все-таки напрямую зависел от размера его средств, измерявшихся во флоринах. Почему так получилось?

И кстати – что это такое, флорин?

II

Флорин – (итал. *florenus*, от Флоренция, «цветочная») – так называлась золотая монета, украшенная отчеканенной на ней прекрасной лилией. Он чеканился почти из чистого золота весом 3,53 г. По весу флорин составлял 1/96 флорентийского фунта (339 г). На аверсе флорентийского флорина был изображен цветок лилии (герб города), на реверсе – Иоанн Креститель, покровитель города.

Впервые их начали чеканить во Флоренции, отсюда и название. Со времени падения Рима в Европе были в обращении только золотые монеты Византии, «безанты», но в IX веке торговля упала так, что и нужда в столь крупной денежной единице отпала, расчеты делались только в серебре. Так что появившийся в 1252 году флорин стал своего рода сенсацией, монетой для расчета по крупным сделкам, символом богатства и процветания. А уж город, где флорины чеканили, стал знаменит от Иберии и до Стамбула, от Скандинавии и до Египта.

Примем во внимание, что никаких золотых рудников в этом городе не было, и флорины там на деревьях тоже не росли. Отнюдь нет – их зарабатывали. Каким же образом некий город в Италии, в маркграфстве Тоскана, сумел заработать столько денег, что учредил собственную валюту, ставшую золотым стандартом для всех прочих государственных образований Европы?

В каком-то смысле можно сказать, что город разбогател на «золотом руне» – только дело тут было не в наличии золотого руна как такового. Флорентийцы брали руно вполне обыкновенное – но они сумели сделать его золотым. Цветные суконные ткани флорентийского производства отличались несравненным качеством. К тщательно хранимым тайным методам обработки шерсти Флоренция добавила и мануфактурный способ их производства и сумела тем самым наладить их производство в большом количестве. От покупателей не было отбою, деньги потекли во Флоренцию рекой – и к мастерам-красильщикам и сукновалам вскоре прибавились и банкиры.

Город стоял на профессиональных гильдиях-цехах.

Однако довольно скоро выяснилось, что гильдии не равны друг другу – возникло деление цехов на «старшие» и «младшие». Разделительная черта проводилась по очевидному и всем понятному принципу – по уровню создаваемых цехами доходов. Ясное дело – в их руках вскоре и сосредоточилась власть в городе.

Семейство Бернардо Макиавелли как раз и было приписано к гильдии торговцев шерстью и шелком, и именно поэтому в числе его предков и были люди, занимавшие высокие избирательные посты в Республике. Например, среди людей, носивших фамилию Макиавелли, были даже «гонфалоньеры справедливости». Титул, согласитесь, звонкий, и хорошо бы понять, а что он, собственно, значил?

Это легко обьяснить – уже давно, с 1293 года, во Флорентийской республике была установлена должность гонфалоньера справедливости (правосудия) (*Gonfaloniere di Giustizia*), который стал главой Синьории, правительства. Ему была поручена охрана конституции – «*Установления справедливости*». Гонфалоньер имел знамя определенной формы и цвета, гонфалон, символизировавшее его власть, и избирался из членов старших городских гильдий.

Но поскольку флорентийцы проявляли большое тщание к тому, чтобы их Республика так республикой и оставалась, и механизмы государственного аппарата строились с прицелом на недопущение создания властных монополий, то гонфалоньер справедливости избирался при помощи жребия, сроком всего на 2 месяца. Эти два месяца вообще были во Флоренции весьма значимым отрезком времени – таков был цикл ротации всего правительства Республики.

Заглянем в энциклопедию:

«…Согласно «Установлениям справедливости» (1292), высшим исполнительным органом Флоренции стала коллегия шести приоров, представлявших старшие цехи. Приоры руководили внутренней и внешней политикой государства и обладали правом законодательной инициативы. Приоры избирались на два месяца и во время исполнения своих обязанностей проживали в специально отстроенном Дворце Синьории (Палаццо делла Синьория; итал. Palazzo della Signoria). Преемников действующих приоров избирали на особом собрании, в котором участвовали сами приоры, главы двенадцати правящих цехов и представители шести районов города…»

И сама должность главы правительства, созданная в силу необходимости разрешения споров между приорами, тоже была привязана к этому же циклу:

«…В 1293 была учреждена новая должность седьмого приора – гонфалоньера справедливости, получившего функции главы государства и право приведения в исполнение судебных решений против должностных лиц республики. Гонфалоньеру была подчинена особая гвардия из тысячи человек. Шесть приоров и гонфалоньер образовали правительство Флорентийской республики

– *Синьорию…*»

Как мы видим, принимались очень серьезные меры для того, чтобы пресечь в зародыше всякое сосредоточение власти в одних руках – должности в Республике носили временный характер, ротация была частой и не давала возможности создавать клики. К тому же из города были изгнаны дворяне, укрепленные башни, в которых они жили с давних времен, были снесены, а все вооруженные силы Республики были поставлены так, что управлялись не отдельными лицами, а всей Республикой в целом. Считалось, что свобода простых граждан таким образом ограждена и от носителей высоких должностей, и от угрозы захвата власти оружием.

Угроза «*…захвата власти обаянием…*» предусмотрена не была.

III

Где-то к середине XV века, уже после того как был проведен *Catasto* 1427 года, о котором мы говорили, во Флоренции возникли Медичи.

Собственно, что значит – возникли? Семья была старая, жила во Флоренции с XII века и занималась банковским делом. Что до «медицинской» фамилии, то, по одной из версий, один из родоначальников клана был врачом (medico) при дворе Карла Великого. Злые языки, впрочем, утверждали, что не врачом, а аптекарем, и не у Карла Великого, а у кого-то другого, много попроще. Во всяком случае, представители рода Медичи уже к концу XIV века составили себе столь значительное состояние, что начали мешаться в политику. И политиками они оказались не менее талантливыми, чем банкирами. Они играли на противоречиях между цеховой знатью и «тощим народом», добивались высоких должностей вроде поста гонфалоньера справедливости, но однажды доигрались до того, что семья их была изгнана из Флоренции по подозрению в заговоре с целью захвата власти. А после того, как срок их изгнания истек, им запретили занимать общественные и государственные должности.

Медичи сосредоточились на своей банковской деятельности – и так преуспели, что сумели вернуться в политику.

Заглянем в энциклопедию еще разок:

«*...В начале XV ст. Джованни Медичи достиг высших должностей, а в 1434 г. его сын Козимо, воспользовавшись недовольством народа знатью за частые войны и тяжелые налоги, захватил в свои руки власть...*»

Вот об этом человеке, Козимо ди Джованни ди Медичи[1], есть смысл поговорить подробней – он-то и придумал удивительный способ преобразования денежной массы в политическую власть, и сделал он это именно что «*обаянием*». Это при нем Медичи стали самой богатой и могущественной семьей во Флоренции, с настолько обширной сетью клиентелы и патронажа, что они оставили позади все прочие семейства флорентийских олигархов.

Козимо Медичи был человеком очень умным и в своей деятельности банкира и предпринимателя следовал правилу, изобретенному им самим: «*...Умение тратить деньги еще важнее, чем умение их зарабатывать...*».

Он тратил очень много – от него так или иначе зависело много людей. Люди эти выбирались им столь же тщательно, сколь это делалось им в отношении деловых проектов: риск «вложения»

оценивался в соответствии с возможными перспективами выигрыша.

И выигрывал он очень часто. Когда ему после ареста пришлось бежать из Флоренции, вернулся он туда с помощью своего друга и заемщика, папы римского Евгения IV. Вообще репутация необычайно богатого банкира, щедрого к друзьям и вовсе не заносчивого, а напротив, всегда готового помочь, очень ему помогала. Козимо Медичи в отличие от очень многих не просто пользовался влиянием – он еще и совершенно сознательно стремился избегать того, чтобы ему завидовали. Например, он добровольно платил самые большие в городе налоги. Во всех предприятиях Республики, в которых он желал бы участвовать, Козимо неизменно устраивал так, чтобы не он выступал в качестве инициатора дела и вообще создавал впечатление, что за проект он берется только по просьбе большинства – или, скажем, влиятельных людей, которым он не может отказать. Все это было только видимостью, которую Козимо Медичи усердно создавал. Скажем, его высокие налоги были вовсе не так высоки, потому что подлинных размеров его состояния не знал никто. Он держал секретные счета, спрятанные так, что до них не дознался бы никакой асессор, он преувеличивал размеры своих потерь по убыточным займам и приуменьшал доходы, получаемые им от выгодных предприятий.

Делалось это тем легче, чем большее количество клиентов обслуживал его банк, у которого было множество отделений по всей Италии, и даже и шире, по всей Европе.

А взятки, льготные займы, предоставление доли в выгодных предприятиях самым разным людям в его родной Флоренции сделало его человеком чрезвычайно влиятельным, и при этом без того, чтобы он был на виду, обремененный официальными полномочиями.

И в результате он мог манипулировать даже налоговой бюрократией города, и его недруги вдруг обнаруживали, что с них требуют куда больше, чем полагалось бы. Что, конечно же, всегда можно было уладить, переговорив с «*простым гражданином Флоренции*», Козимо Медичи.

Иностранные послы, собственно, с самого начала получали инстрикции от своих правительств – в случае серьезной проблемы не тратить время на обсуждение вопроса с официальными властями Флоренции, а сразу идти к «*простому гражданину*».

Как писал впоследствии Энеа Сильвио дель Пикколомини, секретарь папы Евгения: «*…все политические дела решаются в доме Козимо Медичи. Это он решает, кто займет какую должность, он решает вопросы войны и мира, он контролирует*

принятие законов. Он король Флоренции – во всем, кроме титула...»

Энеа Сильвио дель Пикколомини знал что говорил и в политике разбирался замечательно. Настолько замечательно, что в 1458 году он сам добьется избрания на папский престол и станет Пием II, папой римским.

Но до этого еще далеко – пока что мы просто говорим о том, как умело Козимо Медичи тратил свои деньги.

IV

Он тратил их в умопомрачительных размерах. Согласно его внуку, Лоренцо, о котором у нас еще будет случай поговорить, семейство Медичи (в основном Козимо) в период с 1434 года по 1478 потратило на налоги, постройки и благотворительность около 664 тысяч флоринов. Флорин, как мы уже знаем, весил три с половиной грамма, тысяча флоринов – три с половиной килограмма, так что если умножить эти килограммы на 664, то получится две тонны и еще 234 килограмма золота.

Есть смысл сравнить эту сумму с доходами Бернардо Макиавелли – сотня флоринов в год.

На что же шел весь этот огромный поток золота? Налоги, понятное дело, – на нужды Республики. Благотворительность – на помощь бедным и на прочие богоугодные дела. Очень много шло на церковь, например, на постройки и украшение монастыря Сан-Марко.

Козимо дружил с архиепископом Флоренции, Антонио Пьероцци. Монах-доминиканец был совершеннейшей противоположностью своему другу – он был человек от мира далекий, аскет и праведник и сурово осуждал ростовщичество. А кем был Козимо Медичи как не исключительно успешным ростовщиком?

Чем-то, однако, они привлекали друг друга – возможно, силой интеллекта? Во всяком случае, они встречались очень часто, в беседах проводили целые часы, а Козимо Медичи в итоге, помимо прочего, подарил монастырю все духовные книги из своей огромной библиотеки.

Библиотека, собственно, была только частью сокровищ, которые были собраны Козимо Медичи. Помимо дел материальных, связанных с банком, торговлей и промыслами, помимо дел духовных, связанных со спасением души, он страстно интересовался новым учением, возникшим в Италии с того времени, когда в ней появилось ощущение утраченного мира античности.

Прошлое показывало образцы и красоты, и мудрости. Работы римских и греческих философов, поэтов и историков старательно изучались, античные статуи и фрески служили образцами для художников и ценились необыкновенно высоко.

На античность вообще смотрели как на образец, и даже стало считаться, что после долгого сна и забвения ее следует как бы возродить. Отсюда и пошел введенный уже позднее термин «Ренессанс», или, если по-русски, «Возрождение».

Методом улучшения человеческой природы, как ни странно, была выбрана филология. Предполагалось, что изучение античной литературы этому очень способствует. Движение это возникло во Флоренции в середине XIV века и даже получило особое название – «гуманизм». Заглянем в энциклопедию и увидим вот что:

«*Ренессансный гуманизм является первой стадией развития гуманизма, движением, в котором гуманизм впервые выступил как целостная система взглядов и широкое течение общественной мысли, вызвав подлинный переворот в культуре и мировоззрении людей того времени… Значение термина «гуманизм» в эпоху Возрождения… было: studia humanitatis, «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа», поскольку humanitas означало «полноту и разделённость природы человека». Также это понятие противопоставлялось «схоластическому» изучению «божественного» (studia divina)…*»

Эта самая*«studia humanitatis»* понималась так – *познание тех вещей, которые относятся к жизни и нравам и которые совершенствуют и украшают человека»,* и человек, прошедший такую обработку, смотрел на европейских рыцарей, как золотой флорентийский флорин, будь он не монетой, а человеком, посмотрел бы на грубую монету примитивной чеканки.

Воспитанный человек, по понятиям северной Италии, был просто обязан знать латынь – и не в ее грубо вульгарной форме, унаследованной от Средних веков, а в такой, которая была в ходу во времена Катона, Цицерона и Цезаря. Он должен был знать древних авторов – того же Цицерона или Тита Ливия. Считалось, что неплохо знать и древнегреческий.

Само собой разумелось, что человек, умеющий читать на таком уровне, умеет и писать, и даже неплохо. Данте просто поразил современников мощью своего гения. Петрарка ввел своего рода моду на поэзию.

Нужно ли добавлять, что они оба были по рождению флорентийцами? Нужно ли говорить, что Козимо Медичи, фактический правитель Флоренции, страстно увлекся тем, что составляло славу его родного города?

И, как сказано в энциклопедии, «*с этих пор и до конца столетия фамилия Медичи управляет республикой и приобретает громкую известность покровительством всем направлениям Ренессанса…*»

Со всем своим умом, со всей своей энергией и со всеми своими большими деньгами и обширными связями Козимо Медичи взялся за дело помощи новому захватившему его учению – гуманизму.

V

В Европе того времени существовала ясная и понятная социальная иерархия, которая стояла на идее вассалитета: в IX веке франкский король Людовик Благочестивый повелел, чтобы каждый в королевстве был чьим-то «человеком». В государстве был верховный сюзерен, обычно король. Он жаловал землю своим вассалам – герцогам и графам, а те в свою очередь жаловали ее баронам и далее бароны рыцарям. За это вассал был обязан состоять в совете при своем господине, нести воинскую повинность в войске сюзерена (обычно 40 дней в году), защищать границы его владений, а также в случае поражения выкупать господина из плена. А сеньор был обязан защищать своего вассала от военного нападения.

Еще до того, как флорин стал европейским золотым стандартом, современники с недоумением отмечали, что в Италии иерархия вассалитета вывернута наизнанку. То есть не во всей Италии, конечно, – на Юге все было в порядке, и тамошние властители, предшественники короля Фернанте, никаких сложностей с вопросами ранга своих подданных не имели.

Но вот на севере Италии дела обстояли так, что болонские нотариусы путались в том, чье имя в деловой переписке им следует писать на первом, главном, месте. По традиции, если герцог писал барону, то свое имя он ставил впереди. Если же барон писал рыцарю – то впереди стояло имя барона. А если любой дворянин писал купцу, то гордое дворянское имя по праву занимало полагающееся ему первое место[2].

В общем, все выглядело ясно и логично – даже с придирчивой точки зрения нотариуса – до тех пор, пока не возникал особый случай. Если переписка шла между бароном и флорентинским или венецианским купцом, дело полностью теряло свою кристально чистую ясность и начинало зависеть от того, кто кому из двух участников переписки был больше нужен. Очень часто оказывалось, что это не барон был нужен купцу в качестве защитника, а купец был нужен барону – в качестве банкира.

Эта вывернутость наизнанку особенно сильно ощущалась во Флоренции. Даже если отвлечься от очевидного примера Козимо Медичи, в заемщиках которого числились папы и короли, то какие-то вещи в Республике Флоренции были закреплены просто структурно.

Гражданские права могли принадлежать только и исключительно членам гильдий, а «*все прочие*» были лишены не только права на государственные должности, но даже и права

голоса.

«Прочими» при этом считались такие категории, как чернь, иностранцы и дворянство. С чернью – понятно. Иностранцы – они и есть иностранцы. Но вот исключение дворянства и отстранение его от всякого участия в государственных делах Республики действительно было необычным и ломало традицию…

Этот порядок вещей отражался на многих вещах помимо социальной иерархии.

Скажем, в Европе идеалом считалось наличие у благородного человека рыцарских добродетелей: доблести, верности, в той или иной степени – благочестия. В конце концов, система иерархии в какой-то спепени распространялась и на королей, которые могли в свою очередь считаться вассалами папы римского. Короли, правда, это положение часто оспаривали и утверждали, что они вассалы непосредственно господа бога… Что, в свою очередь, оспаривала церковь, в результате чего и сложился некий компромисс: короли стали «*старшими сыновьями Церкви*…» и «*защитниками веры Божьей*». В общем, как бы то ни было, рыцарю было положено быть не только верным и доблестным, но и благочестивым – иметь предков, участвовавших в Крестовых походах, считалось очень почетным, и знатность рода имела огромное значение…

Знать торговых городов северной Италии – не только Флоренции – смотрела на вещи иначе. Для банкиров и купцов «верность» и «доблесть» измерялись не в воинской, а в совершенно другой системе координат, а уж на «благочестие» они смотрели и вовсе приземленным взглядом, так сказать, – по-соседски.

Рим был недалеко, степень веры, как правило, обратно пропорциональна расстоянию до ее источника[3]. Ну, а уж о множестве деталей, свойственных «*викариям Христа*» как земным людям, флорентийцы и венецианцы тоже знали не понаслышке…

И все больше и больше в Италии стал распространяться другой, нерыцарский идеал подлинно благородного человека. Собственно, идея «культивации» просто напрашивалась. В Италии все делали куда лучше, чем в других частях Европы, даже исконно принадлежавшее дворянству искусство фехтования – и то изучалось во Франции или в Германии по пособиям, разработанным и напечатанным в Италии.

Италия в то время была культурной столицей Европы. А Флоренция была культурной столицей Италии. Могущество Флоренции стояло на ее умении «*улучшать шерсть*».

Может быть, можно улучшить и человека?

VI

На известной картине Боттичелли «Поклонение Волхвов» в галерее Уффици во Флоренции изображены члены семьи Медичи. В общем, то, что вам расскажет экскурсовод, зависит от экскурсовода. Он может рассказать вам, например, вот это:

«*...Картина была заказана Джуаспарре ди Заноби дель Лама, богатым банкиром, близким к семье Медичи, для фамильного алтаря в церкви Санта-Марии-новелла во Флоренции. Эта священная сцена сегодня очень интересна еще и потому, что многие фигуры изображают членов семейства Медичи...».*

Экскурсовод, может быть, расскажет вам о Козимо Медичи и людях из его окружения, изображенных с ним вместе:

«...Существует много противоречий при определении их на картине. Пришли к соглашению, что старый король (Каспар, согласно истории), стоящий на коленях перед Марией, имеет лицо Козимо Старшего; рядом, в роли Балтазара (в красном плаще, в центре), изображен его сын Пьеро, прозванный Подагриком; старший сын Пьеро – Лоренцо, прозванный Великолепным, – это молодой человек в черном с красным воротником (справа, в профиль); человек слева, в красном, с цепью на груди, его младший брат Джулиано; пожилой, седой человек справа, смотрящий на нас – дель Лама...»

Видите, как интересно? Козимо, оказывается, старший из иноземных волхвов-королей, пришедших поклониться младенцу-Иисусу. С ним – его старший сын, Пьеро – или Пьетро, что одно и то же – «*прозванный Подагриком*», и сыновья *Подагрика*, Лоренцо и Джулиано, внуки Козимо. И даже заказчик картины, мало кому ведомый ныне мессер – уважительное обращение, эквивалент теперешнего слова «господин», – носивший звучную фамилию дель Лама, и тот нам виден и сейчас, через столько веков.

Но, конечно же, нет ни одного экскурсовода, который не указал бы на правый нижний угол композиции, где Боттичелли изобразил себя. Он обернулся и увереннно смотрит на нас из картины. Он, по-видимому, знает – художников помнят лучше, чем их клиентов. И это правда.

Даже Козимо Медичи, поистине великий человек, бессмертие приобрел не великими сделками и не грандиозными барышами, а тем, что заказывал картины и фрески людям вроде Сандро Боттичелли, и лицо Козимо сейчас помнят только потому, что он – возможно, всего лишь возможно – послужил Боттичелли моделью для волхва Каспара.

Портрета Бернардо Макиавелли не сохранилось. Но тем не

менее его помнят и сейчас. Конечно, он был небогат и делами занимался спустя рукава, и полученное им юридическое образование не употребил должным образом. Он написал о себе однажды – и не где нибудь, а в налоговом документе – «*оплачиваемого занятия не имею*». Чистая правда – нотариус по образованию, Бернардо Макиавелли оплачиваемых занятий не имел, и клиенты его своим вниманием не жаловали. Ясное дело, что у нотариуса Макиавелли не было ни особых дарований, ни особых амбиций.

И все его права на бессмертие состоят в том, что в 1469 году у него родился сын, Никколо Макиавелли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имена вроде «*Козимо ди Джованни ди Медичи*» формировались по принципу соединения личного имени, в данном случае «Козимо», с именем отца, в данном случае «Джованни», с прибавлением имени рода, «Медичи». В очень вольном переводе на русский такое имя звучало бы как «*Кузьма Иванович Дохтуров*».

2. М.А. Гуковский, «ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»: «В начале XIII столетия в своем письмовнике, названном «Подсвечник», болонский нотариус Бене ди Болонья пишет, устанавливая иерархический порядок приветственных обращений в письмах: «*Каждое лицо, когда оно пишет лицам, стоящим ниже себя, должно раньше ставить свое имя, например: император – королю, король – герцогу, герцог – князю, князь – маркизу, маркиз – графу, граф – барону, барон – … – рыцарю, рыцарь – купцу и любому человеку из народа или плебею… Но иногда случается, что даже бароны ставят раньше имена купцов, ибо сами они гуляют босыми и ходят пешком, купцы же разъезжают на колесницах и на конях, ибо святейшая в наши времена вещь – величие богатства*».

3. Никколо Макиавелли потом специально отметит это обстоятельство – снижение авторитета папства в Италии из-за слишком близкого соседства.

Семейные дела дома Медичи, 1464—1478

I

Козимо Медичи умер в 1464 году, мирно, в своей постели, и был похоронен в церкви Сан-Лоренцо. По правительственному указу на надгробии было начертано: «Отец Отечества». Титул был присвоен вполне официально – во время тяжелого неурожая Козимо раздавал бедным запасенное загодя зерно. Ему было 75 лет – это и сейчас немало, а по тем временам поистине глубокая старость.

Дела отца, как и было положено по закону и по обычаю, перешли к Пьеро, его старшему сыну, а поскольку Козимо был провозглашен «Отцом Отечества», то и дела «отечества» тоже оказались в его ведении. Козимо, собственно, куда больше надежд возлагал на своего младшего сына, Джованни, но тот умер в 1463-м, так что Пьеро пришлось справляться самому, в меру своих способностей.

Ну, что сказать? Правителем он оказался неважным.

Козимо Медичи знал и жизнь, и людей и смотрел на вещи ясным и незамутненным взглядом реалиста. Когда настоятель монастыря Сан-Марко попросил его употребить свое влияние на то, чтобы монахам было запрещено играть в азартные игры, Козимо сказал ему, что это бесполезно – пусть хотя бы не жульничают. Так что его сотрудники и по банку, и по делам правления жульничать остерегались – старик видел их насквозь, и если что, то в мерах не церемонился.

Исключительно спокойный и доброжелательный человек, он в случае нужды был способен на крутые действия. Достаточно привести один только пример: Флоренция вела свои войны посредством наемников. Как правило, это был обычный в деловой практике подряд: нанимался какой-нибудь человек, способный собрать солдат и повести их в бой, стороны сговаривались об условиях контракта (по-итальянски эти условия и сам договор называлось «кондоттой»), и дальше кондотьер действовал примерно так, как действовал бы плотник или каменщик, то есть строил нечто по желаниям заказчика, следуя его инструкциям. Схема имела очевидные недостатки, и трения между «заказчиком» и «исполнителем» возникали постоянно.

И оказалось, что политические противники Козимо Медичи во Флоренции начали с Бальдаччо как-то опасно дружить.

Козимо Медичи вел тщательно сбалансированные счета. Систему двойного учета, с дебитом и кредитом, впервые ввели в его банке, и бухгалтерия его была столь подробной, что даже на вопрос: «*Не слишком ли много он жертвует на*

благотворительность?» Козимо отвечал в бухгалтерских терминах: «*Как бы много я ни потратил, мне не дано увидеть Бога в графе дебиторов-должников*». Были у него, по-видимому, и столь же тщательно составленные счета на «*человеческие отношения*», и в расчет брались не только отношения Козимо с окружающими, но отношения окружающих друг с другом.

В них-то Козимо и обнаружил, что Бальдаччо сильно «задолжал» одному человеку, Бартоломео Орландини, – он публично назвал его трусом.

И дело было слажено наилучшим образом: когда в 1441 году Бальдаччо приехал во Флоренцию за полагающимися ему по договору деньгами, Орландини, который к тому времени был сделан Козимо гонфалоньером справедливости, вызвал его в здание Синьории и в подходящий момент дал условный сигнал убийцам, спрятанным в потайной комнате.

Бальдаччо был убит на месте, его труп выбросили на площадь из окна.

Бартоломео Орландини, как и всякий флорентийский негоциант, тоже вел свои бухгалтерские книги. Он подвел баланс своих расчетов и, по-видимому, против имени Бальдаччи в графе должников поставил пометку – «*Расплатился*». А Козимо Медичи решил свою проблему, как всегда, не появляясь на первом плане. Но вот Пьеро ди Козимо ди Медичи, его наследник, был далеко не так умен, как его отец. Он сделал много ошибок.

Одной из них было то, что он послушался советника своего отца.

II

Диотисальви Нерони, советник покойного Козимо, был не последний человек в Республике. Его брат был архиепископом Флоренции, а сам он, искусный делец, в свое время прямо-таки облагодетельствованный Козимо, был первым постоянным послом Республики в Венеции, а потом – в Милане.

Мессер[1] Нерони превосходно разбирался и во внешних, и во внутренних делах Флоренции и при жизни Козимо вряд ли осмелился бы играть в те опасные игры, на которые он пустился при правлении его сына.

Был составлен заговор с целью свержения правления Медичи. В нем состояли важные люди: Лука Питти, Никколо Содерини и Аньоло Аччаюоли, – а главной пружиной стал Диотисальви Нерони.

Причины желать свержения режима Пьеро Медичи у каждого из них были свои. Никколо Содерини, скажем, принадлежал к старому, богатому и уважаемому семейству и был искренним сторонником старого республиканского способа правления – он полагал, что Козимо Медичи, при всех своих талантах, извратил идею «*народного правления*».

Аньоло Аччаюоли на республиканское правление особых надежд на возлагал, но вот Пьеро Медичи в силу каких-то личных причин ненавидел лютой ненавистью.

Лука Питти и к Пьеро относился вполне терпимо, и к общему благу особой преданностью не горел, но полагал, что правление дома Питти было бы куда лучше, чем правление дома Медичи.

У него было немало сторонников – дело дошло до того, что во Флоренции появилась «партия Холма», названная так потому, что палаццо Питти стояло на холме, настроенная враждебно по отношению к «партии Равнины», что опять-таки имело отношение к тому обстоятельставу, что палаццо Медичи было выстроено на Виа Ларга, главной улице Флоренции, расположенной на ровном месте у Старого Моста, Понте-Веккьо.

А вот что двигало Диотисальви Нерони, сказать трудно. Может быть, это была комбинация всех трех мотивов – и неприязнь к Пьеро, и желание сделать систему более, так сказать, «конституционной», и стремление занять важное место в «партии Холма» при установлении нового режима Питти – неизвестно. Вполне может быть, что он просто почуял слабость – Пьеро Медичи был болен, почти не вставал с постели, и даже большую часть своего времени проводил не во Флоренции, а за городом, на своих виллах.

Он казался уязвимым, и Нерони решился… Он усмотрел свой шанс в том обстоятельстве, что у Пьеро ди Козимо ди Медичи, наследника несметных богатств Козимо ди Джованни ди Медичи, совершенно неожиданно возникли проблемы с деньгами. Собственно, не столько из-за нехватки денег, сколько из-за того, что его отец держал свои дела в намеренно запутанном состоянии.

И тогда мессер Диотисальви Нерони дал Пьеро, сыну своего благодетеля, «дружеский совет»: поскольку Козимо Медичи во время своего правления давал многим влиятельным флорентийцам взаймы, а уплаты не требовал – то почему бы сейчас эти долги не взыскать? Это позволит консолидировать семейное состояние, а заодно и отчетность упростится…

Разумный человек, наверное, подумал бы о том, что если уж мудрый Козимо не требовал уплаты этих долгов, то, наверное, имел на это свои резоны? Но Пьеро, вроде бы уже и не юноша – как-никак он унаследовал отцовское состояние в зрелом возрасте 48 лет, – почему-то такого вопроса себе не задал.

И он решил последовать совету, не взвесив возможных последствий этого шага…

III

Банк Медичи потребовал уплаты у всех своих флорентийских должников разом и без особого предупреждения. Трудности появились у очень многих, а несколько банкирских домов вообще оказались на грани бакротства. В «партию Холма» хлынул поток добровольцев. Даже сторонники Медичи раскололись на два враждебных лагеря: один хотел восстановить свободу республики, другой безусловно поддерживал владычество Пьеро.

Официальный лозунг недовольных был вполне республиканским – говорили о стремлении к тому, чтобы «*Флоренция управлялась выборными органами, а не прихотью нескольких могущественных граждан*».

К Пьеро прицепились даже потому, что он задумал породниться со знатным римским родом Орсини – речь шла о браке Лоренцо с Кларице Орсини, дочерью Джакомо Орсини, властителя укрепленных городков Монтеротондо и Брачьяно, человека знатного, в папских владениях весьма влиятельного. К 1464 в родословной рода Орсини насчитывалось два папы и полдюжины кардиналов.

Так почему же предполагаемый брак во Флоренции сочли нежелательным?

Дело тут было в том, что обычно знатные семьи Флоренции роднились друг с другом. В качестве примера можно было сослаться на самого Пьеро Медичи – у него было три дочери, и все они были просватаны по старому обычаю: Мария – в семью Росси, Бианка – в семью Пацци, Лукреция – в семью Ручеллаи. Все эти кланы были флорентийскими, владельцами крупной собственности в недвижимости и торговле. А вот Орсини были не флорентийцами, а римлянами, и при этом знатным, почти княжеским родом военных аристократов и высоких прелатов церкви.

Пьеро обвинили в том, что он хочет стать властителем родного города: *«ибо кто не хочет родниться с согражданами, тот стремится превратить их в своих рабов».*

Мысль эта нашла отклик – под призывом к Пьеро не искать невесты своему сыну за пределами отечества подписалось немало народу. Пьеро же к тому времени был болен, и его отвезли на его любимую виллу Кареджи – там он обычно находил некоторое успокоение. Везли на носилках, подвешенных между двумя идущими один вслед другому мулах – он буквально не мог ни ходить, ни даже сидеть в неудобной повозке.

Мягких каретных рессор к тому времени еще не придумали...

В общем, заговор шел к успеху – а чтобы убедиться в том, что все в порядке, Нерони частенько навещал Пьеро и всеми силами старался убедить его, что Флоренция спокойна и что в городе царят мир и порядок.

Однако ничего не получилось. Заговорщиков выдал некто Никколо Федини, выполнявший на этом собрании обязанности секретаря. Считая, что предательство будет более выгодным, чем участие в убийстве Медичи, Никколо раскрыл Пьеро этот заговор, показав список заговорщиков и всех, давших им свою подпись.

В опасные минуты Пьеро Медичи обнаружил, что он все-таки не зря прожил долгие годы под крылом своего отца – кое-чему он все-таки научился. Вот как развивались дальнейшие события, которые мы приведем в пересказе, взятом из хорошего источника[2]:

«*...Они вознамерились умертвить Пьеро, который лежал больной в Кареджи, вызвав для этой цели к стенам Флоренции маркиза Феррарского. Решено было также, что после смерти Пьеро все выйдут вооруженные на площадь и принудят Синьорию установить государственную власть по их желанию, ибо, хотя не вся Синьория была на их стороне, они рассчитывали, что противники подчинятся из страха.*

Мессер Диотисальви, чтобы получше скрыть эти замыслы, часто навещал Пьеро, говорил ему, что в городе нет никаких раздоров, и убеждал его всячески оберегать единение граждан. Но Пьеро был осведомлен обо всех этих делах...

Наконец Пьеро решил первым взяться за оружие и для этого воспользовался сговором своих противников с маркизом Феррарским. Он сделал вид, что получил от мессера Джованни Бентиволью, владетеля Болоньи, письмо о том, что маркиз Феррарский со своим войском находится на берегу реки Альбо, открыто заявляя, что идет на Флоренцию. Получив якобы это известие, Пьеро вооружился и, окруженный огромной толпой тоже вооруженных людей, явился во Флоренцию...»

27 августа 1466 года дело решилось в пользу Пьеро Медичи, он убедил всех, что взялся за оружие потому, что его поставили перед необходимостью защищаться, что сам он только того и желает, чтобы жить в спокойствии и мире и охранять закон. Удалось даже обойтись без драки.

Благодаря проявленной Пьеро умеренности никаких кровавых репрессий не последовало, все государственные должности заняли его сторонники. А противникам предоставили возможность бежать – и уж только после этого они были объявлены «*врагами отечества*». Часть их сторонников тоже изгнали, но казнен никто не был.

В 1469 году его 20-летний сын Лоренцо сочетался браком с Кларисе Орсини, в том же 1469 году Пьеро ди Козимо ди Медичи в возрасте 53 лет мирно скончался в своей постели.

Власть перешла от Пьеро к Лоренцо, теперь это уже воспринималось по большей части как нечто должное. Как-никак, Лоренцо был главой Республики, хоть и неофициальным, но уже третьим по счету, после своего деда и своего отца. Династическое «право» было налицо. В этом же 1469 году в семье Бернардо Макиавелли родился сын Никколо.

Конечно, кроме родителей ребенка, на это событие никто не обратил никакого внимания.

IV

28 января 1475 года на пьяцца Санта-Кроче во Флоренции состоялся праздник. Само по себе событие это было не слишком примечательным. Во Флоренции по закону было только 275 рабочих дней в году, а остальные 90 были праздничными, так что, помимо вокресений, в среднем едва ли не каждую неделю года что-нибудь да отмечалось. Устраивались карнавалы, танцы на площади Старого Рынка (Меркато-Веккьо), скачки с участием самых лучших коней и самых лихих наездников, каких только можно было сыскать по всей Тоскане, игры в мяч и потешные баталии, проходили торжественные парады гильдий, восхвалявшие святых – покровителей того или иного ремесла. Художники, скажем, славили Святого Луку.

Когда молодой двадцатилетний Лоренцо Медичи вступил в права «*первого гражданина Флоренции*», этот давно укоренившийся обычай частых празднований получил новый импульс – новый правитель Флоренции был молод, весел и любил искусство и фантазию.

Его друзья и приближенные, естественно, следовали примеру своего патрона. Однажды зимой они целой гурьбой отправились к палаццо прекрасной Мариетты, дочери покойного Лореццо ди Палла Строцци, и в два часа ночи под пение серенад при свете множества факелов начали кидать снежки в ее окна. Самого Лоренцо в то время в городе не было, он уехал по делам в Пизу, но его известил обо всем Филиппо Корсини, сообщив в письме, что Мариетта открыла окно – и получила снежок прямо в лицо. И Филиппо пишет, что девица ничуть не обиделась, а со смехом запустила снежок обратно в толпу своих поклонников и вообще вся эта эскапада прошла с большим весельем...

С некоторого времени привилось и новое развлечение – рыцарские турниры. У нас уже было сказано, что роскошь и удобства жизни знати торговых городов Италии оказали влияние на вкусы военной аристократии – но влияние это оказалось взаимным. И если при дворе герцога Урбинского привились интерес к античной культуре и умение слагать сонеты, то и во Флоренции среди ее «золотой молодежи» стали ценить способность сшибиться на копьях в удалой схватке, в полном рыцарском вооружении и на лихом коне.

Заодно привился и культ прекрасной дамы, которой благородный рыцарь посвящал свое служение. Дама вполне могла быть замужем – это ничему не мешало, служение предполагалось чисто платоническим восхищением перед красотой дамы и перед

ее высокими душевными качествами.

Пример подавал сам Лоренцо Медичи, провозгласивший своей дамой Лукрецию Донати, которую он воспевал в стихах под именем «Дианы». Прекрасная дама там называлась «*светлой звездой*», «*блестящим солнцем*», «*богиней, явившей земле небесное совершенство*» и так далее.

Так вот, 28 января 1475 года во Флоренции был устроен рыцарский турнир, названный в честь Джулиано, младшего брата Лоренцо: «La Giostra di Giuliano» – «Турнир Джулиано».

Но все-таки праздник был особенным. Официальным поводом турнира послужил дипломатический успех: заключение союза между Миланом, Венецией и Флоренцией. В турнире, ясное дело, принимал участие и Джулиано.

Дамой своего сердца он избрал Симонетту Веспуччи. Перед Джулиано ехал оруженосец со штандартом, на котором Сандро Боттичелли, художник, близкий к дому Медичи, изобразил Минерву и Амура. На нем была изображена Симонетта в виде Минервы – Афины Паллады – в белом платье, со щитом и копьем, с головой Медузы Горгоны в руках и девизом La Sans Pareille, что означало «Несравненная». Амур, стоящий рядом с ней, привязан к стволу оливы, его лук и стрелы сломаны – что, понятное дело, означало, что красавица так хороша, что перед ней и Амур беспомощен. Однако Минерва смотрит на солнце – и в этом есть надежда, потому что солнце, предположительно, это та слава, которой покроет себя Джулиано, сразившись на турнире в честь своей прекрасной богини.

Ну, Джулиано в турнире действительно победил. Симонетта была провозглашена королевой турнира и перед всей Флоренцией – дамой сердца Джулиано.

Это имело определенные последствия. Во-первых, после турнира отношения Джулиано Медичи и Симонетты Веспуччи, по-видимому, из чисто платонических перешли в фазу более сущственную. Во-вторых, Симонетта поразила воображение Сандро Боттичелли.

Считается, что с момента их встречи моделью всех Мадонн и Венер кисти Боттичелли была Симонетта. Раз за разом, из картины в картину, он повторял ее облик, ставший для него воплощением идеала.

Если будете во Флоренции, зайдите в музей Уффици. Там есть картина мировой славы и известности – «Рождение Венеры», – написанная Боттичелли. Он так и не позабыл Симонетту Веспуччи.

У богини любви – ее лицо.

V

Конечно, даже и для людей молодых и жизнерадостных, таких, как соправители Флоренции, Лоренцо и Джулиано Медичи, дела правления не состояли только в балах и празднествах. Интересы Республики были широки и разнообразны. Как всякой торговой державе, ей надо было беспокоиться и по поводу рынков сырья, и по поводу рынков сбыта.

Шерсть для флорентийского суконного производства закупали даже в Кастилии, квасцы и красители, необходимые для обработки этой шерсти, покупали даже в Турции – и, понятное дело, готовые ткани сбывали столь же широко. Мятеж в городке Вольтерра, входившем в состав владений Флоренции в Тоскане, пришлось подавлять оружием. Сделано это было по приказу Лоренцо Медичи, но нанятые им с этой целью войска герцога Урбинского так разграбили город, что Лоренцо пришлось срочно выехать в Вольтерру в попытке как-то притушить конфликт менее сильным средствами. Надо было непрерывно балансировать между Миланом и Венецией – владения Флоренции граничили с их владениями, и оба соседа были в военном отношении сильнее Республики. Поэтому приходилось маневрировать, склоняясь то на ту, то на другую сторону, и защищаться от Милана с венецианской подмогой, а потом, при изменении ситуации, поступать наоборот и звать на помощь Милан против нападений Венеции. Именно поэтому, кстати, в начале 1475 года во Флоренции и праздновали с таким размахом «союз троих» – Милана, Флоренции и Венеции. Такой союз означал, что на предвидимое будущее во Флоренции и во всей Тоскане будет мир.

Наконец совершенно неожиданно возникла новая внешнеполитическая проблема – конфликт с церковью. Старый Козимо Медичи, дед Лоренцо и Джулиано, был мудрым человеком, и он никогда не упускал случая оказаться полезным и видным прелатам, и людям, чьи способности сулили им хорошую карьеру в церковной иерархии.

Так что в числе его друзей были и папа Евгений IV, и папа Николай V, и папа Пий II – каждому из них Козимо Медичи помог еще до того, как они стали верховными понтификами Церкви, и его доброжелательное содействие оказалось вознаграждено многократно. Через банк Медичи делалось множество дел, связанных со Святым Престолом – а когда в Папской области обнаружились большие залежи квасцов, фирма Медичи сразу получила монополию на их разработку и продажу.

Лоренцо следовал политике деда и изо всех сил пытался оставаться в хороших отношениях с Римом – но вот с папой римским ему не повезло.

Франческо делла Ровере, избранный на папский престол в 1471 году и нарекший себя Сикстом, четвертым по счету обладателем Святого Престола, носившим имя Сикст, оказался трудным человеком. Все папы старались возвеличить своих родственников, но папа Сикст IV в этом смысле превзошел все поставленные до него рекорды.

Один из его племянников, Пьеро Риарио, был назначен патриархом Константинопольским. Константинополь считался как бы епархией католической церкви со времени Флорентийского собора 1439 года, формально обьединившего латинскую (католическую) и греческую (православную) церкви, но, ясное дело, после взятия Константинополя взносы оттуда не ожидались – там были турки. Чтобы поправить дела племянника в материальном смысле, его сделали архиепископом Флоренции и архиепископом Пизы.

Второй племянник Его Святейшества, Джироламо Риарио, – как уверяли знающие люди, он был ему не племянником, а сыном, – надеялся преуспеть не на церковном, а на светском поприще.

Джироламо собрался устроить себе крупное княжество в Романье. С этой целью он собирался купить у герцога Миланского Имолу, укрепленный городок между владением Форли и Болоньей. Ему требовалось на это 40 тысяч флоринов, и, конечно же, он обратился за займом в банк Медичи.

Очень вежливо и с множеством самых любезных отговорок Лоренцо в займе отказал.

Дело в том, что замок Имолы запирал дорогу на Болонью, важную для Флоренции. Лоренцо, собственно, сам собирался купить это место с целью создать там укрепленный пункт, но если уж приобретение не состоялось, то и отдавать Имолу в чужие руки тоже не хотелось.

Вышло, однако, нехорошо. Деньги папа Сикст все-таки раздобыл, заняв их в банке Пацци в той же Флоренции, и предотвратить это сделку Лоренцо не смог. А Джироламо Риарио в придачу к купленной им Имоле получил руку незаконной дочери герцога Миланского, Катерины Сфорца. Она тогда была совсем еще девочкой, так что дело было не в любви, а в некоем союзе дома Риарио, родственников папы, с домом Сфорца, владетелями Милана.

И в итоге получился из Имолы плацдарм папских владений, да еще и неприкасаемый, потому что Риарио оказался через свою

жену, Катерину Сфорца, родственником могучих герцогов Миланских.

Вскоре еще один папский племянник, Джованни делла Ровере, женился на дочери герцога Урбинского – и тем создал еще один папский плацдарм, и опять в неприятной близости к владениям Флоренции.

В общем, отношения понемногу накалялись. Так что когда папа Сикст IV решил выбросить некоего Никколо Вителли из его городка Читта ди Костелло, попытка эта была встречена во Флоренции очень неблагосклонно. Дело чуть не дошло до войны – Лоренцо двинул на помощь Вителли 6000 солдат-наемников. Вышла неудача – папские войска успели раньше, Вителли пришлось бежать, и Лоренцо предпочел отступить. Но он дал Никколо Вителли убежище во Флоренции – и политическая ситуация в отношениях с Римом ухудшилась еще больше.

Следующая неприятность случилась из-за церковных назначений. В 1474 году совсем молодым умер папский племянник Пьеро Риарио, тот самый, которого его дядюшка двигал по церковной стезе. В числе его постов в иерархии был и пост архиепископа Флоренции – и Лоренцо удалось добиться назначения туда брата своей жены, Ринальдо Орсини. Но на освободившейся пост архиепископа Пизы папа в нарушение договора о том, что все церковные назначения в Пизе могут делаться только с согласия Республики Флоренция, назначил некоего Франческо Сальвати, недруга дома Медичи. И Лоренцо не пустил его в Пизу.

В итоге Франческо Сальвати так и застрял в Риме, что любви к Лоренцо ему не прибавило.

В общем, когда в 1478 году Флоренцию посетил высокий гость – молодой кардинал Рафаэле Риарио, – его постарались встретить как можно лучше. Он был сыном племянницы папы римского, Сикста IV, и кардиналом стал в возрасте 16 лет, сразу после окончания теологического факультета Пизанского университета.

В надежде уладить «*возникшие недоразумения*» кардинала принимали даже с еще большим блеском и радушием, чем ему полагалось по его сану.

Второго мая 1478 года кардинал Риарио должен был служить литургию в Санта-Мария-дель-Фьоре, главном соборе Флоренции. На торжественной службе присутствовали оба соправителя – и Лоренцо Медичи, и его брат, Джулиано.

Когда кардинал поднял Святые Дары, на братьев напали убийцы.

VI

Заговор был замыслен членами семейства Пацци с ведома и одобрения папы Сикста IV, в курсе дела был и Федерико да Монтефельтро, герцог Урбинский. Заговорщики решили убить братьев Медичи в церкви не потому, что не видели греха в таком кощунстве. Но Лоренцо и Джулиано надо было застать вместе и убить в одно и то же время, иначе рушился весь замысел – тот из них, кто уцелел бы, немедленно поднял бы на ноги всю Флоренцию. Поэтому покушение поначалу намечалось осуществить на приеме в честь кардинала. Но Джулиано на обед не явился, и планы пришлось менять на ходу. Поскольку 2 мая 1478 года кардинал собирался служить литургию в Санта-Мария-дель-Фьоре, на которой должны были присутствовать и Лоренцо с Джулиано. Другого случая могло и не представиться, и заговорщики, что называется, *«с сокрушением сердца»* решили убить их в церкви. Грех, конечно, но необходимость не знает законов...

Однако дело не удалось.

Джулиано Медичи, правда, был убит – он получил 19 ударов кинжалом, и некоторые из них наносил сам Франческо Пацци, глава заговорщиков, – но Лоренцо сумел вырваться. Первый удар, нанесенный ему, пришелся в шею, но вскользь. Он отделался легкими ранами и сумел выхватить шпагу. Скорее всего, его все же убили бы, но его друг, поэт Анжело Полициано, открыл дверцу в ризницу собора, втолкнул в нее Лоренцо, и в суматохе тот успел ускользнуть от нападавших.

Момент оказался упущен.

Толпы сторонников Медичи разорвали на части тех заговорщиков, до которых смогли добраться. Остальных вскоре поймали. Семейство Пацци было разгромлено, больше двух сотен их родственников, друзей и сторонников были либо перебиты, либо заключены в тюрьму и подверглись допросам и пыткам.

Все имущество дома Пацци было конфисковано. Одного из заговорщиков, Бернардо ди Бандино Барончелло, которому удалось бежать и добраться до Стамбула, султан выдал во Флоренцию. Он был привезен в цепях и повешен, правда, только в 1479 году.

Главных же участников заговора повесили прямо сразу.

На самом видном месте, какое только удалось сыскать во Флоренции – в окнах верхних этажей главной правительственной резиденции, Дворца Синьории [3].

В высоких окнах висели удавленники.

Один из них был архиепископ Пизанский, Франческо Сальвиати, на беду свою оказавшийся в свите кардинала Риарио. Даже духовный сан не спас его от петли.

Из толпы, стоявшей на главной площади Флоренции, на повешенных смотрел 9-летний мальчик, Никколо Макиавелли.

Это был самый первый урок политики, который он получил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мессер, также мессир (итал. messère, фр. messer – «господин») – обращение к именитому гражданину в средневековой Италии и Франции. Указанное обращение могло добавляться к фамилии или должности человека.

В итальянских средневековых городах «мессером» именовали рыцарей, судей, докторов медицины и юриспруденции, церковных иерархов. К представителям среднего класса (в том числе к нотариям) обращались «сер» (итал. ser), а к мастеру цеха, художнику или музыканту – «маэстро» (итал. maestro).

2. НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ, ИСТОРИЯ ФЛОРЕНЦИИ, ISTORIE FIORENTINE, КНИГА СЕДЬМАЯ. Вся история с заговором против Пьеро Медичи изложена по тексту Макиавелли, взятому из этой главы.

3. Виселицы были устроены в окнах Палаццо-Веккио, «Старого» Дворца Синьории, как он стал называться позднее, когда Синьория в 1549 обзавелась новым дворцом.

Лоренцо ди Пьеро ди Медичи, прозванный Великолепным

I

Правительство Флоренции, именуемое Синьорией, получило из городка Сан-Миниато Тедеско, расположенного на дороге из Флоренции в Пизу, письмо, в котором, в частности, было написано следующее:

«*В опасных обстоятельствах, в которых оказался наш город, время для обсуждений прошло, нужны действия. Я решил, с вашего одобрения, отплыть в Неаполь немедленно, будучи уверен, что, поскольку главные усилия наших врагов направлены на то, чтобы погубить меня, то я, отдавшись в их руки, возможно, смогу вернуть мир моим согражданам-флорентийцам. Так как мне принадлежат и почести, и ответственность в размерах больших, чем у среднего гражданина города, то я и обязан служить Флоренции больше других, даже если тем самым я и ставлю свою жизнь в опасность. С этим намерением я и отбываю…*

Может быть, господу угодно, чтобы эта война, которая началась с пролитой крови моего брата и меня, тем же и закончилась. Я желал бы, чтобы моей жизнью или моей смертью, моим разорением или моим процветанием я мог бы послужить нашему городу…

Я уезжаю, полный надежды и моля господа даровать мне милость сделать то, что любой гражданин в любое время должен быть готов для своего государства.

Остаюсь готовым к услугам вашим светлостям, членам Синьории,

Лоренцо Медичи…»

Понятное дело, письмо нуждается в комментариях. Почему, собственно, Лоренцо решил «*отплыть в Неаполь*», да еще и немедленно, и почему он пишет, что господу, возможно, будет угодно «*чтобы эта война, которая началась с пролитой крови моего брата и меня, тем же и закончилась*»?

Дело тут в том, что опасность, связанная с покушением Пацци, не исчезла с их казнью. Франческо Пацци и Франческо Сальвати получили благословение на свое дело от самого папы Сикста. Он, правда, оговорился, что «не хочет ничьей смерти», но выразил желание, чтобы правительство во Флоренции было смещено и этот негодяй, Лоренцо Медичи, был каким-то образом отстранен от власти вместе со своим братом Джулиано. Не будем принимать оговорку насчет нежелания смерти никому. А каким же еще образом можно устранить заговором действующего главу иностранного государства, если не прибегать при этом к покушению?

Более того, в заговоре непосредственно участвовал и папский племянник, Джироламо Роарио, и солдаты на его службе были двинуты из Имолы к Флоренции, с тем чтобы оказать помощь заговорщикам. Джироламо, правда, повезло в том смысле, что сам он во Флоренцию не поехал – под горячую руку могли бы повесить и его.

Получив вести о провале заговора и о том, что случилось потом, папа Сикст IV пришел в такую ярость, что велел схватить флорентийских послов, находившихся в Риме. Ну, с ними ничего особо страшного не случилось – за послов заступились все прочие дипломаты от всех дворов, аккредитованных в Риме, к тому же во Флоренции находился и кардинал Риарио – то ли как «гость», то ли как «заключенный». В просторечии его следовало бы именовать заложником, но Лоренцо не хотел никаких крайностей, и насмерть перепуганного кардинала, как-никак внучатого племянника папы Сикста, содержали в хороших условиях.

В итоге в конце концов произошел обмен – Сикст отпустил ни в чем не повинных флорентийских дипломатов, а «*гостя Республики*», кардинала Риарио, тоже благополучно отпустили в Рим.

Но надежды Лоренцо на то, что конфликт удастся спустить на тормозах, увы, не оправдались. С Римом началась война. Папа Сикст сумел привлечь к ней и короля Неаполя, Ферранте I.

Неудача убрать братьев Медичи «изнутри» привела только к тому, что за дело взялись снаружи. Началась война.

Так что в письме Лоренцо, которое мы цитировали, вообще говоря, написано гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда.

Прежде всего, Лоренцо Медичи, «*гражданин, смиренно обращающийся к членам Синьории*», на самом деле – первое лицо государства. Едет он не куда-нибудь, а в Неаполь, к королю Ферранте. Король – один из злейших врагов Флоренции и ведет с ней войну в союзе с папой римским, Сикстом IV, который отлучил Флоренцию от церкви.

С такой вот в высшей степени неприятной ситуацией мы уже знакомы.

С отлучением от Церкви, в принципе, можно было все-таки как-то жить. Епископы Тосканы не признали эту меру законной, так что заботы о каре небесной Лоренцо не тяготили. Но вот дела земные для Флоренции шли очень неудачно. В руках у Лоренцо попросту не было достаточных сил. К концу XV века Республика уже сильно сдала свои позиции.

Ее успех, собственно, сослужил ей и недобрую службу –

успехи, как известно, имитируют. Ремесла и торговля, давшие Флоренции ее репутацию и славу, стали старательно культивировать и в других местах – и в Нидерландах, и в Германии, и в Англии. Первое место в экономической мощи уже довольно давно перешло к Венеции. И конечно же, политическая роль Флоренции тоже изменилась.

Из сотен итальянских государств серьезное самостоятельное значение имели только пять: сама Флоренция, так называемые Папские области, где папа правил как светский государь, герцогство Миланское, королевство Неаполитанское и Венеция. Республика Флоренция все еще оставалась одной из пяти «великих держав Италии», но по военной силе занимала последнее место в этой пятерке и больше всего на свете должна была опасаться оказаться в изоляции.

А дело к тому и шло.

С Неаполем и Римом, вовлеченными в заговор Пацци, уже велась война, а вот союзники Флоренции, Милан и Венеция, договор с которыми с такими фанфарами был подписан так недавно, на помощь к ней не пришли.

В Милане правила династия, основанная семейством Сфорца. Флоренция настолько зависела от Милана в военном отношении, что Лоренцо писал герцогу миланскому письма, которые были более чем вежливы и звучали скорее уж как послания клиента к патрону.

Герцог именовался «*милостивым господином*», его уверяли в «*вечной преданности*» и просили о «*покровительстве*». Обычно это помогало, но сейчас в Милане шла свара за наследие герцога миланского Галеаццо Сфорца.

В 1476 его убили заговорщики, которым повезло больше, чем членам клана Пацци повезло во Флоренции.

Венеция [1] же, хорошо подумав, сообщила, что заключенный ею с Флоренцией союз касался только внешних врагов, а во Флоренции идет спор между частными лицами, Медичи и Пацци, и поэтому «*Светлейшая Республика Венеция, обладательница четверти и еще половины четверти наследия Византийской Империи*», вмешиваться не намерена.

Тем временем неаполитанские войска уже подошли к границам флорентийских владений, покоренные вассалы Флоренции, Пиза и Лукка, были готовы встать на сторону врага, а граждане Республики были так напуганы, что помышляли только о мире.

И тогда Лоренцо Медичи решил, что из двух своих ожесточенных врагов хотя бы одного он должен вывести из войны – или хотя бы попытаться сделать это. Оставалось решить, кого же

следует умаслить – короля Неаполя или римского папу?

Лоренцо решился на отчаянный шаг – он поехал в Неаполь.

II

Риск, конечно, был поистине ужасным. Даже на фоне нравов, царивших тогда в Европе, король Неаполя Ферранте выглядел чудовищем.

Если убитый в Милане герцог Галеаццо Сфорца славился тем, что зарывал иных своих врагов в землю живыми [2], то Ферранте Первый, незаконный отпрыск династии, по слухам, после пыток помещал изломанные и забальзамированные тела своих недругов в своего рода музей. В Неаполе шептались, что он долгими ночами разговаривает с одетыми в дорогие одежды мертвецами – обьясняет им всю неправоту их поступков...

В «Истории Флоренции», написанной Никколо Макиавелли, эпизод с отьездом Лоренцо Медичи в Неаполь в качестве посла Флоренции описан без особых деталей, но, согласно одному из хронистов, «*ни один из приоров Республики, которым письмо было адресовано, не мог сдержать слез*». Приоры полагали, что Лоренцо обречен на мучительную смерть, которую он готов принять, чтобы спасти Флоренцию.

Несомненно, именно такое впечатление он и хотел создать. И он действительно страшно рисковал, «*вкладывая голову в пасть льва*», что в данном случае можно понимать почти буквально.

Однако Лоренцо Медичи был слишком умным человеком, чтобы просто пожертвовать собой. У него были и кое-какие козыри, сведениями о которых он Синьорию решил не отягощать.

Он заранее списался с советником короля Ферранте, Диомедо Карафа. На пристани в Неаполе его встречал второй сын короля, Федериго. Лоренцо был знаком с ним с детства, они вместе росли. Войну в Тоскане вел старший сын короля, Альфонсо, но жена Альфонсо оставалась в Неаполе, а она была из рода Сфорца, традиционно дружественного Флоренции. Она была очень умна и пользовалась влиянием даже на своего свекра, короля Ферранте. Наконец, сам Лоренцо прибыл в Неаполь не с пустыми руками. Он заложил свои поместья в Тоскане и привез с собой 60 тысяч золотых флоринов – по тем временам фантастическую сумму. Весь государственный доход Флоренции составлял в то время 120—130 тысяч.

Если пересчитать 60 тысяч флоринов по весу – три с половиной грамма золота за один флорин, – то у нас выйдет примерно два центнера. Это, конечно, много меньше, чем 600 с лишним тысяч, потраченных Козимо и его наследниками, но там расходы были разложены на тридцать с лишним лет, и шли они на множество разных проектов – а тут Лоренцо решился

потратить свои огромные деньги разом. Все это было нужно ему для дела – добиться мира с Неаполем.

Как говорил его дед Козимо, главное в обращении с деньгами – это не знание того, как их накопить, а знание того, как их правильно потратить. И Лоренцо использовал это золото в лучших традициях рода Медичи.

Он выкупил у мусульман сотню рабов-неаполитанцев – это считалось богоугодным делом. Он пожертвовал значительные суммы на благотворительные цели и дал приданое нескольким бедным девушкам – сиротам, оставшимся без родных. Это было встречено большим одобрением. Он сделал щедрые подарки – и королю, и людям из его близкого окружения. Лоренцо приложил большие усилия к тому, чтобы узнать вкусы короля Ферранте, и подарил ему редких соколов и самых лучших охотничьих собак, которых только можно было найти во всей Италии.

Разумеется, в попытке убедить Ферранте он не забыл и холодные доводы рассудка. Он сказал королю, что его союз с папой не может быть долгим – Сикст IV в данный момент просто использует неаполитанские войска в своих целях, а как он поведет себя, сокрушив Флоренцию, никто не знает.

Папство вообще ненадежный союзник – папы смертны, как и все, но в отличие от прочих государей не могут передать свой сан по наследству. Личность преемника обладателя Святого Престола устанавливается решением конклава кардиналов, а среди них немало врагов короля Ферранте…

Наконец, крах Флорентийской Республики ничего королю не даст – все выгоды достанутся не ему, а соседям Флоренции. В первую очередь – папству…

Так не лучше ли Неаполю оставить папу римского и заключить союз с Флоренцией?

Переговоры тянулись и тянулись, но не приносили никакого результата. В конце концов Лоренцо решился на еще один отчаянный шаг и пошел ва-банк – обьявил о своем отьезде. Он был в полной власти короля Ферранте, его могли не выпустить из виллы, которую он занимал, его могли заковать в цепи и отправить в подземелье, на пытки и на последующее бальзамирование.

Кто знает – может быть, Ферранте предпочтет присоединить его к своей коллекции и продолжит свои беседы уже с трупом Лоренцо Медичи? Кто знает, с каким чувством Лоренцо выезжал из отведенного ему дворца? Но ему не воспрепятствовали при отьезде и не остановили по дороге. А на пристани его догнал верховой.

Он привез союзный договор с Неаполем, подписанный

королем.

III

Тонкий политик, Лоренцо Медичи следовал примеру своего деда Козимо, и официально не занимал правительственных должностей и был в этой Республике частным лицом, «*обычным гражданином*». Но это «*частное лицо*» практически выполняло функции государя Флоренции, и как оказалось, его долгое отсутствие ставило под угрозу весь режим. Поэтому «посольство в Неаполь», когда Лоренцо долгое время во Флоренции отсутствовал и не мог быстро и оперативно реагировать на изменения настроений, изрядно расстроило весь его режим правления – слишком многое зависело от его личных решений.

В марте 1480 года Лоренцо вернулся во Флоренцию и был встречен как герой и спаситель. Теперь его позиция внутри государства укрепилась настолько, что он решился на изменения в системе правления.

Флоренция была Республикой. Все дела велись комиссиями и комитетами, составленными из избранных граждан. Члены комиссий менялись каждые два месяца. Столь частая ротация, как считалось, была необходимой для предотвращения захвата власти «*каким бы то ни было лицом, чье чрезмерное влияние грозило бы свободе*».

А поскольку фактически именно это и произошло, Лоренцо надо было измыслить какой-то способ обойти «*конституционное препятствие*», стоящее у него на пути. В принципе, он мог попробовать опереться на бюрократию. Система комиссий, перетряхиваемых каждые два месяца, не удержалась бы без опоры на какие-то структуры с более постоянным составом, и для ведения документации и отчетов была создана так называемая Канцелярия. Через какое-то время она перестала справляться с обьемами необходимой документации, и ей в помощь была создана еще одна Канцелярия, вспомогательная, после чего обе канцелярии стали именовать «Первая» и «Вторая» – а заведовали ими секретари. Были они, естественно, люди подчиненные и подотчетные и могли бы послужить опорой властителю.

Но Лоренцо избрал другой путь: он решил использовать уже существующие традиции. Конечно, все было проделано с величайшим тактом. Исходя из укоренившейся практики и старинного обычая решать все дела коллегиально, Республика, якобы по собственной инициативе, учредила новый совет, так называемый Совет Семидесяти, который отныне и занимался всеми важнейшими делами.

Совет ведал финансами, назначал людей на все должности –

и просто необыкновенно благожелательно относился к Лоренцо Медичи, выполняя все его «*просьбы*».

Немудрено – попасть в Совет можно было только через его рекомендацию.

С точки зрения Лоренцо, это было наилучшим решением – теперь у него в руках оказался удобный промежуточный механизм. Теперь все дела во Флоренции контролировал Совет Семидесяти, а сам Лоренцо контролировал Совет – что было куда проще, чем контролировать Республику посредством «ручного управления».

На всякий случай был введен закон, согласно которому каждое покушение на жизнь и благополучие Лоренцо рассматривались как государственное преступление и каралось жесточайшим образом. Заговор Пацци оставил все-таки глубокие следы…

Таким образом, внутренние дела были устроены и поставлены на более прочную основу, и Лоренцо Медичи, в статусе «*частного гражданина*», тем не менее неофициально признаваемого главой государства как его друзьями, так и его врагами, возобновил свое правление Республикой.

В переписке иностранных дипломатов для простоты его именовали «*герцогом Флоренции*» – так было понятнее.

IV

«Герцог» и правда был более понятный термин, чем нечто неопределенное, вроде «*простого гражданина, первого среди равных*». Это сейчас стандартной формой государства является республиканское, а в то время это было редчайшим исключением, да еще и с тенденцией меняться в сторону монархии. А стандартной монархической государственной единицей того времени было герцогство.

Из трех главных государственных образований Северной Италии, начинавшихся как городские самоуправляющиеся коммуны – Милана, Венеции и Флоренции, – к концу XV века Милан уже давно превратился в герцогство, Венеция стала олигархической республикой аристократов, управляемой выборным дожем, – и только Флоренция сохраняла еще черты Республики, построенной на основе городских гильдий.

Так что политические противники Лоренцо Медичи называли его «тираном». Но, как впоследствии много лет спустя скажет в своей «Истории» Франческо Гвиччиардини, «*если во Флоренции и был тиран, то она не смогла бы найти никого, кто был бы лучше его или радостнее*».

Он и в самом деле был популярен, особенно в «низах» – при нем был мир, была работа, была еда и было множество ярких и красочных праздников. «Верхи», конечно, смотрели на состояние дел в Республике не столь радужно. Он тратил деньги совершенно безудержно, а поскольку дела его банка пришли в изрядное расстройство, то Лоренцо без особого стеснения запускал руку в государственную казну.

Но и они должны были признать, что Лоренцо Медичи оказался превосходным дипломатом. Захват турками Отранто был использован им так удачно, что в Италии пошли слухи о том, что он-то его и организовал. Ну, с Турцией у Флоренции действительно шла оживленная торговля, но все-таки политику султана итальянские торговцы не контролировали, ни в каком подталкивании турки не нуждались. В итоге и королю Неаполя, и папе римскому пришлось обратить внимание на свои южные рубежи, и мир с Флоренцией был заключен не только Неаполем, но и Римом.

Это произошло в августе 1480 года. А в октябре этого же года некий монах, обвиненный в подготовке покушения на жизнь Лоренцо Медичи, попал под расследование, проведенное с пристрастием и под пыткой. Как записал в своем дневнике современник Лоренцо, некто Ландуччи:

«*…несчастному содрали кожу со ступней, и держали его ноги над огнем до тех пор, пока с них не потек расплавленный жир. А потом поставили на крупномолотую соль, и заставили по ней ходить. От этих пыток он через несколько дней умер, хотя за ним и ухаживали потом в госпитале Санта-Мария-Нуова. Был ли он виновен, так и не установили. Люди судили об этом по-разному – кто говорил, что виновен, а кто говорил, что нет…*»

Так что правление Лоренцо держалось не только на его популярности среди масс…

V

Лоренцо Медичи, как и было сказано, оказался превосходным дипломатом. Новый папа, Иннокентий VIII, был настолько им очарован, что они породнились – папа женил своего сына, Франческетто Чибо, на дочери Лоренцо, Маддалене. Дело тут в том, что Джанбаттиста Чибо, ставший папой Иннокентием, учился в Падуе и Риме. Плодом его бурной молодости было многочисленное внебрачное потомство – отсюда и сын…

Союз семейств Чибо и Медичи имел последствия – папа назначил Джованни Медичи, сына Лоренцо, кардиналом. Пикантность назначения состояла в том, что мальчику шел всего лишь четырнадцатый год – но Иннокентий VIII ни в чем не мог отказать своему любезному родственнику, Лоренцо Медичи. Факт этот был настолько явным, что его отмечали иностранные дипломаты – утверждалось, что «*папа смотрит на мир глазами Лоренцо*», и что сам Лоренцо – «*стрелка компаса итальянской политики*».

Компас, собственно, был известен в Европе уже довольно давно, но после того, как магнитную стрелку надели на вертикальную шпильку, а к стрелке прикрепили легкий круг, разбитый по окружности на румбы, слово «компас» стали использовать и как метафору.

Так что сравнение Лоренцо с магнитной стрелкой, неизменно указывающей верное направление, было в высшей степени комплиментарным.

Но при всех успехах в политике и дипломатии главным интересом в жизни Лоренцо Медичи все же было нечто иное. Ко времени Лоренцо в Италии огромный интерес к античности уже существовал. Но при нем он получил новый толчок – сам Лоренцо считал античность чем-то чрезвычайно важным. Лоренцо Медичи, спасая и Флоренцию, и свою собственную жизнь, преподнес в качестве подарка важному приближенному короля Ферранте античную бронзовую голову льва. Ничего лучше он не мог и придумать – она стоила дороже золота…

Его двор и окружение составляли не столько политики, сколько его личные друзья-гуманисты. Одним из них был Анджело Амброджини по прозвищу Полициано – по названию его родного городка на латыни, Mons Politianus. Что он только не делал! Писал и стихи, и прозу, и публицистику – например, написал целый трактат «О заговоре Пацци». Он собственно, был профессором греческой и латинской литературы в прославленном на всю Европу Флорентийском университете – но для Лоренцо он

был чем-то куда большим, чем профессор филологии. Полициано был его близким другом, он доверил ему воспитание своих сыновей. Каждый год в день 7 ноября на вилле в Кареджи Лоренцо давал банкет в честь дня рождения Платона – и Полициано был там его непременным гостем и собеседником.

Дело в том, что в Кареджи располагалась так называемая Платоновская Академия, которую основал еще Козимо Медичи. Он подарил ей свои редкие греческие манускрипты, а во главе Академии встал Марсилио Фичино. В числе его учеников в 1479 году, сразу после окончания дела с заговором Пацци, появился необыкновенно одаренный молодой человек, Джованни Пико де Мирандола.

Он был из знатной аристократической семьи Пико – властителей Мирандолы и Конкордии, связанной родственными узами со многими владетельными домами Италии, – но увлекся философией, и при этом настолько, что в 14 лет окончил университет в Болонье. Попав во Флоренцию, он очень сблизился с Лоренцо. У того поистине была страсть к коллекционированию, и больше всего он любил коллекционировать таланты. Пико де Мирандола, право же, был чудом – помимо освоения права, древней словесности, философии и богословия, он изучал новые и древние языки, и не только традиционные латинский и греческий, но еще и еврейский, арабский и халдейский. Он даже одно время увлекался Каббалой.

Жизнь у столь яркого человека, конечно же, была нелегкой. Его обвинили в ереси, во Франции, куда он попал, решив позаниматься в Сорбонне, его посадили в тюрьму. Лоренцо вытащил его оттуда, и в 1488 по его просьбе папские власти разрешили Пико де Мирандола поселиться близ Флоренции.

В городе ему дивились, пожалуй, не меньше, чем знаменитому жирафу Медичи, которого в 1486 году подарил Лоренцо Медичи египетский правитель Кайт-бей в знак установления дружественных и торговых отношений между Флоренцией и Египтом.

Не довольствуясь Академией, Лоренцо основал художественную школу. Одним из учеников, которых туда рекомендовал мастер Гирландайо, он особенно заинтересовался. Мастер сказал Лоренцо, что ему нечему учить этого парнишку, он и так знает больше, чем сам мастер.

Мальчик был из обедневшей семьи благородного происхождения, так что его отец не больно хотел, чтобы его сын учился ремеслу художника, но Лоренцо уладил все проблемы. Он сказал озабоченному родителю, что он берет мальчика к себе в дом, что он будет расти вместе с его собственными сыновьями и

что его отцу, чтобы снять с него заботы о хлебе насущном, будет предоставлено место в таможенной службе Республики. А мальчику он положил жалованье в размере 5 флоринов в месяц.

Эти 5 флоринов, возможно, оказались самой выгодной инвестицией, когда-либо сделанной банком Медичи.

Парнишку звали Микеланджело.

VI

В 1904 году Томас Манн написал довольно странное и необычное для него произведение – пьесу «Фьоренца». В итальянском есть правило, согласно которому в словах греческого происхождения – «планета», например – буква «л» редуцируется и получается «пьянета». Такая же история с вроде не греческой «блондиной» – она делается «бьонда». Ну, а «флора» – «фьоре», «*Флоренция*» – «*Фьоренца*».

Соотвественно, все, что происходит в пьесе, происходит во Флоренции – и в тексте даже сказано, что «*время действия – послеполуденные часы 8 апреля 1492 года*», а место действия – «*вилла Медичи в Кареджи*».

Первое действие начинается в кабинете кардинала Джованни Медичи – ему, правда, всего 17 лет, но он уже прелат и князь церкви, хотя и не имеет духовного звания. Папа римский, Иннокентий VIII, сделал столь необычное исключение для сына своего друга Лоренцо.

Кардинал беседует со своим воспитателем – мы его, кстати, уже знаем. Это Анджело Полициано, профессор филологии. Разговор начинается с того, что Полициано выражает надежду, что когда-нибудь его питомец поспособствует тому, что Платона, великого философа античности, церковь все же сделает святым, несмотря на его язычество. Но кардинал Джованни меняет тему и переходит на обсуждение фра Джироламо Савонаролы, монаха из Феррары, который стал настолько популярен, что на его проповеди собираются тысячи людей. Джованни Медичи находит их «*интересными и занятными*», а вот профессор Полициано считает их возмутительными.

И тогда Джованни говорит своему учителю следующее:

«*Голос у него* [проповедника] *странно тихий, и устрашающая громоподобная сила, с которой звучит его речь, всецело исходит от взора его и движений. Хочу вам признаться… зачастую, когда я один, я беру венецианское свое зеркальце и пытаюсь подражать ему в его повадке, когда он мечет свои молнии против духовенства*».

И приводит цитату из услышанной им проповеди:

«*…ныне простер я десницу мою – глаголет господь – ныне иду я на тебя, церковь продажная и непотребная, церковь злодейская, нечестивая, бесстыдная! Меч мой сразит непотов [3] твоих, игрища твои, блудниц твоих, дворцы твои, и познаешь ты правосудие мое*».

Ну, мы как бы внутри пьесы Т. Манна – но припомним все-таки, что Джованни Медичи и сам один из тех «непотов», против

которых ополчается проповедник – однако он хороший ученик Анджело Полициано, проповедь его восхищает с чисто эстетической точки зрения. Ну, и забавляет, конечно, – чувство, которое его учитель совершенно не разделяет. Он видит в проповеди узкий нетерпимый фанатизм, отвергающий жизнь со всеми ее радостями, отвергающий античность и гуманизм, которым профессор Полициано предан всей душой, наконец, он отрицает Флоренцию, прекрасную делами своих художников, воспевающую красоту человека.

И Анджело Полициано говорит:

«Я презираю этого червя, презираю его за то, что мнит, будто обрел истину. Хотя бы мимолетная улыбка, всеблагие боги! Хотя бы легкая скрытая насмешка! Одно лишь словечко, поверх голов черни брошенное – и я простил бы ему все».

Пьеса Т. Манна растет и обретает новые голоса. Число персонажей увеличивается – на сцене появляется Пико де Мирандола, и он, как ни странно, берет в споре сторону Джованни Медичи, а не его воспитателя. Нет, он вовсе не находит фра Джироламо забавным, но он взывает к идее терпимости. Ведь его проповеди столь пламенны и искренни, что и их можно считать произведениями искусства, и следовательно, и их следует включить в обширные коллекции прекрасного, собранные во Флоренции. Т. Манн добавляет к Полициано и Пико де Мирандола и художников, толпящихся в садах виллы Кареджи. Один из них жалуется на напрасный поклеп – его обвинили в том, что он мадонну изобразил с лицом своей любовницы, и фра Джироламо видит в этом кощунство и поношение веры.

«*Но ведь совсем не это имелось в виду* – восклицает художник, – *мне просто хотелось поймать чудесный эффект сочетания зеленого с красным!»*

Появляется и старший брат Джованни, Пьеро Медичи, старший сын и предполагаемый наследник Лоренцо – ему вся эта дискуссия неинтересна. Что ему за дело до каких-то проповедей, и уже тем более что ему за дело до «*красивых сочетаний зеленого и красного*», когда он готовится к турниру, на котором сможет показать всю свою рыцарскую удаль?

Пьеса так хороша, что ее хочется цитировать и цитировать без конца, но все-таки надо бы перейти к сути дела. Одним из центральных персонажей «Фьоренцы» является некая дама, прекрасная Фьоре, возлюбленная Лоренцо Медичи. Он, ее любовник, вознесший ее на пьедестал, умирает и знает это.

Знает это и она и, пожалуй, даже сожалеет о нем – но сейчас ей хочется новых впечатлений. И одним из тех, кого она бы поманила, является тот самый неистовый монах-проповедник,

который, кстати, в проповедях своих поносит ее последними словами.

Если выйти на секунду из пространства пьесы Манна, то становится понятно, что Фьоре – вовсе не реальная женщина того времени, а как бы персонифицированный образ самой Флоренции.

И она говорит фра Джироламо, что его поношения ее не задевают:

«*Для хулы потребно такое же дарование, как и для похвал. А что, если я во всем этом усматриваю некий предельный, дерзновенный вид поклонения?*»

Лоренцо желает говорить с Савонаролой. Он готов покаяться в своих грехах – и в суетности, и в пристрастии к земным наслаждениям, – но монах требует большего. Он хочет, чтобы Лоренцо вернул Флоренции ее свободу.

«*Для кого?*» – спрашивает Лоренцо. «*Ты ничтожен в моих глазах,* – отвечает ему монах. – *Ты умираешь, а я силен….Флоренция – моя*».

Лоренцо кричит, что этого он не допустит. Слишком поздно – с криком уходят последние силы, он умирает.

На сцене появляется Фьоре и говорит монаху, что огонь, им возжженный, спалит и его, дабы очистить его от скверны, а мир – от него. И добавляет, что удел монаха – не желать ничего и что он должен отречься от своих стремлений. А дальше следует последняя реплика «Фьоренцы», ею кончается пьеса. Фра Джироламо поворачивается и говорит Фьоре: «*Я люблю огонь*».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Светлейшая Республика Венеция (Республика Святого Марка; *Serenìsima Republica de Venesia*, *Serenissima Repubblica di Venezia*) – республика со столицей в городе Венеция. Аристократическо-олигархическое устройство республики в 1297 году стало более замкнутым вследствие уничтожения дожем Пьетро Градениго Большого совета и превращения избиравшейся до тех пор ежегодно синьории в наследственную коллегию, в состав которой входили только записанные в Золотую книгу фамилии депутаты.

2. Галеаццо Мария Сфорца увлекался книгами, значительно пополнил герцогскую библиотеку, сильно способствовал развитию книгопечатания в Милане. Очень любил музыку и пение, вывез из Фландрии певцов с лучшими в Европе голосами; при дворе Галеаццо был создан большой оркестр и хор, и своим музыкантам герцог разрешал пить вволю, за исключением дней концертных выступлений. Многие современники считали, что у Галеаццо был самый роскошный двор во всей Европе. Однако, несмотря на любовь к искусствам, ходили слухи о тиранических наклонностях герцога и его садистском характере. «*Сфорца, жесточайший тиран*, – пишет один из летописцев, – *любил развлекаться тем, что зарывал людей живыми в землю*».

3. Слово «непот» произошло от латинского nepos – племянник, внук. Термином «непотизм» обозначали покровительство родственникам и знакомым.

О силе проповеди и о том, сколь непрочной она бывает, 1494—1498

I

Ну, что сказать? В 1490-м, за два года до своей смерти, Лоренцо Медичи самолично пригласил Савонаролу во Флоренцию – друг Лоренцо, Пико ди Мирандола, прожужжал ему все уши о пламенном ораторе, горящем огнем чистой веры.

Лоренцо, как мы знаем, был охотником за талантами...

На проповеди Савонаролы и впрямь стало собираться столько народу, что в Сан-Марко стало не хватать для слушателей места...

Фра Джироламо Савонарола был суров и непреклонен, склонен к аскезе – и эпикурейско-языческий круг Лоренцо Медичи вызывал у него глубочайшее отторжение. Сперва он проповедовал в Ферраре, но вскоре был послан во Флоренцию, в известный тогда монастырь Сан-Марко. Он не остался там надолго и немало пострaнствовал, побывав в нескольких городах севера Италии, пока не обосновался в Генуе.

Всех поражало его красноречие и его пророческий дар – он предсказал смерть папы Иннокентия. Говорил он и о грядущем «*иноземном нашествии*». Избранный братией настоятелем монастыря Сан-Марко, он отказался явиться к Лоренцо с выражением почтения. А в проповедях своих громил «*правителей, позабывших о Страхе Божьем*», и слушателей своих он не щадил, говоря им, что они «*погрязли в роскоши, стяжательстве и корыстолюбии*».

Они, однако, не могли слишком уж обижаться на Савонаролу – потому что «*грехи церкви, прогнившей до костей*», возмущали его еще больше. А грехом он считал даже не продажность кардиналов и не покровительство пап своим родственникам, а вот именно претензии на образованность в духе флорентийского гуманизма: «*Рим – это Вавилон. Вместо христианства прелаты отдаются поэзии и красноречию. Вы найдете в их руках Горация, Вергилия, Цицерона...*»

Лоренцо Медичи делал все, чтобы украсить Флоренцию. Список художников, скульпторов и архитекторов, которым он помогал размещать заказы, поистине поражает воображение – его не зря прозвали Лоренцо Великолепным.

Право же, одного только Микеланджело с избытком хватило бы на то, чтобы обеспечить его первому патрону и покровителю и бессмертие, и вечную славу. Ну, славы Лоренцо Медичи хватало и при жизни, имя его было известно по всей Италии. Что до бессмертия, то вряд ли он о нем серьезно думал. Слишком уж занятой была его жизнь, и слишком уж многими делами он занимался одновременно, и слишком уж многих женщин он

любил – и слишком сильно стало сдавать его здоровье.

В апреле 1492 года он почувствовал себя совсем плохо. Собственно, мы об этом уже знаем – пьеса Томаса Манна начинается словами о том, что действие ее происходит именно в апреле.

И действительно, для исповеди Лоренцо пригласил к себе знаменитого проповедника Джироламо Савонаролу, бывшего тогда настоятелем доминиканского монастыря Сан-Марко во Флоренции.

Они поговорили, монах ушел. Он не дал отпущения грехов умирающему.

В пьесе Т. Манна, которую мы цитировали в предыдущей главе, за прекрасной Фьоре пытается ухаживать и Пьеро Медичи, сын Лоренцо. Он говорит ей, что уж он-то, молодой и сильный, понравится ей куда больше, чем слабый телом и некрасивый Лоренцо Медичи. Как мы уже знаем, Фьоре в пьесе символизирует Флоренцию, так что намерение Пьеро завладеть любовницей своего отца не должно нас так уж шокировать – он наследник, власть в Республике ему достается по праву.

Но Фьоре в пьесе отвергает его предложение – она отвечает, что ей с ним «*невыносимо скучно*».

Ну, Т. Манн знал предмет, о котором он написал свою пьесу, – Пьеро Медичи, сын и наследник Лоренцо Великолепного. Пьеро был и не умен, и начисто лишен и того такта, и того блеска, который был у Лоренцо, – но хуже всего было, что он оказался не столько флорентийцем, сколько отпрыском княжеского рода Орсини, из которого происходила его мать, урожденная Кларице Орсини. Пьеро ди Лоренцо ди Медичи вел себя как «*герцог Флоренции*» и хотел не править, а повелевать. Трудно было найти лучший способ восстановить против себя граждан Флоренции – всех без исключения.

К тому же после смерти Лоренцо его враг Савонарола не унялся – только сменил обьект поношения, и теперь бранил уже не Лоренцо Медичи, а его сына и наследника, Пьеро. Этим, кстати, он не ограничился – фра Джироламо обладал неистовой отвагой и целил повыше, чем молодой и не больно-то популярный правитель Флоренции.

Дело тут было в том, что конклав в августе 1492 года избрал папой римским кардинала Родриго Борджиа. Новый папа, 214-й по счету, нарекся Александром VI. Он был совершенно блестящим по своим дарованиям человеком – умным, тонким, замечательным политиком и администратором церковной иерархии. Но в придачу ко всему этому папа Александр был еще и истинным прелатом времен Возрождения, он ценил роскошь,

любил искусство, очень любил женщин – и совершенно не скрывал своих земных вкусов и пристрастий. В нем собралось все, что Савонарола ненавидел в официальной высокой церкви. Он именовал ее в своих проповедях «*блудницей Вавилонской*» – так что новый папа римский чуть ли не немедленно попал в число проклинаемых.

Интересно, что Александр VI на Савонаролу не обиделся, а напротив – постарался привлечь на свою сторону. Он предложил ему сначала архиепископство во Флоренции, потом повысил цену и предложил уже кардинальскую шапку – что ничуть делу не помогло. Савонарола с презрением отверг и то, и другое. Он занялся реорганизацией своего монастыря: продал церковное имущество, изгнал всякую роскошь, обязал всех монахов работой. А для успеха проповеди язычникам учредил кафедры греческого, еврейского, турецкого и арабского языков – что, казалось бы, противоречило его гневному обличению гуманистов-филологов.

Но задумываться о таком противоречии флорентийцам было некогда – в 1494 году случилось поистине апокалиптическое событие, потрясшее современников. Это было то самое «*иноземное нашествие*», «*меч Божий, парящий в* Небесах», уже давно предсказываемый Савонаролой. Кара пала на «*слабых и развратных правителей*», проклинаемых им.

Французские войска вторглись в Италию.

II

Началось все с того, что один римский понтифик оказался чрезмерно гневлив, а один итальянский государь – чересчур хитер.

Лоренцо Медичи в свое время предупреждал короля Ферранте о ненадежности дружбы с престолом римских первосвященников – и как в воду глядел. Папа Иннокентий VIII, оказавшись в конфликте с неаполитанским королем, страшно на него рассердился и буллой от 11 сентября 1489 года отлучил его от церкви, а уж заодно еще и «*лишил трона*».

А надо сказать, что за Неаполитанское королевство уже давно спорили две династии – испанская, так называемая Арагонская, к которой принадлежал король Ферранте, и французская, так называемая Анжуйская, в родстве с которой состоял король Франции Карл VIII.

Иннокентий VIII предложил престол Неаполя королю Карлу.

Спор папы с Неаполем ни к каким действиям поначалу не повел. Ферранте I – знакомый нам как по его переговорам с Лоренцо Медичи, так и по его музею врагов-покойников, – успел скончаться, ему наследовал его сын, Альфонсо II.

И тут грянул гром – французы перешли через Альпы. Официальной целью похода считался Константинополь, но в Неаполе на этот счет не обольщались.

Дело было в том, что Лодовико Сфорца, регент герцогства Миланского, сумел сделать так, что в 1494 году миланская знать вручила ему герцогскую корону. Это было немедленно оспорено Альфонсо II, который тоже претендовал на эту корону. Лодовико, человек необыкновенной хитрости, решил устранить угрозу – и напомнил Карлу VIII о предложении папы Иннокентия VIII...

Разве корона Неаполя не принадлежит Франции по праву?

Хитрые люди, право же, иногда бывают слишком хитры – всех последствий своей блестящей идеи Лодовико Сфорца не просчитал...

Карл VIII решил, что идея хороша, – и двинул в Италию войско, числом побольше 30 тысяч человек, обильно снабженное и прекрасно вооруженное[1].

Что было наиболее существенным – у французов было 36 полевых орудий и 100 кулеврин на колесных лафетах. Артиллерия была спущена по реке Рона в Средиземное море, а затем флотом доставлена в Италию.

Герцог Лодовико, даже если бы и передумал, сделать уже ничего не мог – французские войска были внутри его владений,

ему поневоле пришлось и дальше держаться заключенного им союза с Францией. Вместе с войсками «*...союзного Франции Милана...*» Карл VIII располагал теперь 60 тысячами человек. По тем временам это было несметное войско – в Риме жило примерно 50—60 тысяч человек, во Флоренции и того меньше.

В государствах Северной Италии началась беспросветная паника.

Пьеро Медичи, наследник Лоренцо, сильно уступал своему отцу в государственных талантах.

Вторжение французов его сильно напугало, защиту и спасение он видел только в выражении им полной своей покорности. Французам был нужен доступ к портам на западном побережье Италии. И Пьеро срочно приехал в ставку короля Карла VIII и передал ему, от имени Флоренции, крепости на морском побережье, а также Пизу и Ливорно.

Его действия вызвали в городе мятеж. Пьеро пришлось бежать чуть ли не в том, в чем он был, его правление рухнуло. Он сумел захватить с собой только некоторые драгоценности из отцовских коллекций, все остальное пришлось бросить. Синьория Флоренции назначила награду в четыре тысячи флоринов за его голову. Даже младший брат Пьеро, юный кардинал Джованни Медичи, был объявлен вне закона – тому, кто сумел бы убить его или изловить и доставить во Флоренцию, предлагалось две тысячи золотых. Он, однако, обнаружил редкое присутствие духа – не только сумел бежать, но еще и прихватил с собой некоторые любимые им книги из прославленной библиотеки Медичи. Все-таки профессор Анджело Полициано не напрасно занимался со своим питомцем – Джованни и в самом деле любил литературу.

Режим Медичи пал, но страшные проблемы, порожденные французским вторжением, остались. Как спасти город от верной гибели? К французскому королю было отправлено посольство с мольбой о пощаде. Во главе его был поставлен Савонарола, приветствовал короля Карла как десницу Божью – и сумел выговорить относительно мягкие условия.

Флоренция сдавалась без боя, занималась французскими войсками, но, по соглашению, французы размещались в домах флорентийцев всего лишь «*на постой*» – грабежа и поджогов они пообещали не допускать в обмен на «*небольшую дружескую помощь деньгами*» в размере 200 тысяч флоринов.

Ну, 700 килограммов золота так быстро собрать не удалось, это потребовало времени, и французы жили это время во Флоренции за счет ее граждан. Но наконец дань была выплачена, и они ушли.

Во Флоренции с большой помпой была «*восстановлена*

Республика».

Диктатором этой Республики, конечно же, стал Савонарола.

III

Карл VIII въехал в город 17 ноября 1494 года. Что думал по этому поводу Никколо Макиавелли? Как-никак, в 1494 ему было уже 25 лет. Ну, он обронит – впоследствии – замечание «*о позоре Италии, при котором города берутся без сопротивления и победа французского короля достигается не пушками, а куском мела*», которым он попросту размечает дома граждан Флоренции для постоя его солдат. Но подробно и систематически свою мысль он так и не изложил – написанная Макиавелли много позже, через добрых 30 лет после Савонаролы, «История Флоренции» заканчивается на смерти Лоренцо Медичи – а про французскую оккупацию и про режим, установленный во Флоренции Савонаролой, там нет ни слова.

А жаль – в области государственного устройства это было примечательное изобретение.

Главная власть принадлежала Большому Совету. Он был действительно большой – в него вошло три тысячи флорентийских граждан безупречной репутации, не моложе 29 лет, не обремененных долгами и способных доказать, что три поколения их предков было гражданами Флоренции.

Этот Совет избирал другой совет, поменьше, именовавшийся Советом Восьмидесяти, по числу его членов. Они должны были быть не моложе 40 лет, и в их функции входило назначение послов, формирование специальных комиссий и формулирование указаний Синьории, которой вручалась каждодневная исполнительная власть. Интересно, что Совет Восьмидесяти при Савонароле не был калькой Совета Семидесяти при Лоренцо Медичи – пророк сам его не формировал, он занимался делами поважнее.

Савонарола не занимал никаких официальных постов. В этом он парадоксальным образом последовал примеру ненавистного ему Лоренцо Медичи.

Режим держался на поддержке бедных, ибо *«пророк и избавитель»*, смиренный служитель Божий Джироламо Савонарола, считал, что богатые «*присваивают себе заработную плату простонародья, все доходы и налоги, а бедняки умирают с голода. Всякий излишек – смертный грех, так как он есть достояние бедных*...»

Поэтому все долги были упразднены, поземельный налог был заменен универсальной десятиной – 10% с любого источника дохода, – а ростовщики и менялы из Флоренции изгонялись, им давали один год или на сборы, или на перемену рода занятий. Их

функции передавались специальному банку, дававшему займы под низкий и определенный правительством процент.

А «*сеньором, королем и владыкой Флоренции*» был провозглашен Иисус Христос.

Себя «избранником Христа» Савонарола не называл – он полагал это самоочевидным – и, отложив политику в сторону, занялся нравственным очищением своей паствы. Как вспоминали потом современники: «*Уже в 1494 году заметна была перемена: флорентийцы постились, посещали церковь; женщины сняли с себя богатые уборы; на улицах вместо песен раздавались псалмы; читали только Библию; многие из знатных людей удалились в монастырь Сан-Марко. Савонарола не запрещал балы или маскарады, он назначал проповеди в часы, когда они были назначены, – и народ стекался к нему…*»

Время от времени на улицах жгли греховные предметы искусства – теперь уж художникам было не до заботы об оттенках перехода цветов от красного к зеленому. Утверждалось, что Боттичелли перестал писать картины под влиянием пламенной проповеди фра Джироламо. Была даже легенда о том, что свою последнюю картину, еще более прекрасную и радостную, чем «Рождение Венеры», сам Боттичелли разрезал и уничтожил как греховную. Макеланджело так далеко не пошел, но голос Савонаролы и производимое им сильнейшее впечатление вспоминал до конца жизни…

Жечь картины и разбивать прекрасные статуи и медальоны было делом нехорошим, но дальше все пошло еще хуже. Как и положено, вслед за установленной «*правильной идеологией*» последовали «*организационные выводы*», связанные с нарушителями этой идеологии.

Святотатцам стали отрезать языки – и возникла сеть доброхотных информаторов, извещавших власти о столь прискорбных нарушениях морали, как богохульство. Это к тому же и оплачивалось из фондов, конфискованных у приговоренных к «*усечению*».

Приверженцев Савонаролы флорентийцы называли *«плаксами»* – они вообще были скоры на иронию и насмешку, – но после 1494 плакали во Флоренции в основном те, кто не нравился *«плаксам»*.

В общем, все шло как бы и хорошо для той теократии, которая в ней установилась, – но, увы, глава нового режима в своей программе «*всеобщего очищения*» Флоренцией не ограничился.

Савонарола заговорил о «*гневе Божием, висящем над князьями и прелатами*».

У него хватило духа сказать это в глаза французскому королю. Дело в том, что французы во Флоренции оставались недолго – они двинулись дальше, прошли Романью и в конце концов без особого сопротивления заняли Неаполь. Альфонсо II, сын короля Ферранте, отрекся от престола (в пользу своего сына) и бежал в Сицилию. Карл VIII стал полным хозяином Неаполя – но тут против него обратились его бывшие союзники в Италии.

Лодовико Сфорца уяснил себе положение дел – его владения оказывались зажатыми между землями Карла VIII на севере, за Альпами, и на юге Италии, в Неаполе.

И Лодовико немедленно переменил стороны. Была составлена Лига, объединившая всех, кто боялся французского господства, – и Рим, и Милан, и Венецию, – и королю Карлу пришлось срочно оставить Неаполь и двинуться на север, поближе к своим границам. Он решил направиться через Флоренцию. Вместе с ним был и Пьеро Медичи, который хотел восстановить свою власть.

Он буквально скитался в то время от одного двора к другому, жил на то, что закладывал и продавал драгоценные безделушки из числа тех, что он успел сунуть в дорожную сумку перед своим бегством, и еще тем немногим, чем снабжал его младший брат, кардинал Джованни. Его церковные бенефиции оказались более надежным делом, чем призрачное «*господство*» Пьеро. И доказательство этому последовало немедленно.

Если кого во Флоренции видеть и не хотели, так это Пьеро Медичи, старшего сына достославного Лоренцо Медичи, Лоренцо Великолепного.

Слишком у многих были причины опасаться его мести…

Савонарола отправился в лагерь французов и произнес там пламенную речь. Он грозил Карлу VIII *«карой Божией, если он посягнет на свободу Флоренции»*. Уж что повлияло на французского короля – сама проповедь или вполне трезвые соображения, что добавлять в такой момент Флоренцию – пусть и слабую сейчас, – к числу своих врагов было бы неразумно, – сказать трудно.

Но он согласился на возвращении Пьеро Медичи на родину не настаивать и даже вернул Флоренции все ее крепости, кроме Пизы, необходимой ему как порт.

Французы ушли.

Но дела Республики не поправились. Ее внешняя политика оказалась скомпрометированной. В то время как все другие крупные итальянские государства – и папство, и Милан, и Венеция, и Неаполь – дружно встали против французов, Флоренция, хоть и не по своей воле, оказалась с ними как бы в

союзе. Что было приемлемо до тех пор, пока король Карл VIII побеждал. Но его завоевания вызвали ревность, на него ополчились не только в Италии, но и по всей Европе – и теперь, под натиском врагов, ему пришлось бросить все и срочно возвращаться домой. Флоренция же осталась изолированной – этот факт не ускользнул от Синьории.

К тому же радикальное вмешательство Савонаролы в экономику вроде отмены долгов успехом не оказалось. Начался голод, финансы были истощены. Число его врагов все множилось.

Папа Александр VI в мае 1497 года отлучил его от церкви.

Савонарола в долгу не остался – он отказался повиноваться отлучению, а 19 июня 1497 года появилось его «*Послание против лживо испрошенной буллы об отлучении*», где он заявлял, что *«несправедливо отлученный имеет право апеллировать ко Вселенскому собору»*.

Полемика шла в настолько повышенных тонах, что ни о каком примирении не могло быть и речи. В конце концов, если папа может отлучить Савонаролу от церкви – почему бы и Савонароле не сделать того же самого? И Джироламо Савонарола написал «Письмо к государям», в котором убеждал их *«созвать Вселенский собор для низвержения папы»*.

Тут он, пожалуй, хватил через край. Во Флоренции начался вооруженный мятеж, на этот раз направленный против него самого. Собственных сил безопасности у него не было совсем – «*плакс*» с улиц как ветром сдуло. Власти Флоренции на защиту диктатора не встали.

Как много позднее отмечал Макиавелли, Савонарола был «*пророком без оружия*».

Монастырь Сан-Марко был осажден разъяренной толпой, Савонарола вместе с его друзьями был взят и заключен в темницу. Папа учредил следственную комиссию. 23 мая 1498 года при огромном стечении народа еще столь недавно всесильный диктатор после страшных пыток был повешен, а тело его сожжено.

Началась реорганизация всей государственной машины – сторонники Савонаролы изгонялись отовсюду, на их место ставили новых людей, по возможности не скомпрометированных связями с его режимом.

28 мая 1498 года, через четыре дня после казни Савонаролы, Совет Восьмидесяти номинировал Никколо Макиавелли на пост секретаря так называемой Второй Канцелярии Синьории.

Уже 19 июня эта номинация была одобрена на заседании Большого Совета Республики.

Никколо Макиавелли, 29 лет от роду, без всякого

предыдущего опыта какой бы то ни было деятельности, будь она деловой или государственной, взялся за дела вверенной ему канцелярии.

Он вышел из тени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из энциклопедии: «*Перед вторжением 1494 г. Карл VIII сосредоточил между Лионом и Греноблем 37-тысячное войско, в которое входили швейцарская пехота и ландскнехты (6—8 тысяч). 20% швейцарцев имели на вооружении аркебузы, 25% – алебарды, остальные – длинные пики. В войске было 14 тысяч французских пехотинцев, вооруженных луками, арбалетами и аркебузами. Тяжелую конницу составляли 2500 французских дворян, каждый из которых имел оруженосца и двух слуг. 200 рыцарей составляли свиту короля. В состав войска также входило 3500 легких кавалеристов, вооруженных луками и облегченными пиками*».

Секретарь Второй Канцелярии Флорентийской Республики, 1498—1501

I

Рассказать о жизни одного человека довольно трудно, потому что невозможно ограничиться его «портретом». Ни один человек не живет сам по себе. Он – уж используем затертое до дыр выражение – «*связан с миром и со своей эпохой тысячами нитей*». Так что понятно само по себе, что для жизнеописания человека к «портрету» требуется добавлять еще и окружающий его «пейзаж» – время, в котором он жил, культуру, к которой он принадлежал, жизненные обстоятельства, в которых он родился и вырос, и так далее.

Невозможно говорить о Черчилле, если вы не знаете, что такое Англия – и не просто Англия, а Англия в первой половине XX века. Невозможно говорить о Сталине, если вы не знаете, что такое Россия и что в ней случилось во время революции 1917 г., и во время Гражданской войны, и во время Отечественной войны 1941—1945 годов.

Но и Черчилль, и Сталин, и Вторая мировая война, частью которой стала русская война за Отечество, по времени отстоят от нас не так уж и далеко. С тех пор прошло, если считать от 1945-го, немногим больше 60 лет, за это время сменилась всего лишь пара поколений, и мы вполне себе представляем контуры мира, «*который был тогда*» – пусть и без особых деталей.

Однако сейчас мы говорим о мире, который был 500 лет тому назад. То есть отстоит от нас по времени не на два поколения, а поколений примерно на двадцать.

Тогдашний мир был совсем иным, не похожим на тот, в котором мы живем сейчас, и «*быт и нравы*» этого мира мы и пытались по мере сил описать.

Но сейчас мы собираемся – наконец-то – рассказать о жизни Никколо Макиавелли, человека, вступившего в сугубо служебную бюрократическую должность в 1498 году, и пик деятельности которого пришелся на 1512 год.

Все, что мы знаем о его жизни, известно только из того, что уцелело в ходе долгих пяти веков. Ну, скажем, нам остались какие-то обрывки его переписки с друзьями. Но нет ни одного его прижизненного портрета – есть только тот, который был написан уже после смерти, по воспоминаниям знавших его людей.

В отличие от Черчилля или Сталина он не стоял во главе великой державы. Отнюдь нет – он был лицом подчиненным. Так, чиновник дипломатического ведомства, служил в аппарате некоего государства – вовсе не великого, а очень даже второстепенного...

Никколо родился во Флоренции 3 мая 1469 года. В 1498 году, в возрасте 29 лет, поступил на государственную службу. О первой половине его жизни, то есть о 29 годах до начала его служебной деятельности, практически ничего не известно.

Это, в сущности, все, что мы о нем знаем – ничего.

Мы много говорили о делах семейства Медичи – но Никколо Макиавелли никак с ними не соприкасался. Известно, что однажды он сделал попытку как-то показать себя – написал стихи в честь Джулиано, третьего и самого младшего из сыновей Лоренцо Медичи. Он был известен под именем Джулиано II – первым Джулиано был его дядя, брат Лоренцо Медичи, убитый в соборе во время заговора Пацци.

Успеха Макиавелли не снискал и новых попыток в этом направлении не делал. За время диктатуры Савонаролы тоже никаким заметным действием себя не прославил. Совершенно непонятно, чем он все эти годы занимался. Ни государственной службы, ни собственного дела – в смысле бизнеса. Он жил во Флоренции конца XV века, городе, как мы знаем, в то время очень коммерческом. Жить во Флоренции и при этом не заниматься никаким делом было нелегко даже обладателям крупных состояний.

Для этого нужно было какое-то сознательное, полное отключение от всякой деятельности – кроме разве что чтения, ну и разговоров о том о сем...

Похоже, Никколо Макиавелли именно этим и занимался. Но что интересно – нет следов даже его академической деятельности. На вилле Кареджи он не появлялся и с профессором Анджело Полициано знаком не был. Во Флоренции в то время был уже университет – но нет, он там не учился. Хотя, возможно, был вольнослушателем на некоторых занятиях.

Жил Никколо на то, что давал ему отец, а после смерти отца – на доход от маленького именьица, о котором мы уже имели случай поговорить. Бернардо Макиавелли не имел оплачиваемого занятия. Что называется, «*мелкий рантье*», интеллигент на вольных хлебах. С еще большими основаниями это можно сказать о его знаменитом сыне, Никколо – том самом, которым мы сейчас, через пять веков, так интересуемся.

У него вплоть до 1498 года тоже не было никакого оплачиваемого занятия.

II

Слова о том, что Никколо Макиавелли «*вышел из тени*», надо пояснить комментарием – он вовсе не ворвался на политическую арену «*прыжком тигра*» и вовсе не начал немедленно творить на ней чудеса. Короче говоря – ничего наполеоновского...

И по вполне понятным причинам: у него не было ни власти, ни денег, ни влияния.

Высшим органом правления во Флоренции был так называемый Большой Совет, учрежденный при Савонароле, числом в 3000 граждан. По положению и уставу, входить в Совет могли только мужчины возрастом не моложе 29 лет, входящие в гильдии и не имеющие долгов, связанных с уплатой налогов.

В городе Флоренция в то время жило что-то около 50 тысяч человек. Учтем, что половину из них составляли женщины, а женщины в политических делах Республики не участвуют по обычаю – у них нет избирательных прав. У нас останется половина, 25 тысяч.

Учтем, что в семьях есть и дети. Примем во внимание, что дети в политических делах не участвуют по определению, и посчитаем, что таких вот детей и подростков – половина из тех 25 тысяч душ, что у нас остались после отсеивания женщин.

Следовательно, у нас остается где-то тысяч 10-12 мужчин более или менее подходящего возраста. Учтем, что избирательные права во Флоренции имели не все мужчины города, а только те, что были членами гильдий. Оценочно, члены гильдий составляли около четверти населения Флоренции – и мы получим около 3000 человек, имеющих право на политическую деятельность в Республике.

При таких условиях Большой Совет включал в себя едва ли не всех горожан-избирателей.

Ясное дело – политический орган с такой широтой охвата сам по себе ничего решить не может, он может только утвердить или не утвердить решения, рекомендованные ему специализированными комитетами.

Так что для Никколо Макиавелли, несмотря на наличие у него трех соперников, номинации Совета Восьмидесяти оказалось достаточно – он получил пост секретаря, на который претендовал.

Пойдем далее и посмотрим на структуру правительства Республики. Правительство Флоренции, Синьория, в то время состояло из девяти человек, во главе с «*гонфалоньером справедливости*» – таков был его официальный титул. Синьория формировала политику Республики, консультируясь со

специализированными комитетами. Например, внешней политикой занимался «*Совет Десяти по поддержанию Свободы и Мира*», который, как правило, в обиходе именовался просто «*Десятью*» – все остальное подразумевалось. Был еще и «*Совет Восьми по поддержанию Безопасности*», или «*Восемь*». Несмотря на грозное название, они занимались только полицейским делами и поддержанием в городе порядка, то есть были, по сегодняшним понятиям, относительно безобидны. Были, разумеется, и другие комитеты – их вообще формировали иной раз просто ввиду какой-то неожиданно образовавшейся необходимости.

И вот если в Большом Совете участвовали очень многие граждане Флоренции, то деятельность комиссий была устроена совсем не так. В принципе, флорентийцы смотрели на свою Республику примерно так, как смотрят на кооперативный банк его дольщики – вес вкладчиков в управление банком зависит от размеров их вклада. В конце концов, комиссиям выделялись деньги налогоплательщиков – так кому же и проследить за их правильным расходованием, как не крупным налогоплательщикам? Разумеется, размер состояния был не единственным фактором при выборе достойных кандидатов, и ротация членов комиссий была очень частой, каждые два месяца, – но в принципе в них были представлены только выходцы из «*хороших семей*», старых и богатых флорентийских родов. Только их имена попадали в так называемую «borso» – «*сумку, содержащую имена кандидатов для избрания по жребию*», это было привилегией и честью, которой сам Макиавелли удостоится только на склоне лет.

Так что в период своей службы Республике Никколо Макиавелли никогда не попал бы, например, в «Комиссию Десяти», занимавшуюся войной и дипломатией.

Как Синьория, так и специализированные комитеты, вроде «Восьми», или «Десяти», нуждались в техническом аппарате для ведения документов: отчетов, переписки, и прочего. Эта фунция выполнялась Канцелярией, во главе с секретарем – мы про это уже говорили. Как правило, секретарь занимался иностранными делами.

Вторая Канцелярия была подчинена Первой. Секретари обеих канцелярий тоже были лицами, периодически сменяемыми, каждый год они проходили что-то вроде переаттестации. Но все же их переаттестация случалась раз в год, а не каждые два месяца. Секретарь Второй Канцелярии по сравнению с канцлером, главой Первой Канцелярии, считался лицом второстепенным, что видно, например, из полагавшегося им жалованья.

Если глава Первой Канцелярии, Марчелло Вирджилио

Адриани, почтенный ученый и профессор поэзии и риторики в университете Флоренции, получал 220 флоринов в год, то его младший коллега, глава Второй Канцелярии, Никколо Макиавелли, получал меньше, всего 128 флоринов [1].

Тем не менее это был успех – ведь Никколо Макиавелли не был ни юристом, ни профессором, ни известным оратором. Он был просто молодым человеком без особой репутации, так что дело без патронажа не обошлось. Его наверняка кто-то рекомендовал. Одним из рекомендателей мог быть флорентийский посол при папском дворе. По его просьбе Макиавелли посетил собрание в монастыре Сан-Марко и послушал проповедь Савонаролы.

Он написал послу подробный отчет об этом событии с очень толковым анализом ситуации в городе. Отчет произвел впечатление. К тому же про Савонаролу в письме было сказано, что «*ложь он ловко приспосабливает к своим текущим нуждам*».

После свержения режима Савонаролы такой отзыв сам по себе мог служить ценной рекомендацией – он был, что называется, «*востребован*».

Как бы то ни было, Никколо Макиавелли вступил в должность. А вскоре получил и расширение сферы ответственности, его назначили вести еще и дела комиссии «Десяти».

Той самой, о которой мы уже говорили выше, – занимавшейся войной и дипломатией.

III

Дипломатия Республики Флоренция была направлена на решение проблем, возникавших в непосредственном окружении Республики, в первую очередь в Италии. Но иногда ей приходилось смотреть и пошире. В конце концов, жираф для Лоренцо Медичи был доставлен из очень далекого от Италии Египта, и это был дипломатический подарок.

Флорентийским дипломатам надо было знать мир. Мир этот нам показался бы непривычным.

Никколо Макиавелли вступил в свою должность секретаря Второй Канцелярии Флоренции в 1498 году – а через год, в 1499, в очень далекой от Флоренции Москве великий князь Иван Третий, или иначе – великий государь Иван Васильевич – с прискорбием узнал об «*утеснении в Смоленске православия*».

Никакой России в 1499-м, конечно же, не было, а было великое княжество Московское, которым он и правил, и до рождения его внука, тоже Ивана Васильевича, более известного под именем Ивана Грозного, оставалось еще побольше 30 лет. Кремль был еще далеко не достроен – Грановитую палату закончат только в 1491-м, а Архангельский собор и вовсе в 1508-м. Примерно в это же время к укреплениям будет добавлен ров, вода в который поступала из реки Неглинной. А сам ров будет расположен на месте современной Красной площади.

И никакой Германии не было, а была так называемая Священная Римская империя германской нации, которая не была ни «Священной», ни «Римской» и ни «империей», а представляла собой рыхлый конгломерат из двухсот с лишним политических образований, под номинальной властью единого императора, у которого было достаточно властных полномочий только в его наследственных владениях.

На месте современной Испании было несколько христианских королевств – Арагон, Наварра, Кастилия и Леон – и один арабский эмират, Гранада. Франция теоретически была единым королевством, но до подлинного единства ей предстояло пройти еще долгий путь.

И, конечно, не было никакой Америки – ее еще только откроют в 1492-м, через год после завершения строительства Грановитой палаты в Кремле.

Конечно, не было никакой Италии. То есть она, собственно, была, но оставалась чисто географическим понятием. В этом смысле она напоминала Германию, только в ней не было даже и номинальной центральной власти, а было множество

государственных образований, пять из которых могли рассматриваться как «великие державы Италии»: Рим, Неаполь, Милан, Венеция и Флоренция.

Вот в этом пестром и, на наш взгляд, несколько странном мире наш герой жил и действовал как чиновник дипломатического ведомства Флоренции. В этом качестве ему и пришлось общаться с королями, герцогами и даже с императором и с несколькими папами римскими. Ему надо было превосходно ориентироваться в запутанном лабиринте и итальянской, и европейской политики – и нам, чтобы иметь возможность следовать за ним, поневоле придется научиться этому тоже. Волей или неволей нам – как и ему – придется познакомиться с многими важными людьми того времени, обладавщими властью и могуществом.

Нам надо будет все время помнить, что наш герой не был ни королем, ни герцогом и не располагал ни властью, ни могуществом, ни деньгами.

Его единственным достоянием было скромное жалованье – ну и острый ум. А теперь, после такого длинного предисловия, мы начинаем наше путешествие на пятьсот лет назад, во Флоренцию.

Во Флоренции наш герой родился, вырос, считал ее своим домом, и там он свою жизнь и прожил.

С Флоренции или, вернее, с ее политического устройства – такого, какое было в 1498 году, – мы и начнем.

IV

Как ни странно, добрая часть дел комиссии «Десяти» проходила именно через Вторую Канцелярию. Комиссия в тот момент занималась в первую очередь военными вопросами. Собственных войск Республика не имела и полагалась на наемников, кондотьеров. Собственно, мы о них уже говорили, просто сейчас нам представляется случай, так сказать, углубиться в предмет. Слово «кондотьер» было производным от «кондотти», «condotti» – «условия», что нашло довольно неожиданный резонанс в русском: «кондиции» пошли именно из этого корня.

Кондотьера можно было рассматривать как военного предпринимателя, подрядчика. За плату он подряжался вести для заказчика военные действия. Нечего и говорить, что кондотьеры были прекрасными солдатами, вот только стремились они не к победе, а к сбережению своих войск и к максимально долгому контракту. Поэтому Флоренции приходилось вести с ними изнурительно долгие переговоры, а поскольку посылка официальных посольств стоила дорого, то часто такого рода переговорные миссии возлагались на технических сотрудников Второй Канцелярии, вроде ее секретарей.

Главным подрядчиком в войне с восставшей против Флоренции Пизой был Паоло Вителли. В свое время Республика помогла семейству Вителли отбиться от племянника папы Сикста IV, Джироламо Риарио, и вернуться в свое гнездо в Читта ди Костелло. С тех пор все Вителли служили Флоренции в качестве кондотьеров.

Но, понятное дело, были и другие – патрициат Флоренции мало занимался военными вопросами, но все-таки монополии в этом деле старался не допускать. Макиавелли были поручены переговоры с одним из кондотьеров Республики, калибром поменьше, чем Вителли, – Якопо д'Аппиано. Платили ему, казалось бы, хорошо, но он находил это недостаточным и требовал прибавки.

Поскольку денег у Республики не было, но Якопо надо было уговорить, Никколо Макиавелли, секретарь комиссии «Десяти», получил следующие инструкции:

1. Согласиться на все требования Якопо д'Аппиано.

2. Сделать это так, чтобы они Республику ни к чему не обязывали.

Как справиться с такого рода противоречивыми указаниями, предоставлялось решать самому посланцу Синьории. Его для того и посылали, чтобы он как-то выкрутился, и Синьория в этом

смысле на Никколо вполне полагалась.

Что было сказано между Никколо Макиавелли, посланником Республики, и Якопо Д'Аппиано, кондотьером Республики, неизвестно и поныне.

Вероятно, Макиавелли обьяснил своему собеседнику, что «*требования его* справедливы», но финансы Республики в настоящий момент перенапряжены, что «*разрыв будет убыточным для обеих сторон*» и что при некотором количестве доброй воли и терпения все можно будет уладить в самом недалеком будущем...

Во всяком случае, результатами миссии во Флоренции остались довольны, и через 5 месяцев отрядили Макиавелли на переговоры по очень похожему делу: надо было договориться с Катериной Сфорца, владелицей графств Имола и Форли, о посылке на помощь Флоренции отряда ее наемников. Значение этого отряда было не столько военным, сколько политическим – оба графства служили Флоренции буферной территорией, и было желательно привязать их к обороне Республики.

Инструкции Макиавелли были даны уже поподробнее, но тоже не слишком-то простые для исполнения [2]:

1. Добиться расположения владелицы Имолы и Форли.
2. Нанять отряд, составленный из ее солдат.
3. Заплатить за их найм как можно меньше.
4. Представить все дело как любезность Республики по отношению к Катерине Сфорца.

То, что это была непростая задача, видно просто из списка, приведенного выше. Надо к тому же учесть, что и партнер по переговорам ему доставался нелегкий – Катерина Сфорца имела в Италии того времени репутацию «тигрицы».

Это дама заслуживает особого разговора.

V

Она была незаконной дочерью Галеаццо Мария Сфорца, герцога миланского, от некоей Лукреции Ландриано. Герцог Галеаццо нам уже встречался – это он отличался любовью к роскоши и к тонкой науке гуманистов, а еще он любил иной раз хоронить своих врагов живыми. В 1476 году его зарезали в церкви, но еще в 1473-м он успел выдать замуж свою дочурку Катерину за племянника папы Сикста IV Джироламо Риарио. Того самого, который был так сильно замешан в заговор Пацци. Супружеский союз заключался в политических целях, и на его фактическом осуществлении прямо сразу никто не настаивал – Катерине было тогда всего 10 лет. Но уже через 4—5 лет она прославилась как замечательная красавица. Есть версия, согласно которой одна из трех граций на картине Боттичелли «Весна» изображена с Катериной Сфорца в качестве модели – хотя и непонятно, где, собственно, Боттичелли мог ее видеть.

Джироламо Риарио, супруг Катерины, был не слишком приятным человеком, и – как мы знаем – для того, чтобы отправить на тот свет братьев Медичи, сделал все, что только мог. В Италии его времени заговор был одним из методов политической борьбы. Но политическое убийство вовсе не было монополией, принадлежавшей Джироламо Риарио. И 14 апреля 1488 года он был убит в Форли в результате заговора. Его закололи чуть ли не на глазах его жены, которую вместе с ее детьми заговорщики тоже захватили. Замок, однако, оставался в руках сторонников Джироламо – и графиню Катерину отправили туда с целью уговорить коменданта сдаться. Детей оставили заложниками.

Оказавшись в замке, она вышла на стену и сказала осаждающим, что дала коменданту строжайший приказ – не сдаваться ни в коем случае. Когда же заговорщики пригрозили ей зарезать ее детей, она сделала нечто совершенно неожиданное – задрала юбки до головы и сказала, что, как они могут убедиться, с ней (и с ее женскими органами) все в порядке, и она народит себе новых детей, а вот с подлыми убийцами своего мужа она рано или поздно разделается так, что память об этом останется навечно.

Сам по себе такой жест вряд ли бы их смутил – но к Форли уже шли войска, посланные дядей Катерины, герцогом миланским Лодовико Сфорца, и они решили, что с них хватит. Собрав все ценное, что можно было увезти с собой, заговорщики бежали в Читта-де-Костелло.

Детей они не тронули.

Графиня же выполнила свое слово: во-первых, из числа заговорщиков она нашла всех кого могла и всех их убила, во-вторых, она вышла замуж во второй раз.

Ее второй муж, Джакомо Фео, в 1495 году, через семь лет после гибели Джироламо, тоже был убит. Дальше есть смысл в очередной раз поглядеть в энциклопедию:

«*В ту же ночь, собрав слуг и сторонников, она приказала оцепить квартал, где жили убийцы, и не оставлять в живых ни мужчин, ни женщин, ни детей – никого, кто был связан с виновными узами хотя бы самого дальнего родства. Графиня лично руководила карательной операцией. Не сходя с седла, наблюдала она за точным и доскональным исполнением своего повеления…*»

Поскольку Макиавелли предстояло вести переговоры с графиней Катериной, не загадывая ни в какую не написанную тогда энциклопедию, все доступные ему сведения он собрал сам.

Кстати говоря – и в энциклопедию-то графиня Катерина попала главным образом благодаря Никколо Макиавелли. Мы знаем обо всем произошедшем с графиней именно от него – впоследствии он расскажет о ней в своих работах.

VI

Вторая Канцелярия размещалась во Дворце Синьории сразу за Sala dei Gigli, Залом Лилий, в котором проходили трапеза гонфалоньера и его коллег. Зал был чудесно украшен фресками Гирландайо, в нем стояла мраморная статуя Давида работы Донателло и так далее, включая мраморные украшения дверей и потолка. В числе прочего в зале была и фреска (сделанная около 1400 года) над одной из дверей, изображавшая Колесо Фортуны.

А с фреской вместе был нанесен на стену и сонет, предупреждающий о неверности Фортуны, этой коварной богини удачи. Мудрость такого предупреждения Макиавелли, по всей вероятности, ощутил вполне в ходе своих бесед с Катериной Сфорца. Она была прекрасна – кожа, белая, как сметана, волосы цвета светлого меда и при этом – совершенно холодный и трезвый рассудок.

Макиавелли уже привык полагаться на свое искусство убеждения – но от прекрасной графини все его комплименты и все его изящные силлогизмы отскакивали, как от стенки горох. Она задавала конкретные вопросы: какую выгоду я получу от сотрудничества с Флоренцией, будет ли мне заплачено и сколько, как скоро будет сделана уплата, будут ли это наличные или денежные обязательства – а если обязательства, то под какие гарантии?

Все это, вероятно, Макиавелли сильно раздражало – с Якопо д'Аппиано он справился относительно легко, а вот в Форли у него вообще ничего не выходило. Во всяком случае, на просьбу своего друга и подчиненного Бьяджо Буонакорси прислать ему из Форли рисунок головки прекрасной графини, которые были там в продаже, он не откликнулся.

В августе 1499-го Макиавелли вернулся во Флоренцию с пустыми руками.

Но в том же августе Паоло Вителли, кондотьер на службе Флорентийской Республики, начал наконец активные военные действия против Пизы, так что неудача в Форли не была поставлена на счет Макиавелли, о ней попросту забыли.

Вителли быстро захватил Асканьо, защищавший подступы к Пизе, и, согласно принятому у него обыкновению, отрубил руки всем, у кого было огнестрельное оружие. Он был твердым сторонником консервативного подхода к военным делам, не имел ничего против врагов, пользовавшихся добрыми старыми мечами и копьями, но вот к новым изобретениям вроде аркебузы, которые могли свалить рыцаря с 30 шагов, невзирая на всю его доблесть,

испытывал истинное отвращение. Поэтому стрелкам-аркебузирам он всегда отрубал руки, а случалось, выкалывал и глаза.

К пушкарям он вроде бы относился спокойней – во всяком случае, в его войске были пушки. Уже к 6 августа 1499 года артиллерия повалила защитную стену Пизы на протяжении добрых 40 метров, падения города ожидали с часу на час.

Но Пиза не капитулировала.

И Паоло Вителли как-то вдруг утратил всякий энтузиазм в отношении довершения осады. Говорили, что дело тут в том, что Совет Восьмидесяти не дал ему позволения на грабеж города после капитуляции – это было не в обычае, сдавшийся город, как правило, не грабили, а взимали с него контрибуцию, примерно так, как поступил французский король Карл с впустившей его в свои стены Флоренцией.

Контрибуция с Пизы пошла бы суверену, то есть Флоренции. Плоды грабежа Пизы пошли бы солдатам, то есть Паоло Вителли и его людям. Паоло предпочел бы штурм Пизы, Синьорию больше устраивала капитуляция – но под стенами Пизы стояли войска Паоло Вителли, а не войска Синьории.

И в самом начале сентября Вителли снял осаду. От возмущенных запросов Синьории он отговаривался тем, что в его лагере началась малярия. Нужно ли говорить, что Синьория Флоренции ему не поверила? В числе не поверивших был и Макиавелли – он был уверен в том, что Паоло Вителли попросту предал своего нанимателя. Скорее всего, так оно и было, хотя никаких доказательств флорентийцы не обнаружили. Скорее всего, эта история сошла бы Паоло с рук, но он проявил неосторожность. Ему следовало ни под каким видом не покидать расположение своих войск, но он почему-то это сделал.

В результате Паоло Вителли с несколькими людьми из своего окружения был арестован, доставлен во Флоренцию и казнен – ему отрубили голову на глазах всего народа на одной из галерей Дворца Синьории. Приближенным тоже не повезло – по крайней мере одного из них (с ангельским именем Черубино – «херувим») по стародавнему обычаю повесили на окне все того же Дворца Синьории. И процедура был все та же – казнимому на шею навешивали веревку, конец которой закрепляли за какой-нибудь подходящий брус, и выбрасывали беднягу в окно. При таком подходе имелось два премущества: во-первых, он не мучился, потому что веревка не душила его, а ломала ему шею, во-вторых, окна были высоки и его тело было видно всем, кто стоял на площади Синьории. Там иной раз собиралась добрая половина населения Флоренции.

Но брат Паоло, Вителоццо Вителли, все же сумел бежать.

Мы о нем еще услышим.

VII

27 января 1500 года Никколо Макиавелли был в третий раз утвержден в своей должности. Явный знак одобрения со стороны «аттестационной комиссии». Его собирались опять отправить с дипломатической миссией, когда в мае 1500 его отец внезапно умер. Похороны состоялись, и Бернардо Макиавелли был погребен в семейном склепе в церкви Санта-Кроче во Флоренции. Через несколько лет откроется, что в тот же склеп кто-то свалил еще несколько трупов. Когда братья-монахи, служившие при церкви смотрителями погребений, собрались очистить гробницу от нелегально помещенных туда покойников, Никколо сказал им, что не надо ничего трогать.

«*Мой отец*, – сказал он монахам, – *ничего так не любил при жизни, как хорошую беседу, и чем больше у него будет собеседников, тем большее удовольствие это ему доставит*».

Эта его реплика кочует из одной биографии Макиавелли в другую, причем авторы биографий находят в ней или неслыханный цинизм, или сардоническую ухмылку спептика, или даже озорное веселье истинного сына Ренессанса, непочтительного к догмам и запретам.

Судить не берусь. Никколо Макиавелли был сложным человеком – не поручусь, что в его фразе не скрыты все перечисленные выше интерпретации, в придачу к дюжине других, до которых комментаторы не додумались.

Как бы то ни было, через два месяца после похорон отца Никколо выехал во Францию.

Тут надо сделать попутное замечание. Мир для флорентийцев или венецианцев даже и в те далекие годы был в известной степени открыт. Конечно, в основном итальянцы имели дело друг с другом, но их торговля вела их по своим путям далеко в Европу, а иной раз даже за пределы Европы. И дело не ограничивалось экспортом шерсти и вин – за пределами тогдашней «латинской» Европы итальянцами делались и другие дела.

Джентиле Беллини, венецианец, в 1479 году был послан в Константинополь к султану Мехмеду II, который просил прислать ему хорошего портретиста. Аристотель Фиораванти, родом из Болоньи, построил Успенский собор в Московском Кремле и участвовал в походах московского войска на Новгород, Казань и Тверь в качестве начальника артиллерии и военного инженера.

Но, с другой стороны, тогдашний мир был и очень локален. Постоянные посольства при иностранных дворах держали только

венецианцы. Все остальные, как правило, отправляли только разовые посольства, для переговоров по какому-то одному кругу вопросов – и отправка такого рода посольств обходилась очень дорого. Они просто обязаны были продемонстрировать богатство и блеск, от этого зависел престиж того государства, которое они представляли.

В сугубо коммерческой Флоренции к вопросу «стоимости дипломатии» подошли на сугубо коммерческой основе – вместо больших и дорогих официальных посольств к иностранным дворам для проведения предварительных переговоров часто отправляли неофициальные технические миссии.

Вот как раз с такой миссией Никколо Макиавелли и был направлен во Францию. Путь его был далек – он направлялся в Лион, за добрых 600 километров от Флоренции, и по тем временам такое путешествие требовало долгого времени. Ему было выдано 80 флоринов на дорожные расходы. Экономия, что называется, совершенно очевидная и видна даже нам, из большой дали.

Вместе с ним во Францию ехал и его достойнейший спутник, Франческо делла Каза, бывший посол Флоренции при французском дворе. Здесь важно подчеркнуть, что посол был *«бывшим послом»* и ехал во Францию он столь же неофициально, как и Никколо.

Им предстояли переговоры с новым королем Франции, Людовиком XII.

Его предшественник, король Карл VIII, внезапно умер. Сына он не оставил, и ему наследовал Людовик, его кузен. Дело послам Флоренции предстояло иметь не с мелкими военными «предпринимателями», а с королем Франции, но предмет обсуждения был все тот же – оплата наемных войск.

Только теперь они именовались не «кондотьерами», а «союзниками». Войска Республике требовались для все той же войны с восставшей Пизой. Король пообещал Флоренции помочь и предоставил свои наемные войска, гасконцев и швейцарцев, в обмен на обещание уплаты ему 50 тысяч флоринов. Но союзники повели себя еще хуже, чем Паоло Вителли, – брать Пизу (без обещания позволить ее разграбить) они не хотели, а пока что пошло и мародерство, и дезертиров прибавлялось каждый день.

В конце концов швейцарцы не только отказались повиноваться посланникам Флоренции, но и захватили посланного в войска представителя Республики. Они даже потребовали за него выкуп.

Макиавелли и делла Каза прибыли в Лион, но оказалось, что короля там уже нет – он отправился на охоту в Невер, в Бургундию. Не успели послы добраться до Невера, как

выяснилось, что король уехал. Они было настигли французского монарха под Парижем – но он уехал и оттуда, на этот раз в Блуа.

«*Вы уехали чуть ли не на другой конец света!*» – восклицал в письме к Макиавелли Агостино Веспуччи [3]. Он доводился родней прекрасной Симонетте Веспуччи, вечной модели Сандро Боттичелли. Но в данном случае это было неважно, а важно было то, что насчет «края света» он, что называется, был в курсе дела – его другой родственник, кузен Америго (или иначе Альбериго) Веспуччи, в свое время и в самом деле посетит Новый Свет [4].

Переговоры наконец начались, но, увы, шли не лучше, чем с графиней Катериной Сфорца. Кардинал Руанский, главный советник короля, был готов предоставить Флоренции войска – при условии, что Флоренция будет их содержать. Притом он требовал уплаты даже бунтующим швейцарцам. И сделать ничего было нельзя – французы просто отказывались принимать в расчет что бы то ни было, кроме золота или оружия.

А Синьория, увы, не имела ни того, ни другого и тянула время в пустых переговорах, которые вели только ко взаимному раздражению.

В конце концов на флорентийских послов просто перестали обращать внимание. В октябре 1499 года французские войска вошли в Милан – все мысли кардинала Руанского, главного советника короля Людовика, были заняты этим.

Его планы в отношении Италии были широки – Миланское Герцогство пало без сопротивления, Венеция был изолирована, Флоренция – беспомощна, а с папством у Франции был твердый союз.

И кардинал сказал Макиавелли:

«*Республика только и делает, что тянет время, и на ее пустые слова и обещания нельзя положиться, и вообще флорентийцы ничего не понимают в военных делах…*»

Совершенно неожиданно он нарвался на острый ответ.

«*Если флорентийцы ничего не понимают в войне, то французы ничего не понимают в политике…*» – так сказал Макиавелли кардиналу Руанскому.

Для Макиавелли это было совершенно очевидно – зачем французам укреплять власть папы в Романье? Ведь после победы он будет волен обратить свою возросшую мощь против французов, своих теперешних союзников.

Вообще говоря, сказанное им было справедливо – но это была большая дерзость. Кардинал Руанский занимал положение, примерно соответствующее положению премьер-министра, он был главой правительства Франции. А разговаривал с ним человек, который представлял слабое государство, не имеющее

собственной армии, и который даже не имел официального ранга посла – он был всего лишь секретарем канцелярии, лицом не политическим, а техническим.

И тем не менее кардинал задумался. Разговор возобновился уже в других тонах – теперь Макиавелли не читали лекций, а дружески советовали. Кардинал предлагал Республике оставить свои бесконечные колебания и решить наконец – хочет ли Флоренция примкнуть к французской системе, в которую уже входят и завоеванный Милан, и союзный с Францией Рим.

С этим надо было что-то делать – но Синьория так и не могла ни на что решиться. Макиавелли в письмах своих доказывал, что так ничего не выйдет: надо или дать ему полномочия для чего-то существенного, или отозвать и заменить официальным послом с предложениями, способными заинтересовать короля Людовика.

В конце концов правительство вняло его аргументам. Во Францию был направлен полномочный посол, а Макиавелли получил разрешение вернуться на родину.

В октябре 1500 года он получил несколько писем из Флоренции. Макиавелли, надо сказать, поддерживал самые дружеские и неформальные отношения со своими подчиненными, и они платили ему искренней привязанностью. Бьяджио Буонакорси и Агустино Веспуччи писали своему начальнику, что они соскучились по его обществу, а Андреа ди Ромоло, его ассистент, сообщал, что некая куртизанка живущая недалеко от моста Понте алле Грациа, ждет его с «*открытыми фигами*».

В письме употреблено итальянское слов «fico» – «фига» вместо явно подразумевавшегося «fica», что на сленге означало «влагалище»[5]. Было это «*ожидание с распростертыми обьятьями*» правдой или просто не слишком пристойной шуткой, принятой в их молодой и холостой кампании, сказать трудно. Как бы то ни было, во Флоренции его действительно ждали – предстояло что-то вроде переаттестации, Большой Совет должен был заново утвердить его в должности.

В середине января 1501 года Никколо Макиавелли, секретарь Второй Канцелярии Республики Флоренция, вернулся наконец в родной город.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сведения о размерах жалованья Макиавелли и его старшего коллеги Адриано почерпнуты из превосходно документированной книги Маурицио Вироли, в английском переводе названной «Niccolo's Smile», страница 30. Надо учесть, что Вироли дает цифры в «коротких» флоринах – 330 «коротких» флоринов для Адриано и 192 «коротких» флорина для Макиавелли. Такая усеченная монета стоила 2/3 от цены полновесного флорина.

2. Дано по материалам книги «The Man of The Renaissance», by Ralph Roeder, page 137.

3. Machiavelli, by Ross King, page 29.

4. В 1507 году в Виченце вышло в шести книгах анонимное издание «Mondo nuovo e paesi nuovamente retrovati da Alberico Vespuzio Florentino», автором которого был венецианский космограф и картограф Алессандро Цорци. Но сочинения, вышедшие в свет под названием путешествий Америго Веспуччи, были писаны не им и заключали в себе множество противоречий. Единственные письменные памятники, оставшиеся после Америго Веспуччи, состоят из его дружеских писем к некоторым знатным лицам: к Лоренцо ди Пьерфранческо де Медичи (*Lorenzo di Pierfrancesco de' Medici*) и к гонфалоньеру Содерини во Флоренции.

5. Machiavelli, by Ross King, page 31.

О проблемах, возникших у викариев церкви провинции Романья, 1499—1502

I

Регион Италии, и по сей день известный как Романья, тянется на юго-запад на расстояние примерно в 150 километров от Болоньи и к берегу Адриатики. Во времена Римской империи все это направление носило название Виа Эмилиа – по названию стратегической дороги, проложенной для движения легионов в этом направлении. Ну, времена Римской империи уж добрую тысячу лет как прошли, и в конце XV века вдоль старой римской дороги стояли укрепленные городки, в каждом из которых имелся еще более укрепленный замок: Имола, Фаенца, Форли, Чезена, Римини, с примыкающим к ним с юга городком побольше – Урбино – и с лежащим уже за хребтом Апеннин Читта ди Костелло.

Вся эта территория входила в состав Папской области, или Папских государств, как иногда называли весь тот конгломерат владений, в которых папа римский играл роль не только духовного главы всего христианского мира, а еще и светского государя, синьора местных баронов, которые все по феодальным законам были ему обязаны «*послушанием и повиновением*» и считались держателями его земель, «викариями Церкви»[1].

Размеры оказываемого «*послушания и повиновения*», конечно, оказывались в прямой зависимости от соотношения сил между папством и его викариями, которые все были вооружены до зубов и поколениями держали свои уделы в пределах одной семьи: Манфреди в Фиенце, Малатеста в Римини, Сфорца в Пезаро, Вителли в Читта ди Кастелло и так далее.

Главным продуктом экспорта Романьи служили кондотьеры. Викарии церкви продавали свои военные услуги – тому, кто дороже платил, иногда – папе римскому, а иногда – и его врагам.

Справиться с ними Рим не мог – их лояльность, как правило, покупалась. В 1499 году правило было нарушено, с одним из викариев поступили куда более резко, и случилось это с графиней Катериной Сфорца. Ее владения тоже считались «викариатом», а обвинили ее в попытке отравить папу Александра VI. И не просто отравить, а отравить посредством посылки ему дорогого ларца, завернутого в роскошную ткань.

Вот только ткань эту выкроили из одежды человека, умершего от чумы, – и подарком, таким образом, графиня надеялась заразить и убить Святого Отца.

Правда это или нет – неизвестно.

Семейство Борджиа предпочло посчитать это правдой. Войска папы вторглись в ее владения и осадили замок Форли – тот

самый, в котором она принимала Макиавелли.

Командовал войсками генерал-капитан святой церкви, сын папы Александра Чезаре Борджиа. Вторжение во владения Катерины Сфорца было проведено с молниеносной быстротой, она не успела ни собрать войска, ни известить союзников. Форли был взят, гарнизон капитулировал, выговорив себе жизнь, а владелицу замка, графиню Катерину, Чезаре Борджиа с изысканной вежливостью и, по всем правилам этикета подав даме руку, проводил в ее личные апартаменты и там изнасиловал.

Он продержал ее в Форли две недели и наконец отправил в Рим, где Катерину Сфорца заключили в тюрьму. Ее офицерам Чезаре сказал, что «*она защищала крепость гораздо дольше и мужественнее, чем свою честь*».

Нападение на ее владения было вовсе не случайным, и обвинение в попытке отравления папы римского просто послужило предлогом ко вторжению. На совете семейства Борджиа было решено, что с независимостью Форли следует покончить.

Это владение было нужно самому Чезаре Борджиа.

II

В 1499 году ему было 24 года. Он был очень умен – прекрасно учился в университете, владел 5 языками [2]. Его готовили к церковной карьере – он был вторым по старшинству сыном папы, а династию, как правило, продолжали старшие сыновья. Но брат Чезаре, Хуан Борджиа, герцог Гандии и Сессии, коннетабль Неаполя, папский гонфалоньер и генерал-капитан церкви, был убит в ночь на 14 июня 1497-го – его тело выловили из Тибра с 9 колотыми ранами. Убийство не было результатом кражи – кошелек, в котором было 30 дукатов, остался не тронут.

Ходили слухи, что убийство заказал Чезаре Борджиа. У него в то время была уже такая репутация, что, по слухам, Чезаре стал бояться его собственный отец.

Как бы то ни было – свидетелей убийства не нашлось, а военные должности брата перешли к Чезаре Борджиа. Он оставил свою церковную карьеру, сложил с себя сан кардинала, полученный в 17-летнем возрасте, и занялся командованием войсками.

К этой деятельности он был приспособлен как нельзя лучше.

Когда его отец, папа Александр VI, в очередной раз поменял систему своих союзов и стал ориентироваться на Францию, Чезаре получил данный ему королем Людовиком XII титул герцога Валентино. Но это был только титул – оба Борджиа, и отец, и сын, хотели прибавить к нему и земли. Выбор пал на Романью – отсюда и нападение на Форли. Папа отлучил от церкви викариев Пезаро, Римини и Фиенцы. В октябре 1500 года (Макиавелли в это время еще пребывал во Франции со своей неудавшейся миссией) Чезаре во главе 10 тысяч наемников ворвался в Романью и захватил и Пезаро, и Римини, и Фиенцу, причем сопротивление ему оказали только в Фиенце, все остальные оказались застигнуты врасплох.

У Чезаре Борджиа оказалась поддержка и папы римского, и короля Франции, Людовика XII, который не только помог ему войсками, но дал в жены свою родственницу, Шарлотту д'Албре.

Агостино Веспуччи писал Макиавелли во Францию о том, что ходят тревожные слухи о возможной атаке Чезаре и на Флоренцию. Слухи имели очень серьезные основания – на службу к свежеиспеченному герцогу Романьи поступил кондотьер Вителоццо Вителли, брата которого флорентинцы казнили. Он делал все возможное, чтобы навредить Республике, и в стараниях своих немало преуспел.

Чезаре взял его на службу и Фиенцу захватил с его помощью.

А потом потребовал у флорентийской Синьории права свободного прохода через Тоскану, поскольку он собирался завоевывать Пьомбино. Синьория не успела даже ответить – войска Чезаре Борджиа вторглись на ее территорию. Деревни они грабили так, что их обитатели, прихватив с собой все, что только могли, кинулись во Флоренцию, под защиту ее стен.

Срочное посольство, отправленное в его лагерь, разумеется, ничего не добилось. Он потребовал с Республики 36 тысяч флоринов «*за защиту*» и получил обещание выплатить ему эту сумму.

Никколо Макиавелли, секретарь Второй Канцелярии, в это время, в самом начале 1501 года, был занят в Пистойе – его послали туда улаживать кровавый конфликт между двумя местными кланами.

Задача ему выпала нелегкая – резня шла в пропорциях хорошей гражданской войны, число убитых исчислялось сотнями, усадьбы проигравших разорялись дотла, в совешенно буквальном смысле слова «дотла» – их сжигали.

Много позднее, когда у Макиавелли оказалось много – даже слишком много – досуга, он напишет, что утихомирить расколотый на враждующие партии город можно тремя средствами:

1. Казнить лидеров свары.

2. Если невозможно – следует их изгнать.

3. Если невозможно ни то, ни другое – заставить подписать мирное соглашение.

Из трех методов «*улаживание дела посредством подписания соглашения*» он считал «*самым вредным, самым ненадежным и самым неэффективным*». И добавлял, что именно-то его и использует Республика. Сам Макиавелли решительно предпочитал другой метод.

Тот, который числился в его списке под номером один.

III

Летом 1502 года в делах Флоренции случилась беда – в начале июня в городе Ареццо, которым Республика владела с 1384 года, вспыхнуло восстание. Отреагировать Синьория не успела – на помощь восставшим пришел Вителоццо Вителли, у которого оказалось под рукой несколько тысяч солдат.

Его встретили как освободителя.

Поскольку Вителоццо подчинялся Чезаре Борджиа, из Флоренции к нему было направлено посольство с просьбой унять своего подручного кондотьера.

В состав посольства вошли два человека – секретарь Никколо Макиавелли и Франческо Содерини, епископ Вольтерры, одного из владений Республики. Ехать им пришлось в Урбино – Чезаре пребывал именно там, празднуя свою очередную победу.

Герцогство Урбино входило в состав Папской области, и викарием церкви там состоял Гвидобальдо да Монтефельтро, семья которого владела городом начиная с XII века. Герцог Урбинский, поглядев на то, что делалось в Форли и Римини, решил быть в дружбе и союзе с Чезаре Борджиа и без особых колебаний выполнил его просьбу – направить свои войска, включая артиллерию, ему на помощь, на осаду Камерино.

Как только он это сделал, в Урбино вторгся Чезаре во главе 2000 испанских наемников и захватил его без боя. Этот его успех вызвал во Флоренции большую тревогу – Макиавелли направили в Урбино не зря, у него сложилась репутация надежного дипломата. Ему даже дали награду в размере 6 флоринов (поскольку он получал 128 флоринов в год, или 10 с небольшим флоринов в месяц, это было равноценно его двухнедельному жалованью).

Жалованья, правда, не прибавили – а жаль, ему бы деньги пригодились, потому что он, в возрасте 33 лет, наконец женился, и срочная командировка в Урбино была ему, прямо скажем, некстати.

Чезаре Борджиа встретил флорентийских послов в герцогском дворце Урбино. Он произвел на них сильное впечатление. Чезаре был так силен, что ломал подкову голыми руками, вызывал молодежь в Урбино на состязания – все равно в чем, хоть в беге, хоть в борьбе – и неизменно побеждал. Одевался он в черный бархат и часто дополнял свой наряд маской. Говорили, что он прячет появившиеся у него на лице язвы от сифилиса – но как бы то ни было, одетый во все черное и с черной маской на лице, выглядел он устрашающе.

Во всяком случае, так послам показалось. И разговор у них с Чезаре вышел такой, что это впечатление только усилилось. Он начал с того, что пригрозил сменить правительство во Флоренции и вернуть к власти Пьеро Медичи, если только Республика немедленно не признает всех его завоеваний и не оставит все попытки вмешиваться в дела в Романье. Он добавил к этому запрос о немедленной выплате обещанных ему 36 тысяч флоринов и сказал послам, что Флоренция может иметь в его лице или друга, или врага, но в любом случае она должна сделать свой выбор быстро.

Макиавелли отправился с докладом во Флоренцию, а епископ Содерини остался в Урбино для дальнейших переговоров. Вскоре, однако, ему пришлось бежать оттуда – Синьория решила потянуть время, и Чезаре получил уклончивый ответ. Ярость его была так велика, что епископ не понадеялся на защиту, которую давал ему его сан.

Но, как ни странно, кризис развеялся.

Республика Флореция поступила так, как поступает всякий лавочник, когда ему грозят сразу два бандита, – она обратилась с просьбой к тому из них, кто сильнее, с просьбой разобраться в ситуации.

Королю Франции, Людовику XII, было направлено сообщение, что Чезаре Борджиа и подчиненные ему кондотьеры вторгаются на территорию Республики, разоряют ее, требуют денег – и тем ставят под вопрос саму возможность своевременных выплат договорных сумм, следуемых Франции.

Король оказался очень недоволен. Чезаре Борджиа было рекомендовано «*унять своих молодцов*» – и он счел за лучшее последовать рекомендации.

Вителоцци Вителли получил приказ уйти из Тосканы.

IV

Происшедшие события, однако, оставили во Флоренции некий след. Было осознано, что вести дела на обычный лад больше невозможно. Главой исполнительной власти в Республике считался председатель Синьории, носящий титул гонфалоньера – и он менялся каждые два месяца. Это было очень демократично, но сильно мешало – просто потому, что слишком часто дергало всю систему управления.

Поэтому было решено создать новый пост – гонфалоньера с пожизненными полномочиями. Идея была позаимствована из венецианской практики – там главой государства был избираемый дож, правивший пожизненно. В конце августа 1502 года положение о «пожизненном гонфалоньере» стало законом и на основе закона были проведены выборы. Из 236 кандидатов, представленных Большому Совету, предстояло выбрать наилучшего.

Им оказался Пьеро Содерини, бывший посол Флоренции в Милане и во Франции, человек опытный. Макиавелли был ему рекомендован как «*муж умный и искусный в делах*» – и рекомендация исходила от родного брата гонфалоньера, Франческо Содерини, вместе с которым Никколо Макиавелли ездил в Урбино.

Пьеро Содерини решил последовать рекомендации. Он собирался направить новое посольство к Чезаре Борджиа и поручил это тому, о ком его брат так высоко отзывался.

Седьмого октября 1502 года Макиавелли прибыл в Имолу, где Чезаре в то время держал свой двор. Встретили его куда более любезно – Чезаре Борджиа, герцог Валентино, был встревожен. У него на руках был мятеж, и при этом самого неприятного свойства. Мелкие государи Романьи посчитали, что вероломный захват Урбино переходит все границы. То, что быть врагом семейства Борджиа опасно, они понимали очень хорошо. Но, как оказалось, и дружба с Борджиа не спасала от внезапного удара, что случай с Урбино и показал очень ясно.

Как сказал правитель Перуджи, «*этот дракон просто сожрет нас одного за другим*» – и с ним согласились очень многие. К несчастью для Чезаре, к числу согласившихся принадлежали и его собственные «генералы» – например, Виттелоццо Вителли, которого он отозвал из Тосканы.

Макиавелли приехал в Имолу 7 октября – а через два дня, 9 октября, восставшие кондотьеры подписали друг с другом соглашение о сотрудничестве.

Так что Чезаре принял посла очень любезно и сообщил ему, что «*ожидает помощи от своего верного союзника, Флорентийской Республики*». Тем временем он начал немедленно, не теряя ни минуты, собирать местное ополчение, и сумел набрать около 6 тысяч человек, которых он вооружил, организовал и даже снабдил чем-то вроде военной формы – они носили одинаковые красно-желтые шапки со знаком «Чезаре» – «Цезарь».

Так сказать, отсыл к гербу их предводителя, на котором, в числе прочего, была надпись: «*Цезарь или ничто*»[3].

Макиавелли был под большим впечатлением – Чезаре в опасной ситуации демонстрировал ту же решительность, которую проявил в период своих побед и удач, – и рекомендовал Синьории помочь ему. Он полагал, что герцог Романьи устоит и что Республике есть смысл установить хорошие отношения с его новой державой, которую он создает в Италии.

Его одобрили, комиссия «Десяти» даже прислала ему благодарность за рекомендацию, но делать что бы то ни было не торопилась. Макивелли застрял в Имоле. Он писал во Флоренцию, заказал себе там бархатный плащ, просил прислать ему «Жизнеописания» Плутарха – но дело не двигалось. И так он и просидел в Имоле вплоть до 10 декабря. В этот день Чезаре Борджиа, никого не предупреждая, внезапно выступил в поход. С ним было 5000 пехоты и 1200 кавалеристов. Тяжелый снегопад его не остановил.

Он шел на Чезену.

V

Чезена была одним из городков, завоеванных Чезаре Борджиа в Романье, и после ее захвата было сочтено, что население городка склонно к мятежу. Наместником туда был назначен Рамиро де Лорка, один из испанских солдат, входивших в окружение Чезаре. Человек он был жестокий, колебаний не знал и за время своего правления навел в городе весьма эффективный порядок – его ненавидели, но так отчаянно боялись, что никто не смел против него и слова сказать.

Чезаре прибыл в город, провел инспекцию, и когда рано утром 26 декабря, на следующий день после Рождества, жители Чезены вышли на городскую площадь, они обнаружили там разрубленный пополам труп своего губернатора. Голова его была отрублена и надета на копье, а рядом с телом был найден тесак – и деревянная колода, которую мясники использовали при разделке туш.

Никаких обьяснением не последовало – они возникли сами по себе. Потрясенные жители Чезены говорили друг другу, что их благородный герцог, узнав о всех тех несправедливостях, которые чинил его слуга, наказал его должным образом.

Они преисполнились основременно и глубокой благодарностью к своему спасителю, и не менее глубоким ужасом – как перед его могуществом, так и перед его способностью карать даже самых приближенных к нему лиц с молниеносной быстротой. Макиавелли, последовавший вслед за Чезаре через два дня после того, как тот выступил в поход, имел случай лично поговорить с жителями Чезены и произведенное на них впечатление видел сам.

Он писал потом, что одним этим актом Чезаре показал, кто здесь хозяин и кто может как вознести, так и уничтожить. Времени поразмышлять над услышанным, однако, у флорентийского посла не было – ему надо было следовать за герцогом Романьи. Тот двигался дальше, в Синигалию, навстречу своим мятежным кондотьерам.

Что сказать – у этих людей был опыт и личное знакомство с особенностями политической жизни Италии на рубеже XV и XVI веков. Глава мятежа, правитель Перуджи Джанпаоло Бальони однажды устроил резню соперничавшего с ним семейства Одди, и тогда был перебит практически весь этот клан, всего около 130 человек. Его соратник, 27-летний Оливеротто Эуффредуччи, был племянником правителя Фермо, как командир отряда кондотьеров, участвовал в осаде Пизы вместе Паоло Вителли, был

захвачен там флорентийцами и не казнен только потому, что за него вступился его дядя. Через два года, в 1501 году, он отплатил дядюшке тем, что убил его на пиру и захватил контроль над Фермо, установив там свое правление. Про Вителоццо Вителли мы уже слышали. Опуская подробности его биографии, скажем просто, что он был ничуть не лучше своих коллег-кондотьеров.

И тем не менее, записал потом потрясенный этим делом Макиавелли, Чезаре Борджиа перехитрил их всех: он сумел их уверить в своем полном дружелюбии и в готовности договориться.

Был заключен мирный договор. Мятежные командиры возвращались под знамена Чезаре Борджиа, он их прощал, подтверждал все их прежние договоры, подарил им четыре тысячи венецианских дукатов – а они возвращали ему было захваченное ими герцогство Урбино и клялись в нерушимой верности. То, что стороны не верили другу другу, понятно само собой. Вителоццо даже запросил помощи во Флоренции, с которой он только что нещадно воевал. Чезаре Борджиа тем временем успел получить помощь из Франции – ему дали 500 копейщиков. Он мог бы рискнуть теперь пойти и на открытый бой, но предпочел устроить врагам ловушку.

Разумеется, это было совсем непросто – Вителоццо и прочие мало верили словам. Но Чезаре на слова и не полагался. Он получил письмо от Вителоццо Вителли и Оливеротто Эффердуччи, с приглашением приехать в Синигалию на встречу с ними – они, как его «верные союзники», сообщали, что комендант замка согласен сдаться только ему, Чезаре. Так что не согласится ли он приехать, с тем, чтобы помочь общему делу? То, что это ловушка, было бы понятно и не такому изощренному человеку, как Чезаре – при «*дружеском свидании*» его вполне могли захватить или устроить так, чтобы он получил в спину стрелу из арбалета. Он рисковал головой, и очень хорошо знал об этом.

Тем не менее Чезаре Борджиа принял приглашение.

VI

У Макиавелли есть произведение, посвященное встрече Чезаре с его мятежными кондотьерами, с невозможно длинным названием:

«*Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителоццо Вителли, Оливеретто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини*».

Ну, конечно же, к тексту нужны комментарии. Скажем, «герцог Валентино» – это Чезаре Борджиа, Макиавелли его называет по его французскому титулу. Про Вителоццо Вителли мы уже знаем, а Оливеротто [да Фермо] назван не по фамилии, а по владению Фермо, которое он захватил, убив своего дядю, брата своей матери, «синьор Паоло» – это Паоло Орсини, кондотьер на службе Медичи, а потом – Чезаре Борджиа. А «герцог Гравина Орсини», опять названный скорее по титулу, чем по имени, – это Франческо Орсини, викарий церкви, отпрыск влиятельной семьи Орсини, с владениями в Романье, находившийся в неприязненных отношениях с Борджиа и занимавшийся тем, что продавал свой меч тому, кто больше платит.

Дальше Макиавелли, говоря о себе в третьем лице, пишет, что *«флорентийцы, ненавидевшие Вителли и Орсини, не только к ним не присоединились, но послали к герцогу своего секретаря, Никколо Макиавелли, предлагая ему убежище и помощь против его новых врагов; герцог же находился в это время в Имоле в великом страхе, потому что солдаты его совсем неожиданно стали его врагами, война была близка, а он был безоружен. Однако, получив предложения флорентийцев, он воспрянул духом».*

Насчет того, что Чезаре Борджиа «*воспрянул духом, получив от флорентийцев предложение помощи и поддержки*», – это, конечно, фигура речи.

В переводе на язык российских реалиий это звучало бы так: криминальный авторитет Ч., получив предложение о помощи и поддержке (чисто словесное) в его борьбе с восставшими против его руководства бандитами со стороны владельца торговой базы, которую он с их помощью крышевал, воспрянул духом.

Уж наверное авторитет Ч. не стал бы рассчитывать на доброе отношение купцов, которых он прижимал, а позаботился бы о средствах понадежнее.

Вот и Чезаре Борджиа принял свои меры. В свой замысел он посвятил только восемь человек, и цифра эта было не случайной, а рассчитанным минимумом. Его люди должны были разбиться

на четыре «двойки» и встать так, чтобы оказаться по бокам каждого из четырех командиров кондотьеров, перечисленных Макиавелли в названии своего короткого эссе с таким длинным названием.

Встреча произошла у моста, обе стороны обменялись поклонами и приветствиями, их эскорты смешались, и все случилось так, как и было задумано. Вителоцци, Паоло Орсини и герцог Гравина (Орсини) были окружены, а к отставшему Оливеротто послали гонца с просьбой поспешить, ибо его все уже собрались и ждут только его.

Он и поспешил…

Когда кавалькада подъехала к дому герцога и собравшиеся всадники спешились и вошли в дом, всех четверых командиров немедленно схватили.

Вителоции и Оливеротто удавили прямо сразу.

Паоло Орсини и герцог Гравина, он же – Франческо Орсини – оставались в живых до тех пор, пока Чезаре Борджиа не получил вестей из Рима о том, что там папе Александру удалось захватить главу семьи, кардинала Орсини. Восемнадцатого января 1503 года из Рима прибыл гонец с сообщением о том, что все сделано как надо и кардинал Орсини надежно заперт. Как только об этом узнал Чезаре, он отдал приказание – и Паоло Орсини и герцога Гравина удавили в тот же день.

В книге Никколо Макиавелли «Государь» о Чезаре Борджиа будет сказано, в частности, следующее:

«*Обозревая действия герцога, я не нахожу, в чем можно было бы его упрекнуть*».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ВИКАРИЙ, викария, *муж.* (*лат.* vicarius – замещающий, заменяющий кого-нибудь). Иногда употреблялось в значении «управляющий от имени кого-то или чего-то».

2. Чезаре Борджиа совершенно свободно владел испанским, итальянским и французским языками, а также и латынью. Изучал в университете греческий и мог читать греческие античные тексты в подлиннике.

3. Герб Чезаре Борджиа: «Красный бык на золотом фоне». Девиз: «Aut Caesar, aut nihil» («Или Цезарь, или ничто»).

О меморандумах, написанных помощником гонфалоньера Пьеро Содерини, 1502—1503

I

Республика Флоренция увернулась от когтей Чезаре Борджиа – увернулась с помощью короля Франции, денег и значительной доли удачи. Но Республика Флоренция осознала – нужны перемены. Десятого сентября 1502 года была учреждена должность пожизненного гонфалоньера, которую занял Пьеро Содерини. Первый раз в жизни у нашего героя появился шанс получить некоторое влияние – Макиавелли стал одним из его ближайших сотрудников. Ему было поручено написать меморандум, как бы вступление к речи гонфалоньера к Большому Совету о необходимости увеличения налогов с целью создания вооруженных сил Республики.

Система кондотьеров не работала, совершенно определенно надо было создавать что-то другое.

И Макиавелли написал меморандум – нечто довольно резкое, что в кратком пересказе можно представить так:

«*...всякое государство стоит на комбинации использования силы и благоразумия, дипломатической ловкости. Отсутствие силы делает любое благоразумие бессильным и бесполезным. Флоренция, создав должность постоянного гонфалоньера, создала необходимый минимум благоразумия. Теперь надо создать необходимый уровень силы. На это нужны средства – но не лучше ли обзавестить средствами самозащиты вместо того, чтобы раз за разом нанимать чужую силу, которая и дорога, и предельно ненадежна?..*»

И добавил, что глупо надеяться на защиту короля Франции: «*нет такого государства, которое может считать свою безопасность обеспеченной, если оно зависит от доброй воли кого-то еще*».

Открытым текстом он говорил своим согражданам: «*вы не вооружены, ваши подданные вас и не любят, и не боятся*». Под «*подданными*» он имел в виду Лукку, Сиену, Пизу и прочие когда-то Флоренцией покоренные коммуны Тосканы.

«*Посмотрите на Италию,* – продолжал Макиавелли. – *Вы увидите, что все сейчас вращается вокруг короля Франции, Венеции, папы римского – и вокруг нового герцога Романьи* [Чезаре Борджиа]. *Неужели вам непонятно, что король Людовик XII будет уважать вас только в том случае, если вас перестанут пинать прочие государства Италии? Венецианцы всегда были вашими врагами, вы по-прежнему должны им 180 тысяч флоринов.*

Так не лучше ли обратить эти деньги на войну, чем платить им и впредь и позволять пускать ваши же деньги на войну против

вас?».

Макиавелли в меморандуме вообще сказал своим согражданам много нелицеприятного. Например, он указал им на то, как они слепы: «*...Что касается папы и Чезаре Борджиа, герцога Валентино, его сына, то неужели вам не ясно, что они хотели бы отнять ваши земли? У вас нет договора с Чезаре, и даже если бы он и был – что он бы стоил?..*»

Макиавелли ясно понимает нечто, что он пытается донести до сознания своих слушателей – законы, контракты и соглашения имеют силу только в сделках между частными гражданами, потому закон существует только там, где есть суд, способный провести свои решения в жизнь.

Между государями такого суда нет – есть только оружие, которое и есть аргумент в «*суде*», гарантирующий выполнение договора. У флорентийцев нет оружия, и в «*суде*» у них нет защиты, как бы ловки ни были бы флорентийские дипломаты (вроде самого Макиавелли) в приведении «*юридических доводов*».

В заключение же он привел флорентийцам в пример историю, связанную с падением Константинополя в 1453 году. Император Византии собрал граждан и сказал им, что ужасный враг наступает на город, и ему нужны деньги и усилия граждан на организацию обороны. Отклика он не получил. Вскоре началась осада Константинополя, и граждане бросились к императору за защитой, предлагая ему все свое достояние. И он сказал им, что теперь слишком поздно:

«*Идите и умрите со своими деньгами, раз вы не хотели жить, расставшись с ними*».

«*Говорю вам,* – сказал Макиавелли, – *и с вами будет то же самое, когда Чезаре Борджиа подойдет к стенам Флоренции».*

Продолжил он тоже весьма убедительно:

«Фортуна не меняет своих решений, когда процедура принятия и осуществления решений не меняет свого хода и небеса не хотят или не могут помочь городу, который уже решил пасть. Я не верю в падение Флоренции, когда я вижу вас, свободных флорентийцев, держащих свою свободу в своих собственных руках. Я уверен, что во имя этой свободы вы сохраните уважение к ней, потому что вы были рождены свободными и, я надеюсь, свободными будете жить...»

Использовал ли Пьетро Содерини слова Макиавелли в своей речи перед Синьорией, мы не знаем.

Но закон прошел, и специальный налог на собственность, включая даже собственность церкви, был введен в силу.

II

Летом 1503-го Макиавелли составил еще один меморандум для Синьории. Речь в нем шла о том, как следует поступать с восставшими против Республики городскими коммунами Тосканы.

Вопрос был настолько важен, что секретарь Второй Канцелярии Никколо Макиавелли написал на эту тему специальную работу: «*О том, как следует поступать с восставшими жителями Вальдикъяны*».

Если кому-то из читающих эту книгу будет интересно – полный текст меморандума приведен в приложениях.

Но надо сразу сказать, что всю первую половину этой работы можно спокойно пропустить. Дело в том, что Макиавелли использует пример из античной истории, хорошо известный и ему, и его предполагаемой аудитории, но малопонятный современному читателю.

Однако если ограничиться тем, что известно нам с вами, – ну, хотя бы из чтения той самой книги, которую вы держите в руках, – мы узнаем немало интересного об общем ходе мыслей Никколо Макиавелли. Вот что он пишет:

«*…Римляне находили, что надо либо облагодетельствовать восставшие народы, либо вовсе их истребить и что всякий иной путь грозит величайшими опасностями. Как мне кажется, вы не сделали с аретинцами ни того, ни другого: вы переселили их во Флоренцию, лишили их почестей, продали их имения, открыто их срамили, держали их солдат в плену – все это нельзя назвать благодеянием…*»

То есть мягкие меры, принятые после подавления восстания в Ареццо, не пошли достаточно далеко. Жители восставшего города были наказаны, и осталось много недовольных этим наказанием, но не напуганных достаточно для того, чтобы и не помышлять о дальнейшем сопротивлении. Так что меры по умиротворению оказались недостаточными. С другой стороны, меры наказания тоже не пошли достаточно далеко:

«…Точно так же нельзя сказать, что вы себя обезопасили, ибо оставили в целости городские стены, позволили пяти шестым жителей остаться по-прежнему в городе, не смешали их с новыми жителями, которые держали бы их в узде, и вообще не сумели так поставить дело, чтобы при новых затруднениях и войнах нам не пришлось тратить больше сил на Ареццо, чем на врага, который вздумает на нас напасть…»

Он говорит своим согражданам, что все, что сделано,

оказалось крайне неэффективным, что на Ареццо нельзя положиться и что вопрос не решен, и при этом настолько не решен, что в любую минуту пожар может вспыхнуть опять:

«*…Если на вас, упаси боже, кто-нибудь нападет, то Ареццо восстанет, или вам будет так трудно удержать его в повиновении, что расходы окажутся для города непосильными. Не хочу обойти молчанием и вопрос, можете ли вы подвергнуться нападению или нет и есть ли человек, который рассчитывает на аретинцев…*»

Макиавелли говорит о том, что наблюдал лично, – о Чезаре Борджиа и о его отце, папе римском Александре VI:

«*…Не будем говорить о том, насколько вам могут быть страшны иноземные государи, а побеседуем об опасности гораздо более близкой. Кто наблюдал Чезаре Борджиа, которого называют герцогом Валентино, тот знает, – он стремится захватить Тоскану, страну, близко лежащую и пригодную, чтобы образовать вместе с другими его владениями единое королевство, – это вытекает необходимо… из властолюбия герцога…*»

И добавляет, что времени терять нельзя, потому что Борджиа способны на молниеносный внезапный удар:

«*Я вспоминаю, как кардинал Содерини говорил, что у папы*[Александра VI] *и у герцога*[Чезаре Борджиа], *помимо других качеств, за которые можно было назвать их великими людьми, было еще следующее: оба они большие мастера выбирать удобный случай и как никто умеют им пользоваться. Мнение это подтверждено опытом дел, проведенных ими с успехом. Если бы спор шел о том, настала ли сейчас удобная минута, чтобы вас прижать, я бы ответил, что нет, но знайте, что герцог не может выжидать, кто победит, ибо, при краткости жизни папы, времени у него останется мало; ему необходимо воспользоваться первым представившимся случаем и положиться во многом на счастье…*»

Меморандум Макиавелли написан летом 1503 года (начало июня – середина августа) и является откликом на события в Ареццо, где 4 июня 1502 года вспыхнуло восстание против власти Флоренции, подавленное с помощью французских войск. Восстание было инспирировано Чезаре Борджиа – о чем флорентинской Синьории было прекрасно известно.

Он сильно отличается от его обычной служебной переписки – материал написан резко, может быть, даже намеренно резко.

Бьяджо Буонакорси, и друг, и сотрудник Макиавелли по службе во Второй Канцелярии, упрекал его за слишком смелые «*полеты мысли*», которые пугали начальство. Но это сочинение интересно хотя бы тем, что потом многие высказанные здесь Макиавелли мысли станут афоризмами, вошедшими потом в его

великую книгу «Государь»: о необходимости во всяком деле идти до конца, о том, что «*своих врагов нужно или привлекать к себе благодеяниями, или истреблять под корень*», и о великом искусстве действовать в точно выбранный момент.

Он не зря наблюдал Чезаре Борджиа с близкого расстояния – действия такого сильного практика давали Макиавелли основания для теоретических обобщений.

Важным был и подход к предмету. Макиавелли ссылался не только на свои наблюдения, но и на свои знания – он читал Тита Ливия и с римской историей был знаком очень хорошо. Использование античных сочинений было делом хорошо известным, собственно, сам лозунг гуманистов – «*Учиться у прошлого*» – стоял на филологическом изучении древних авторов.

Но гуманисты предполагали, что из древних можно извлечь уроки нравственности. Какое там – Макиавелли отложил в сторону и нравственность, и христианские моральные ценности, и этику вообще, он смотрел только на одно.

Если так можно выразиться, он смотрел только на «*технологическую сторону*» дела.

Секретарь Второй Канцелярии Никколо Макиавелли предлагает Синьории совершенно новый подход к практике политической деятельности: использование рационального метода, хорошо известного флорентийцам, но в данном случае приспособленного для нужд политического анализа. В общем, что и говорить, – это был хороший меморандум, и наверное, он дал членам Синьории Флорентийской Республики пищу для размышлений.

Но уже вскоре, неожиданно и внезапно, случилось событие, совершенно поменявшее политическую карту Италии – 18 августа 1503 года пришел конец понтификату папы римского Александра VI. Он умер в Риме, по слухам – от лихорадки. Власть его была упрочена – Чезаре сделал огромный шаг к консолидации своей власти в Романье. Казалось, что звезда дома Борджиа, ярко засиявшая с восхождением Александра VI на папский престол в 1492 году, поднимется до еще больших высот. Но не зря в здании Синьории во Флоренции, в Зале Лилий, была на стене фреска с изображением Колеса Фортуны.

В 1503 году Колесо повернулось против дома Борджиа.

Семейные дела дома Борджиа, 1492—1503

I

Волей или неволей придется отказаться здесь от хронологического принципа в рассказываемой нами истории. Так или иначе, но повествование до сих пор вертелось вокруг того, что делалось во Флоренции, – но Флоренция была отнюдь не единственным центром, где делалась политика Италии.

Была Венеция, стоявшая на морской торговле. Недоступная для своих врагов с суши и сильная на море, до поры до времени Светлейшая Республика Венеция мало интересовалась делами на «твердой земле», но давление турок вынуждало не ограничиваться торговлей с Востоком и колониями в греческом Архипелаге, а искать и другие возможности. Например в самой Италии.

Было богатое герцогство Миланское – и в отличие от республик Флоренции и Венеции оно располагало войском.

Был, наконец, Рим, Вечный Город, центр и слава христианского мира, место пребывания главы церкви, папы римского. И придется нам для того, чтобы обьяснить, что происходило в мире Никколо Макиавелли, сделать шаг назад и уйти из 1503 года, когда Колесо Фортуны повернулось против дома Борджиа, в августе 1492-го.

Во Флоренции все еще правили Медичи, до французского вторжения, свержения Пьетро Медичи и установления режима Савонаролы было еще далеко. Макиавелли было 23 года.

А в Риме, в августе 1492-го, вступил в свои права папа римский, Александр VI Борджиа, отец Чезаре...

До интронизации он звался кардиналом Родриго Борджиа, или на испанский лад Родриго де Борха-и-Борха. Дело в том, что Родриго был, собственно, испанцем и родился в Арагоне в 1431 году, но поскольку его дядя, Альфонсо ди Борджиа, был кардиналом и занимал высокие посты в церковной иерархии, то и Родриго тоже жил в Риме.

Теперь, после своего возведения в высочайший сан Церкви, он являлся, согласно своему официальному титулу,

«*епископом Рима, викарием Христа, преемником князя апостолов, верховным первосвященником Вселенской церкви, Великим понтификом, Патриархом Запада, Примасом Италии, архиепископом и митрополитом Римской провинции, сувереном государства Папской области, рабом рабов Божьих*».

Александр VI, собственно, продолжал династию – в конце XV века, или, как это время именовали итальянцы, «кватроченто», то есть «1400 с чем-то», уже установилась традиция, согласно

которой всякий папа немедленно двигал своих родственников на самый верх церковной иерархии, делая их кардиналами, а так как нового папу избирал именно конклав кардиналов, то и получалось, что при выборах соперничали «блоки», ассоциированные с той или иной семьей. Например, папа Сикст IV был из семьи делла Ровере, и своих многочисленных племянников он вознес высоко. Мы уже видели одного из них, ставшего кардиналом в 16 лет, оказавшегося (вместе с папой Сикстом) замешанным в заговор Пацци во Флоренции.

Так что Родриго Борджиа шел проторенным путем. В 1455 году его дядя Альфонсо стал папой, Каликстом III. А в 1456 году Родриго в возрасте 25 лет становится кардиналом. Это было более или менее нормально – как мы уже знаем, папа Сикст IV сделал сына своей племянницы кардиналом и вовсе в возрасте 16 лет. Возвышение Родриго Борджиа было делом более или менее ожидаемым.

Но в 1457 году Родриго становится вице-канцлером Римской церкви. Собственно, он был как бы коллегой Никколо Макиавелли. Если Макиавелли стал секретарем Второй Канцелярии Республики Флоренция, то Родриго Борджиа стал секретарем Канцелярии Святейшего Престола. Даже вице-секретарем, с титулом вице-канцлера.

Но названия должностей, как мы знаем, бывают обманчивы. Скажем, высший руководитель мировой державы, Советского Союза, одно время носил титул всего-навсего первого секретаря, и даже не государственной Канцелярии, а всего-навсего одной политической партии своей страны. Ну, а то, что партия эта была коммунистической и правила СССР без всякой конкуренции, и то, что государственные структуры были полностью подчинены партийным, – это уже подробности... В которых, однако, часто и состоит суть дела.

Вот такая же история была и с титулом «вице-канцлер». Это Макиавелли служил Республике Флоренция за жалованье в 128 флоринов в год. А вице-канцлер Церкви – это было уже совсем другое дело. Пост нес с собой огромные выгоды и влияние, потому что в свое время папа Григорий VII решил, что канцлером церкви – то есть человеком, от лица которого выпускаются важные церковные документы – может быть только сам папа. Но поскольку ведение дел канцелярии Церкви влекло за собой большую административную нагрузку, то вице-канцлер замещал папу в очень многих делах, что требовало энергии и немалых дарований.

Родриго Борджиа показал себя в этой должности прекрасно – он был человеком умелым, распорядительным и к тому же

искусным политиком.

С течением времени он нажил гигантское состояние.

Дело было не только в том, что кардинал Родриго Борджиа, как и всякий князь церкви, получал значительные доходы в качестве церковных бенефиций, – он жил широко и тратил немало, – но и в том, что канцелярия под его руководством проделывала поистине удивительные операции по превращению благочестия в наличные.

Вот один небольшой пример: при папе Каликсте граф д'Арманьяк запросил папского позволения на сожительство с собственной сестрой – и получил его…

Папа, правда, об этом не знал. Сам запрос – за очень большие деньги – был обработан в канцелярии таким образом, что оказался вполне «проходимым» документом. Сначала его подправили – было указано, что проситель желал бы получить разрешение на сожительство с «*родственницей четвертой степени родства*». Такого рода случаи рассматривались чуть ли не ежедневно – и разрешение было дано. А вот перед тем как приложить печать к уже подписанному прошению, документ подчистили, заменив «четвертую» степень родства на «первую».

Тем бы дело и кончилось, но непосредственный исполнитель через какое-то время нашел, что получил он все-таки недостаточно, и пришел к заказчику за добавкой.

Тот возмутился и пожаловался в Курию – тут-то все и раскрылось [1]. Заведовал Канцелярией в то время папский племянник, Родриго Борджиа, тот самый, который в 1492-м сам стал папой, Александром VI.

II

И теперь уже в качестве владыки Рима, главы христианского мира и светского государя, распоряжавшегося в Папской области, он взялся за устройство своих дел с той же изобретательностью, которую он проявил на посту вице-канцлера Церкви.

К началу его правления отношения с его соседом на юге, Королевством Неаполитанским, складывались неважно. Это могло быть серьезной угрозой, которую следовало предотвратить – и он провел замечательно ловкую дипломатическую комбинацию.

Александр VI сумел обратить силу своего врага себе на пользу. В числе опасностей, угрожавших его земным владениям, был не только король Неаполя, но и король Франции. Карл VIII уже начал приготовления к своему итальянскому походу, сделал известными свои притязания на неаполитанский престол и пытался получить на это папское благословение.

С этой целью он прислал в Ватикан посольство.

Александр VI имел все основания опасаться французского нашествия – путь французских войск с севера Италии на юг, на Неаполь, шел через Рим со всей неибежностью, диктуемой географией.

И Александр VI использовал сам факт прибытия посольства в Рим как средство давления на Неаполитанское Королевство. Кого хотел бы видеть король Ферранте в Риме? Друга или врага?

В результате все разногласия оказались вмиг улажены, и дружеский союз был скреплен династическим браком – Жоффре, младший сын папы римского Александра VI, женился на Санче, внучке короля Неаполя, Ферранте Первого.

Мелкая подробность – Жоффре было 12 лет, а его жене – 16. Супругам при этом следовало вступить в фактические супружеские отношения, да еще в присутствии официальных дипломатических представителей со стороны короля и со стороны папы. Так требовалось полагавшимся тогда в подобных случаях ритуалом.

Уж как молодожены справились с таким нелегким делом, не знаю – но как-то они справились... Принцесса Санча вошла в семью Борджиа как одна из женщин этого дома. Главное было сделано – папа римский снял до поры до времени все свои возможные проблемы на юге Папской области.

Александр VI теперь был в союзе и в родстве с арагонской династией. Одна ее ветвь правила в Неаполе, а вторая – в Испании, и это последнее обстоятельство было даже важнее, чем

первое. Испания после обьединения Кастилии и Арагона усилилась и могла послужить защитой от французских притязаний.

Проблемы на севере Александр VI устроил похожим образом – выдал замуж свою любимую дочку, Лукрецию [2], за Джованни Сфорца, держателя владения Пезаре в Романье и отпрыска семейства, правившего в Милане.

Возникает, правда, естественный вопрос – а откуда у первосвященника католической церкви взялись дети, если при вступлении в священный сан дается обет безбрачия?

III

Родриго Борджиа любил женщин. То есть он многое любил – коллекционировал предметы искусства, жил в большой роскоши, были известен как меценат, – но женщины были для него необходимостью. Одна из них, Ваноцца деи Каттанеи, родила ему трех сыновей и дочь.

В XV веке прелаты католической церкви позволяли себе многое. Один из предшественников Александра VI, папа Пий II, живший в миру как Энеа Сильвио Пикколомини, священником стал только в 40 лет и оставил после себя не только единственную сохранившуюся папскую автобиографию (полностью не опубликованную и до сих пор), но и написанные им эротические стихотворения.

Понятное дело – не всякий может писать стихи на латыни, но в отношении зачатия детей требования к мужчинам значительно ниже. Так что изящные стихи писал разве что только Пий Второй, но очень многие священники, в том числе и епископы, и кардиналы, имели незаконных детей. Случалось, что имели их и папы римские – при этом официально, как правило, именуя «племянниками». На них шло столько денег, что циничные римляне острили: «*Настоящие турки – это папские племянники*».

Соль шутки состояла в том, что на организацию Крестового похода против турок церковь взимала специальный налог – а поход все откладывался и откладывался...

Папа Александр VI, как уже и говорилось, был широким человеком. Он не стал лукавить и своих незаконных детей признал и дал им свою фамилию. Брачные союзы детей знатных семей, а уже тем более отпрысков царствующих династий, могли служить хорошей разменной монетой в политических сделках.

Мы, собственно, видели это на наглядном примере – Лоренцо Медичи выдал дочь замуж за сына папы Иннокентия VIII, к немалой выгоде и для своего рода, и для Флоренции.

Александр VI не видел причин, почему бы и ему не поступать подобным образом. Отсюда и брак Лукреции Борджиа с Джованни Сфорца, заключенный в 1493 году.

Этот политический ход пригодился ему почти немедленно. Заглянем в энциклопедию: «...В конце августа 1494 года французская армия перешла Альпы... и соединилась с войсками герцога Миланского, Лодовико Сфорца... Флорентийская республика передала французам крепости на морском побережье, Пизу и Ливорно, а 31 декабря французы заняли Рим...»

Мы уже знаем, что случилось в результате вторжения – из

Флоренции выгнали наследника Лоренцо Медичи, его сына Пьеро, и диктатором в городе стал Савонарола.

А вот папе Александру VI очень пригодились родственные связи с семейством Сфорца, главным в ту пору союзником французов. Не в последнюю очередь из-за этого Рим не был разграблен, а французы пошли дальше, на Неаполь, и заняли его в конце февраля 1495 года. Их военная кампания оказалась блистательно выигранной.

И столь же блистательно они проиграли кампанию политическую.

Уже 31 марта 1495 года было объявлено о создании «Священной лиги 1495 года», или «Венецианской лиги», с целью изгнания французов из Италии. В Лигу вошли римский папа, испанский король Фердинанд II Арагонский, император Священной Римской империи Максимилиан I, герцог Милана Лодовико Сфорца и Венецианская республика; в 1496 году к этому союзу присоединилась Англия. Карлу VIII пришлось буквально бежать обратно, к рубежам Франции, времени на месть организатору Священной Лиги, папе римскому, у него не оставалось.

Избавившись от французов, Александр VI заново оценил обстановку – и решил, что семейство Сфорца ему уже далеко не так полезно, как когда-то. Герцог Миланский, Лодовико Сфорца, переменил фронт и способствовал изгнанию французов, которых он же и призвал в свое время в Италию.

Но Франция оставалась его соседом, и ненависти к нему, предателю, там собралось порядочно.

Таким образом, к 1497-му положение дел изменилось. Александр VI решил брачный союз с семейством Сфорца аннулировать. Лукрецию, супругу Джованни Сфорца, обьявили «*невинной девой, мужем нетронутой*», а невинной она, предположительно, была потому, что брак не был фактически осуществлен.

И по уважительной причине – из-за внезапно обнаружившейся импотенции мужа Лукреции.

IV

Ну, это был только предлог для развода. Вообще-то было куда более надежное средство расторгнуть брак Лукреции – она могла, скажем, неожиданно овдоветь, и, по-видимому, нечто в этом духе и планировалось. Старшие братья Лукреции, и Чезаре, и Хуан, уже обнаружили свои таланты в деликатной области устранения лиц, им почему-то не желательных...

Но Лукреция Борджиа, добрая душа, предупредила Джованни, и он устроил себе побег из Рима и укрылся в своей крепости, Пизаро, в надежде на выручку со стороны могущественного дяди, герцога миланского, Лодовика Сфорца.

Ох, тому было в тот момент не до племянника. Французы зла ему не забыли...

А Александр VI угрожал расторгнуть брак Джованни Сфорца с дочерью своей властью. Он имел на это право, и в этом случае приданое Лукреции пришлось бы вернуть.

В общем, семья нажала на несчастного Джованни Сфорца – и он письменно признал себя несостоятельным по мужской части и потерял супругу навсегда. Брак был расторгнут.

Но Джованни сделал все возможное для того, чтобы отомстить. Начало сплетен о том, что неприязнь отца Лукреции и обоих ее старших братьев к ее мужу объясняется ревностью, потому что все трое любят ее отнюдь не по-родственному, прослеживается именно к Джованни.

Как бы то ни было, Лукреция перешла жить во дворец своего отца.

Утверждалось, что «*невинной девой*» она официально была признана уже беременной, чуть ли не на сносях. Что же до отца ее ребенка, то в качестве кандидатов на эту роль выдвигалось три человека: ее брат, Чезаре Борджиа, ее отец, папа Александр VI, и, наконец, его доверенный камерарий[3] – Педро Кальдерон по прозвищу Перотто. Ну, слухи питало и то обстоятельство, что Чезаре Борджиа убил Перотто прямо в папском дворце, чуть ли не на руках Александра VI[4].

Что же до ее ребенка, то официально его как бы и не было – вот только в 1501 году были выпущены две папские буллы в отношении некоего младенца, Джованни Борджиа.

Согласно первой, отцом ребенка был Чезаре до его вступления в брак. Вторая называла отцом самого Александра VI. Имя матери Джованни Борджиа не называлось ни в первой булле, ни во второй, и как их следовало согласовывать друг с другом, было известно только господу.

Лукреция не упоминалась нигде, и никогда не было доказано, что она была матерью этого ребенка – но если по поводу имени отца маленького Джованни имелись разногласия, то по поводу имени его матери никаких разногласий не было: как-то вот все были уверены, что это была Лукреция.

Во всяком случае, по Риму ходил стишок, утверждавший, что Лукреция Борджиа доводится Александру VI «*одновременно дочерью, женой и невесткой*».

Вообще говоря, в это можно поверить. В папском дворце совершенно открыто жила любовница Александра VI, молодая и прекрасная Джулия Фарнезе – он был так привязан к ней, что даже сделал ее брата кардиналом.

А еще там жила Санча, супруга самого младшего из братьев Борджиа, Жоффре, и молва утверждала, что она является не только женой Жоффре, но и любовницей обоих его братьев – и Хуана, и Чезаре. Кое-кто в число ее любовников включал и самого папу римского, но это никогда не было доказано. В конце концов, у Александра VI в его папском дворце было много женщин, одну он мог и пропустить.

А вот к дочери он был действительно необыкновенно привязан.

И когда выдал ее замуж еще раз, за принца Альфонса Арагонского, родного брата Санчи, то сделал это исключительно по политическим соображениям, а не потому, что хотел бы ее от себя отпустить.

V

Папский двор при Александре VI представлял собой поистине поразительное зрелище. Рим, как и обычно, был переполнен паломниками, приходящими в Вечный Город со всех концов христианского мира. На виду у всех, и ничуть не таясь, глава христианского мира, викарий Христа, преемник князя апостолов, верховный первосвященник Вселенской церкви, Великий понтифик, Примас Италии, смиренный раб рабов Божьих жил в неслыханной роскоши, совершенно открыто держал целый гарем, составленный из молодых и прекрасных женщин, как истинный гуманист – вроде Лоренцо Медичи – устраивал праздники, полные античной языческой символики, и добавлял к ним другие зрелища, которые даже языческой символикой предусмотрены не были.

Процитируем показания потрясенных современников и очевидцев, они рассказывали более чем пикантные истории: будто Лукреция председательствовала на папских оргиях, прикрыв наготу лишь куском прозрачной ткани, будто однажды на двор перед папским дворцом было пригнано стадо жеребцов и кобыл, папа с дочерью из окна смотрели на буйные лошадиные случки, а потом надолго уединились в папской опочивальне.

Рим – теоретически – был готов возглавить Крестовый поход. Но в том же Риме вплоть до 1495 года жил турецкий принц, известный на родине как «*несчастный султан Джем*»[5], который после смерти отца проиграл битву за стамбульский престол своему брату, Баязиду Второму, и бежал на Мальту, под защиту братьев-иоаннитов. Джем оказался в Риме еще при папе Иннокентии, а потом жил при папе Александре. С ним, кстати, дружил сын папы, Хуан Борджиа, который даже копировал своего друга в манере одеваться.

Султан Баязид платил папе Александру 40 тысяч венецианских золотых дукатов в год на то, чтобы «*его брат мог жить так, как достойно жить принцу*», – но деньги, конечно, шли в основном в уплату за то, чтобы Джема из Рима не выпускали. Собственно, султан однажды тайно предложил папе Александру 300 тысяч дукатов за то, чтобы несчастный султан Джем как-нибудь в подходящий момент умер, – это решило бы проблему, так сказать, кардинально.

Проблема, кстати, примерно так и решилась.

Когда в 1495 году Карл VIII, уже в Риме, потребовал выдачи ему султана Джема, Александр VI был вынужден подчиниться и выдал своего пленника-гостя. А тот, уже в лагере французских

войск, совершенно неожиданно умер. Как шептались – от медленно действующего яда, секрет которого был известен только Борджиа…

А через два года, в 1497-м, в один прекрасный день в городе Риме обнаружился еще один убитый принц, Хуан Борджиа, друг несчастного султана Джема. Его выловили из Тибра. Но не утонувшим – он попал в реку уже зарезанным…

В убийстве обвиняли Чезаре. Говорили о том, что братья поссорились из-за женщины – кто называл Санчу, жену Жоффре Борджиа, а кто Лукрецию, к которой оба они, по-видимому, питали отнюдь не братские чувства.

Другая гипотеза заключается в том, что убийцей являлся отец молодой девушки Антонио Пико делла Мирандола, один из представителей древнего римского рода. Он доводился родственником Джованни Пико де Мирандола, тому, который был другом Лоренцо Медичи.

Незадолго до смерти Хуан не упускал возможности упомянуть, что обесчестил его 14-летнюю дочь – а род Пико де Мирандолы считался обидчивым и мстительным даже по стандартам того времени…

Но как-то вот прижилась все-таки версия номер один. Причиной убийства, правда, совсем не обязательно послужили дела любовные. Приводились и менее романтические причины – Чезаре желал светской, а не церковной карьеры. Своим саном кардинала он тяготился, хотел вместо этого воинской славы и статуса принца и государя – и его брат Хуан стоял у него на пути. Ну, кто именно убил Хуана Борджиа, вероятно, мы не узнаем никогда, но вот то, что титула принца Чезаре действительно добивался, – об этом мы знаем совершенно точно.

Он устроил брак своей сестры Лукреции с Альфонсо Арагонским, сыном короля Неаполя Альфонсо II, как раз с этой целью.

VI

Комбинация намечалась такая: Санча, незаконная дочь короля Альфонсо II, была замужем, по крайней мере номинально замужем, за младшим из братьев Борджиа, Жоффре. Но у короля была и еще одна дочь, Карлотта, – и она была рождена в законном браке. Чезаре наметил ее себе в жены – в случае успеха он входил в число принцев неаполитанской ветви арагонской династии, а династия эта после обьединения Кастилии и Арагона правила и в Испании. Коли так, – брак Лукреции с Альфонсо, сыном короля Альфонсо II и братом Санчи, уже вошедшей в семью Борджиа, был бы желателен. Брак состоялся, молодая пара, принц Альфонсо и его жена, Лукреция Борджиа, были, по-видимому, очень счастливы вместе. Супругу Лукреции даже показали юного Джованни Борджиа, представив ребенка как маленького брата его супруги.

То есть была задействована та булла, где утверждалось, что он сын Александра VI, а не та, в которой утверждалось, что отец ребенка – Чезаре Борджиа.

Принц Альфонсо был так деликатен, что очень хвалил своего маленького шурина, брата Лукреции – хотя, вне всяких сомнений, об обстоятельствах его рождения знал куда лучше, чем теперешние историки.

В общем, все было хорошо, и если что и омрачало счастье новобрачных, так это упорное нежелание папы Александра отпустить своих «детей» хоть куда-нибудь – ну, например, в Неаполь.

А потом случилась беда.

Александр VI поменял свою систему союзов. Теперь его главным другом был новый король Франции, Людовик XII. Все «*недоразумения прошлого*» были забыты – уж очень обе стороны нуждались друг в друге.

Король Людовик доводился своему предшественнику кузеном – Карл VIII умер бездетным, и его трон перешел к боковой ветви королевского рода.

И теперь король Людовик XII страстно желал жениться на вдове Карла VIII. Увы, ему мешала проблема родства. Но Святой Престол и не такие проблемы решал с завидной легкостью.

Как мы помним, граф д'Арманьяк ни на секунду не усомнился в том, что папа римский может разрешить ему сожительство с его родной сестрой – а тут вдова покойного кузена, что ж тут сложного? Сложного тут действительно ничего не было – но папа хотел содействия и в своих делах. У него

возник проект «приватизации» большой части Папской области.

Идея состояла в создании для Чезаре Борджиа герцогства в Романье. Франция должна была помочь ему войсками, а кроме того, дать достойный титул и супругу из семьи родственников короля Людовика XII. Так Чезаре стал герцогом Валентино. Король Людовик XII был осторожным человеком. Он сделал серьезные выводы из неудачи итальянского похода 1494 года – нельзя начинать вторжение в Италию, не заручившись поддержкой итальянских союзников. Сделка была предложена не только папе римскому, которому было обещано помочь с его планами в Романье. Венеции было обещано приращение ее территории – за счет герцогства Миланского, где правил ненавистный французам предатель, Лодовико Сфорца.

Когда в 1498-м Чезаре Борджиа начал свою кампанию по сокрушению викариев церкви, о которой мы кое-что уже знаем, он не случайно начал с замка Форли.

У графини Катерины Сфорца больше не было защитника.

VII

От Лодовико, герцога миланского, можно было ожидать чего угодно. Он гордился своей государственной ловкостью и показывал флорентийскому послу фреску, на которой он сам был изображен в виде кормящего кур крестьянина. Куры послушно клевали то, что он им подсыпал, а у него была под рукой метелка. Как герцог Лодовико сказал послу – он, Лодовико, «*готов вымести всю ту грязь, которую принесли с собой в Италию петухи и куры*».

Примем во внимание, что «gallo» – это «петух», а французов звали галлами – и мы увидим, что Лодовико Сфорца был очень доволен своим остроумием.

Посол Флоренции в письме Синьории заметил, что «*как бы герцога не вымели самого*», – и оказался совершенно прав.

Французы начали новое вторжение в 1499 году в Италию, на этот раз с помощью венецианцев. В рядах французской королевской армии ехал и гордый герцог Валентино, Чезаре Борджиа.

Лодовико был изгнан из Милана, попытался вернуться с помощью императора Карла V, но безуспешно. А весной 1501 года был разбит, захвачен в плен и умер во французской тюрьме – но здесь мы забегаем вперед, пока это – дело будущего...

В Риме уже давно стало ясно, что дружбе Неаполя и папы Александра VI пришел конец. В такой ситуации принц Альфонсо, новый муж прекрасной Лукреции, оказывался совершенно лишним. Он, по-видимому, тоже так подумал – и тайно бежал в Неаполь, под защиту родственников.

Папа Александр VI был этим очень разгневан. Но оставить дело не захотел. Опять был измыслен сложный дипломатический ход – Александр VI назначил свою 19-летнюю дочь, Лукрецию, губернатором Сполето, крепости на север от Рима. Ей в помощь был отряжен и 17-летний Жоффре, ее брат. Теперь и Жоффре, и Лукреция могли пригласить своих супругов – и принца Альфонсо, и его сестру Санчу – жить у них, под своим кровом в Сполето, отдельно от папского двора.

Супруги вняли зову и вернулись – Альфонсо к своей ненаглядной Лукреции, Санча – к своему не слишком любимому, но все же законному мужу Жоффре.

Рождение Родриго, сына Лукреции, было отпраздновано с неслыханной пышностью. Крестины, неслыханная радость и так далее. Казалось, примирение достигнуто. Счастливая семья Борджиа собралась теперь в Риме, вокруг своего патриарха, папы

римского Александра VI.

Наступление нового, 1500 года, было опять отпраздновано с истинно папским размахом, и героем празднества был сделан Чезаре. Поскольку имя «Чезаре», произнесенное на итальянский лад, означало «Цезарь», то придворные поэты сравнивали Чезаре с его тезкой, Юлием Цезарем – и не к выгоде тезки.

Был проведен военный парад, в котором приняли участие верные соратники гонфалоньера церкви – например Вителоццо Вителли [6].

Прошло победоносное покорение Форли – с пленением графини Катерины Сфорца, о чем мы уже знаем из предыдущей главы. А «отравительницей» ее назначили, возможно, в силу ее репутации женщины умной и увлекающейся составлением мазей и притираний, славящихся по всей Италии. Даже Лукреция Борджиа пользовалась ее рецептом для осветления волос…

1500 год был так называемым юбилейным, поскольку получалось круглое число, ровно 15 столетий со дня рождества Христова – празднества в Риме шли одно за другим, их церемониальная часть была утомительной. Чезаре получил титул гонфалоньера церкви. Тот самый титул, который носил до него его брат Хуан, безвременно погибший в результате уличного нападения, виновников которого не нашли, – ну, в частности, и потому, что не искали…

А однажды во время сильного ветра одна из печных труб в папском дворце сломалась, и ее обломки провалились сквозь крышу внутрь. Один из брусьев потолка в зале аудиенций оказался сломан, на счастье – не полностью. Но рухнувшая с потолка штукатурка попала и на Александра VI, и он потерял сознание. В течение пары дней доктора беспокоились, что он не выживет.

Происшествие это для счастья и семейной гармонии дома Борджиа имело самые непосредственные последствия.

Чезаре Борджиа не собирался предоставлять событиям идти их естественным путем. Он предпочитал принимать превентивные меры, и это относилось и к возможной внезапной смерти его отца. Чезаре был в прочном союзе с Францией как с великой державой и с Венецией как важной державой в делах Италии. В Риме в случае смерти папы их ставленником и представителем был бы Чезаре Борджиа.

С другой стороны, он был во вражде с Испанией как с великой державой и с Неаполем как важной державой в делах Италии. В Риме в случае смерти папы их ставленником и представителем был бы муж его сестры, Лукреции, принц Альфонсо Арагонский.

Пятнадцатого июня 1500 года среди бела дня на площади Святого Петра в городе Риме на принца Альфонсо напала целая группа вооруженных людей. Он был без охраны, только с двумя пажами, и пытался бежать.

Но его настигли, и он упал под ударами кинжалов.

VIII

Каким бы невероятным это ни показалось – но принц выжил. Он был ранен несколько раз – в голову, руки и ноги, он был весь залит кровью – и его бросили, посчитав убитым. Но он выжил. Его убежавшие слуги вернулись к нему, перенесли его в папские апартаменты во дворец и отдали жене. Она выхаживала его день и ночь. К ней присоединилась и Санча, сестра принца Альфонсо.

Обе они не сомневались, что за нападением стоял Чезаре. Сам он обвинял семейство Орсини, с которым у него были свои счеты. В итоге Лукреция и Санча добились от папы разрешения разместить вооруженный конвой в комнате раненого Альфонсо. Врачей к раненому вызвали из Неаполя – римским Лукреция не доверяла. Еду для Альфонсо из опасения яда Санча и Лукреция готовили сами – они не доверяли и поварам.

И больной действительно стал поправляться. Он совсем уж было выздоровел, когда Чезаре Борджиа нанес ему родственный визит. Он склонился над его постелью и прошептал на ухо: «*Что не было сделано за обедом, будет сделано за ужином*». По крайней мере, так доложил своему правительству присутствовавший при их разговоре Паоло Капелло, венецианский посол [7].

Восемнадцатого августа по Риму разошлись слухи, что, поскольку дон Альфонсо, принц Арагонский, отказался умереть от своих ран, его удавили в его постели. Венецианский посол был менее лаконичен и в дипломатическом отчете своему правительству сообщил, что Чезаре Борджиа вошел в комнату Альфонсо и приказал выйти всем присутствовавшим – и Лукреции, и Санче, и всем слугам. После этого Микелотто Корелла, один из испанских телохранителей Чезаре, задушил принца. Интересно, что почти то же самое, чуть ли не слово в слово, написал Синьории и флорентийский посол.

Возможно, у них был один и тот же источник информации.

Альфонсо были устроены пышные похороны. Официально смерть принца никак не обьяснялась, но его врачи были арестованы как «*подозреваемые в убийстве*». Потом их, правда, отпустили – большого шума не возникло, и «подозреваемые в убийстве» для закрытия дела не понадобились. Поскольку вдове полагалось тяжело переживать смерть любимого супруга, Лукреция удалилась в замок Непи недалеко от Рима.

Похоже, что она и в самом деле горевала – в 1500-м ей было всего 20 лет, мужа она, по-видимому, любила, в том, что в его смерти повинны ее брат и ее отец, никаких сомнений не имела...

В замке Непи Лукреция прожила с конца августа по ноябрь.

Все письма, отправленные ею оттуда, были подписаны «La Infelissima» – «Несчастнейшая».

Жизнь в Европе шла своим чередом. В 1500-м было подписано важное соглашение между Испанией и Францией. Король Людовик XII не собирался повторять ошибок своего предшественника и вместо того, чтобы пытаться захватить все Неаполитанское Королевство для себя, согласился поделить его с королем Арагона, Фердинандом, мужем королевы Кастилии, Изабеллы.

Тем самым из Неаполя изгонялась младшая ветвь арагонской династии, но в державных делах не до сантиментов, король Фердинанд предпочел получить половину владений своей родни без боя и для себя. Это было лучше, чем для блага родственников сражаться с французами за все королевство.

На фоне всех событий, пришедшихся в Риме на юбилейный, 1500 год, никто и внимания не обратил на один малозначительный факт: король Арагонский, дон Фердинанд, стал в этом году дедом. Его дочь, Хуана, родила сына своему супругу, герцогу Бургундскому Филиппу. А он был сыном Максимилиана I, правившего в Вене и носившего звонкий титул императора Священной Римской империи германской нации.

Факт был мелкий. Но через 27 лет, в 1527 году, он аукнется в Риме громко, и даже очень. Впрочем, как известно, «*будущее известно только будущему*». С объяснениями нам придется подождать, а покуда – вернемся из Гента, где родился младенец, нареченный Карлом, в Рим, живущий в 1500 юбилейном году…

IX

В этот год Рим был наполнен паломниками, которые молили отпустить им такие грехи, которые обычные священники отпускать не решались. Сведения о грешниках копились в папской канцелярии. Скажем, там была зарегистрирована история монаха из Страсбурга, у которого было несколько любовниц, и он в надежде убежать от одной из них сменил и монашеский орден, и монастырь. Но она нашла его и там – и он бежал в Рим. Он молил об отпущении ему его прегрешений. Другой грешник, священник, сообщил, что вот уж восемнадцать лет как он служит мессы по младенцу, своему сыну от его собственной племянницы, которого он убил и закопал в конюшне. Но, говорил согрешивший священник, он похоронил младенца по-христиански, и в силу этого выражал надежду, что похороны убитого дитяти по церковному обряду в какой-то мере смягчают его вину [8].

В Риме, в свою очередь, находили и собственных грешников. Помимо убийц и воров, обнаружили и отравителей. Восемь крестьян были проведены по городу в покаянных одеждах – они купали в бочках с оливковым маслом больных сифилисом (для того чтобы облегчить их страдания от открытых язв), после чего продавали масло на рынке.

Александру VI исполнилось 70 лет. Венецианский посол, нам уже известный, писал домой, что папа римский с каждым днем «*становится все моложе*» и думает только об одном – о продвижении земных интересов своих детей. Под «детьми» тут понимались Чезаре и Лукреция – Жоффре, младший, подозревался в том, что его отцом был не Александр Борджиа, а Джорджио делла Кроче, законный муж Ваноццы, его любовницы.

Как бы то ни было – папа признал Жоффре, дал ему свое имя, но вверх особенно не толкал. Все надежды были сопряжены с Чезаре – с Лодовико Сфорца было покончено, Милан стал столицей французской Италии, и Чезаре Борджиа, французский герцог, почетный член венецианского нобилитета, гонфалоньер церкви и герцог Романьи, был на пути к еще большим успехам.

К сентябрю 1500 Александру VI понадобились серьезные деньги для того, чтобы увеличить военные ресурсы Чезаре. Он даже призанял кое-что у генуэзских банкиров, а тем временем прибег к проверенному временем средству – «создал» новых кардиналов. По обычаю, они должны были ответить святому отцу денежным подарком, соответствующим по своей величине оказываемой им огромной чести. Всего за дюжину новых кардинальских шляп он рассчитывал собрать 150 тысяч дукатов –

что было побольше годового дохода Флорентийской Республики.

Деньги пошли на наем кондотьеров: Вителли, Орсини, Бальони и прочих. Войско начало наступление в Романье. Мы, собственно, уже знаем кое-что об этой кампании: именно тогда Чезаре впервые встретился с Макиавелли. Вряд ли он обратил на него особое внимание – так, канцелярист, служащий за невеликое жалованье.

У Чезаре были проблемы поважнее, чем разговоры с неофициальным послом Республики Флоренция, – единственное по-настоящему серьезное сопротивление в Романье Чезаре встретил под стенами Фаенцы. В городе была артиллерия, и гарнизон действительно сражался. Чезаре даже обратился за помощью к маркизу Гонзаго, правителю Мантуи, но в конце концов справился и без него. Про то, что вскоре лидеры его кондотьеров поднимут против него бунт, он тогда не знал. И тень удушенного по его приказу принца Альфонсо, мужа Лукреции, тоже вряд ли посещала его сны – мало ли людей он убил к этому времени?

Что до Лукреции – ну что ж, ей надо подыскать нового мужа, получше, чем был Альфонсо Арагонский…

X

Через 432 года после описываемых событий в бесконечно далекой от тогдашнего Рима России, в городе Петербурге, которому в 1500 году остается еще два с лишним века до закладки его первого камня, будет жить поэт, способный писать на уровне поэтов Ренессанса, по имени Осип Мандельштам. И он опишет занятия знатных женщин Италии времен Лукреции Борджиа следующими строками:

...И нет рассказчика для жен
В порочных длинных платьях,
Что проводили дни как сон
В пленительных занятьях:
Топили воск, мотали шелк,
Учили попугаев
И в спальню, видя в этом толк,
Пускали негодяев...

В общем, понятно, что дамы не скучали. А у Лукреции и вовсе были особые возможности – папа римский, Александр VI, назначил свою любимую дочь заведовать своей канцелярией. Шаг, конечно, был беспрецедентный. Она жила в тех же апартаментах, что и папа, и открывала всю его переписку. Она даже отвечала на посылаемые святому отцу запросы о разрешении той или иной церковной проблемы, но, конечно, консультировалась у кого-нибудь из кардиналов Курии. Однажды кардинал Лиссабонский посоветовал ей обзавестись достаточно авторитетным помощником, который записывал бы высказываемое консультантом мнение. Он имел в виду, что в сложных вопросах, касающихся церковного права, нужен свидетель, который сможет подтвердить, что запись верна, но Лукреция не поняла его. Она наивно сказала кардиналу, что она и сама вполне может записать все, что нужно, – латынь ее превосходна. Кардинал Лиссабонский подумал и задал ей вопрос на латыни: «*Ubi est penna vestra?» – «Где же ваше перо?»*

Слово «penna» могло означать не только «перо», но и «пенис». Лукреция засмеялась – это была превосходная шутка, очень в ее духе. Но, во всяком случае, она поняла не только озорную шутку, но и намек, и перестала регулировать вопросы, о сути которых не имела ни малейшего представления. В конце концов, она был молодой женщиной 20 с небольшим лет, уже дважды побывавшей

замужем и родившей двух детей, но каноническое право никогда не изучавшей…

К счастью, вскоре она смогла сосредоточиться на чем-то, в чем действительно знала толк, – ей стали собирать приданое для ее третьего замужества, и она погрузилась в подбор нарядов и драгоценностей. Жених был Альфонсо д'Эсте, сын герцога Феррары. Брачный союз с домом д'Эсте был бы очень полезен для Чезаре и для папы Александра, потому что д'Эсте состояли в тесном родственном союзе с домом Гонзаго, владевшим Мантуей. Но торговаться пришлось очень серьезно, цену за союз д'Эсте заломили неслыханную – 100 тысяч венецианских дукатов в качестве приданого и еще столько же в качестве «наряда невесты». По итальянскому обычаю того времени, новобрачная приносила в дом своего мужа и свое убранство. О подробностях «наряда» обе семьи – и жениха и невесты – уславливались заранее, и это было частью своего рода брачного контракта.

Семья д'Эсте выговорила и еще одно условие – молодые должны были жить в Ферраре. Надо полагать, судьбы двух предыдущих мужей Лукреции Борджиа произвели на родственников жениха сильное впечатление…

В октябре 1501 года Чезаре устроил роскошный прием по случаю нового брака своей любимой сестры. В числе приглашенных были лучшие куртизанки Рима. Сведения о банкете и о его живописных подробностях сплетнями отнюдь не являются – они известны нам из записок Буркарда (Burckard), распорядителя папского двора.

Вот его описание происходившего празднества [9]:

«*После ужина дамы танцевали со слугами, будучи сначала одетыми, потом – обнаженными. Канделябры с зажженными свечами были сняты со стола и поставлены на пол, и между ними были рассыпаны каштаны, которые обнаженные куртизанки должны были подбирать, пробираясь между горящими свечами. Гостям были предложены призы – шелковые накидки, изящные башмаки и прочее, – которые и присуждались тем, кто смог совокупиться с наибольшим количеством женщин…*»

Судейство было абсолютно честным и беспристрастным – участники показывали свое рвение на глазах у жюри, а входили в жюри все присутствовавшие…

Рождество 1501 года обе семьи – и Борджиа, и д'Эсте – отпраздновали в Риме. Жениха, правда, в Риме не было, его представлял его брат, и церемония церковного бракосочетания была совершена заочно [10].

Много времени занял подсчет приданого – герцог Феррары, Эрколе д'Эсте, настаивал на том, чтобы пересчитать его лично.

Он утомился после первых 25 тысяч и решил, что продолжит подсчет позднее, когда он будет уже дома. Но несколько стертых монет он все-таки нашел и потребовал их замены.

А потом Лукреция с целым караваном сопровождающих отправилась в Феррару, к супругу.

XI

В начале 1502 года все, связанное с устройством Лукреции в Ферраре, была слажено и устроено. Чезаре возобновил свою военную кампанию в Романье. Мы, собственно, уже знаем о ней кое-что – она описана в предыдущей главе. Внезапное нападение на Урбино увенчалось полным успехом.

Герцог Урбино, Гвидобальдо да Монтефельтро, был в прекрасных отношениях с папским двором, был женат на Елизавете да Гонзаго, родственнице семьи д'Эсте, и они оба самым теплым образом принимали у себя Лукрецию, когда она на пути в Феррару проследовала через Урбино.

Так что к просьбе Чезаре помочь ему артиллерией в осаде городка Камерино герцог отнесся вполне лояльно и действительно отправил туда свои пушки.

Нападение застало его врасплох. Сопротивление было невозможным, и герцог Гвидобальдо бежал – сначала в Равенну, а потом в Мантую, под защиту герцога Гонзаго. В Мантуе, собственно, всеми делами управляла жена герцога, Изабелла д'Эсте. Она теперь доводилась родственницей и Чезаре – ее родной брат, Альфонсо, стал мужем Лукреции Борджиа. Изабелла славилась как мудрая правительница: считалось, что в Мантуе самая компетентная администрация в Италии, – а сформирована она была именно ею. Она собрала там и замечательную коллекцию предметов искусства, фресками в ее дворцах знатоки восхищались...

Вот и сейчас Изабелла д'Эсте, герцогиня Гонзаго, поступила рационально: она дала убежище Гвидобальдо, а Чезаре 30 июня 1502 года написала письмо, в котором попросила его прислать ей из захваченных в Урбино сокровищ Гвидобальдо маленькую античную скульптуру, изображающую Венеру, а также и еще одну скульптуру, изображающую Купидона.

Чезаре был просто счастлив услужить такой прекрасной женщине и такой благоразумной властительнице. Он не только немедленно выслал ей все затребованное, но и сообщил, что фигура Купидона – это не античная скульптура, а в своем роде подделка под нее.

Ее сделал Микеланджело...

XII

Никколо Макиавелли приехал в Урбино вечером 24 июня 1502 года. Про его посольство к Чезаре мы уже рассказывали, но рассказ стоит повторить – теперь о семействе Борджиа мы знаем больше, и можно будет посмотреть на происходившее уже как бы из другого угла.

Макиавелли, как мы знаем, был не один, с ним был и Франческо Содерини, епископ Вольтерры, человек влиятельный. Главным послом, конечно, считался Франческо Содерини, статус епископа не шел и в сравнение со статусом 33-летнего секретаря, служащего Синьории за жалованье. Однако епископ питал большое уважение к умственным способностям своего спутника, находил его суждения безошибочными и ничего без совета с ним не предпринимал.

Чезаре с послами не поцеремонился. Он был занят разговором с одним из своих высших офицеров, испанцем Рамиро де Лорка, изучал карту, разложенную на столе, и чуть ли не через плечо сообщил флорентийцам, что либо Республика ему заплатит за ее «защиту», либо ей будет худо – и пусть уж Синьория решит поскорее, что она предпочитает, мир или войну.

От лица Республики говорил главный посол, Франческо Содерини. Он мягко заметил, что Флоренция находится под защитой короля Франции. Эта линия защиты была подготовлена послами заранее – Макиавелли полагал, что за неимением собственной силы следует пригрозить силой «союзника»[11].

Чезаре взорвался, сказал, что не флорентийским послам учить его тонкостям французской политики, и дал им четыре дня на то, чтобы подготовить ответ, и ответ окончательный – «да» или «нет», мир или война?

Макиавелли немедленно уехал во Флоренцию за инструкциями. У него уже появились сомнения в действенности его замысла – «*защититься Францией*».

С юга Италии, из Неаполя, пришли вести о том, что соглашение между Францией и Испанией о разделе Неаполитанского Королевства трещит по всем швам. Ожидалось столкновение, и в такой ситуации французам было бы не до сравнительно мелких склок между их итальянскими союзниками далеко в тылу, в центральной Италии.

Однако «схема Макиавелли» удалась – и при этом удалась паче всякого чаяния. Синьория действительно пожаловалась королю Франции, и тот послал из Асти требование к Чезаре – «*унять его молодцов*», как было сказано в письме.

С другой стороны, известный Макиавелли по переговорам в Блуа первый министр короля Людовика, кардинал Руанский, предложил Синьории «*найти какой-то способ утихомирить Чезаре*».

В итоге правительство Флоренции проинструктировало Содерини предложить Чезаре договор на полгода о «найме» его солдат на службу Республике. Конечно, ни о каком найме и речи идти не могло, это была просто форма оплаты за несуществующие услуги – но договор был только набросан в общих чертах и в силу войти не успел. «Молодцы» же, которых Чезаре Борджиа по приказу короля был вынужден «унять», сильно возмутились. У них выдрали из пасти кость, которую они уже считали своей. С ними тоже надо было что-то делать, но Чезаре Борджиа заняться этой проблемой не успел. Он получил известие, что в Милане, в ставке Людовика XII, находится человек, которого он выгнал из его дома, – герцог Урбинский, Гвидобальдо да Монтефельтро, – и Чезаре немедленно, не теряя ни минуты, выехал через Феррару в Милан.

Герцог Урбинский был не одинок, вокруг короля собрались люди, которые имели причины ненавидеть семейство Борджиа, а тут еще всплыло и проклятое «письмо Савелли»...

XIII

«Письмо» было датировано 25 ноября 1501 года и было якобы послано из лагеря испанских войск в Таранто некоему знатному римлянину, Савелли, укрывшемуся от папы Александра VI при дворе Максимилиана I в Вене. Сам по себе документ – несомненная фальшивка, хотя бы потому, что он был помечен ноябрем 1501 года, а говорилось в нем о событиях, произошедших в 1502. Но в него попало множество сочных деталей, описывающих быт и нравы папского двора, о которых мы уже знаем и которые, как оказалось, были отражены и в дневнике церемониймейстера Александра VI, Буркарда. Собственно, и в этих сведениях можно сомневаться – мемуарист часто записывал в свой дневник то, что сам он не видел, а знал с чужих слов, – но уж дипломатическую почту Флоренции, Венеции и прочих ставить под сомнение совершенно невозможно. А послы рисуют картину, очень похожую на дневники Буркарда.

Из французских источников, например, известно, что, когда Чезаре Борджиа похитил путешествующую по его владениям знатную даму и оставил при себе в качестве наложницы, король Людовик XII воскликнул, что, будь у него два сына и один из них сделал бы нечто подобное, он бы его повесил.

В общем, у Чезаре были все основания для беспокойства, ему действительно надо было «*срочно опровергнуть клевету*», и он не зря так торопился. Он примчался в Милан 5 августа 1502 года – и Людовик XII встретил его самым ласковым образом. Он выехал к нему навстречу, что было большой честью. Он поместил его в прекрасных апартаментах, куда даже проводил его лично. На пиру он посадил Чезаре рядом с собой, а кардинал Руанский, первый министр короля, просто не знал, как получше угодить гостю своего короля. Понятное дело – не без причины. На юге Италии начиналась война с Испанией – договор о мирном разделе Неаполитанского Королевства между Испанией и Францией все-таки не устоял. Заручиться поддержкой папы римского в разгоревшемся конфликте было важно. Так что и на жалобы обиженных мелких государей Италии, и на всякие там памфлеты в данный момент французам было решительно наплевать.

Надо было думать о куда более существенных предметах. Король Людовик был готов подписать с императором Максимилианом и с его сыном Филиппом договор о дружбе. При этом маленький Карл, сын Филиппа, тот самый, который так удачно родился в юбилейном 1500 году, получал в жены старшую дочь короля Людовика, Клод, родившуюся на год раньше, с

короной Неаполитанского Королевства в придачу.

Женить двухлетнего мальчика на трехлетней девочке было вроде бы рановато, но Филипп хотел получить королевство для своего сына, а Людовик хотел во что бы то ни стало избежать войны на два фронта – так что стороны ударили по рукам. Короче говоря, в Милане Чезаре Борджиа обнаружил, что «*развеивать клевету на его имя*» ему не надо – все было в порядке и так, без развеивания. 26 августа он въехал вместе с королем Людовиком в Геную, был там хорошо встречен и уже к сентябрю 1502 добрался до своих владений в Романье.

В конце этого месяца там вспыхнул мятеж.

XIV

Кондотьеры на службе у Чезаре рассудили, что рано или поздно его кампания по подавлению мелких владетелей Романьи, номинально – вассалов церкви и держателей ее владений, – обратится и против них. И они отказались повиноваться своему нанимателю, семейству Борджиа, и обратились за помощью к Венеции и Флоренции. Венеция согласилась помочь – у нее были свои планы в Романье. Флоренция отказалась. К Чезаре Борджиа был отряжен Макиавелли с заверениями в дружбе и поддержке. Он приехал к герцогу Романьи 7 октября 1502 года и в течение трех месяцев наблюдал своими глазами то, что происходило между Чезаре Борджиа и командирами его кондотьеров.

О подробностях подавления мятежа мы уже знаем – Никколо Макиавелли расскажет о них в своей великой книге «Государь». К январю 1503 года с мятежом было покончено.

А 18 августа 1503 года Александр VI, епископ Рима, викарий Христа, преемник князя апостолов, верховный первосвященник Вселенской церкви, великий понтифик, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, суверен государства Папской области, раб рабов Божьих, умер.

И умер он внезапно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Случай описан в книге «The Borgias», by Ivan Cloulas.

2. Лукреция Борджиа (исп. Lucrecia Borgia, вал. Lucrècia Borja, лат. Lucretia Borgia, итал. Lucrezia di Borgia) – внебрачная дочь папы римского Александра VI (в миру Родриго Борджиа) и его любовницы Ваноццы де Каттанеи, герцогиня Пезаро, княгиня Салерно, герцогиня Феррары, Модены и Реджио (18 апреля 1480 года, Рим – 24 июня 1519 года, Феррара). Ее братья – Чезаре Борджиа, Джованни Борджиа и Джоффре Борджиа.

3. Камерленго, или камерарий, римско-католической церкви – *Camerlengo*, *Camerarius* – одна из высших придворных должностей при святом престоле. Должность камерленго имеет светские административные функции. Камерленго возглавляет Апостольскую палату (Camera Apostolica). Генеральный администратор Папского двора и суперинтендант собственности и доходов Папского престола. Титул появился примерно в XI веке.

4. Исторические хроники утверждают, что Чезаре зарезал Перотто прямо в папских покоях. Он узнал об его связи с Лукрецией и, обнажив меч, гнался за Перотто по залам дворца. Когда несчастный добежал до папы и тот раскрыл объятия, чтобы защитить своего слугу, Чезаре сделал выпад – и мантия Александра VI обагрилась кровью. Интересно, что удар шпаги Чезаре Борджиа несчастный Перотто как-то пережил – он не был убит на месте, а только тяжело ранен. Его утопили в Тибре через несколько дней.

5. Джем, полное имя Гияс ад-Дин Джем, известен также как Зизим (1459—1495) – младший сын турецкого султана Мехмеда II, уже в юности отличившийся во многих битвах. Матерью его была, по слухам, сербская княжна.

6. Как мы знаем из предыдущей главы, Чезаре велит его удавить – но это случится не сейчас, а в декабре 1502-го, а сейчас мы говорим о январе 1500-го.

7. The Borgias, by Ivan Cloulas, page 178.

8. The Borgias, by Ivan Cloulas, page 181.

9. John *Burchard*, the conclave's master of ceremonies and a leading figure of the papal court. The Borgias, by Ivan Cloulas, page 198.

10. Странный обряд, который, тем не менее, продержался долго – больше чем через 300 лет после описываемых событий точно так же, заочно, в Вене будет совершен брак Наполеона с его второй женой, Марией-Луизой.

11. В теперешней России, наверное, это называлось бы

активизацией «крыши».

О некоторых сложностях загробного существования, 1503

I

Как пишет в своем дневнике церемониймейстер папского двора Буркард, тело покойного папы Александра VI было омыто и помещено в Ватикане, в зале под названием Sala del Papagallo, или в Зале Попугая, названном так по мотивам фресок, украшавших стены. На следующий день оказалось, что лицо покойного почернело и раздулось, язык распух так, что не помещался во рту и свисал, высовываясь наружу. «*Это было ужасное зрелище*», – говорит верный Буркард, и, по-видимому, с ним многие соглашались. Пошли слухи о том, что некий демон в виде отвратительной обезьяны явился в Ватикан, в Зал Попугая, чтобы забрать отлетевшую душу Родриго Борджиа, известного миру под именем папы римского, Александра VI.

Франческо да Гонзаго написал своей жене Изабелле, той самой, которая так удачно приобрела античные скульптуры, взятые Чезаре Борджиа в Урбино, что душу папы несомненно забрал дьявол и что сделал он это во исполнение договора между ними – дьявол обещал папе 12 лет удачи во всем в обмен на его душу.

Поскольку в августовской жаре в Риме разложение тела пошло очень быстро, уже 19 августа пришлось устроить временное погребение в одной из капелл папского дворца (Capello delle Febbre). Покойного накрыли грубой тканью, после чего шесть носильщиков принялись кулаками вколачивать его в оказавшийся слишком маленьким гроб.

Тело так распухло, что поместить его в гроб иначе оказалось невозможно.

Делалось это без присутствия священников и без свечей, зажженных за упокой души – Франческо да Гонзаго в своем письме жене сказал, что даже шутов у них в Мантуе хоронят более достойно.

Сведения о состоянии тела Александра VI в Риме стали известны очень быстро, разумеется, поползли слухи об отравлении. Их усиливало еще и то обстоятельство, что папа захворал после пира у кардинала Адриано да Корнето и что кроме него заболели и другие гости, в числе которых был и Чезаре Борджиа. Обьяснение этому давалось такое: Чезаре задумал отравить кардинала и прислал ему отборного вина, специально для пира, с тем чтобы подкупленные слуги поднесли это вино Адриано да Корнето – но слуги перепутали бокалы…

Согласно другой версии, все было не так: это кардинал решил отравить своих гостей, но преуспел только частично – Чезаре

остался в живых. Он принял немедленные меры по удалению яда из своего организма и велел, чтобы его, несмотря на острую лихорадку, погрузили в ванну с ледяной водой. Средство это действительно сбивает температуру, но детоксикации вроде бы не помогает. Как бы то ни было, Чезаре не умер, но оказался сильно больным в тот момент, когда в Риме начался обычный процесс – избрание нового главы церкви.

Со смертью отца Чезаре терял защиту – его действия уже не прикрывались всем авторитетом церкви. Он терял и огромные денежные средства, которыми он мог располагать по своей воле. Но у него оставались еще на руках определенные козыри. Он сумел захватить большую часть папской сокровищницы, и за него были испанские кардиналы. Но Макиавелли в своих письмах, отправленных им из Рима в ноябре 1503 года, сообщал «*высоким господам Синьории*», что они могут перестать беспокоиться о Чезаре Борджиа.

Политически он уже труп.

II

Макиавелли был послан Синьорией в Рим с миссией разобраться с тем, что же последует после смерти папы римского, но имелась в виду не смерть папы Александра VI, а смерть его непосредственного преемника, Пия III. Он был избран конклавом 22 сентября 1503 года, а уже 18 октября умер. Как только до Синьории дошли об этом вести и члены ее успели провести предварительное совещание, они и отрядили секретаря Никколо Макиавелли в Рим, и он срочно, уже 24 октября, выехал туда.

Планы Чезаре Борджиа на тот момент, когда умер его отец, были еще не определены. Он говорил впоследствии, что предусмотрел все, кроме того, что в момент смерти папы Александра он и сам окажется больным. Поскольку он сохранял должность гонфалоньера церкви, у него были в Риме войска, и 22 августа он добился от конклава кардиналов подтверждения своих полномочий до тех пор, пока не будет избран новый папа.

Но дальше дела пошли уже не так хорошо – по закону на то время, когда папа еще не избран, бароны Романьи со своими военными отрядами должны были покидать Рим, но закон – это не то, что записано на бумаге, а то, что записано на бумаге, интерпретируется независимым судом и проводится в жизнь исполнительной властью.

В Риме в августе/сентябре 1503 года не было ни суда, ни исполнительной власти, следовательно – не было и закона.

В город хлынули все, кого Борджиа успели обидеть – и приверженцы Орсини, и сторонники семьи Колонна, и изгнанный из Рима Сильвио Савелли, в чей адрес якобы было написано уже изветное нам фальшивое послание, и многие другие. Дома испанцев начали было жечь – но священный конклав кардиналов все же сумел унять страсти, главным образом потому, что ни одна из враждующих в Риме фракций не сумела показать, что может победить.

Вооруженным отрядам было приказано покинуть город, и приказ был отнесен и к Чезаре. Ему пришлось подчиниться. Он остановился в замке Непи, недалеко от Рима, собрал туда группу прелатов, на которых имел влияние. В нее входило 11 испанских кардиналов, и предполагалось, что они проголосуют так, как он им скажет. Кандидатом, на которого ставил Чезаре Борджиа, был кардинал Руанский, министр короля Франции Людовика XII.

Итальянские кардиналы, которых было вдвое больше, могли бы легко победить, но они были разбиты на отдельные партии и мешали друг другу. Кроме итальянцев и испанцев, было еще

только четыре кардинала, которые не входили ни в ту, ни в другую группу, на что и был расчет. В принципе можно было надеяться протолкнуть на папский трон француза именно как компромиссного кандидата, не принадлежащего ни к одной из двух главных «партий».

Но уже первое голосование показало, что кардинал Руанский получает 13 голосов, и ни один из них не подан испанцами. Они выдвинули своего, Бернардино де Карджаваля, и он получил все 11 испанских голосов плюс один итальянский.

Его главный итальянский соперник, Джулиано делла Ровере, получил 15 голосов, и в итоге по предложению кардинала Асканио Сфорца, одного из бежавших от Борджиа прелатов, был избран 64-летний Франческо Пикколомини. Испанцы по предложению Чезаре Борджиа проголосовали за него. Он нарекся Пием III, вернул Чезаре его пост гонфалоньера церкви – и 18 октября 1503 года, через 27 дней после избрания, умер.

Выборы надо было начинать сначала.

III

В ночь с 31 октября на 1 ноября 1503 года Макиавелли отправил срочное сообщение Синьории об избрании на Святой Престол кардинала Джулиано делла Ровере. Утром 1 ноября вдогонку к письму было отправлено подтверждение буквально из двух строк:

«*Во имя Господа извещаю ваши милости, что этим утром кардинал Сан-Пьетро* [Джулиано делла Ровере] *избран новым папой. Да сделает его Господь хорошим главой христианского мира*».

Новый папа избрал себе имя Юлия II, и за него проголосовали и француз, кардинал Руанский, и все 11 испанских прелатов, чьи голоса контролировал Чезаре Борджиа.

Почему он поверил словам Джулиано делла Ровере и его обещаниям оставить за ним пост гонфалоньера церкви, не поддается обьяснению. Сам Чезаре никогда не выполнял своих обещаний – как он мог поверить, что другие будут поступать с ним иначе?

Макиавелли писал Синьории, что Чезаре *«непостоянен, нерешителен, полон колебаний и не останавливается ни на каком решении*». Это был тот самый человек, который поражал всех – и своих друзей, и своих врагов – полной уверенностью в своих суждениях и быстротой своих действий.

Макиавелли полагал, что, «*не привыкнув к ударам судьбы, герцог Валентино не знал больше, как ему быть*». В один день он говорил послу Флорентийской Республики, что он еще увидит, как Флоренция лежит в руинах и посмеется над этим зрелищем, потому что он отдаст свои завоевания в Романье в руки венецианцев, заклятых врагов Флоренции, в другой он говорил ему же, что нет смысла копаться в прошлом, а надо смотреть в будущее и действовать так, как подсказывают насущные интересы, и следовательно, Флоренция должна помочь ему удержать его замки от жадных рук венецианцев.

Но, как и сказал Макиавелли, все это говорил уже не человек, а политический труп – от него отшатнулись даже французы. Кардинал Руанский и вовсе утверждал, что «*Господь не оставляет грехи без воздаяния, и этот парень* [Чезаре] *будет тому примером*».

У Синьории в направлении ее будущих действий и тени сомнений не возникло: Макиавелли, следуя полученным из Флоренции инструкциям, отказал Чезаре Борджиа в праве прохода через территории Республики. Кондотьеры на службе

Флоренции разоружили его солдат у замка Кастильон Флорентино и захватили там дона Микеле де Корелла, командира испанских солдат на службе у Борджиа. Его посадили во Флоренции в тюрьму.

Узнав об этом, папа Юлий немедленно приступил к действиям. Арест Чезаре был уже обьявлен – от него потребовали *«сдать все его остающиеся крепости для того, чтобы избежать кровопролития»*.

В Ватикане Чезаре поместили в тех же комнатах, в которых он удавил принца Альфонсо, тогдашнего мужа Лукреции. Все его владения были конфискованы – папа Юлий заявил, что деньги и сокровища пойдут на выплату компенсаций тем, кого Чезаре Борджиа ограбил.

Потом Чезаре был поставлен лицом к лицу с Гвидобальдо, герцогом Урбинским, и униженно просил у него прощения. Как записал один из свидетелей этой сцены, некто Уголино, еще недавно столь грозный герцог Валентино глубоко кланялся, обвинял в происшедшем ошибки своей молодости и своих дурных советников и говорил, что на него повлиял пример его отца, папы Александра, с его ужасными делами и извращенным характером. Он проклинал память отца и обещал вернуть все взятое в Урбино, кроме драгоценных занавесей и истории Трои, которые он подарил из дружбы кардиналу Руанскому [1].

В донесении Синьории, отправленном из Рима 2 декабря, Макиавелли написал, что дни Чезаре сочтены и что его конец не будет легким [2]. Он был несомненно прав, но судьба дала Чезаре Борджиа еще один шанс. 3 января 1504 года в Рим пришли вести о крупной победе испанских войск.

Гонсальво де Кордоба разгромил французов под Гарильяно, между Неаполем и Римом.

IV

Теперь их католические величества, король Арагонский Фердинанд и его супруга, королева Кастильская Изабелла, совместно правящие в Испании, прибавили к своим владениям еще и Неаполь. Естественно, влияние их резко возросло, и когда испанский посол, дон Диего де Мендоза, заступился за Чезаре, с ним не стали спорить. 29 января 1504 года был достигнут компромисс: Чезаре Борджиа сдает все свои крепости в обмен на освобождение и на добровольное изгнание из Рима.

26 апреля он добрался до Неаполя. Его там ждали. Жоффре Борджиа тоже был там, и даже принцесса Санча, внучка короля Ферранте и дочь короля Альфонсо из свергнутой ветви арагонской династии. Испанские власти ее не тронули и даже вернули ей ее бывший дворец.

Гонсальво де Кордоба предложил своему гостю план нападения на Флоренцию. Предполагалось, что во главе похода встанет Пьетро Медичи, но он в день Гарильяно оказался во французском лагере и утонул в реке во время бегства французской армии [3].

Нечего и говорить, что за это предложение Чезаре ухватился просто с восторгом. Но в дело вмешался папа Юлий. До него дошли вести о происходящем, он пожаловался в Мадрид – и дон Гонсальво получил приказ об аресте Чезаре. В отличие от итальянских кондотьеров у испанских полководцев чувство долга и повиновения суверену было развито очень сильно – иначе они высоких постов и не достигали.

Арест был произведен, и заключенного поместили в башню, в камеру под самой крышей, которую солнце нагревало так, что камеру нарекли «Жаровней».

Он просидел там три месяца.

Их католические величества нарушили слово чести, которое от их имени дал испанский посол в Риме. Чезаре Борджиа не получил права свободного прохода, а был задержан. Сначала предлогом послужило то, ради чего дон Гонсальво и предлагал Чезаре командование экспедицией против Флоренции. У Чезаре Борджиа еще оставались какие-то войска в Романье, в частности, в замке Форли, который он отобрал когда-то у Катерины Сфорца. Он по уговору должен был их сдать, и действительно сделал то, что от него зависело, – послал коменданту крепости приказ о сдаче. Но комендант отказался выполнить приказ до тех пор, пока ему не выплатят 15 тысяч флоринов, – а деньги ему выплачены не были.

Когда наконец удалось устранить и это препятствие, то Чезаре все равно не отпустили. Вдова его брата Хуана, зарезанного в Риме, подала на него в испанский суд.

Она была уверена, что ее мужа убили для того, чтобы освободить место для Чезаре Борджиа, и что убийство сделано было по его приказу.

Она требовала справедливости.

И Чезаре доставили на испанской галере в Валенсию и посадили в тюрьму. Он попытался оттуда бежать. Может быть, ему казалось, что его преследуют призраки? Например, призрак восставшего из могилы его брата Хуана? Судить насчет призраков и насчет того, что чудилось Чезаре в его испанской тюрьме, сложно, но сторожили его вполне реальные люди.

Побег был пресечен, а Чезаре перевели в другую тюрьму, построже, теперь уже в сердце Кастилии. Вот из нее он сумел все-таки убежать.

Чезаре Борджиа добрался до Наварры, где правил брат его жены, Шарлотты д'Альбре, и написал королю Людовику XII письмо – просил о содействии.

Людовик отказал ему во всем, а на просьбу выплатить обещанное приданое за Шарлоттой, своей родственницей, даже и не ответил. Король Наварры Жан III нуждался в хороших офицерах, и Чезаре Борджиа остался в Наварре. В бою 12 марта 1507 года у замка Бьюмонт он и погиб. Его изувеченное тело [4], раздетое донага, нашли на поле боя, прикрыли как могли и схоронили под алтарем церкви Санта-Мария в Виане [5].

Тем его земная жизнь и кончилась.

Но Макиавелли все-таки был прав – Чезаре Борджиа, политический деятель, герцог валансский и романольский, принц Андрии и Венафро, граф дийосский, правитель Пьомбино, Камерино и Урбино, гонфалоньер и генерал-капитан святой церкви, союзник или противник королей, прототип совершенного правителя в не написанной еще книге Макиавелли «Государь», политически умер гораздо раньше, в заключении в Риме в декабре 1503 года.

Просто его «загробная» жизнь затянулась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слова Уголино приведены в английском переводе книги, The Borgias, by Ivan Cloulas, page 257.

2. И уже позднее в одной из своих пока еще не написанных работ Макиавелли скажет:

«*Чезаре Борджиа пытался вызвать у своих врагов жалость, которую он никогда не обнаруживал сам*».

3. Пьеро II ди Лоренцо де Медичи (итал. Piero di Lorenzo de' Medici), прозванный Пьеро Глупый (или Невезучий), – старший сын Лоренцо Великолепного. В 1503 году в битве при реке Гарильяно Пьеро утонул во время неудачной попытки бегства (французы проиграли в этой битве).

4. На нем насчитали два с чем-то десятка тяжелейших ранений, каждое из которых могло оказаться смертельным.

5. На мраморном могильном камне высечены слова: «*Здесь покоится тот, кого боялись все, ибо держал он в руках своих мир и войну*».

О неудачных проектах мастера Леонардо, 1503—1504

I

Заключение «Десяти», военной комиссии Республики Флоренция, на предложенный ей план победы над Пизой было совершенно определенно негативным – это *«лишь немногим лучше, чем чистая фантазия»*.

Суть дела заключалась в том, что война с Пизой, восставшей против владычества Республики, все шла и шла, стоила огромных денег и огромных усилий – и ни деньги, ни усилия ни малейшего результата не приносили.

Проект же предлагал именно решение. Пиза держалась за счет того, что ее порт давал ей возможность принимать корабли, а корабли увозили произведенные в городе товары и привозили все необходимое, купленное на выручку.

Помощь Пизе со стороны всех, кто был заинтересован в ослаблении Флоренции, тоже поступала морем: из Генуи, из Лукки, из Венеции...

Поэтому вместо того, чтобы нанимать солдат и штурмовать стены, Республике предлагалось нанять землекопов и повернуть реку Арно, в устье которой и размещался пизанский порт. Это сделает гавань Пизы бесполезной и тем решит исход войны.

Проект предлагался не на словах, а вместе с приложенными детально разработанными рисунками и вычислениями, а автором его был бывший военный инженер Чезаре Борджиа по имени Леонардо да Винчи.

Ему было к тому времени за пятьдесят, родился он во Флоренции, но в городе не прижился. Он был сыном нотариуса, как и Макиавелли, но Макиавелли был законным сыном, а вот Леонардо – незаконным. Так что в отличие от Макиавелли он не мог рассчитывать на наследство и занялся ремеслом. Начинал он подмастерьем у Верроккьо, и даже среди его учеников, в число которых входили очень способные люди, резко выделялся. В 1473 году, в возрасте 20 лет, Леонардо да Винчи получает квалификацию мастера в Гильдии Святого Луки [1].

По легенде, записанной Вазари [2], учитель Леонардо однажды поручил ему написать ангела, одного из двух, которые должны были быть на заказанной картине – первого он уже сделал сам. Подмастерье закончил работу, учитель посмотрел на нее и, как пишет Вазари:

«*...пораженный Верроккьо забросил кисть и никогда больше не возвращался к живописи*».

Леонардо многое умел делать. Сам себя он аттестовал как музыканта и инженера, и подтверждение этому его тезису

действительно имелось – по словам Вазари, Леонардо создал серебряную лиру в форме конской головы. Вот ее-то и отправил в свое время Лоренцо Медичи в Милан, к Лодовико Сфорца, герцогу миланскому, как подарок. Милан Лоренцо рассматривал как «*покровителя Флоренции*» и желал бы иметь с ним наилучшие возможные отношения. А доставить подарок – раз уж он его изготовил – поручили мастеру Леонардо. Ну, герцогу понравился и подарок, и мастер. Он предложил Леонардо остаться в Милане, тот согласился – и прожил там 7 лет, с 1492-го по 1499-й.

Леонардо предлагал герцогу разные инженерные проекты, но след оставил главным образом как живописец. Например, написал такой портрет Чечилии Галлерани, любовницы Лодовико, что Бернардо Беллинчони, придворный поэт, сказал о нем:

«*Ломбардским увальням и обжорам дан прекрасный урок: в конюшне, полной навоза, тосканец сумел отыскать перл чистоты и изящества, лютню, бренчание которой заглушает пьяные вопли этих наглецов и бездельников…*»

Ну, ломбардцами тут названы жители Ломбардии, подданные герцога Миланского, тосканцами – жители Тосканы, подданные Республики Флоренция, сам поэт был родом из Флоренции и начинал карьеру при дворе Лоренцо Медичи. А уж о том, что гордые флорентийцы всяких там жителей Милана за ровню не считали, – об этом и говорить нечего.

II

Леонардо пришлось уехать из Милана – началось французское вторжение в Италию, Лодовико Сфорца пришлось бежать... В общем, герцогу было не до инженерных проектов и уж тем более не до живописи. Макиавелли, по-видимому, впервые встретился с Леонардо в Имоле, осенью 1502 года, когда был там с посольством у Чезаре Борджиа. Леонардо жил в то время при дворе Чезаре и нашел в нем щедрого патрона.

В свою очередь Чезаре Борджиа считал Леонардо да Винчи совершенно незаменимым инженером и поручил ему подготовить планы улучшения фортификаций замков Романьи и изготовление осадных машин. Но, как мы знаем из предыдущих глав, династия Борджиа рухнула, и к лету 1503 Леонардо перебрался во Флоренцию. Приняли его хорошо. Он получил престижнейшую работу: ему заказали фреску для украшения зала Синьории. Сюжетом была славная битва при Ангияри, выигранная когда-то флорентийцами у войск Милана.

Так что с подачей своего проекта поворота вод Арно в сторону Леонардо начинал не с пустого места – его уже знали и талант признавали, а что до того, что инженерный проект подавал живописец, то в те времена это было в порядке вещей. Было совершенно понятно, что если у человека хватает умения делать какие-то вещи совершенно замечательно, то он, надо полагать, и в других тоже сможет разобраться. Тем не менее комиссия «Десяти» была настроена в высшей степени скептично, и проект никогда бы и не начался, если бы он не понравился двум людям: гонфалоньеру Пьетро Содерини и секретарю Второй Канцелярии Никколо Макиавелли.

Вдвоем они переубедили комиссию, и летом 1504 года работы начались в значительных масштабах – было нанято две тысячи землекопов, руководство которыми было поручено инженеру по фамилии Коломбино со значительным опытом ведения работ по прокладке каналов. Что интересно – в Пизе к проекту отнеслись с большим доверием, чем флорентийская комиссия Десяти, и готовились принимать контрмеры.

Ну, что сказать? Правы оказались скептики. Леонардо сильно недооценил обьемы грунта, которые было необходимо передвинуть, грунт оказался неподатлив, рабочей силы не хватало, возникли подозрения, что прокладываемый канал недостаточно глубок и вода в него просто не потечет ввиду нехватки перепада высот, страшный ливень, прошедший в октябре 1504-го, поднял уровень реки Арно и сильно повредил

работам, затопив уже вырытые траншеи, а через несколько дней пизанцы сделали вылазку и разрушили то, что не успела сделать буря.

Стало окончательно ясно, что вся затея была ошибочной, и начались обычные в таких случаях поиски виноватых. В первом ряду обвиняемых в небрежности и легкомыслии стоял Никколо Макиавелли, секретарь комиссии Десяти. Дружеское слово поддержки он получил только от Франческо Содерини. Это было важно – новый папа возвел былого компаньона Макиавелли по дипломатическим поручениям в сан кардинала, так что тот факт, что провал с отводом вод не повлиял на его хорошее отношение к Макиавелли, весил много.

Но критиков тоже хватало, и главнейшим из них, возможно, был Аламанно Сальвати, человек могущественный и богатый. Что занятно – он был давним покровителем Макиавелли и относился к нему настолько хорошо, что в одном из писем к подписи прибавил и слова: «*ваш преданный друг*».

Это шло куда дальше обычной любезности – уж больно неравным было положение скромного бюрократа на небольшом жалованье и одного из самых богатых людей Флоренции, который в свое время был сочтен достойным стать зятем Пьетро Медичи. Но по прошествии некоторого времени между «друзьями» возникли серьезные разногласия.

Как ни странно, разногласия эти были из-за денег.

III

Не из-за личных денег, конечно, – у Макиавелли их просто не было. Речь шла о деньгах, взыскиваемых в качестве налога, и корень проблемы был именно здесь: то, что для Макиавелли было общественными фондами, необходимыми на общее дело, для Салвати было как раз его личными средствами, которые с него сдирали и тратили на всякие сомнительные дела вроде провалившегося «речного» проекта Леонардо.

Меморандум Макиавелли, призывавший к повышению налогов, был нацелен как раз на людей вроде его бывшего патрона и «преданного друга» – а тот совершенно не понимал, почему правительственные функции выполняют люди мелкие, а не представители богатых и знатных семей вроде его собственной. Расхождение было, что называется, фундаментальным.

Макиавелли верил в то, что интересы Республики перевешивают интересы ее отдельных граждан. И смотрел он на Республику не глазами образованного гуманиста своего времени, то и дело цитирующего то Аристотеля, то Платона, а с совершенно приземленной точки зрения – жизнь такова, какова она есть, и действовать надо исходя из реальности. Абстракции в духе «Града Божьего» святого Августина интересовали его очень мало.

С другой стороны, он смотрел на государство как на некий организм, лишенный определенной личностной сущности, благополучие и безопасность которого требуют решений вне сферы морали, какое бы определение этому понятию ни придавалось.

Макиавелли считал, что, когда речь идет о безопасности государства, не следует придавать никакого значения тому, будет ли поступок, идущий на пользу государству, справедливым или несправедливым. Через сто с лишним лет после Макиавелли совершенно таких же взглядов придерживался и Ришелье, но к его времени уже существовало понятие «государственных интересов», «raison d'é tat».

Во времена Макиавелли разделение правителя и управляемого им государства как организма, отдельного от личности правителя, было открытием.

IV

Помимо Леонардо да Винчи в это же время, в 1504 году, Синьория подрядила еще одного художника, Микеланджело, который в том же зале, что и Леонардо, должен был на другой стене создать фреску, посвященную битве при Кашине. Это было сражение, в котором флорентийцы нанесли поражение Пизе, и надо сказать, публике такого рода наглядная агитация должна была понравиться.

Никогда еще два таких общепризнанных гения, как Леонардо и Микеланджело, не работали бок о бок, сойдясь в чем-то вроде состязания. Как полагается, художники должны были представить комиссии так называемые картоны – полномерные копии своих предполагаемых фресок.

Знатоки сравнивали картоны. По словам Вазари, подготовительный рисунок Леонардо «*был признан вещью выдающейся и выполненной с большим мастерством из-за удивительнейших наблюдений, примененных им в изображении этой свалки, ибо в этом изображении люди проявляют такую же ярость, ненависть и мстительность, как и лошади, из которых две переплелись передними ногами и сражаются зубами с не меньшим ожесточением, чем их всадники, борющиеся за знамя*».

Картон Микеланджело произвел не меньшее впечатление. Бенвенуто Челлини [3], видевший картоны, когда они еще были целы, назвал работы Леонардо и Микеланджело «*школой для всего света*».

Но работа над обеими фресками пошла не так, как было запланировано. Леонардо экспериментировал с составом красок и запаздывал, срывая все сроки. Микеланджело же даже и не взялся за свою фреску, потому что начал другую работу – ему отдали испорченный было большой блок мрамора, который предназначался на создание так называемого «Гиганта». Микеланджело взялся за работу, в частности, и потому, что опасался, как бы блок не отдали Леонардо – он только его одного и считал достойным соперником.

Скульптура должна была изображать библейского Давида, победившего Голиафа, и символизировала Республику Флоренция, не отступившую в борьбе с могучими врагами и дерзнувшую на неравную битву. Весь город следил за тем, как двигается работа над статуей, даже гонфалоньер Содерини, и тот пришел поглядеть на это диво.

Согласно истории, рассказанной Вазари, гонфалоньер даже дал Микеланджело пару ценных советов – нос Давида показался

ему слишком толстым. Микеланджело немедленно забрался на леса и начал работать – но он даже и не коснулся мрамора, а только изобразил, что делает что-то, одновременно просыпая накопившуюся у него со вчерашнего дня мраморную крошку. Когда он показал Содерини «результаты», тот воскликнул, что теперь стало гораздо лучше – Давид выглядит как живой.

Согласно энциклопедии, «*Давид» – мраморная статуя работы Микеланджело, впервые представшая очам изумленной флорентийской публики на площади Синьории 8 сентября 1504 года. С тех пор 5-метровое изваяние стало восприниматься как символ Флорентийской Республики и одна из вершин не только искусства Возрождения, но и человеческого гения в целом*».

Фреска работы Леонардо так и не была полностью окончена, и в конце концов ее покрыли новой фреской, нанесенной на стену поверх той живописи, которую создал он.

Сделал это Вазари.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гильдия Святого Луки – цеховые объединения художников, скульпторов и печатников, получила название по имени апостола Луки, покровителя художников, который, как считается, первым изобразил Деву Марию.

2. Джорджо Вазари (1511—1574) – итальянский живописец, архитектор и писатель. Автор знаменитых «Жизнеописаний», основоположник современного искусствознания.

3. Бенвенуто Челлини (1500—1571, Флоренция) – выдающийся итальянский скульптор, ювелир, живописец и музыкант эпохи Ренессанса.

О вреде совести и о пользе идеологии, 1506—1508

I

Среди командиров кондотьеров было немало негодяев. Среди тех из них, кто служил Чезаре Борджиа, процент мерзавцев был еще выше, чем в среднем, – но и в этой среде Джампаоло Бальони, властитель Перуджи, входил в число наиболее отпетых. Ну, просто в порядке иллюстрации, – он убил своего отца и держал при себе собственную сестру в качестве наложницы [1].

Мятеж кондотьеров против Чезаре в ноябре 1502 года организовал именно он. Когда тот расправился в Синигалье с Вителоццо Вителли и прочими, Бальони пришлось бежать из Перуджи, но он уцелел и после смерти папы Александра VI вернул себе свои владения. Новый папа, Юлий II, начал наводить порядок в Романье и вменил себе в обязанность вернуть викариям церкви должное уважение к святому престолу.

Бывшему приспешнику Чезаре Борджиа, Джампаоло Бальони, было чего опасаться. Он просил о прощении и милости, и Юлий II снизошел – приехал к нему в Перуджу в сопровождении кардиналов и подписал там договор с Джампаоло.

Ему разрешалось оставаться в своих владениях...

У Макиавелли был случай понаблюдать за всем этим с близкого расстояния – в конце августа 1506 года он был при папском дворе с дипломатической миссией. 13 сентября он направил письмо в комиссию Десяти, в котором описал заключение мирного договора между Джампаоло Бальони и папой римским, состоявшееся в Перудже. Ему не давал покоя вопрос – почему Юлий II не вызвал Джампаоло к себе в Рим, а доверился ему, приехав Перуджу? Почему Джампаоло не воспользовался оплошностью понтифика и не убил его?

Сгоряча – письмо было написано в тот самый день, когда мир был заключен, – Макиавелли приписал это «*доброй натуре и достойному поведению*» Джампаоло Бальони. Он добавил, что Бальони последовал совету герцога Урбинского и предпочел защищаться униженным повиновением, а не оружием.

По поводу «*совета из Урбино*» – весьма вероятно. По поводу «*доброй натуры*» – ох, нет. Макиавелли не только знал о репутации Джампаоло, но и был с ним лично знаком – они встречались в апреле 1506 года. Он знал, о ком говорит...

Уже значительно позднее, в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», Макиавелли свое поспешное суждение, сделанное им в сентябре 1506-го, совершенно пересмотрит. Он обьяснит странное поведение папы Юлия, отдавшего себя в руки врага, слепой нерассуждающей яростью, которая руководила многими

его поступками, а поведение Джампаоло Бальони, не воспользовавшегося этой ошибкой, его «*трусостью*».

Понятное дело, он не обвиняет профессионального воина и не менее профессионального бандита в физической трусости. Нет, Макиавелли ведет речь о трусости моральной, о неспособности нарушить рамки того, что установлено обществом как норма. Согласно Макиавелли, все люди из папской свиты, с которыми он говорил, утверждали, что дело было не в совести Бальони, потому что такая субстанция души у него отсутствовала полностью, а в том, что он не решился тронуть главу христианского мира. И дальше Макиавелли утверждает, что Джампаоло Бальони упустил возможность показать князьям церкви, как мало уважения заслуживают люди, которые живут так, как живут они, и которые правят так, как они это делают.

Если бы он нарушил свое слово и захватил папу римского, это было бы злое дело, но – по мнению Макиавелли – в деле этом было бы и величие.

Рассуждение Макиавелли о том, когда властителю следует держать свое слово, а когда ему следует его нарушить, найдет потом место в его «Государе».

Надо сказать, что эпизод в Перудже вообще оставил глубокий след в душе Никколо Макиавелли. Мало того, что он привел его к умозаключению, что совесть для правителя – это отнюдь не добродетель и что ему следует пользоваться выгодной ситуацией, даже если это нарушает все рамки общественных запретов, но он даже и обьяснил, как авторитет религии позволяет духовным лицам делать вещи, для прочих смертных невозможные:

«*Нам остается рассмотреть церковные государства, о которых можно сказать, что овладеть ими трудно, ибо для этого требуется доблесть или милость судьбы, а удержать легко, ибо для этого не требуется ни того, ни другого. Государства эти опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти, независимо от того, как те живут и поступают. Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и однако же на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготятся своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье…*» [2]

Мысль о государях, опирающихся не на светские установления, а на незыблемый религиозный авторитет первосвященников, считалась устаревшей начиная еще с XVIII века, – папство как государство с земными интересами к этому

времени как-никак сошло со сцены.

Но – позволим себе замечание в сторону – в XX веке появление тоталитарных империй, где лидер партии играл роль не только главы государства, но и первосвященника определенной идеологии, заставило многих людей перечитать «Государя» Макиавелли с новым вниманием.

II

В начале декабря 1506 года во Флоренции была учреждена новая комиссия, так называемая комиссия Девяти. В отличие от комиссии Десяти, ведавшей вопросами мира и безопасности, комиссия Девяти должна была руководить новосозданной «милицией» – то есть тем самым ополчением, которое так горячо отстаивал Никколо Макиавелли в своих меморандумах Синьории. В вопросе выбора секретаря для этой комиссии споров не возникло – имелась одна-единственная совершенно очевидная кандидатура, Никколо Макиавелли. Так что теперь он был секретарем комиссии Десяти, секретарем комиссии Девяти, и, разумеется, с него не снимались и обязанности секретаря Второй Канцелярии.

Триумф в своем роде, но нельзя сказать, что розы были совсем уж лишены шипов.

Бьяджо Буонакорсо в частном письме, написанном в октябре 1506 года, еще до учреждения новой комиссии, сообщил своему другу Никколо, что Аламано Салвати (о котором у нас уже был случай поговорить) в присутствии многих людей называл Макиавелли шутом и негодяем и добавлял, что он, Салвати, как член комиссии Десяти сделает все возможное, чтобы провалить его переаттестацию в роли секретаря этой комиссии.

Из этого ничего не вышло, но вражда никуда не делась.

III

Весной 1507 года до Синьории дошли слухи о том, что император Максимилиан собрался в поход через Альпы и что целью его является ликвидация французского господства в Милане и во всей Ломбардии. Для Флоренции ситуация становилась опасной буквально сразу же – Республика состояла в союзе с Францией. А союз состоял в том, что она платила французам за защиту.

Пьетро Содерини держался традиционной политики, его оппоненты стояли за союз с Габсбургами.

Обеим сторонам этого диспута было чрезвычайно важно узнать, когда и с какими силами Максимилиан собирается выступить, – и было решено направить к его двору дельного дипломата с целью разузнать все, что только возможно. Из всех флорентийских дипломатов самым дельным был Никколо Макиавелли – и 19 июня его известили, что ему следует подготовиться к поездке в «Тодескерию» (Todescheria) – так итальянцы в то время именовали Германию.

27 июня он узнал, что на пост посла назначен не он, а некто по имени Франческо Веттори. Синьория в мудрости своей рассудила, что к императорскому двору следует посылать не канцеляриста на жалованье, а истинно благородного молодого человека из хорошей семьи.

В сущности, это был политический акт, направленный против Пьеро Содерини, у которого имелось немало оппонентов из, так сказать, «аристократической» партии. Аристократов во Флоренции в полном смысле слова быть не могло – дворян ни к каким делам не допускали вообще, а что до древности рода, то Макиавелли могли похвалиться генеалогией с корнями в первой половине XIII века. Все дело упиралось в состояние – отношения патрон/клиент строились во Флоренции именно по этому принципу, и Макиавелли (как, впрочем, и Микеланджело) относились к категории клиентов.

Патроном Макиавелли был Пьеро Содерини, который его ценил просто чрезвычайно, но которому и в голову бы не пришло посчитать Никколо Макиавелли не служащим, а лицом, хоть в какой-то мере равным ему самому. И поскольку комиссия уперлась и пожелала отправить к Максимилиану достойное лицо, равное членам комиссии по положению, спорить он не стал.

Никколо Макиавелли, обойденный назначением и сочтенный недостойным статуса «оратора», как назывались полномочные представители Республики, остался дома.

Странно, но секретарь Второй Канцелярии, человек, вроде бы повидавший свет и вроде бы потерявший способность удивляться и подлости, и неблагодарности, был глубоко задет. Он, по-видимому, посчитал все произошедшее с ним глубокой неблагодарностью Синьории.

Трудно все-таки вложить всю свою душу, весь свой разум и все свое рвение в свою деятельность на благо своей стране, добиться и успехов и лестной репутации – и получить плевок в награду за «*неправильное происхождение*».

IV

Но 17 декабря 1507 года Никколо Макиавелли все-таки отправился в «Тодескерию». Письма, которые он получал от Франческо Веттори, оказались, как бы это сказать помягче – неточны? Он предсказывал, что уже вскоре неисчислимые полчища императора перевалят через Альпы – но на самом деле ничего подобного не происходило. В общем, надо было в конце концов соприкоснуться с реальностью – и Пьеро Содерини под предлогом того, что нужен же кто-нибудь, кто будет в состоянии доложить Синьории о положении дел в случае, если письма Веттори будут потеряны, отправил послу подмогу в виде Никколо.

Макиавелли отправлялся в дорогу в статусе всего лишь курьера, а не посла – что снимало с Содерини обвинения в каком бы то ни было «*недоверии к благородному молодому человеку, Франческо Веттори, отпрыску достойнейшей семьи, одной из опор Республики*».

Путь был долгим – через Ломбардию в Савойю, оттуда в Женеву и дальше, в Больцано. В Ломбардии его задержала французская стража – пришлось осторожности ради уничтожить все письма, которые Макиавелли вез с собой. В Женеве он изо всех сил старался понять, что происходит в Швейцарии – и пришел к выводу, что кантоны не горят желанием встать на сторону императора. Он вообще собирал самые разнообразные сведения. В числе людей, которых Макиавелли расспрашивал о ходе дел в Германии, были даже музыканты. Полезнее всего, конечно, было поговорить с дипломатами – даже из их умолчаний можно было выудить что-нибудь интересное. Полученная информация не собиралась в коллекцию, а проходила через фильтр весьма скептической натуры Никколо Макиавелли – когда барон де Вири сообщил ему, что «*император своими действиями вскоре решит вопрос войны или мира*», Макиавелли любезно поблагодарил своего собеседника, а в записную книжку занес, что за все время путешествия сам он не видел ни одного пешего солдата, ни одного кавалериста и ни одного обоза, везущего военные припасы. Когда Макиавелли добрался наконец до Больцано, где жил «oratore» Франческо Ветторе, он уже был в состоянии рассказать ему немало интересного.

К моменту приезда Макиавелли знал состояние дел лучше, чем Франческо Веттори, который пребывал при дворе Максимилиана еще с лета 1507 года.

Двум флорентийским дипломатам было о чем поговорить.

V

Как ни странно, они подружились. Автор итальянской биографии Макиавелли, Маурицио Вироли, замечает, что между ними установилось полное и гармоничное сотрудничество: Макиавелли писал обзоры политической жизни при императорском дворе, а Ветторе их подписывал – и оба были счастливы. Пользу получила и Синьория – картина как-то сразу прояснилась.

Макиавелли, скажем, докладывал, что германские владения императора располагают большой долей независимости, что император может получить у них солдат только с их согласия и что он должен платить за это, что если плата задерживается больше чем на месяц, то солдаты вольны уйти и их нельзя задерживать, что воинские контингенты остаются на службе только определенное время, а потом считают себя свободными, что приходят они из разных мест и в разное время, поэтому тогда, когда подходит подкрепление, войска, подошедшие раньше, свою службу оканчивают, и что в результате всего этого у императора много солдат на бумаге, но гораздо меньше – на деле. Ну и так далее...

Маурицио Вироли назвал свою книгу «Улыбка Никколо», и улыбку эту в тексте докладов просто чувствуешь. Например, там передан разговор с каким-то придворным, который гордо сказал, что император не слишком горд и легко дает аудиенции и что император проницателен:

«Еще никому не удавалось ввести его в заблуждение дважды».

На что скромный секретарь Второй Канцелярии Республики Флоренция, всего лишь помощник и курьер посла Республики, задал вопрос:

«*Если у императора несчетное количество подданных и он тем не менее не слишком горд и легко дает аудиенции, то, следовательно, он видит много народу?»*

И, получив ожидаемый утвердительный ответ, продолжил свои рассуждения:

«*Коли так, то император, несмотря на то, что никто не может провести его дважды, непрерывно находится в состоянии, когда его обманывают единожды?..*»

Если что и вредило Никколо Макиавелли как дипломату, так это его длинный язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Niccolo’s Smile, by Maurizio Viroli, page 92.

2. Никколо Макиавелли, «Государь», глава XI «О церковных государствах».

О трудностях создания армии в условиях рыночной экономики, 1504

I

Микеланджело, конечно, легко было посмеяться над «*как бы знающим дело*» гонфалоньером Пьеро Содерини, но заботы Синьории отнюдь не исчерпывались надзором за фронтом работ по украшению города. В конце концов, на это имелась комиссия, составленная из специалистов [1].

Надо было беспокоиться об очень многом – политическая ситуация в Италии менялась быстро. Время относительной стабильности, когда все итальянские дела решались пятеркой итальянских «великих держав» – Римом, Неаполем, Миланом, Флоренцией и Венецией, – уже миновало. Французское вторжение совершенно все поменяло. Франция в смысле военного могущества была игроком уже совершенно другой лиги. И эта суперлига очень скоро расширилась – к ней присоединились испанцы, и на горизонте совершенно явно возникли и возможная «*гроза из Германии*» – император Максимилиан в своей столице в Вене вовсе не собирался оставить итальянские дела на усмотрение только Франции и Испании.

Государи Италии пытались как-то приспособиться к новой ситуации. Сил у них по сравнению с Францией или Испанией было мало, но они очень верили в себя.

Послушаем Якоба Буркхардта [2]:

«*Лодовико Моро* [Сфорца, герцог Миланский]… *еще в 1496 году похвалялся, что папа Александр – его капеллан, император Макс – его кондотьер, Венеция – его казначейство, король Франции – его курьер, которого он может посылать куда угодно*…»

Если герцог Милана, Лодовико Сфорца, полагал, что может манипулировать папством и Венецией, то уж его чувства в отношении тех, кто обитал севернее Альп, и вовсе были далеки от восторженных. Он смотрел на них примерно так же, как флорентийский поэт при его дворе смотрел на миланцев – отсюда и его выходки вроде заказанной фрески, на которой он, якобы крестьянин, прикармливает кур, якобы французов. Он, может быть, вспоминал об этом произведении искусства, когда умирал во французской тюрьме.

Лодовико полагал себя примером для всех государей Италии, и надо сказать, что он оказался прав, только вот пример вышел скорее негативный – и из него были сделаны выводы.

Флоренция, например, вела себя чрезвычайно осмотрительно. Ей надо было следить и за Францией, разбитой испанцами у Неаполя, но все еще сильной, и за новым папой, Юлием Вторым, который повел себя чрезвычайно воинственно, и за Венецией,

которая совершенно отчетливо нацелилась на то, чтобы внедриться в Романье, – в общем, чисто дипломатических забот у гонфалоньера Содерини хватало. Однако самые большие споры в Синьории шли по поводу организации военных сил Республики.

Проблемы с «войском по найму» были огромны, трудности, связанные с контрактниками-кондотьерами, были очевидны – почему же за них так держались?

Об этом есть смысл поговорить поподробнее.

II

В Европе довольно долго действовал определенный военный стандарт: за единицу военной мощи принималось так называемое копье – рыцарь на коне, в полном вооружении и со своими слугами и оруженосцами. Количество «копий», которое мог выставить тот или иной государь, служило мерой его могущества.

Конечно, с течением времени система усложнилась.

Государи стали ощущать необходимость наличия собственных войск, устроенных вне иерархической феодальной лестницы и подчинявшихся только им одним. Например, король Франции – в принципе – имел право призывать герцогов Бургундских под свои знамена, но герцоги Бургундские были могущественны и богаты и делали – в принципе – не то, что от них требовал король, а то, что считали нужным. Так что волей или неволей короли Франции заводили себе личную гвардию, да еще и частенько включали в нее иностранцев-наемников, зависящих лично от короля. Скажем, Людовик XI полагался на шотландцев [3].

Тем не менее основные военные силы обычных европейских государств до поры строились на войске, которое набиралось по сеньориальному принципу: вассалы выставляли вооруженных людей в обмен на выделяемые им сеньором земельные наделы.

Именно такая система существовала и на юге Италии – Неаполитанское Королевство в этом смысле было вполне нормальным. Теоретически такая же схема формирования войск существовала и в Папской области, но сеньорами там были не наследственные короли, а избираемые, и следовательно, периодически меняющиеся папы римские, в то время как их вассалы, викарии церкви, свои владения наследовали.

В результате они чувствовали себя куда независимее, чем обычные бароны, – каждому следующему папе приходилось их лояльность как-то покупать.

Республикам вроде Флоренции приходилось еще труднее. В роли сеньора выступала городская коммуна. Дворяне не имели в ней никаких прав – она управлялась гильдиями. Из территории города надел не выкроишь при всем желании. И даже республика, преуспевшая в расширении своей территории, тоже была очень ограничена в выборе в этом отношении.

Флоренция с точки зрения территориального деления состояла из собственно города Флоренция, покоренных коммун вроде Пизы и сельской местности, в сумме именуемой «контадо».

И как из этого выделить наделы для каких-нибудь

гипотетических «викариев Флоренции»?

Совершенно ясно – если какой-нибудь барон в качестве надела получит, скажем, ту же Пизу, он на следующий день объявит себя независимым государем Пизы.

Если же дать ему часть контадо – то он построит там замок и потом сделает то же самое: обьявит независимость.

Ну, раз землей платить нельзя – можно платить деньгами?

Но и с войском по найму вскоре возникли проблемы. Стороны не доверяли друг другу – и имели к этому очень хорошие основания. То, что наниматель имел основания жаловаться на нанимаемых им кондотьеров, мы знаем очень хорошо.

Послушаем Никколо Макиавелли – и мы увидим, с какими проблемами приходилось сталкиваться Республике:

«*…Я хотел бы объяснить подробнее, в чем беда наемного войска. Кондотьеры по-разному владеют своим ремеслом: одни – превосходно, другие – посредственно.*

Первым нельзя довериться потому, что они будут сами домогаться власти и ради нее свергнут либо тебя, их хозяина, либо другого, но не справившись о твоих намерениях.

Вторым нельзя довериться потому, что они проиграют сражение…»

Он даже приводит конкретный пример и ссылается при этом на события, о которых мы уже кое-что знаем:

«…Флорентийцы пригласили на службу Паоло Вителли, человека умнейшего и пользовавшегося огромным влиянием еще в частной жизни. Если бы он взял Пизу, разве не очевидно, что флорентийцам бы от него не отделаться?

Ибо, перейди он на службу к неприятелю, им пришлось бы сдаться; останься он у них, им пришлось бы ему подчиниться…»

Как мы знаем, Паоло Вителли на службе у Флоренции имел полную возможность окончить победой войну с Пизой – и не сделал этого. Что, между прочим, стоило ему головы.

Но, если бы он взял Пизу, он стал бы опасен, и флорентийцы все равно могли бы его убить.

Не будем строить на этот счет никаких иллюзий – Якоб Буркхардт приводит пример какого-то неназванного им кондотьера, который одержал огромную победу для какого-то неназванного города (хотя, скорее всего, имелась в виду Сиена):

«*Был полководец, освободивший их от вражеского угнетения; они каждый день совещались, как им вознаградить его, и решили, что никакое вознаграждение, бывшее в их силах, не будет достаточным, даже и в том случае, если они сделают его властителем города. Тогда наконец поднялся один из них и сказал:*

«Давайте убьем его и будем поклоняться ему как святому города».

Так с ним и поступили...»

Кстати, опасения насчет того, что удачливый кондотьер может стать хозяином нанявшего его города, были очень хорошо обоснованы – именно так в 1450 году началась династия Сфорца.

Казалось бы, имеется масса оснований для того, чтобы поискать какую-нибудь систему получше. Но фактически дело пошло в противоположном направлении – европейские государи последовали итальянскому примеру и стали все больше и больше полагаться на наемные войска. Оказалось, что их дисциплина и профессионализм стоят тех денег, что шли на их оплату и содержание. Конечно, проблемы с командирами кондотьеров, описанные выше, оставались в силе и в том случае, если они нанимались на службу к королям. Однако имелись и методы сокращения ущерба. Впервые их, по-видимому, придумали венецианцы – система командования наемниками намеренно дробилась, различных командиров использовали на разных фронтах, не позволяя ни одному из них достичь такого могущества, которое стало бы опасным длы нанимателя, найм был поставлен так, что предполагался не короткий контракт на определенную работу, а долгосрочная сделка. Наконец, тех кондотьеров, кто показывал выдающиеся способности, венецианцы инкорпорировали в ряды своей высшей знати.

Французские короли делали то же самое – дробили командование, продвигали хороших командиров, давали французские титулы полезным им «полевым командирам» – например тому же Чезаре Борджиа...

Они, однако, прибавили к существовавшей практике и новый прием – стали принимать на службу швейцарские ополчения. Они снискали себе славу и репутацию, когда в 1444 году побили бургундское войско.

Их стали охотно нанимать на службу, а в 1474 году король Людовик XI поставил дело на здоровую деловую основу, заключив с ними долгосрочный договор. Что интересно – сделка заключалась не с капитанами наемников, а с деревнями:

«*...По договору король (Людовик XI) обязуется, пока он жив, платить ежегодно 20 000 франков договаривающимся селениям, которые должны равномерно распределять эти деньги между собой; за это они обязаны, если король ведет войну и требует помощи, доставлять ему вооруженных людей, с тем чтобы они получали от него жалованье по 4 1/2 гульдена в месяц каждый и за каждый выход в поле по меньшей мере трехмесячное жалованье и чтобы наемники пользовались преимуществами королевских войск...*».

Этот договор дал возможность Карлу VIII во время похода на Неаполь воспользоваться услугами 20 тысяч швейцарцев, которые при отступлении принесли ему огромную пользу, особенно при переходе через Апеннины. Он даже организовал постоянное Швейцарское войско при дворе под названием Cent Suisses – они заменили шотландскую гвардию.

Это, конечно же, не осталось без внимания и всех остальных. Венеция начала приглашать к себе на службу швейцарцев с 1501 года. Они начинают служить в Милане (с 1499 года), а потом и в войске пап. Их пробовала нанимать даже Флоренция в ее нескончаемой войне с Пизой, причем и Пиза делала то же самое – швейцарцы бились в войсках обеих сторон.

Швейцарское ополчение на рынке пользовалось значительным спросом.

III

Швейцарцев Макиавелли не больно-то жаловал, но вот сама эта идея – ополчение – заинтересовала его просто чрезвычайно. Как-никак, но и он, при всем своем практицизме, был гуманистом в духе лучших флорентийских традиций, латинских авторов читал очень внимательно и на примеры из римской истории ссылался даже в сугубо деловых бумагах, направляемых по начальству.

Ну, например, вот отрывок из одного его меморандума Синьории:

«*Когда Луций Фурий Камилл вернулся в Рим после победы над жителями Лациума, много раз восставававшими против римлян, он пришел в Сенат и сказал речь, в которой рассуждал, как поступить с землями и городами латинян. Вот как передает Ливий его слова и решение Сената: «Отцы сенаторы, то, что должно было свершить в Лациуме войной и мечом, милостью богов и доблестью воинов наших ныне окончено. Воинство врагов полегло у Педа и Астуры, земли и города латинян и Анциум, город вольсков, взяты силой или сдались вам на известных условиях. Мы знаем, однако, что племена эти часто восстают, подвергая отечество опасности, и теперь нам остается подумать, как обеспечить себя на будущее время: воздать ли им жестокостью или великодушно их простить*».

В меморандуме речь шла, собственно, вовсе не о Тите Ливии, а о том, как следует поступить с восставшими жителями Вальдикьяны, коммуны, восставшей против Республики и наконец захваченной обратно силой оружия – у нас уже был случай поговорить на эту тему. Макиавелли говорил, что принимаемые меры не должны быть половинчатыми – жителей надо или полностью простить, или решительно покарать – но разговор у нас сейчас идет не об этом, а о том, что ссылку на Ливия он посчитал необходимой.

Примеры правильного следует искать в античности – это было общее правило гуманистов Возрождения. Идею правильного устройства войск, по мнению Макиавелли, следовало искать там же. Позднее в своем «Государе» он напишет следующее:

«*Рим и Спарта много веков простояли вооруженные и свободные. Швейцарцы лучше всех вооружены и более всех свободны*».

Но коли так – зачем же Флоренции швейцарское ополчение? Разве не лучше создать нечто в этом же роде, но собственное, флорентийское? Разумеется, он поделился этой мыслью с

людьми, которым доверял, и даже обсудил ее с несколькими членами комиссии Десяти. Никакого восторга они не выказали. Они были все люди глубоко практические и посмотрели на дело с практической стороны – ну, например, простой вопрос: где взять ополченцев?

Богатые члены старших гильдий заняты своим делом, в котором они разбираются очень хорошо, чем бы они ни занимались – хоть производством сукна, хоть банковскими операциями. Но в военных делах они не понимают решительно ничего. К тому же их не так уж и много, и тысячи ополченцев из них не наберешь. Если же призвать в ополчение подмастерий и не состоящих в гильдиях бедных горожан, то последнее, что хотелось Синьории – это дать им в руки оружие.

Мятежи «тощего народа» против правления «жирного народа» случались в истории Флоренции неоднократно. Ну а то обстоятельство, что ополчение нельзя формировать из жителей прочих городов, входящих в состав Флорентийской Республики, можно было и не упоминать – в настоящий данный момент, как хорошо известно секретарю Второй Канцелярии, Республика ведет войну против такого вот ополчения, самостоятельно сформировавшегося в городе Пиза – и конца войне не видно.

В общем, над всем этим следовало хорошо подумать.

IV

Еще 24 ноября 1503 года Макиавелли послал из Рима во Флоренцию письмо в комиссию Десяти. Он, по уже сложившейся традиции, сделал заказанный ему аналитический отчет, который отвечал на вопрос: как отнесется новый папа римский, Юлий II, к попытке Венеции утвердиться в Романье? От Никколо, в сущности, требовали своего рода предсказания – Синьория подозревала, что втайне папа Юлий будет не прочь отдать венецианцам Фаенцу, часть раздираемого на куски наследства Чезаре Борджиа.

Макиавелли ответил, что высоким господам, членам комисии Десяти, не следует беспокоиться об этом – папа будет резко против. И добавил, что *«захват Фаенцы будет для Венеции или дверью, которая откроет им всю Италию, или, что более вероятно – началом их крупных неудач»*.

Ну, в письме было сказано, что то же самое думает и его преосвященство, кардинал Франческо Содерини – но мы можем быть уверены, что его преосвященство просто следовал ходу мысли самого Никколо Макиавелли. Это был его обычный метод формирования своего мнения по целому ряду вопросов. Мнение секретаря Второй Канцелярии опиралось не только на слухи, которые до него дошли, не только на сплетни, которые ему рассказали, не только на наблюдения за словами и делами дипломатов, которых он встречал в Риме. Нет – главным образом оно опиралось на холодный анализ сил и средств Светлейшей Республики Венеции.

Он полагал, что экспансия Венеции в Романью вызовет сопротивление и что для того, чтобы преодолеть сопротивление, Венеции понадобится большая и относительно дешевая армия, потому что на большую наемную армию средств у Венеции не хватит.

Светлейшая Республика к этому времени значительно обгоняла Флоренцию в богатстве, и ее дукаты, в сущности, сменили флорин в качестве стандартной золотой валюты, но на такое дело денег не хватит даже у Венеции.

А для создания ополчения из жителей венецианских владений на «твердой земле» – то есть не в самой Венеции, а в Италии – ей надо дать этим людям венецианское гражданство, на что Венеция ни за что не пойдет, потому что такой шаг сломает всю ее социальную структуру.

И он рекомендовал Синьории как можно скорее послать в Рим посольство, для того чтобы самым дружеским образом

поздравить папу Юлия с его триумфом и установить с ним как можно более хорошие отношения. Конфликт папства с Венецией весьма вероятен, и в нем надо вовремя встать на правильную сторону.

Уже 4 декабря верный друг Макиавелли Биаджо Буонакорси известил его, что послы назначены и уже закупают дорогие одежды и подарки, чтобы явиться в Рим в наиболее выигрышном виде. То есть рекомендации Макиавелли были приняты, Синьория посчиталась с его мнением, и можно было считать, что на его счет занесен очередной успех. Но обсуждение хода дел в возможном конфликте с Венецией было не единственным делом, которое Макиавелли обсуждал с кардиналом Содерини.

Он так и не расстался с идеей протолкнуть через Синьорию свой проект создания флорентийского ополчения.

V

Макиавелли учел возражения своих оппонентов. Да, в самой Флоренции сделать ничего нельзя, и формирование там каких-то вооруженных сил невозможно. Синьория этого не позволит, потому что вооруженные люди в черте города – это готовый инструмент для государственного переворота, даже если его проведет сам глава правительства, гонфалоньер Пьетро Содерини. Да, учредить ополчения в городах Тосканы, подчиненной Флоренции, тоже нельзя – это чревато мятежом. Но в контадо, в сельских общинах Республики, что-то сделать все-таки можно. В такого рода промежуточной постановке вопроса Макиавелли получил поддержку не только от кардинала Содерини, но и от его брата, Пьеро.

Согласно предложениям Макиавелли, это новое войско должно было иметь милиционный характер, то есть жить в основном в своих домах и за свой счет. Но вооружение, обучение военному делу и организация будут обеспечены за счет Республики, и ополченцы будут носить не знаки своих общин, а один единый символ, «марзокко», или «флорентийский лев», и, таким образом, будут считаться защитниками всего государства. Для всех дел, связанных с ополчением, следует учредить новую комиссию – в строгом соответствии с конституционными правилами Флоренции. Собираться ополчение будет несколько раз в год. И говорилось, что «*вы увидите, какая разница между солдатами, созданными из числа ваших собственных сограждан и добровольно вступившими в ряды защитников Республики, и теми, кто пошел служить по найму. Вы увидите, как молодые люди из хороших семей и с достойным образованием, став солдатами, принесут честь и себе, и отчизне*» [5].

Сомневающимся было сказано, что новые военные формирования могут быть опасны Республике только в двух случаях:

1. Если они взбунтуются.

2. Если они станут инструментом для захвата власти каким-либо влиятельным гражданином Республики.

Первая опасность пренебрежимо мала, потому что ополчение рассеяно по селеньям и само собраться вместе не может – на это нужен приказ.

А вторая опасность может быть резко уменьшена тем, что функции управления новым войском будут разделены: одна административная единица будет заниматься их обучением и вооружением, другая – наказанием и поощрением и третья –

руководством ополчением в случае войны.

Никколо Макиавелли был исключительно умным человеком.

Как он мог поверить в то, что изобретенный им механизм «разделенной администрации» будет и в самом деле работать как задумано, совершенно непонятно.

Но, в конце концов, и такой универсальный гений, как Леонардо да Винчи, верил в то, что сможет повернуть реку Арно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 25 января 1504 года, когда работа над «Давидом» уже близилась к завершению, его пришли оценить ведущие флорентийские художники. Только немногие из них, во главе с Боттичелли, по-прежнему настаивали на размещении статуи близ собора. Для прочих консультантов, включая Джулиано да Сангалло, Пьеро ди Козимо и Леонардо да Винчи, общегражданский посыл скульптуры перевесил ее религиозное значение. Для защиты от негативного действия сил природы статую было предложено перенести туда, где заседал городской совет – в лоджию Ланци.

2. Якоб Буркхардт (1818—1897) – швейцарский историк культуры, стоявший у истоков культурологии как самостоятельной дисциплины. Цитата приводится по его книге «Культура Возрождения в Италии», глава I. «Государство как произведение искусства».

3. Людовик XI (фр. Louis XI), по прозвищу Осторожный, Благоразумный (фр. le Prudent) или, неодобрительно, Всемирный Паук (фр. L'universelle aragnée) – король Франции в 1461—1483 годах из династии Валуа.

4. Франческо Сфорца – основатель миланской ветви династии Сфорца, кондотьер. В 1441 году женился на Бьянке Марии Висконти (1425—1468), внебрачной дочери герцога миланского Филиппа Висконти. После смерти герцога Висконти в 1447 году, не оставившего наследников мужского пола, сенат города решил передать герцогство Сфорца.

5. Цитируется по переведенной с итальянского на английский книге Маурицио Вироли «Niccolo's Smile», page 84.

«Ваше великолепие, мессер капитан-генерал...» 1509

I

Такими вот словами: «*Ваше великолепие, мессер капитан-генерал…*» [1]начиналось письмо Бьяджо Буонакорси, написанное им в феврале 1509 года и адресованное его другу и начальнику, Никколо Макиавелли. Ну, не будем принимать это пышное обращение слишком уж серьезно: отношения Бьяджо и Никколо строились на совершенно неформальной основе.

Когда Макиавелли в одной из его посольских поездок в Рим понадобилась новая дорогая одежда, он обратился к Бьяджо с просьбой заказать ее – что тот и сделал, но на свою мерку. В письме, сопровождающем посылку с одеждой, Бьяджо высказал надежду, что она подойдет, а если нет, то пусть Никколо «*почешет свой зад*» и не досаждает своему другу впредь подобными поручениями [2].

Так что мы можем быть уверены, что Бьяджо, по своему обыкновению, валял дурака. Но основания для такого вот пародийного славословия у него все-таки были. Бесконечно тянущаяся война с Пизой подходила к благополучному окончанию, и не в последнюю очередь благодаря созданному Никколо Макиавелли ополчению. Он все-таки своего добился – ополчение существовало, в нем числилось теперь до 20 тысяч человек.

К тому же он оказался в самом центре процесса переговоров о капитуляции Пизы. В середине марта 1509-го Синьория послала его в Пьомбино для встречи с делегацией мятежного города. Пизанцы отказались с ним говорить. Во-первых, у них не было полномочий для детальных переговоров, во-вторых, они хотели говорить с кем-нибудь более весомым, чем какой-то секретарь.

Когда наконец делегаты все же стали разговаривать, они начали с выдвижения условия: Пиза, так и быть, отдаст Флоренции свое контадо, то есть свои владения в сельской местности, но собственно город Пиза останется суверенным.

В ответ им было сказано, что если они боятся впустить флорентийцев в стены города, то напрасно: им не надо беспокоиться по поводу возможных репрессий, Синьория Флоренции уже решила, что ни на жизнь, ни на собственность пизанцев не будет допущено никаких покушений.

Что же касается разделения Пизы и ее контадо с точки зрения подчинения юрисдикции Республики Флоренция, то, конечно, это прекрасная шутка, но не лучше ли поговорить о более серьезных предметах? И Макиавелли обратился к делегатам, представлявшим сельские округа Пизы, сообщив им, что «*удивлен*

их наивностью». Они играют в игру, которую не смогут выиграть. Ведь если в итоге победит все-таки Пиза, то они «останутся *ее подданными, а не ее гражданами*», а если Пиза попадет под штурм, что может случиться в любую минуту, то стены города их не защитят и они погибнут – или уж во всяком случае потеряют все свое имущество.

Угроза, надо сказать, была более чем реальной – поля вокруг Пизы уже поджигали, и делалось это как раз тем ополчением, которое сформировал Макиавелли. И делегаты Пизы вняли словам секретаря:

«*Мы хотим мира, мессер посол, мы хотим мира*».

Теперь они не цеплялись к рангу – Никколо именовали послом...

II

Мир был подписан 4 июня 1509 года, и уже 8 июня флорентийцы вошли в город. Капитуляция Пизы была принята канцлером Республики, то есть секретарем Первой Канцелярии, Вирджило Адриани, и секретарем Второй Канцелярии Республики, Никколо Макиавелли. Во Флоренции прошел бурный праздник, ликовало все население. Агостино Веспуччи написал Никколо: «*если бы я не боялся, что ты зазнаешься, я бы сказал, что твои ополченцы как раз и сделали это завоевание возможным. Клянусь Господом – я напишу тебе приветствие, достойное быть сочиненным самим Цицероном*».

Филиппо Казавекья устроил специальное празднество для Макиавелли, и пригласил его погостить в своем доме, обещая чудесную форель и самые лучшие вина.

Он не находил слов, чтобы описать в достойной степени все достославные деяния секретаря Второй Канцелярии. Правда, он предупреждал его попридержать язык, потому что идеи, им высказываемые, «*пойдут на пользу только мудрым, которых всегда немного*».

Что сказать – он был прав. Процитируем Маурицио Вироли, автора книги о Макиавелли:

«*Человек, который служит общественным интересам с полной самоотдачей и честностью, который пытается понять проблемы, стоящие перед его страной, и старается найти для них подходящие решения – такой человек должен быть ценим и уважаем своими согражданами. Но поскольку люди часто завистливы и невежественны, куда чаще случается обратное: чем больше труда, ума и старания вкладывается в служение общему делу, тем больше яда и подозрений это служение на себя навлекает*».

Прибавим к сказанному и то, что сам Никколо Макиавелли делу не помогал. Замечательный дипломат, на редкость проницательный человек, он был тем не менее очень не склонен к лести и лицемерию. Трудно, собственно, сказать, почему – он безусловно был честолюбив, безусловно стремился сделать карьеру и прекрасно знал, как это делается.

Но у него было, по-видимому, ощущение определенного превосходства над окружающими – какие-то вещи он видел столь ясно, что не понимал, как их могут не видеть другие. Он не любил просить и совершенно не умел кадить самолюбию людей, которых не уважал.

Такие черты характера мало способствуют успешной бюрократической карьере, и Никколо Макиавелли держался на

плаву в основном благодаря покровительству Пьетро Содерини. Ну, в результате всего вышесказанного, наверное, он не очень удивился, когда узнал от верного друга Бьяджо, что в Синьорию на него поступил донос. Интересно, что этот донос был анонимным.

В нем утверждалось, что Макиавелли не может занимать никакого официального поста в администрации, потому что его отец числился в списке неплательщиков налогов.

Такие вещи вели к «поражению в гражданских правах», что касалось как самого неплательщика, так и всего его потомства. Бьяджо рекомендовал не реагировать – донос не был подтвержден документами, на стороне Никколо были и закон, и обычай, так что лезть в грязь и разгребать ее было совершенно незачем. Письмо Бьяджо дошло до Никколо Макиавелли на пути назад, во Флоренцию – он возвращался из Мантуи и Вероны, где был по дипломатическим делам Синьории.

Он последовал совету. Настроение у него было хорошим – удалось подкопить немного денег, и он рассчитывал вложить их в покупку курятника и просил Луиджи Гвиччиардини разузнать, не найдется ли где достойный доверия человек для ведения этого хлопотного хозяйства:

«*Полагаю, что от этой поездки у меня останется немного денег, и по возвращении во Флоренцию я хотел бы пристроить их в какое-нибудь дельце. Хорошо бы устроить птичник, мне нужно для этого найти помощника. Я слышал, что Пьеро ди Мартино может тут пригодиться. Узнайте, подойдет ли ему это, и сообщите мне; если он не возьмется, я подыщу кого-нибудь другого*».

Странный вроде бы переход от дел государственных к делам сугубо личным, да еще связанным с таким предметом, как куроводство, – но что поделаешь, жизнь есть жизнь.

III

В то время Макиавелли, помимо курятника, конечно же, занимала и проблема его ополчения. В своем путешествии через Швейцарию он собрал немало информации о том, как все это происходит в швейцарских кантонах. К этому приобщались и сведения, добытые о германских наемных солдатах, ландскнехтах – они тоже стали появляться на итальянской земле.

Что его удивило сильнее всего, так это бедность селений, откуда ополчение идет на службу к иностранным государям.

«*Германцы*, – писал Макиавелли, – *живут как нищие, они ничего не строят, они не тратят деньги на украшения, они счастливы, если у них есть хлеб, немного мяса и очаг, чтобы отогнать холод*» [3].

Под германцами он, конечно, имел в виду жителей немецко говорящих кантонов Швейцарии, в собственно Германии он так и не побывал. Однако местные нравы его очень занимали. Он полагал, что жители горных селений тратят на одежду не больше двух флоринов в 10 лет, что они не беспокоятся о множестве вещей, которые у них отсутствуют, что их нужды гораздо проще, чем у флорентийцев, – и что заработанные деньги собираются в сундуках общин и принадлежат общине в целом.

Трудно себе представить, что такого рода жизнь показалась ему привлекательной – 2 флорина в 10 лет на одежду его вряд ли устроили бы. Макиавелли был щеголь и одевался настолько хорошо, насколько позволяли ему его средства, а иной раз и повыше этой отметки. Скажем, совсем недавно Макиавелли уплатил за один только материал своего нового бархатного костюма четыре с половиной флорина – а уж сколько ему стоила пошивка...

В селеньях, которые он видел, совсем не было вина. Не видел он и женщин, к которым мог бы приценяться – предмет, который его всегда интересовал. Даже после женитьбы он был постоянным клиентом флорентийских борделей и с интересом посещал такие же заведения в Риме.

Маловероятно, что он нашел что-нибудь в этом духе в бедных кантонах Швейцарии.

Тем не менее идея, при которой средства не идут частным гражданам и используются общиной, ему в целом понравилась. Военная организация швейцарцев его прямо-таки поразила своей эффективностью – все мужчины держали какое-то оружие под рукой и умели им владеть. Имелись общественные склады для более серьезного оружия и содержались они в полном порядке.

Как тут было не вспомнить собственный опыт, когда при осаде Пизы ему самому пришлось метаться по округе, пытаясь добыть порох для артиллерии и аркебузиров.

Общины даже имели запас продовольствия и дров, достаточный для того, чтобы прожить год в осаде, и это рассматривалось как норма. Ясное дело – при таких условиях жители кантонов были свободны, подчинялись только собственным властям и не делали различий между гражданами по имущественному цензу – что нравилось Макиавелли еще больше.

Он, конечно, не так уж и разобрался во внутренних механизмах политики кантонов, но его это особо и не занимало. Записи, которые Макиавелли делал в то время, отражали не столько интерес к швейцарцам, сколько интерес к флорентийцам, и слова в похвалу швейцарского образа жизни – свободная бедность – были скорее укором согражданам, жившим наоборот: богато, но в тягостной зависимости от других, и все потому, что нуждами своей собственной обороны, зависящей только от граждан, постыдно пренебрегали. Интересно, приходили ли ему в голову аналогии, почерпнутые из столь любимых им латинских авторов?

В конце концов, у Корнелия Тацита в его работе «О Германии» написано почти то же самое…

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Ваше великолепие» – по-видимому, выдумка Бьяджо. Такого титула в общепринятом обороте не было. «Мессер» – уважительное обращение. Соответствует русскому «господин». Французское слово «месье» пошло оттуда же. Титул «капитан-генерал» был одним из нескольких возможных обозначений высшего воинского ранга, в теперешних терминах – главнокомандующего – и просуществовал довольно долго. Два столетия спустя, в начале 1700-х, так именовали Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо.

2. Случай описан в книге Маурицио Вироли «Niccolo's smile».

3. Маурицио Вироли, «Niccolo's smile», с. 102.

Лев Святого Марка, сменивший книгу на меч, 1508—1510

I

По-видимому, все началось со слепоты. Светлейшая Республика Венеция не имела обыкновения возвращать то, что она честно утянула у кого-то другого, и она не видела оснований к тому, чтобы делать исключений для папы римского. Крепости Римини и Фаенца в Романье достались ей в результате крушения Чезаре Борджиа – почему же надо возвращать папе эти бывшие владения церкви, которые стали было владениями семьи Борджиа, а теперь благополучно обрели новых хозяев – венецианцев? Владения Венеции на материке [1] строились и собирались уже побольше сотни лет, начиная с 1405-го. Они все расширялись: Виченца, Верона, Бассано, Фельтре, Беллуно, Падуя, Фриуле, Брешия, Бергамо, Крема – так почему же не Римини и не Фаенца?

Дож, глава правительства Венеции, не видел никаких оснований для возвращения этих городов – а говоря «дож», можно было сказать и «Большой Совет Венеции». Дож избирался пожизненно, но путем такой невероятно изощренной процедуры [2], что власть свою передать по наследству никак не мог, да и сам он находился под контролем Совета.

Так что решение не носило спонтанного характера – и тем не менее оно было непродуманным. Как говорил во Флоренции Пьетро Содерини – «*папство не всегда будет хорошим другом, но вот опасным врагом будет всегда*». Есть версия, что он просто повторял то, что ему говорил Макиавелли – это возможно, но не обязательно.

Если Пьеро Содерини высоко ценил своего помощника, то это вовсе не означает, что сам он был дураком. Он много знал и много видел – и решение Венеции настаивать на сохранении своих приобретений в Романье считал опасной слепотой.

Ну а второй опасной слепотой была слепая ярость папы римского Юлия II. Все знали, что ему опасно противоречить – темперамент у папы был поистине холерический. Если в гербе семьи Борджиа был символ бык, то, надо сказать, он очень подошел бы и Джулиано делла Ровере, племяннику папы Сикста IV, ныне взошедшему на святой престол и уже успевшему стяжать себе прозвище «папа-воитель»[3].

В ярости он кидался вперед на врага, не разбирая пути – и не взвешивая последствий.

Именно это произошло и сейчас. Встретив отказ вернуть ему то, что он считал достоянием церкви, он впал в полную ярость и пригласил к нападению на Венецию трех могущественных

государей сразу: императора Священной Римской империи Максимилиана I, Людовика XII, короля Франции, и Фердинанда Католического, короля Испании.

Самим по себе им было бы трудно обьединиться, они друг друга очень не любили. Но, как и было сказано, папа может быть очень опасным врагом. Юлий II обьявил Крестовый поход. Считалось, что покорение Венеции будет первым, прелиминарным шагом к войне с турками, и кто стал бы с этим спорить, коли такое мнение было освящено самим папой римским? 10 декабря 1508 года в Камбре [4], во Франции, для войны с Венецией был образован союз.

Он получил название Камбрейской лиги.

II

В последнюю минуту, по-видимому, папу Юлия все-таки посетили сомнения относительно мудрости его решения использовать кувалду для того, чтобы расколоть орех. Он предложил венецианцам сделку: они отдают ему свои владения в Романье, а он оставит свои усилия по сколачиванию Крестового похода против светлейшей Республики.

Венецианцы, как это ни странно, отказались.

Почему они это сделали, непонятно. Безусловно, они не могли бы выстоять против одновременного удара трех великих держав Европы – но то ли они надеялись на то, что громоздкая коалиция развалится сама по себе, то ли надеялись на ловкость своих дипломатов, которые сумеют перессорить противников Венеции, то ли полагали, что сделать уже ничего нельзя, что нападение на них так или иначе неизбежно и уступка папе его бывших владений уже ничего не даст – не знаю. Сказать что-то определенное трудно, но факт остается фактом – компромисса, предложенного им папой, они не приняли.

Война началась, и первыми в бой против Венеции вступили французы. Венецианские наемники, которыми командовали кондотьеры из семьи Орсини, сражались так удачно, что добрых три недели французские войска ничего не могли с ними поделать, хотя их было вдвое больше – 30 тысяч человек против 15 тысяч на службе у венецианцев. Но 14 мая 1509-го в битве при Аньяделло, недалеко от Кремоны, численность французской армии дала себя знать, да и командиры наемных войск понаделали ошибок. Последовал страшный разгром, потери венецианских войск составили 4 тысячи убитыми, ранеными и пленными, потеряно было 20 пушек.

После разгрома к тому же случилось то, что обычно и случается – началось повальное дезертирство.

Впечатление, конечно, было сильным. В Венеции, по показаниям мемуаристов тех лет, при получении известий о результате битвы дож и окружающие члены Большого Совета заплакали.

Макиавелли в своем «Государе» напишет, что в результате сражения под Аньяделло Венеция «*в один день потеряла то, что с огромными усилиями собирала восемьсот лет*».

Не очень понятно, откуда тут взялись 800 лет – по-видимому, он считал, начиная со дня основания Республики Венеция. Свои владения на материке венецианцы начали собирать только с 1405 года, то есть примерно за один век до случившейся с ним в 1509

году катастрофы. Но разгром, конечно, выглядел решающим поражением Венеции – по крайней мере, так думали почти все европейские дипломаты и политики.

Были, однако, и исключения. Например, Никколо Макиавелли очень даже сомневался в окончательности победы коалиции. Он писал членам Синьории, что покорить бывшие венецианские владения будет очень трудно, потому что Венеция мудро управляла своими территориями: налоги были невелики, и произволу местного дворянства в отношении крестьян был положен твердый предел, – так что новых господ народ встретил враждебно.

Это, пожалуй, было нечто новое в отношении подсчета военного потенциала – Синьория обычно ограничивалась просто оценкой количества войск и денег, которыми располагали стороны конфликта, «*классовый подход*» был ей неведом.

Однако куда важнее мнения флорентийского дипломата была реакция на произошедшее несчастье в самой Венеции. И дож, и Большой Совет Светлейшей Республики, что называется, «*утерли слезы*» – началась спешная программа перевооружения.

У Республики, помимо ее титула «Светлейшей», было и еще одно название – Республика Святого Марка. Как известно, существуют четыре Евангелия, и каждый из авторов этих Евангелий имел особый знак, а всего их было четыре: бык, орел, человек (или ангел) и лев. Святой Марк, покровитель Венеции, был одним из четырех евангелистов, и его символом был лев [5].

Венецианский *Лев святого Марка* изображался с раскрытой книгой, на страницах которой можно прочесть латинскую надпись PAX TIBI MARCE EVANGELISTA MEUS (*Мир тебе, Марк, мой Евангелист*).

Во время военных действий книга в лапе у Льва заменялась на меч.

III

И меч этот оказался хорош и отточен. В срочном порядке был проведен набор солдат, в Ломбардии в считаные недели против французских войск был образован заслон. Когда командующий венецианской армией Питильяно неожиданно умер, командование было доверено лицу гражданскому, «проведитору» Андреа Гритти. «Проведитором» назывался чиновник, призванный наблюдать за действиями командиров наемников, которые нанимались Республикой Венецией, в своем роде как бы комиссар. Должность была не командной, скорее контролирующей, и в значительной степени административной.

Но Андреа Гритти под давлением обстоятельств взял на себя непосредственное командование и немедленно перешел в контрнаступление. Французы не могли быть повсюду – и Гритти освобождает Падую, потерянную после Аньяделло. К тому времени, как он потерпел неудачу и попал в плен, Гритти успел отбить у французов еще и Брешию и Бергамо. В общем, к моменту его пленения худшее для Светлейшей Республики было уже позади.

В те времена управление Венецией было полностью сосредоточено в руках аристократии, так называемых нобилей. Они располагали самым разнообразным практическим опытом – в одном лице достойный своего статуса аристократ должен был соединять качества и моряка, и солдата, и дипломата, и купца, и администратора.

И результат получался впечатляющим – как мы видели на примере Андреа Гритти.

Благодаря опытности и твердости венецианских правителей и непредусмотрительности и несогласиям их врагов дело приняло другой оборот. Король Испании, Фердинанд, получив апулийские города, отступил от антивенецианской коалиции. Вслед за этим венецианцы вступили в переговоры и с Юлием II, который поссорился с французским королем.

Получив обратно все свои владения в Романье, добившись освобождения духовенства от налогов и свободной торговли для своих подданных на Адриатическом море, папа заключил мир с Венецией и снял с нее отлучение от церкви, которое он было на нее наложил.

Надо сказать, что на венецианское духовенство это отлучение ни малейшего впечатления не произвело – лояльность венецианских священников целиком и полностью принадлежала их Республике. Тем временем пыль несколько улеглась, папа

римский поглядел на результаты своей горячности, и они ему не слишком-то понравились. Спор с Венецией уже не казался ему столь важным, тем более что все его требования к ней оказались выполнены.

Ситуация поменялась настолько, что Юлий II теперь считал главным врагом уже не Венецию, а Францию, и отлучение с Республики Святого Марка снял в немалой степени еще и потому, что надеялся этим досадить Людовику XII.

Он говорил, что *«даровав Венеции отпущение, он всадил кинжал в сердце короля Франции»* – это вряд ли понравилось в Париже. Отношения между Римом и Парижем стремительно портились.

А отношения между Римом и Венецией стремительно улучшались – и к весне 1510-го между ними возник уже и формальный союз, направленный против Франции. Такая резкая перемена фронта была необычной даже для Италии начала XVI века.

На сторону Франции встал герцог Феррарский – и папа Юлий II решил расширить папское государство путем аннексии герцогства Феррара. В результате основными противниками в войне стали не Франция и Венеция, а Франция и папа. В июле 1510-го объединенные силы папы и Венеции попытались выбить французов из Генуи. Хотя попытка и закончилась неудачей, но слухи о том, что армия из 15 тысяч швейцарцев, которых папе удалось нанять в мае, собирается по пути в Феррару захватить Милан, послужили причиной стремительного возвращения французской армии к Милану; оставшихся на местах сил было недостаточно, чтобы помешать венецианцам вернуть себе Тревизо. Тем временем папа признал Фердинанда Арагонского королем Неаполя и распространил по всему христианскому миру буллу, в которой предал анафеме и отлучил от церкви герцога Феррарского.

Лев Святого Марка мог торжествовать – Франция и папство, недавние союзники, вступили друг с другом в беспощадную войну.

Хуже всего в этой неожиданной ситуации пришлось Флоренции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Терраферма (*Domini di Terraferma*) – материковые территории Венецианской республики.

2. Дож обычно избирался из числа двенадцати прокураторов (попечителей собора) Сан-Марко, как правило, пожизненно. Голосование Большого совета по выборам дожа не было прямым. Большой совет реализовывал процедуру выборов, которая включала в себя одиннадцать этапов. Сначала собирались члены Большого Совета старше 30 лет, которые избирали 30 человек, принадлежавших к различным семьям. Затем эти 30 избирали 9 человек, которые избирали сорок человек. Эти сорок избирали 12 человек, а эти двенадцать – двадцать пять. Двадцать пять человек избирали 9, а девять человек – сорок пять; сорок пять избирали одиннадцать, а эти одиннадцать – избирали окончательный комитет по выборам 41 человека, которые и избирали дожа. Власть дожа была значительно ограничена. Имея право участвовать во всех советах, он не мог навязывать свое мнение. Дож не мог принимать самостоятельные решения. Его контакты, встречи, переписка тщательно контролировались. Он не мог покидать пределов Венеции и не мог иметь собственность за пределами государства.

3. Папу Юлия II именовали и Юлий Грозный.

4. Камбре (фр. Cambrai) – город на севере Франции, регион Нор-Па-де-Кале, департамент Нор, кантоны Камбре-Эст и Камбре-Вест. Город расположен на реке Шельда в 52 км от Лилля и 36 км от Арраса.

5. Связь Льва с евангелистом Марком имеет свой источник – как и символы трех остальных евангелистов (бык, орел и человек или ангел) – в книге Пророка Иезекииля в Ветхом Завете, где говорится: «*И я видел: и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако, и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его как бы свет пламени из средины огня; и из средины его видно было подобие четырех животных, и таков был вид их: облик их был как у человека... Подобие лиц их – лицо человека и лицо льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лицо тельца у всех четырех и лицо орла у всех четырех*» (Иез. 1,4, – l,5; l,10). Такое толкование о соответствии канонических евангелистов с символами пророчества Иезекииля как префигурация соответствующих образов в Откровении Иоанна Богослова было принято теологами еще на заре христианской истории. В Откровении четыре этих существа стоят вокруг Трона Господня: «*И первое животное было подобно льву, и второе подобно тельцу, и*

третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему» (Откр. 4,7).

Точное соответствие отдельных библейских образов и реальных евангелистов имело место к началу IV века, когда Святой Иероним, создатель Вульгаты, обосновал его при помощи соответствующих мест из Евангелий. Для Марка Иероним избрал начало его Евангелия: «Глас вопиющего в пустыне: «приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк. 1,3)» – при этом громкий «вопиющий» глас в пустыне раннехристианские теологи связывали с рычанием разъяренного льва.

Большие перемены в Республике Флоренция, 1510—1512

I

В письме от 7 июля 1510 года, отправленном из Лиона, Макиавелли извещал Синьорию, что на успех своей миссии во Францию он не рассчитывает. Положение у него и в самом деле было крайне неприятное – Флоренция оказалась между враждующими сторонами, папой Юлием II и королем Людовиком XII, пыталась каким-то образом удержаться вне конфликта и в своей попытке держаться середины и не вмешиваться, раздражала обе стороны.

Уже 9 августа Макиавелли написал следующее:

«Ваши превосходительства могут верить так, как они верят в Евангелие, что если случится война между королем Людовиком и папой римским, то остаться в стороне вам не удастся».

И он, конечно же, оказался прав. Пьеро Содерини вручил ему инструкции и велел передать на словах королю Людовику, что он, гонфалоньер Флоренции, желает делать только три вещи: чтить господа нашего, Иисуса Христа, заботиться о благосостоянии Республики и защищать честь короля Франции. И поэтому он, Содерини, настойчиво советует королю помириться с папой римским, ибо – и он повторяет свою излюбленную мысль: «*папа не слишком ценен как друг, но очень опасен как враг*».

Что правда, то правда: папа, собираясь «*изгнать варваров из Италии*», делал это с помощью наемных швейцарцев, с помощью испанских войск и привлекая в ту же Италию солдат императора Максимилиана. Ну, это не помогло – французы, союзники и защитники Флоренции, требовали от нее конкретных действий и помощи, а Республика, как обычно, тянула время и пыталась переждать непогоду. Макиавелли настойчиво рекомендовал не ждать, а проявить инициативу и предложить обеим враждующим сторонам свое посредничество.

Он надеялся на успех.

Секретарь Второй Канцелярии был проницательным человеком и редко ошибался в своих политических прогнозах, но в данном случае он ошибся просто кардинально. Папа при первом упоминании о посредничестве буквально спустил флорентийских послов с лестницы – он затопал на них ногами и пригрозил отлучением. Им еще повезло – когда о том же посредничестве заикнулся посол герцога савойского, папа пришел в такую ярость, что обвинил его в шпионаже, велел заковать в цепи и отправить в тюрьму, где посла допрашивали отнюдь не по-отечески [1].

В общем, попытка повлиять на папу в сторону достижения мира окончилась провалом. Оставалось попробовать убедить

короля Франции. И Макиавелли попробовал. У него не было серьезных козырей с точки зрения веса державы, которую он представлял, не было и ресурсов для подкрепления его мнения – ни солдат, ни денег. Только голос разума. И он сказал казначею короля Людовика, что открытая война с папой сопряжена с огромным риском: если Франция будет вести ее одна, она вряд ли победит из-за нехватки ресурсов, а если она найдет союзников, то ей придется делить с ними плоды победы, и это повлечет за собой еще одну войну, может быть, похуже первой. Более того, довольно глупо со строны Франции требовать от Флоренции активной помощи войсками, потому что если Флоренция выполнит эту просьбу, она останется без достаточной защиты и станет легкой добычей общего противника.

Все вышесказанное он повторил перед лицом Коронного Совета Франции, добавив, что папские войска окружают территорию Республики и что она погибнет понапрасну. После долгого и бурного заседания Коронный Совет решил, что в доводах посла Флоренции есть некий смысл.

Дело решили передать на усмотрение самого короля Людовика. В аудиенции Макиавелли король отказал, но в аргументы его все-таки вник. 5 сентября 1510 года посол Республики Никколо Макиавелли сообщил Синьории, что военной помощи от Флоренции больше не требуют.

Он вернулся домой, призаняв денег на дорогу у знакомого купца, Бартоломео Панчиакки. Если бы не заем, написал Макиавелли в комиссию Десяти, «*пришлось бы продать лошадь и идти во Флоренцию пешком*».

Как обычно, ему не прислали денег…

II

Не успел Макиавелли добраться до дома, как грянул новый кризис. Король Людовик решил использовать против папы оружие не земное, а небесное: он решил собрать Вселенский Собор, который сместил бы папу с престола. У него было влияние на французских и испанских кардиналов, и он решил попытать удачи. Местом проведения Собора король избрал Пизу.

Ох, насколько было бы лучше для Флоренции, если бы Пиза так и оставалась непокоренной...

Собор был назначен на сентябрь 1511 года. Папа Юлий II немедленно отлучил от церкви всех, кто захотел бы принять в нем участие, и назначил собственный Собор, в Риме, в мае 1512-го. Опять плохо пришлось Флоренции – если она не сможет отказать королю Людовику в предоставлении своей территории для его теологических затей, то попадет под отлучение, а если откажет, то прогневает своего могущественного союзника, короля Франции.

И Макиавелли опять отрядили в дорогу, на этот раз в Пьяченцу. Надо было уговорить собравшихся там профранцузских кардиналов отложить свой проклятый Собор или по крайней мере не проводить его на территории Флоренции. Уж что на них повлияло, не знаю – то ли дальность пути, то ли враждебность пизанского населения, то ли опасная близость к Романье, то ли красноречивые уговоры Никколо Макиавелли – но кардиналы собрали свой очень обременительный багаж и перебрались в Милан, под защиту французских войск.

Но, конечно, дело на этом не кончилось – папа Юлий в октябре 1511 года собрал Святую Лигу, теперь уже направленную не против Венеции, а против Франции. Список участников был поистине впечатляющим – Папская область, Венецианская Республика, Испания, Священная Римская Империя, Англия и кантоны Швейцарии. Уж казалось бы, что за дело молодому королю Англии, Генриху VIII, до итальянских войн? В общем-то никакого – но желание насолить королю Франции и сделать одолжение папе римскому перевесило все аргументы холодной логики.

Что оставалось делать королю Людовику XII? При таком количестве врагов оставалось или срочно искать мира, или атаковать – и он выбрал наступление. Его племянник, Гастон де Фуа, несмотря на свои 23 года, был прекрасным командующим. В 1511 году он стал командующим французской армией в Италии – и за две недели снял осаду с Болоньи, разбил венецианцев при

Вероне и взял приступом Брешию, бывшее владение Венеции, восставшую против французов.

Предводитель восставших был публично обезглавлен на городской площади, а город отдан на пятидневное разграбление. Потом понадобилось три дня на то, чтобы убрать с городских улиц 15 тысяч трупов. Бергамо откупился 60 тысячами дукатов, чем и закончилось восстание. После этого он двинулся против испанской армии и 11 апреля 1512 года вблизи Равенны нанес ей полное поражение.

Победа была для французов пирровой: Гастон де Фуа погиб, преследуя отступавшую испанскую пехоту.

Равенна, правда, пала – и резня там превзошла то, что случилось в Брешии, – но новый командующий, де Ла Паллис, не пошел на Рим, а вернулся в Болонью. Момент оказался упущен.

К Священной Лиге присоединился Максимилиан, император Священной Римской империи – и он немедленно отозвал немецких наемников из войск короля Франции. С севера Франции грозил английский король Генрих VIII. К началу июля 1512 года папа не только вернул все свои владения, но даже расширил их за счет включения Пармы и Пьяченцы; в Милане снова воцарился герцог из семьи Сфорца, Генуя объявила об обретении независимости и избрала нового дожа. Ла Палис не имел иного выбора, кроме как вернуться во Францию с остатками своей армии.

Республика Флоренция осталась одна, окруженная врагами.

III

Когда победители собрались в Мантуе для того, чтобы поделить между собой французские владения в Италии, некое внимание было уделено и беспомощной Флоренции – поставившей, увы, не на ту лошадь. Папа Юлий II потребовал, чтобы Пьеро Содерини покинул свой пост гонфалоньера. Но что во всем этом деле странно, так это то, что никто из союзников не собрался взяться за смещение Содерини вооруженной рукой. Возможно, они были заняты дележкой того, что уже имелось – конкуренция тут была высокой. Возможно, что начинать резать жирного тельца до того, как удалось договориться о том, как тельца делить, им было не с руки – не знаю, это все не слишком ясно. Но факт остается фактом – военную экспедицию против Республики Флоренция организовал кардинал Джованни Медичи, младший брат Пьеро Медичи, сына и наследника Лоренцо Великолепного.

Он сделал это на свои деньги – пообещал 10 тысяч флоринов собранной Рамоном де Кордона, испанским вице-королем Неаполя, импровизированной армии испанских наемников, и экспедиция двинулась в поход. Ополчение во Флоренции было немедленно мобилизовано. Комиссия Восьми, занимавшаяся вопросами государственной безопасности, распорядилась увеличить число ополченцев и даже создала из них отряд кавалерии из 500 человек. Закупались арбалеты и все огнестрельное оружие, какое только можно было раздобыть. Пороха не хватало, а на пули лили свинец, собранный где попало.

Ополченцев концентрировали в Прато, укрепленном городке в 20 километрах на север от Флоренции – числом они превосходили испанские отряды чуть ли не втрое.

Рамон де Кордона был человек благоразумный – зачем драться, когда все можно решить миром? И он послал Синьории свои предложения: Пьеро Содерини смещается с поста главы правительства и уходит вместе со всем своим профранцузским режимом, Медичи после 18-летнего изгнания получают позволение вернуться во Флоренцию в качестве частных граждан, а де Кордона и его солдаты получают 100 тысяч золотых флоринов в качестве компенсации за беспокойство – и все, на этом маленькое недоразумение между Флоренцией и союзниками по Священной Лиге будет забыто.

Во Флоренции к этому предложению отнеслись соответственно. В городе действовала – и довольно открыто – партия сторонников Медичи, составленная в основном из

представителей элиты. Назывались они довольно странно, «palleschi», от итальянского слова «palla», «мяч» или «шар». По-русски, наверное, что-то вроде «мячники» или «шаристы»? Сам термин взялся вот откуда: герб семьи Медичи состоял из белого креста на фоне золотого щита, а вот внутри белого креста были через равные промежутки нанесены красные шары, «мячи», как их называли. Этот мотив – «красные мячи», или «красные шары» – сохранялся и в личном гербе Джованни Медичи: «*в золотом поле шесть шаров, верхний лазоревый шар обременен тремя лилиями, остальные шары червленые (от семейного герба рода Медичи)*».

Короче говоря, 25 человек из числа этих «шаристов» были схвачены и посажены в тюрьму, а Содерини обратился к Большому Совету с речью. Он сказал, что не держится за свой пожизненный пост гонфалоньера и готов уйти в отставку, если только совет этого пожелает, потому что общественное благо ему дороже личного благополучия.

Ну, предложение это было упражнением в политической риторике в самом чистом виде. Угроза в данный момент не выглядела такой уж серьезной – и Содерини получил обычные в таких случаях уверения, что граждане «*готовы жертвовать своим имуществом и даже жизнью, но не сдаваться на наглые требования зарвавшихся врагов*» и так далее…

Не получив ответа, де Кордона попробовал напасть на Прато – и нападение было легко отбито.

Испанский полководец, как уже и было сказано, был благоразумным человеком. Поэтому он послал во Флоренцию второе письмо. Теперь его требования сводились к трем условиям:

1. Срочная доставка хлеба его войску.

2. Медичи получают право вернуться из изгнания.

3. Сам де Кордона получает 3000 флоринов – и на этом считает инцидент исчерпанным.

Ему отказали.

IV

Почему де Кордона получил отказ и в какой степени это решение повлияло на то, что произошло после, единого мнения не существует. Биографы Макиавелли все как один стоят на том, что решение было, во-первых, неверным, во-вторых, – роковым – и следуют в этом за самим Макиавелли, который думал точно так же. Он полагал, что предложение следовало принять, в отказе – и во всем, что за ним последовало – винил Пьеро Содерини и даже написал впоследствии по этому поводу довольно злую эпиграмму:

«Пьер Содерини жил на белом свете,
И вот его душа явилась в ад,
Но тут Плутон сказал: «Ступай назад,
В преддверье ада, где другие дети!»

Итальянцев по имени Пьетро или Пьеро частенько называли «Пьер», на французский лад, и русский переводчик решил воспользоваться этой довольно условной заменой. Можно еще обратить внимание на то, что речь идет как-никак о смерти христианина, а в эпизоде присутствует Плутон, персонаж сугубо языческий. Шутка типичная для Макиавелли, да и вообще для Флоренции его времени, – но вряд ли ее встретили бы с пониманием где-нибудь в Германии.

Но это все мелочи, а существенный вопрос заключается в том, что Макиавелли тут обвиняет Пьеро Содерини в детской наивности – справедливо это или нет? Потому что после отказа Содерини прислать хлеб его голодающим солдатам последовало вот что: Рамон де Кордона решил попробовать пострелять по городу Прато – у него было две пушки. В одном месте стену удалось пробить. Брешь была неширокой, «*размером с окно*», как записал очевидец, но пройти в нее все-таки оказалось возможным. В принципе, дыры такого размера латались очень легко – за брешью наскоро строилась баррикада, наступающих встречали копьями – и дело на этом кончалось. Более того, в данном случае и баррикады строить было не надо, за пробитой городской стеной была стена монастыря, на которой можно было разместить стрелков – солдат с арбалетами и аркебузами.

Но в Прато произошло нечто совсем другое.

Флорентийское ополчение, на которое возлагались такие надежды, в дикой панике побросало оружие и ударилось в повальное бегство. Испанцы оказались в городе, и там началось

примерно то, что и происходило в те времена в любом городе, взятом штурмом, – трупы валялись на улицах, кровь текла ручьем чуть ли не в буквальном смысле этого слова, женщин насиловали всех подряд, не щадя даже монахинь в монастырях, а дома шли на поток и разграбление.

Дикую панику, которая началась во Флоренции, когда туда пришли вести о падении Прато, просто невозможно описать. Срочно примчавшимся в лагерь де Кордона послам было сказано, что отважный полководец не держит на них зла, но Содерини должен быть смещен, Медичи должны вернуться, а сам Рамон де Кордона, так и быть, согласится взять с города 60 тысяч флоринов в качестве выкупа. Впрочем, подумав, он эту цифру удвоил.

Как уже было сказано, Рамон де Кордона был человеком благоразумным.

V

Дальнейшее, в общем, понятно. Режим Содерини, как сказали бы сейчас, «*утратил легитимность*». По городу металась толпа с криком: «*Palla! Palla!*» – сторонники Медичи вышли на улицы, и к ним относились теперь с огромным почтением: спасение от головорезов де Кордоны чаяли только в заступничестве кардинала Джованни, сына Лоренцо Великолепного. К гонфалоньеру вломилась группа «*молодых людей из хороших семей*» и пригрозила проткнуть его на месте, если он немедленно не отдаст приказа выпустить из тюрьмы 25 человек, арестованных по его приказу за симпатии к дому Медичи. Приказ, конечно же, был немедленно отдан – и молодые люди удалились, по какой-то странной причине гонфалоньера все-таки не проткнув. Он решил, что они могут и передумать, и через Макиавелли упросил Франческо Веттори – того самого, которого Синьория в свое время послала к императору Максимилиану, – зайти к нему во Дворец Синьории. Он просил его о защите.

Веттори был, право же, хорошим человеком – спрятал Пьеро Содерини у себя в доме, где, как он знал, его искать не будут, а наутро сумел переправить его за пределы городской черты, на дорогу, ведущую в сторону Сиены.

Первым из Медичи в городе появился Джулиано[3]. Он вел себя скромно, граждан приветствовал самым демократическим образом, и даже, по обычаю итальянцев, сбрил бороду, которую раньше носил подстриженной на испанский лад.

Восторг был полным. 14 сентября 1512 года в город вьехал его старший брат, кардинал Джованни Медичи. С ним было четыре сотни так называемых копий – так назывались группы, образованные слугами и оруженосцами тяжеловооруженного рыцаря. В общем, примерно полторы тысячи профессиональных военных в придачу к энтузиазму масс обеспечили новому режиму достаточную прочность.

Номинально ничего в Республике не изменилось – просто по освященной веками традиции была создана специальная комиссия, ее назвали «балья». Она назначала каждые два месяца членов Синьории и определяла внутреннюю и внешнюю политику государства. Большой Совет и ополчение были ликвидированы. Высшая власть теоретически принадлежала Совету Семидесяти и Синьории из восьми приоров и гонфалоньера, однако в реальности рычаги управления были сосредоточены в балье, ставшей постоянной комиссией. Всем, что делалось в городе, управляла балья, а бальей управлял кардинал Джованни – как

правило, не сам, а через посредство своего младшего брата, Джулиано. Такая вот система косвенного правления.

Нельзя сказать, что всем это понравилось. Тот же Франческо Веттори, в принципе совсем не противник дома Медичи, находил, что режим больно уж напоминает благожелательную тиранию. Франческо Гвиччиардини [4] в своей «Истории Италии» был еще более суров:

«*Таким образом, свобода Флоренции была сокрушена военной силой*».

Что поистине интересно, так это то, что секретарь Второй Канцелярии Республики, Никколо Макиавелли, никаких особенных эмоций по поводу новой формы правления не проявлял, а даже наоборот, смотрел на вещи скорее оптимистично. Вот что он написал тогда, сразу по горячим следам событий:

«*Город остается в мире и надеется, что с помощью* [братьев]*Медичи будет жить не менее достойно, чем это было в прошлом, во времена правления их отца*».

Никколо Макиавелли очень хотел поладить с новым режимом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этот эпизод описан в книге Маурицио Вироли, «Niccolo's smile», page 116.

2. Гастон де Фуа, герцог де Немур, граф д'Этамп и виконт Нарбонны, пэр Франции, французский полководец, сын Жана де Фуа, графа д'Этампа и виконта Нарбонны, и Марии Орлеанской, сестры французского короля Людовика XII.

3. Джулиано Медичи – третий сын Лоренцо Великолепного и Клариче Орсини, младший брат Пьеро Глупого и кардинала Джованни Медичи, впоследствии папы римского Льва X.

4. Франческо Гвиччардини – выдающийся итальянский политический мыслитель и историк времен Высокого Возрождения. Родом из богатой и знатной семьи, Гвиччардини учился в университетах Феррары и Падуи. Младший современник Макиавелли. В отличие от Макиавелли, своего друга, которого он, впрочем, нередко критиковал, Гвиччардини не склонен был оправдывать систему единовластия ни при каких обстоятельствах – он оставался верным республиканским принципам, хотя и аристократической окраски.

О печальной судьбе побежденных…

I

Интересно, что, сурово осуждая Пьеро Содерини, своего патрона, за проявленную им нерешительность и «*детскую наивность*», Макиавелли ни слова не говорит о провале его детища, «*народной милиции*», «*вооруженного народа*». А ведь это ополчение он предложил, провел в жизнь и занимался его делами в таких подробностях, что озаботился даже и учреждением специального единого знака, «*льва Республики Флоренция*», названного Мардзокко.

И все это в так называемом «*сражении под Прато*» рассыпалось как карточный домик, и никакой Мардзокко не помог. Как-то поневоле вспоминаешь льва Республики Святого Марка с мечом в лапе – вот уж чей меч был отнюдь не картонным.

Откуда такая разница между двумя Республиками и двумя львами? Почему у Венеции получилось, а у Флоренции – нет?

Ну, для начала – венецианцы полагались на солдат-профессионалов, а не на солдат-ополченцев. Кондотьеров нанимали не оптом, а в мелкую розницу, продвижение по службе сделали зависимым от Совета Венеции, а не от командования, назначали гражданских «комиссаров» из числа венецианского нобилитета, которые с течением времени набирались и командного опыта, и, наконец, наилучших, наиболее способных командиров своих наемных войск инкорпорировали в ряды своей знати, часто путем браков.

История мавра Отелло, который на венецианской службе в числе прочих наград получил руку благородной девицы, не так уж сказочна, как может показаться.

Короче говоря, в течение долгого времени проводилась продуманная политика построения вооруженных сил, которые были и профессионально компетентны, и вполне лояльны к Светлейшей Республике Святого Марка. Ее кондотьеры с поля боя, как правило, не бежали – хотя случались и исключения, как мы уже знаем…

Элита Флоренции не делала ничего подобного. От дел специфически военных флорентийские патриции норовили держаться подальше, услуги наемных войск приобретали оптом, в силу сложившейся традиции полагались не на себя, а на своих воинственных союзников, а когда огромными усилиями некий сверхактивный секретарь Второй Канцелярии по имени Никколо Макиавелли пробил-таки через Синьорию идею создания собственных вооруженных сил для Республики, на его плечи с радостью спихнули все хлопоты по устройству этого учреждения.

То, что книжник-гуманист увлекся идеями, почерпнутыми из Тита Ливия, – это понятно. Непонятно, почему отцы города позволили ему устроить «*дешевую армию*» – без артиллерии, без ядра профессионалов, без офицеров, умелых в своем деле и при этом преданных Флоренции?

Почему они слепо положились на то, что ополченцы почему-то окажутся грозным войском? Ведь их никогда не собирали отрядами больше трех сотен человек, и то один раз в месяц, никогда не использовали ни в каких боевых действиях, кроме поджогов полей вокруг Пизы – почему же вдруг все это неопробованное в деле сооружение окажется чем-то действенным?

Как-никак члены Синьории были опытными купцами и тертыми банкирами, прекрасными мастерами и специалистами по производству чего угодно, от сукна и до произведений искусства.

Почему они не проверили предложенную им концепцию на практике?

Никколо Макиавелли в принципе придумал прекрасную вещь – примерно такую же, как «летательные машины» Леонардо, для которых еще не изобрели моторов. То же самое случилось и с любимым проектом Никколо. Если бы к его идее добавить истинное воодушевление свободных граждан (которого во Флоренции не было и в помине) да некое ядро опытных военных-профессионалов, да хоть сколько-нибудь приемлемый уровень профессионализма, – который в его возлюбленной «народной милиции» был на нуле, – все обернулось бы по-другому.

Народное ополчение покажет свою силу в эпоху Великой Французской Революции, и потом, в пору уже наполеоновских войн – только не в 1512-м, а лет эдак через 300, скажем, в 1812-м [1].

Макиавелли не повезло – он слишком обогнал свой век.

II

Если Никколо Макиавелли можно извинить за его нехватку практического опыта в военных делах, то гораздо труднее извинить его нехватку такта в вопросах политических – как-никак он был профессиональным дипломатом. О чем он думал, когда писал письмо, обращенное к кардиналу Джованни Медичи, сказать трудно. Почему, например, он не обратился к Джулиано, к его младшему брату, с которым был когда-то лично знаком? Но как бы то ни было, он обратился к Джованни, без всякого приглашения коснулся чувствительнейшего вопроса о конфискованных когда-то у Медичи имений и имущества, великодушно признал, что по закону они принадлежат семейству (как будто кто-то интересовался его мнением на эту тему), но дальше написал, в частности, следующее:

«*Если вы их захватите, это вызовет к вам неиссякающую ненависть, ибо, потеряв ферму, человек чувствует больше горя, чем при потере отца или брата. Потому что всякий знает, что никакое изменение в политическом устройстве не вернет ему потерянного родственника, но вот потерянное имущество можно попытаться вернуть путем переворота*» [2].

У него была какая-то несокрушимая уверенность в том, что честный совет будет принят столь же честно, без оглядки на обстоятельства – ну, скажем, на то, что совет главе нового режима был подан функционером павшего режима. Нужен дипломату такт или не нужен? Почему он полагает, что может обойтись одной только проницательностью?

Ответа Макиавелли не получил, намека, что называется, не понял – и написал второе письмо все по тому же адресу. В этом письме он пошел еще дальше – сообщил кардиналу, что его семья слишком долго была в изгнании, потеряла все свои былые контакты и верит теперь совершенно неправильным людям, «*льстецам и подхалимам, которые пришли бы к согласию с тем или иным правительством, лишь бы достичь власти и влияния*».

То есть мало того, что он наступил Джованни Медичи на все его любимые мозоли, эдак ненавязчиво напомнив ему, что в течение многих лет он не смел показаться в городе, в котором родился и вырос, но еще и тыкал ему в нос, как он слеп и как надо ему «*открыть глаза на истинное положение вещей*», а то вот льстецы и подхалимы, готовые поладить с кем угодно, лезут к нему в приближенные.

Казалось бы, совершенно то же самое можно сказать и об авторе письма, Никколо Макиавелли, но нет, гордый Никколо

проводит резкую грань между прочими и им самим: они заботятся о себе, а он – о благе отечества.

Второе письмо постигла участь первого – на него не ответили. А 12 ноября 1512 года Никколо Макиавелли, все еще секретарь Второй Канцелярии Республики, был уволен со своего поста, со следующей формулировкой:

«*Cassaverunt, privaverunt et totaliter amoverunt*» – в приблизительном переводе: «*уволен, лишен должности и полностью от нее удален*».

С ним вместе, кстати, уволили и его друга, Бьяджо Буонакорсо. Интересно, что секретарь Первой Канцелярии, Марчелло Вирджило Адриани, свой пост сохранил. Но он занимался главным образом литературой, а не политикой – ну, и связи имел получше, чем бедный Никколо.

Увольнением дело не ограничилось. Синьория велела ему не покидать владений Флоренции в ожидании ревизии его деятельности и внести огромный для него заклад в 1000 флоринов как гарантию того, что смещенный секретарь, Никколо Макиавелли, не убежит. Подумав, ему на год запретили заходить во Дворец Синьории, то есть туда, где он проработал долгие 14 лет.

Делать было нечего – он внес заклад. Тысячи флоринов у него, понятное дело, не было, эта сумма превышала годовой доход с его владений примерно раз в десять. Из беды выручил друг, Франческо Веттори – он был несравненно богаче Никколо и внес необходимые деньги.

Никколо Макиавелли поселился у себя на ферме.

III

В одной из биографий Макиавелли ее автор, Маурицио Вироли, восклицает, что наказание не могло быть более жестоким, и продолжает: «...*у* [Макиавелли]*отняли то, что ему было дорого больше всего на свете – он любил свою работу в правительстве – ее отняли, он любил путешествовать – ему запретили отлучаться из Флоренции, Дворец Синьории был ему истинным домом – и ему запретили входить в него*...» [3].

Честно говоря, я не поверил своим глазам, решил, что что-то не понял, и сравнил этот итальянский абзац с английским переводом. Нет, все правильно. Маурицио Вироли действительно полон благородного негодования – ну как же так, лишили любимого дела, запретили путешествовать...

Право же, с обычными частными лицами случались вещи и похуже – а тут речь шла о человеке, который мог считаться ближайшим помощником главы свергнутого режима. Уж одно то, что его не арестовали, а просто уволили и задержали в родном городе – не в тюрьме, а собственном сельском доме, под подписку о невыезде, – кажется довольно либеральным решением.

Но дальше, конечно, пошли вещи менее приятные. Началась ревизия. Макиавелли должен был дать отчет по каждой копейке, которую он потратил, а ревизорами были его бывшие подчиненные во главе с новым секретарем, Никколо Микелоцци. Надо учесть, что через руки Макиавелли, с тех пор как его назначили вести дела комиссии по ополчению, проходили действительно крупные суммы. Результат ревизии оказался поистине удивительным – за 14 лет службы за Никколо Макиавелли (при очень придирчивой проверке) не нашли ни малейшего упущения, в его дырявом кармане не задержался ни один казенный флорин – хотя контракты он подписывал на многие тысячи, а жалованья получал разве что чуть больше 10 золотых в месяц.

Не знаю, успел ли он порадоваться тому, что его честность и преданность Республике оказались подтверждены даже недоброжелательной к нему комиссией...

Через три месяца после его увольнения, в феврале 1513 года, во Флоренции был раскрыт заговор, направленный против Медичи. Некто Бернардино Коччьо, гражданин Сиены, потребовал аудиенции с членами комиссии Восьми – а комиссия эта отвечала за безопасность. Мессер Коччьо предъявил комиссии листок бумаги, на котором был список из пары дюжин имен. Листок выпал из кармана Пьетро Паоло Босколи, когда он вместе с еще

двумя молодыми людьми выходил из дома семьи Ленци. А семья эта состояла в родстве с семьей Содерини, и сам мессер Босколи был громким оппонентом правления семьи Медичи. В общем, Босколи и его приятеля Агостино ди Лука Каппони живо арестовали. Ну, после интенсивного допроса они сознались в том, что составили заговор с целью убить Джулиано Медичи и захватить в городе власть. Интересно, что в такой заговор не верил даже Джулиано – он полагал, что это была больше болтовня, что поддержки у заговорщиков не было и что их цели не шли так далеко, как убийство.

Было к тому же понятно, что лица, внесенные в их список, в заговоре не участвовали, и с ними даже и поговорить-то не успели: бдительная комиссия Восьми арестовала всех, кто в списке значился.

А седьмым именем в «*списке Босколи*» было имя Никколо Макиавелли.

IV

Выражение «тюремные поэмы» звучит несколько странно, не правда ли? Как-то не вяжется слово «поэма» с грубым словом «тюрьма» – все-таки тюрьма есть нечто темное, грязное и мрачное, и флорентийская тюрьма начала XVI века не была исключением из правил. Однако именно под таким названием – «тюремные поэмы» – известны стихотворения Макиавелли, действительно написанные им в тюрьме и адресованные Медичи – только на этот раз не кардиналу Джованни, а его младшему брату, Джулиано [4]. А для полноты картины можно добавить, что иногда эти стихотворения именуют не поэмами, а «тюремными сонетами», хотя по форме они сильно отличаются от канона [5].

Конечно, все это нуждается в обьяснении.

Как-никак, а временная дистанция в 500 лет между годом 1512-м и годом 2012-м – это долгий срок. Прошедшая половина тысячелетия делает многие вещи непонятными, и это общее положение можно даже проиллюстрировать совершенно конкретными цифрами: в 1982 году в Москве в издательстве «Художественная литература» вышла книга «Макиавелли. Избранные сочинения».

В этой книге 500 страниц, из которых 127 занимает предисловие, напечатанное очень мелким шрифтом. И это не все, потому что кроме предисловия книга оснащена еще и послесловием и примечаниями общим объемом еще в полсотни страниц, и тоже напечатанными мелко-мелко.

То есть на каждое слово, сказанное Никколо Макиавелли, пришлось дать еще пару слов в пояснение, и надо сказать, что и пояснений-то не всегда хватает и приходится наводить дополнительные справки.

Чтобы не ходить далеко за примерами, мы проиллюстрируем вышесказанное прямо сейчас.

Вот текст первой «тюремной поэмы» Макиавелли – конечно, в русском переводе:

К Джулиано ди Лоренцо де Медичи
В колодках ноги, плечи в перехват
Шесть раз веревкой толстой обмотали...
Про остальные умолчу детали.
Поэтов ныне чтут на новый лад!
Огромные, как бабочки, кишат
Вши на стенах, и так, как здесь, едва ли

Воняло после битвы в Ронсевале,
И на сардинских свалках меньше смрад.
Засовы громыхают беспрестанно,
Как будто рядом ударяет гром,
И ожил кратер близкого вулкана.
Одних выталкивают из хором,
Других приводит злобная охрана,
А третьи вопиют под потолком.
Когда б еще при том
Чуть свет священник не будил словами:
«Я к вам пришел, чтобы молиться с вами».
Что ж, виноваты сами!
Пусть подыхают в петле. В добрый час!
А я помилованья жду от вас.
(Перевод Е. Солонович)

Комментарии наши начнутся прямо с первых строчек: *«В колодках ноги, плечи в перехват Шесть раз веревкой толстой обмотали...»*

Это вполне аккуратное описание начала излюбленной во Флоренции пытки среднего уровня тяжести – «страппадо», по-русски нечто подобное именовалось «дыбой». Пытаемому связывали за спиной руки, поднимали за них до потолка, выворачивая их таким образом из суставов, а потом «встряхивали» – веревку отпускали, несчастный летел вниз, а когда его ноги были уже у самого пола, веревка натягивалась опять, и вся сила его падения била по вывернутым рукам с силой молота. Теперь часть 14-й по счету строки, повествующей о несчастных, которые «*вопиют под потолком»,* становится совершенно понятной.

За время своего заключения Никколо Макиавелли прошел процедуру «страппадо» шесть раз.

Понятно, что он действительно предпочитал обойти детали: «*Про остальные умолчу детали, Поэтов ныне чтут на новый лад!*

Вши и смрад, которые он описывает, несмотря на сравнение вшей с бабочками, а смрада – с тем который, по его мнению, стоял на поле брани при Ронсевале, – это, конечно, никакая не фантазия, а самый суровый реализм. А Ронсеваль – ну, легендарная битва в Ронсевальском ущелье была воспета в «Песне о Роланде». Во времена Макиавелли «Песня» пользовалась неслыханной популярностью. Отсюда и его ссылка на «вонь», как часто у него бывает – ссылка пародийная. Вроде бы тюрьма, пытки и жизнь в ожидании очень возможной казни – не повод для

веселья, но такова уж была сардоническая натура Никколо, склонного к «юмору висельника».

Но что во всем этом смраде делает священник, который будит бедного Никколо словами: *«Я к вам пришел, чтобы молиться с вами»?*

Об этом есть смысл поговорить отдельно.

V

Эти слова священника – не просто слова: такова была ритуальная формула, с которой лицо духовного звания обращалось к приговоренному, когда настало время казни. И весь этот шум, невыносимый для Макиавелли – и когда скрежещут запоры, и когда заключенных «*злобная охрана*» волочет в камеру или из камеры, и даже когда пытаемые вопят под потолком, – это все пустяки по сравенению с тихими словами священника: «*я пришел, чтобы молиться с вами*» – это значит, что жизнь окончена.

Вот теперь перечитайте все четверостишье:

> Я к вам пришел, чтобы молиться с вами».
> Что ж, виноваты сами!
> Пусть подыхают в петле. В добрый час!
> А я помилованья жду от вас.

Первая строчка – формула, как мы и говорили. Следующие две – реакция Макиавелли, он говорит об уводимых на казнь:

> Что ж, виноваты сами!
> Пусть подыхают в петле. В добрый час!

А потом следует вот это: «*А я помилованья жду от вас*». Русский перевод сильно смягчил то, что написано в оригинале. Там сказано, что Макиавелли надеется – Джулиано не откажет ему в милости и вскоре порвет «*эту злую петлю*». Надо полагать, ту, о которой он говорит выше, в которой пусть подыхают те, кто наказаны поделом? А сам Джулиано называется «*добрым отцом*», «*buon padre*, от которого ждут проявления жалости – «*vostra pietà*».

Уж как его бранили потомки за эту поэму – трудно и передать. Говорили и о низости, и о цинизме, и даже Маурицио Вироли, его итальянский биограф, обычно склонный оправдывать все, что бы Никколо Макиавелли ни сделал или ни написал – и тот в этом случае нашел для него слова укоризны. Потому что все вышесказанное – не сухая абстракция, Босколи и Каппони действительно казнили, и Макиавелли действительно мог слышать слова священника и вполне мог думать, что он следующий. Суровый реализм, как и уже говорилось...

И в такой ситуации он злорадно говорит обреченным: «*В*

добрый час!» и молит только о том, чтобы такая же петля не удушила его самого?..

Кстати, насчет петли – он ошибся. Осужденных не повесили, а отрубили им головы – но у него могло всплыть в памяти детское впечатление: удавленники, качающиеся высоко над городом в окнах Дворца Синьории, у всех на виду, тоже замышлявшие заговор против Медичи...

Только это был заговор Пацци, а не Босколи.

Макиавелли в заговоре Босколи не участвовал. Шестикратная пытка не выдавила из него признания. К Медичи он никакой особой вражды не испытывал, был вполне готов им служить – и вообще смотрел на себя как на «*слугу Республики*», а не ее конкретного правительства. Более того – он не верил в сам принцип заговора.

Вот длинная цитата из его – пока еще не написанного – «Государя»:

«*Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага. Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой – сомнительная и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя*».

Вне всяких сомнений, Макиавелли думал точно так же и до того, как сформулировал свое неверие в идею переворота столь отчетливо. Но жизнь его висела на волоске, и он, виновный только в том, что Босколи записал его имя, вполне мог отправиться вслед за Босколи, и никакое прошение о помиловании его бы не спасло – пусть даже и написанное в стихотворной форме.

Спасло его нечто другое. 11 марта 1513 года кардинал Джованни Медичи был избран папой римским – он заменил на святом престоле умершего папу Юлия II. Во Флоренции при вести об этом зазвонили колокола во всех церквях, была обьявлена генеральная амнистия. Макиавелли был выпущен из тюрьмы – завшивленный, изломанный, сильно измученный...

Но – живой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду даже не столько русское ополчение, действовавшее в ходе русско-французской войны 1812—1814 годов, сколько прусский ландвер, который позволил Пруссии развернуть армию, огромную для страны таких небольших размеров.

2. Цитируется по книге: Machiavelli, by Miles J.Unger, Simon & Shuster, New York, 2011. Page 200.

3. Цитируется по книге: Machiavelli, by Maurizio Viroli, page 135.

4. Джулиано Медичи – капитан-генерал Флорентийской республики из рода Медичи, 3-й сын Лоренцо Великолепного и Кларице Орсини, младший брат Пьеро Глупого и папы Льва X. Воспитанием юного Джулиано заведовал Анджело Полициано. После изгнания Пьеро из Флоренции (1494) его брат жил в Урбино, а затем воспользовался гостеприимством Венецианской Республики.

5. Сонет (итал. sonetto) – стихотворение из 14 строк, образующих 2 четверостишия-катрена и 2 трехстишия-терцета, в «итальянской последовательности» – abab abab cdc dcd (или cde cde).

О попытке Никколо Макиавелли понравиться дому Медичи

I

Что делает человек, выпущенный из тюрьмы, где его держали по обвинению в государственном заговоре, где он жил в ежедневном ожидании виселицы и где его пытали? Ну, он радуется тому, что остался жив. Флоренция в марте—апреле 1513 года ликовала – впервые в истории флорентинец стал папой римским! Теперь конец войнам и опасностям – новый папа принесет родному городу покой и преуспеяние! И Никколо Макиавелли с восторгом присоединился к этому празднику жизни – во всяком случае, в письме к Франческо Веттори, он вместе со всей своей обычной дружеской компанией «*ходит к девкам, чтобы восстановить свой прежний пыл*» [1] – надо думать, по контрасту с тюремной камерой такого рода вещи доставляли ему еще больше радости, чем обычно.

Он добавляет, что жизнь хороша, но друзья все-таки изменились. Один из них потерял жену и застыл было в своем горе, но теперь уже утешился и ищет новую супругу, другой открыл новую лавку и теперь болтается от одной лавки к другой, не зная, на какой же ему следует сосредоточиться, а еще один, поссорившись с приятелем, делает все возможное, чтобы навредить ему в его поездке в Рим, куда он едет напомнить о себе кому-то в окружении нового папы-флорентийца.

А, скажем, Томмазо дель Бени устроил вскладчину обед у себя в доме и пригласил Никколо, который никак не смог отвертеться от приглашения, и после обеда сказал, что с каждого по 14 сольди, а у Никколо при себе было только 10, и он остался должен хозяину 4 сольди – и вот теперь, пишет Никколо, «*Томмазо ежедневно напоминает мне о долге и не далее как вчера поймал меня на Понте-Веккьо и потребовал вернуть ему деньги*».

Все это рассказывается с улыбкой, с множеством смешных подробностей, но за всей этой комедией чувствуется и еще один слой, вот уж совсем не смешной. Вся нелепость истории с долгом в 4 сольди, в сущности, в том, что Никколо никак не уплатит своему настырному другу Томмазо. И еще в том, что он вовсе не рвался на дружеский обед, – его туда затащили чуть ли не силой, и скорее всего, у него попросту нет денег на участие в таких банкетах, ведь жалованья секретаря Второй Канцелярии у него больше нет. И если их общий с Франческо Веттори приятель едет в Рим, чтобы «*напомнить о себе*», то и Никколо хотел бы напомнить о себе, с этой целью, в сущности, он и пишет Франческо. Тот сейчас в Риме, в чести и встречается с папой – не может ли он сделать что-то для старого друга?

Но Франческо, увы, только жалуется на скуку своей римской жизни, говорит, что вся дипломатическая стряпня, в окружении которой он живет, скучна и бесплодна, что никакого удовольствия он от всего этого не получает, – но, впрочем, выражает своему другу искреннюю симпатию, расспрашивает его о житье-бытье, интересуется его успехами на любовном фронте – в общем, ведет себя как всегда.

А намеков Никколо на тему «*а нельзя ли замолвить за меня словечко?*» – нет, их он упорно не понимает.

II

Что намеки? Франческо и на прямые просьбы сделать что-то отвечал, что сейчас не время и лучше бы это все отложить. Он действительно дружески относился к Никколо, но не верил, что располагает влиянием, – и был, в общем, прав. Молодой человек из хорошей семьи, которым он был когда-то – это не профессия. А вот дипломатом он был никаким, просто занимал некое место, и с ним особо не считались, и не только потому, что он не блистал талантами, а потому, что весь аппарат управления Республики Флоренция был просто декорацией – правили в городе Медичи, снова, уже во второй раз в истории их рода…

Кардинал Джованни Медичи, глава клана, ставший в возрасте 38 лет папой римским Львом X, был примечательным человеком. Он был вторым по старшинству сыном Лоренцо Великолепного, вторым после Пьеро. Лоренцо Великолепный был хорошим отцом и сделал все возможное для того, чтобы его потомство получило как можно более высокий статус еще при его жизни. Пьеро как старший, по закону и обычаю, должен был унаследовать положение «первого гражданина» Флоренции, практически правителя Республики.

Но с нелегкой должностью «неофициального главы государства», с которой с блеском справлялся Лоренцо Великолепный, его сын Пьеро Медичи не совладал. Ему пришлось бежать из Флоренции, он скитался от одного двора итальяских государей до другого, заслужил прозвище Пьеро Глупого и погиб тоже нелепо – он как раз был в ставке французских войск накануне их разгрома испанцами и утонул в реке, пытаясь убежать. Ну не недотепа?

Так вот, роль старшего в семье перешла к Джованни.

А Джованни еще с восьми лет предназначался к церковной карьере, и кардиналом стал в неслыханно раннем возрасте – в 13 лет. Это было настолько невероятно даже по тем временам, что в течение 3 лет его сан сохраняли как бы в тайне – то есть подписанный папой Иннокентием VIII акт существовал, но о нем не объявляли. Более того – поскольку ребенок не мог быть священником, юный Джованни Медичи носил титул «кардинала-мирянина» [2], и эту неполадку пришлось поправлять уже гораздо позже, при избрании его в понтифики [3].

Как жить человеку, с 13 лет считающемуся «князем церкви»? Как ни странно – довольно трудно. Александр VI враждовал с Медичи и считал, что роду Борджиа их высокий статус – помеха. Кардиналу Джованни пришлось бежать. Кардиналов не казнили,

но внезапно умереть от несварения желудка, оставив сомнительное завещание в пользу папы Александра, им случалось. Так что его поносило по свету – он был и в Германии, и в Нидерландах, и во Франции. В 1500 году примирился с папой Александром и вернулся наконец в Рим. Пользовался большим доверием со стороны Юлия II и даже в какой-то мере принял участие в сражении с французскими войсками под Равенной в 1512-м. Ну, он не сражался, конечно. Кардинал Джованни был сибарит и книгочей, а вовсе не воин. Так что был он в испанской ставке с дипломатической миссией. И попал в плен, из которого ему удалось бежать. Разумеется, не прыжком из окна башни, как это сделал бы Чезаре Борджиа, а сугубо практичным способом, приличествующим кардиналу – дал взятку.

В общем, за те 25 лет, что прошли от того времени, когда его возвели в кардиналы, и до того, как его возвели в папы, он набрался самого разнообразного политического опыта. При случае мог действовать с большой решительностью. Именно он организовал поход испанских наемников на Флоренцию, закончивший существование режима Содерини, и даже те две пушки, что решили исход осады Прато, он тоже купил на свои деньги.

Но при всем этом у Джованни Медичи от природы была добрая натура – он был вовсе не жесток и, как мы уже и говорили, очень ценил радости жизни. Понятное дело, после избрания на папский трон он уже не мог уделять должного внимания делам Флоренции и назначил туда своего младшего брата, Джулиано – именно к нему-то и взывал Никколо Макиавелли в своих «тюремных сонетах».

Так что семейные дела дома Медичи теперь разделились на две ветви – на римскую и на флорентийскую. Главой семьи, как уже и было сказано, был папа Лев X. Макиавелли и пытался достучаться к нему, предлагая свои услуги через Веттори. Попытка не удалась, и он решил измыслить что-нибудь другое. Жизнь мелкого землевладельца его убивала. Дело было даже не в отсутствии денег. Семья Макиавелли жила очень скромно, однако все же не голодала. Какая-то еда на столе была, как и крыша над головой. Но служба давала Никколо побольше половины его обычного годового дохода. Если семейное именьице приносило на круг сотню флоринов в год, то Синьория платила все-таки побольше, 128 флоринов – да к тому ему оплачивали и его постоянные поездки.

Сельская жизнь была ему невыносимо скучна. Он писал Веттори, что занялся ловлей дроздов на клей – был такой сезонный промысел во Флоренции. Он задумал начать поставки

дров: в его очень малых владениях был и кусок рощи, и Никколо задумал как-то использовать его коммерчески. Ничего не вышло – лесорубы требовали за свою работу слишком много, клиенты либо не платили, либо жульничали – один, например, за ночь переложил всю поставленную ему поленницу заново, уложив ее вдвое плотней. Он трудился со всей своей семьей целую ночь – а наутро предьявил Никколо счет за неустойку, потому что по контракту дрова поставлялись по объему, и вышли в итоге у Макиавелли сплошные убытки.

И тогда он решил попробовать заняться литературой.

III

Собственно, что значит – попробовал? Он считал себя литератором и даже поэтом – помните строчку из его «тюремного сонета» номер один – «*поэтов ныне чтут на новый лад*»? При разборе стихов мы оставили ее без внимания, у нас были предметы поважнее – напрмер, несчастные, которые «*вопиют под потолком*», или тихо шелестящие слова священника: «*я пришел молиться вместе с вами*», которые звучали в ушах Никколо погромче, чем вопли пытаемых...

Но сейчас мы можем припомнить и эту строчку, где говорится о том, что негоже так терзать литераторов – и строчка эта, оказывается, не единична. Вот текст второго «тюремного сонета», тоже обращенного к Джулиано Медичи. Как и первый, он написан с нарушением принятого 14-строчного канона:

Быть может, Музы к вам найдут подход,
Божественным умилостивив пеньем,
И вашим заручась расположньем,
расплавят в сердце Джулиано лед.
Но что я слышу? «Кто меня зовет?» —
одна из Муз спросила с вомущеньем.
И я ответил ей с большим почтеньем,
однако мне она заткнула рот.
«Как смел ты именем чужим назваться?
Ты связан по рукам и по ногам,
И ты наверняка зовешься Даццо».
Я возразить хотел таким словам,
Но мне она велела убираться,
безумцем обозвав, ко всем чертям.
И я взываю к вам:
удостоверьте, что и в самом деле
мне имя – Никколо Макиавелли.
(Перевод Е. Солонович)

Обстоятельства, при которых «сонет» был написан, мы знаем. Стихи эти – попросту просьба о помиловании, хоть и написаны как бы в ироническом, пародийном стиле. Хотя уж что такого смешного в пребывании в пыточной камере – непонятно. Разве что попытка сохранить себя, посмеявшись над бедой? Но оставим это все в стороне – и обратимся к некоему Дацци, за которого Музы якобы принимают Никколо Макиавелли, когда отказывают

ему в заступничестве.

В примечаниях к книге «Макиавелли. Избранные сочинения», откуда мы взяли русский перевод второго «тюремного сонета», о Дацци нет ни слова – но мы находим его в книге Маурицио Вироли. Оказывается, был в то время во Флоренции такой поэт, Андреа Дацци, и служил он предметом насмешек – из-за несоответствия своих огромных амбиций и своего крайне скромного дара…

Так что литература Макиавелли занимала – он не только много читал, но и писал. Скажем, он писал сонеты своим подругам, о чем мы подробней поговорим позднее.

Но все-таки главным образом читал. Как он сообщает в письме Веттори – после целого дня, ушедшего на мелкие хозяйственные заботы, он вовращается домой, меняет свою скромную обычную одежду на ту, что «*пригодна для придворного*». Макиавелли, известный щеголь, надевал ее в былые времена для должного представительства, когда он представлял Республику при иностранных дворах. Вот облаченный таким образом он и погружается в чтение. Как правило, читал он римских историков – Тита Ливия например. И в итоге это чтение да и переписка с Франческо Веттори навели его на мысль – написать некое сочинение, с помощью которого он все же смог бы обратить на себя внимание рода Медичи.

Так родился на свет его «Государь».

IV

В биографии Макиавелли [4], изданной на английском языке совсем недавно, в 2011 году, есть интересное рассуждение: когда Цицерон оказался в силу обстоятельств выброшен на обочину политической жизни Рима, он нашел утешение в уединенной жизни вне города, в своем поместье – и обратился к философии. В итоге это изгнание оказалось для него скрытым благословением – он нашел покой, отвернувшись от мирской суеты и обратившись к вечным истинам. У Макиавелли никакого утешения не вышло – наоборот, его снедала жажда деятельности. Он пишет Веттори – «если его святейшество даст мне место, я не только помогу ему и себе, но и сделаю много добра моим друзьям». Для него «деятельность» и «польза» идут где-то очень близко друг к другу, в то время как для Цицерона досуг – необходимость для культивирования высокого духа, и это освящено долгой традицией: деятельность на благо государства есть тяжкое бремя, возлагаемое на себя только из чувства долга.

Если коротко, то с точки зрения автора книги, Цицерон – это джентльмен. В английском смысле этого слова. Трудно даже себе представить, как отреагировал бы великий римский оратор и государственный деятель на предположение, что через добрых 20 веков после его смерти потомок раскрашенных в синие цвета дикарей-бриттов воздаст ему хвалу за «*культивирование высокого духа и деятельность на благо государства только и исключительно из чувства долга*».

Надо полагать, что Марк Туллий Цицерон сильно бы удивился…

Но Макиавелли был совершенно другой человек, и никаким джентльменством от него и не пахло. Ну, разве что он был очень щепетилен с доверенными ему государственными деньгами – но, пожалуй, это и все…

Макиавелли – профессиональный государственный служащий. Центральное слово тут – «*профессиональный*». Он мог бы быть, например, нотариусом, как его отец. Он смотрит в детали, его интересует практика. Так сказать, «*как это делается?*».

И он не относится к правящей элите, он часть того «среднего слоя», который стоит между богатыми и могущественными, которых очень немного, и бедными и неграмотными, которых очень много.

Заработок для него много значит – поместье у него поменьше, чем было у Цицерона, и статус «*сельского джентльмена на покое*»,

которым через четыре века после описываемых событий будет пользоваться Черчилль, Макиавелли не по карману.

И в книжке, которую он написал, он предлагает не общие рассуждения, а собственный опыт эксперта. Жанром своей книги он выбрал «*поучение*» – тоже нечто, освященное долгой традицией. Тут можно сослаться на аналогичное сочинение, которое появится на свет на пару лет позднее «Государя» – «Воспитание христианского государя», написанное в 1516 году Эразмом Роттердамским. Ну, Эразм был не чета Макиавелли – он был гуманист и ученый, его знала вся Европа, его принимали при королевских дворах, и не как служащего, а как гостя.

Эразм осел при дворе шестнадцатилетнего Карла V. Помните мальчика, родившегося в «юбилейном» 1500 году, который приходился внуком королю Испании Фердинанду, а заодно императору Священной Римской империи Максимилиану? В возрасте 15 лет Карл унаследовал от отца звание герцога Бургундского в Нидерландах, а в 1516-м стал королем Испании.

Волею судьбы он унаследовал огромные владения, «*в его государствах никогда не заходило солнце*», он украшал свой блестящий двор чем только мог – и он дал Эразму звание придворного советника, с жалованьем в 400 флоринов в год и не налагавшее на него ровно никаких обязательств.

В качестве особой милости Эразму даже не вменялось в обязанность появляться при его щедром государе – он мог жить там, где ему было угодно. Эразм же отблагодарил своего покровителя посвященным ему трудом, «Воспитание христианского государя», в котором и объяснялось, как следует вести себя юному принцу, вступившему на престол столь многочисленных герцогств и королевств – исчерпывающий трактат об основах политической этики просвещенного правителя.

Бывают вещи очень далекие друг от друга. Настолько далекие, что их даже трудно совместить друг с другом. Трудно представить себе нечто более далекое от «*трактата об основах политической этики*», чем «Государь». Дело, собственно, именно в том, что Никколо Макиавелли об этике и не упоминает.

Его интересуют только две вещи: польза дела и целесообразность средств, применяемых для пользы дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Niccolo's smile, by Maurizio Viroli, page 144.

2. Кардинал-мирянин – традиционное название кардиналов римско-католической церкви, не имевших сана священника или епископа. До 1917 года любой мужчина, причисленный только к малому чину католической церкви, мог получить ранг кардинала-дьякона. Такие кардиналы не могли совершать таинств и не давали обета безбрачия.

3. Только после избрания Джованни Медичи был рукоположен в священники, затем – сразу в епископы и наконец коронован как папа.

4. Machiavelli, by Miles J.Unger, Simon & Shuster, 2011, page 250.

5. Благодаря скрещению династических линий Карл получил в наследство огромные территории в Западной, Южной и Центральной Европе, доныне никогда не объединявшиеся: а) от отца, Филиппа: Брабант, Голландия, Зеландия, Бургундия, Франш-Конте и прочее; б) от матери, Хуаны Безумной: Кастилия, Леон, Гранада, Канары, Сеута и Вест-Индия; в) от деда по материнской линии, Фердинанда II Арагонского: Арагон, Ломбардия, Балеарские острова, Сардиния, Сицилия, Неаполь, Морея и Руссильон; г) от деда по отцовской линии, Максимилиана I: корона Императора Священной Римской империи, Австрия, Штирия, Венгрия, Богемия, Моравия, Силезия, Передняя Австрия, Тироль, Истрия и прочее.

«Государь» Макиавелли, прочитанный как самиздат…

I

Чтобы не томить читателя, сразу скажем, что из попытки Макиавелли обратить на себя благосклонное внимание Медичи своим «Государем» ничего не вышло – они его так и оставили в забвении. Другое дело, что написанный им текст уже через год-два стал ходить по рукам, хотя и не был напечатан. Ну, итальянцы того времени – те, что принадлежали к «политическому классу» – были люди очень и очень грамотные, так что «Государь» получил хождение в рукописных копиях. Но мы сейчас на время прервем наше повествование о Никколо Макиавелли и поговорим о его наиболее знаменитом труде, которому была в конце концов суждена громкая известность. Что, собственно, вызвало такой большой интерес к книге, который, кстати, не угас и поныне?

Есть такой английский анекдот: школьник после первого просмотра «Гамлета» говорит о пьесе:

«*Подумаешь! Скучно, непонятно и ничего нового – просто набор старых цитат*».

Сошлюсь на собственный опыт: примерно такое же впечатление было и у меня, когда в далекой юности я в первый раз прочел «Государя». Ну, что сказать? С годами впечатление менялось, и сейчас, пожалуй, мы можем попробовать посмотреть на книгу Макиавелли так, как она читалась впервые, и читалась людьми, «*осведомленными об обстоятельствах*».

У них она вызывала совершенно другую реакцию.

Конечно, аромат запретного плода очень способствовал интересу к книге. Людьми почтенными и благонамеренными она рассматривалась как «*манускрипт, полный зла, внушенный самим дьяволом*», в котором автор – и его устами как бы и сам Сатана – советует некоему абстрактному государю, как ему завоевывать и удерживать власть посредством лжи, жадности, жестокости и обмана, цинично используя религию и фальшивые добродетели как инструмент – и все это для того, чтобы удерживать население в покорности его воле.

Была и другая, довольно экзотическая интерпретация текста: утверждалось, что автор книги – тайный республиканец, цель которого состоит в том, чтобы раскрыть глаза народу на сущность власти государей и тем подорвать их могущество. Она, правда, возникла не сразу и распространение получила намного позднее, лет эдак через 200—250.

Однако мало кто держался такой точки зрения – и при жизни Никколо, и много лет потом, уже после его смерти. В основном

Макиавелли рассматривался и рассматривается и сейчас как «*мастер зла*» – без всяких шуток.

Но начнем по порядку, прямо со вступления: книга посвящается Лоренцо ди Пьеро де Медичи, сыну покойного Пьеро Медичи, племяннику папы римского Льва X [1], а также и племяннику Джулиано II.

Таким образом, адресат – представитель четвертого поколения рода Медичи, если считать от Козимо.

Макиавелли вообще-то думал сперва поднести свой труд Джулиано II, но тот уехал в Рим, и Флоренция перешла под управление молодого Лоренцо.

В принципе – это прошение о милости:

«Пусть же ваша светлость примет сей скромный дар с тем чувством, какое движет мною; если вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгранично я желаю вашей светлости того величия, которое сулят вам судьба и ваши достоинства. И если с той вершины, куда вознесена ваша светлость, взор ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы...»

С другой стороны, прошение написано в довольно независимом тоне – предлагается не столько «*униженный дар, недостойный высоких достоинств покровителя*», что было стандартной формулой того времени [2], сколько нечто другое: *«вознамерившись засвидетельствовать мою преданность вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрестанным изучением дел минувших».*

То есть предлагается «*многолетний опыт в делах настоящих и в непрестанном изучении дел минувших*» – все это в сумме звучит скорее как «заявление о приеме на работу», делаемое мастером своего дела.

И даже не без гордости сообщается и подчеркивается, что автор сознает свое невысокое социальное положение. Но считает его скорее плюсом, чем минусом:*«желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться в гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу».*

Структуру книги пока отложим в сторону – о ней есть смысл

поговорить отдельно, – а покуда обратимся к самой работе. Она вызывала шок. Начнем с того, что ее автор, Никколо Макиавелли, противоречил всему, чему до него учили другие авторы, писавшие сочинения на подобные темы. Все они в полном согласии друг с другом твердили, что государю надлежит «*следовать стезе добродетели*» – он как правитель должен быть справедлив, тверд и умерен, а как государь милосерден, щедр, честен и верен своему слову.

«*Отнюдь нет*», – отвечает им Макиавелли. – «*Все зависит от обстоятельств*».

Он говорит читателю, что свои советы основывает не на пустой теории, а на реальности и на примере не воображаемых государств, а самых настоящих республик и королевств.

И дальше он начинает систематически, кирпич за кирпичом, разносить стену, веками стоявшую вроде бы незыблемо.

II

Про стену, стоявшую веками – это вовсе не преувеличение. Можно даже сказать – тысячелетиями, если начинать от Платона. Того интересовали вопросы государства – и диалоги Платона выстроены так, что кажутся разбором идей справедливости и блага на примере государства как объекта, пригодного для анализа.

Аристотель тоже определяет государство как «*общение, организованное ради общего блага*».

Это, так сказать, то, что касается античности – предмета, глубоко чтимого гуманистами. Но и авторитетнейшие авторы эпохи христианства думали в том же направлении. Скажем, доминиканский монах, ученый-богослов Фома Аквинский (Аквинат), творивший в XIII веке, чьи сочинения стали своего рода энциклопедией официальной церковной идеологии, в труде «О правлении властителей» касается вопроса власти, и положения свои строит как раз на Аристотеле.

Заглянем в энциклопедию, и мы увидим там вот что:

«*От Аристотеля Аквинат перенял мысль о том, что человек по природе есть «животное общительное и политическое». В людях изначально заложено стремление объединиться и жить в государстве, ибо индивид в одиночку удовлетворить свои потребности не может. По этой естественной причине и возникает политическая общность (государство)*».

То есть государство – естественная вещь, упорядоченная общность. И даже более того. Согласно Фоме Аквинскому, *«деятельность монарха схожа с активностью бога. Прежде чем приступить к руководству миром, бог вносит в него стройность и организованность. Так и монарх первым делом учреждает и устраивает государство, а затем начинает управлять им. Цель государственности – «общее благо», обеспечение условий для достойной, разумной жизни».*

Этические вопросы права и справедливости, как мы видим, стоят на первом месте – так что Эразм Роттердамский свой трактат «*О воспитании христианского принца с точки зрения этики*» писал не на пустом месте, а на более чем солидном классическом основании.

Что же до сущности государства, то тут, по Фоме Аквинскому, дело обстоит так:

«Сущность власти – это порядок отношений господства и подчинения, при котором воля лиц, находящихся наверху человеческой иерархии, движет низшими слоями населения. Данный

порядок заведен Богом. Таким образом, по своей исконной сути власть есть установление божественное. Потому она неизменно добро, всегда нечто хорошее, благое».

В общем, к 1514 году, тому году, в котором Никколо Макивелли был написан «Государь», известно как незыблемая истина, что государь должен быть милостив к своим подданным.

В истинности этого положения не сомневаются. В этом сходятся ненавидящие друг друга гуманисты (вроде Лоренцо Медичи Великолепного, для которых радостно-языческие картины Сандро Боттичелли есть олицетворения красоты) и угрюмые аскеты вроде Савонаролы, для которых нет ничего, кроме истинно христианских добродетелей, истинного благочестия.

Ибо известно и от праведных христианских авторов, и от превозносимых гуманистами Платона и Аристотеля, что «*государь должен быть милостив к своим подданным*».

«*Да ну?*» – спрашивает Макиавелли и обьясняет:

«По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести».

А надо отметить, что герцог миланский, Лодовико Сфорца, про которого нам кое-что известно из чтения предыдущих глав, именно так и поступал: вырезал под корень весь клан тех, кому навредил, но никогда не трогал людей, от которых ожидал верности.

Поссорившись со своим братом, кардиналом Асканио Сфорца, Лодовико не пустил его в свою крепость и так и написал ему – «*хоть вы мне и брат, а была у нас с вами ссора, и теперь я не могу вам доверять*».

И абсолютно все люди, принадлежавшие к «политическому классу» государств Италии того времени, об этом случае знали.

Так что выходило, что циничная рекомендация Никколо Макиавелли полностью соответствовала и правде жизни, и принятой практике.

Или, скажем, Макиавелли приводит теоретическое рассуждение на тему о том, что при вторжении сильной державы в регион, состоящий из многих слабых государств, захватчик найдет много охотников стать ему союзником – конечно же, для того, чтобы решить собственные задачи. И это хорошо, и это можно и нужно использовать – но ни в коем случае нельзя позволить одному из этих союзников слишком усилиться. И приводит пример – король Франции Людовик XII успешно начал свою кампанию в Италии, и сделал это с помощью союзников,

Венеции и папы Александра VI.

Но король понаделал ошибок:

«Не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог папе Александру захватить Романью. И не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое и без того крепко властью духовной».

А уж его решение согнать с престола короля Неаполя и разделить его владения с испанцами – это и вовсе непростительная глупость: *«Домогаясь Неаполитанского королевства, он разделил его с королем Испании, то есть призвал в Италию, где сам был властелином, равного по силе соперника, – как видно, затем, чтобы недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого».*

И Макиавелли добавляет, что все случившееся было делом закономерным – и ссылается на свой собственный непосредственный опыт: *«король Людовик потерял Ломбардию только потому, что отступил от... правил, которые соблюдались государями, желавшими удержать завоеванную страну. И в этом нет ничего чудесного, напротив, все весьма обычно и закономерно.*

Я говорил об этом в Нанте с кардиналом Руанским, когда Валентино – так в просторечии звали Чезаре Борджиа, сына папы Александра, – покорял Романью: кардинал заметил мне, что итальянцы мало смыслят в военном деле, я отвечал ему, что французы мало смыслят в политике, иначе они не достигли бы такого усиления церкви.

Как показал опыт, церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все»

Читалось все это людьми, которые своими глазами наблюдали, как сперва рухнули итальянские государства под ударами короля Франции Карла VIII, как потом рухнули его итальянские завоевания под ударами коалиции, созданной папой римским, Александром VI Борджиа, как старательно наследник короля Карла, Людовик XII, восстанавливал французскую империю в Италии – с помощью Александра VI, поменявшего фронт, – и как рухнули итальянские владения Франции во второй раз, под ударами коалиции, где важнейшую роль играли и папа Юлий II, и король Испании Фердинанд.

И опять выходило, что разбор ситуации справедлив и что король Людовик, помогая своему «*верному другу и союзнику*», папе

римскому Александру VI, сделал непростительную глупость, а уж доверившись честному слову и договору о полюбовном разделе Неаполя с испанцами, он и вовсе загубил свое дело.

То есть получалось, что измена союзнику, отказ от честного слова и прочие неблаговидные дела идут государям на пользу, а верность союзнику и верность своему честному слову идут государям во вред? Конечно, с большой – с очень большой – натяжкой все вышесказанное можно было отнести к аберрациям конкретной политической ситуации и, так сказать, к «*техническим сбоям*» системы.

Но как следовало воспринимать критику другого рода, направленную уже не на конкретные решения тех или иных правителей, а на «*моральные основы общества*»?

III

Чего, например, стоит такая рекомендация: «*обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше*»?

Или такая сентенция: *«когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества»?*

И Макиавелли, истинный флорентиец, прибавляет, что смерть родственника как-никак не изменишь и не отменишь, а вот конфискованная собственность может быть отнята и возвращена обратно ее законному владельцу. Из чего, собственно, и следует решение Лодовико Сфорца о по возможности полном истреблении своих врагов и соперников целыми семьями – дело не в жестокости как таковой, а в целесообразности.

Как насчет фундаментальной для Фомы Аквинского идеи о правителе – отце народа, источнике справедливости, которого следует почитать должным образом, ибо власть его – от Господа?

У Макиавелли и по этому поводу есть свое особое мнение:

«Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, – скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого».

Или вот любопытное рассуждение Макиавелли: «*политическая проблема как болезнь – когда ее легко вылечить, ее тяжело распознать, а когда легко распознать, то уже не вылечишь*».

Поэтому действовать надо своевременно и решительно, а то пройдет нужный момент, и окажется, что «*случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно*»?

То есть как это – делать зло «*поздно*»? Не «*нехорошо*», а «*поздно*»? А если делать его вовремя? Ну, тогда это целесообразно – говорит читателю Макиавелли. И рассказывает историю кондотьера Оливеротто ди Фермо. Все современники Макиавелли знали, что Оливеротто был жестоким убийцей, захватившим власть в Фермо посредством переворота.

В «Государе» описано, как все это было проделано:

«…[Оливеротто] *устроил торжественный пир, на который пригласил Джованни Фольяни* [своего дядю, брата своей матери] *и*

всех именитых людей Фермо. После того, как покончили с угощениями и с принятыми в таких случаях увеселениями, Оливеротто с умыслом повел опасные речи о предприятиях и величии папы Александра и сына его Чезаре. Джованни и другие стали ему отвечать, он вдруг поднялся и, заявив, что подобные разговоры лучше продолжать в укромном месте, удалился внутрь покоев, куда за ним последовали дядя и другие именитые гости. Не успели они, однако, сесть, как из засады выскочили солдаты и перебили всех, кто там находился. После этой резни Оливеротто верхом помчался через город и осадил во дворце высший магистрат; тот из страха повиновался и учредил новое правление, а Оливеротто провозгласил властителем города».

То есть Оливеротто предательски перебил доверившихся ему людей, его гостей, которые не сделали ему ничего плохого, а уж заодно прикончил и собственного дядю, брата своей матери, человека, заменившего ему отца, – и все это для того, чтобы захватить власть в городе и править им самолично, единовластно и ни с кем не считаясь. Это плохо?

Ну, как сказать... Макиавелли сообщает своим читателям:

«*Истребив тех, кто по недовольству мог ему навредить, Оливеротто укрепил свою власть новым военным и гражданским устройством и с той поры не только пребывал в безопасности внутри Фермо, но и стал грозой всех соседей*».

Таким образом, укрепив свое положение, Оливеротто жил себе в безопасности, до тех пор пока не замешался в заговор кондотьеров Романьи и не оказался врагом человека еще более коварного и жестокого, чем он сам, – Чезаре Борджиа. Чезаре убил его, когда расправился со своими мятежными командирами, что случилось буквально на глазах Макиавелли.

А как насчет самого Чезаре? Что он был за человек, нам, собственно, известно – достаточно просто посмотреть, как он шел к власти, убив собственного брата, как он завоевывал Романью, как он расправлялся с собственными подручными, если находил это полезным.

А Макиавелли говорит о нем следующее: «*Каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Чезаре Борджиа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению*».

И даже добавляет ниже: «*задавив мятеж в зародыше, Чезаре проявил больше милосердия, чем Республика Флоренция*», которая, опасаясь обвинений в жестокости, не казнила главарей распри. Он, по-видимому, вспоминал свой собственный опыт, когда Синьория посылала его в раздираемый смутой и резней городок

для «*примирения враждующих фракций*».

Он их «*примирял*», и через неделю резня возобновлялась опять, с новой силой.

Взгляды Макиавелли на саму идею необходимости «*милосердия, справедливости, сотворения добра*» были далеки от общепринятого канона: «*тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру*».

И в конечных выводах он тоже не сомневается:

«*…Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности…*»

В вышеприведенной фразе надо обратить внимание и на то, что в ней нет ничего о «справедливости», зато сказано об «удержании власти». Потому что предметом рассуждений автора «Государя», Никколо Макиавелли, «служат не этика и не справедливость», то есть совсем не то, что интересовало и Платона, и Аристотеля, и Фому Аквинского, и – если уже брать примеры совершенно современные Никколо – Эразма Роттердамского. Его интересует власть – не как инструмент, вручаемый Господом государям для создания праведного суда, справедливости и должного воздаяния злодеям, а сама по себе.

Власть как таковая.

В общем, неудивительно, что ходившие по рукам копии «Государя» Макиавелли читались в Италии как нечто наполненное такой дерзостью и таким цинизмом, что у «*слушателей его речей*» просто захватывало дыхание.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лоренцо II ди Пьеро де Медичи (итал. Lorenzo di Piero de' Medici; 12 сентября 1492 – 4 мая 1519 года) – капитан-генерал Флорентийской Республики с 1516 года и герцог Урбинский с 1516 года. Сын Пьеро II Невезучего и Альфонсины Орсини, внук Лоренцо Великолепного, отец Екатерины Медичи.

2. Для сравнения можно посмотреть на посвящение, написанное Сервантесом к его «Дон Кихоту» через без малого сто лет после посвящения Макиавелли:

«ГЕРЦОГУ БЕХАРСКОМУ, МАРКИЗУ ХИБРАЛЕОНСКОМУ, ГРАФУ БЕНАЛЬКАСАРСКОМУ И БАНЬЯРЕССКОМУ, ВИКОНТУ АЛЬКОСЕРСКОМУ, СЕНЬОРУ КАПИЛЬЯССКОМУ, КУРЬЕЛЬСКОМУ И БУРГИЛЬОССКОМУ.

Ввиду того, что вы, ваша светлость, принадлежа к числу вельмож, столь склонных поощрять изящные искусства, оказываете радушный и почетный прием всякого рода книгам, наипаче же таким, которые по своему благородству не унижаются до своекорыстного угождения черни, положил я выдать в свет Хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского под защитой достославного имени вашей светлости и ныне с тою почтительностью, какую внушает мне ваше величие, молю вас принять его под милостивое свое покровительство, дабы, хотя и лишенный драгоценных украшений изящества и учености, обычно составляющих убранство произведений, выходящих из-под пера людей просвещенных, дерзнул он под сенью вашей светлости бесстрашно предстать на суд тех, кто, выходя за пределы собственного невежества, имеет обыкновение при разборе чужих трудов выносить не столько справедливый, сколько суровый приговор, – вы же, ваша светлость, вперив очи мудрости своей в мои благие намерения, надеюсь, не отвергнете столь слабого изъявления нижайшей моей преданности».

При дворе папы римского Льва X

I

Кардинал Джованни Медичи поначалу не рассматривался как кандидат на папский престол. Он прибыл в Рим только потому, что получил известия о том, что папа Юлий II, с которым у него были хорошие отношения, уже умирает. Даже прибыв на конклав, Джованни не смог сразу принять участие в заседаниях – он был болен. Однако в ходе торгов и переговоров кардиналы не сошлись ни на ком – и вот тут и всплыло его имя. Он не был светочем церкви, но у него были свои плюсы – он был щедрый и дружелюбный человек, к нему все хорошо относились, среди кардиналов у него не было врагов. К своим 38 годам он уже 25 лет как был кардиналом, и, наконец, его недостатки тоже говорили в его пользу. Да, он любил поесть и обожал празднества – но это значило, что он больше не потащит князей церкви в походы и не заставит их жить в обстановке военного лагеря. А если он часто болеет, то тем лучше – может быть, он не заживется на свете и даст шанс быть избранным кому-то другому…

Единственным человеком из конклава, все еще возражавшим против его кандидатуры, был кардинал Франческо Содерини, брат изгнанного из Флоренции Пьеро Содерини. Но и с ним договорились, пообещав женить Лоренцо, сына Пьеро Глупого, на какой-нибудь девушке из рода Содерини. Обещание было довольно шатким, но его приняли – Содерини не хотели углублять конфликт с Медичи, мир с ними был желателен.

Так Джованни Медичи 11 марта стал папой римским Львом X. Согласно легенде, он обнял своего младшего брата, Джулиано, и сказал ему:

«*Раз уж бог дал нам папство, постараемся им насладиться*».

Как мы знаем, это счастливое событие – избрание папы Льва X – избавило Никколо Макиавелли от весьма возможной петли. Флоренция ликовала, и крики «*Palle! Palle!*» – «*Шары! Шары!*», – обозначавшие красные шары герба рода Медичи, буквально сотрясали город.

Праздники шли четыре дня без перерыва, народ угощали сладким белым вином, у входа в Палаццо Медичи, как все еще назывался дворец, конфискованный у изгнанного семейства, стояли столы с бесплатным угощением – гильдии постарались создать впечатление «*полной гармонии народа с новым режимом*».

Ну, праздники праздниками, а интересы семьи Медичи следовало продвигать – и делать это с такой же энергией, с какой это делали предшественники папы Льва. Джулиано Медичи – тот, которому Макиавелли писал свои «тюремные сонеты», – был

отозван из Флоренции в Рим. Ходили разговоры, что ему, возможно, будет предложен престол Неаполитанского королевства.

На его место во Флоренцию направили Лоренцо Медичи, племянника папы. Он не задержался там надолго, но «Государь», написанный Макиавелли, оказался посвящен именно ему. Странные шутки шутит судьба. Если говорить о мировой литературе, то в ней оставили след два Лоренцо Медичи – Лоренцо Великолепный, про которого написаны сотни томов, и его внук, Лоренцо ди Медичи, сын Пьеро Глупого, о котором мало что можно сказать.

Но на его имя натыкаются все, кто открывает «Государя».

II

Король Франции Людовик XII после целого ряда неудач решил заключить мир с королями Испании и Англии. Главное – он потерял Милан, где номинально опять утвердилось семейство Сфорца [1]. Переговоры удались – война дорого стоила всем ее участникам, и коли король Франции не оспаривал больше герцогства Миланского, то мир оказался достижимым. А в качестве залога мира Людовику XII была отдана рука принцессы Марии Тюдор [2], сестры царствующего монарха Англии, Генриха VIII.

Когда человек в 52 года, отнюдь не пышущий здоровьем, а скорее даже наоборот, женится на 19-летней девице большой красоты, известной своим вольным нравом, то ожидать связанных с этим браком неприятностей как-то даже и естественно. Но, конечно, того, что король скончается через три месяца после заключения брака, все-таки не ожидал никто.

Когда он умер (1 января 1515 года), то при дворе шептались, что во всем виновата его юная супруга с ее необузданным темпераментом.

Однако если король Людовик и впрямь умер от слишком усердных трудов в попытке зачать наследника, то успеха его героические усилия не принесли – королева Мария не забеременела.

А поскольку сыновей от двух предыдущих браков у Людовика XII не было, а корона Франции по закону наследовалась только по мужской линии, то новым королем стал Франциск, сын графа Ангулемского, двоюродного брата короля Людовика XII. К тому же он доводился зятем покойному королю Людовику – он был мужем его дочери, Клод. Король Франциск I был молод, силен, честолюбов, и он совершенно твердо решил вернуть французские знамена на землю Италии.

В список владений, объявленный при его коронации, входило и герцогство Миланское. Этот момент, конечно же, был отмечен дипломатами всей Европы, а уж в Италии он и вовсе стал новостью номер один. Было совершенно понятно, что решение короля Франции претендовать на Милан не обойдется без еще одного перехода Альп и что этот переход не останется без ответа со стороны Испании и императора Максимилиана, что швейцарские кантоны будут защищать Миланское герцогство, завоеванное ими, – в общем, Италия опять становилась полем битвы.

При папском дворе начались бурные дискуссии по поводу

того, к кому следует примкнуть папе Льву X. Решение склонилось в пользу уже сколачиваемой антифранцузской коалиции.

Флоренция, конечно же, собственной политики уже не имела, она следовала за Римом – и все те силы, что она сумела наскрести, были отданы в распоряжение коалиции. Командовал наемниками Флоренции Лоренцо Медичи – папа Лев X присвоил ему звание капитана-генерала, то есть главнокомандующего. Ну, подвигов на его долю не выпало – французы заключили союз с Венецией, перешли Альпы вовсе не там, где их ожидали, а там, где провести большую армию, да еще и с артиллерией, считалось невозможным, вышли на равнину у Падуи и в огромном сражении у Мариньяно разбили швейцарцев.

Впечатление в Италии было сильным – никому еще до сих пор не удавалось побить швейцарскую пехоту. Франциска I нарекли «соперником Цезаря» – среди образованных людей того времени историю галльских войн Юлия Цезаря полагалось знать, а в числе покоренных им народов значились и гельветы, жившие примерно в тех же местах, где располагались швейцарские кантоны. Милан пал без сопротивления, а французские войска маршем двинулись на Болонью. Папа Лев X выехал туда тоже. Защищать город оружием он, конечно, не мог. Папа надеялся только на дипломатию.

В Болонье он должен был встретиться с королем Франциском.

III

В Болонью папа Лев поехал через Флоренцию, и встречу ему там устроили поистине оглушительную. На организацию торжества Синьория ухлопала 70 тысяч флоринов, что составляло добрую половину годового дохода Флоренции. Лев X не возражал – он тоже тратил деньги без всякого счета, – но ему пришлось на несколько дней отложить вьезд в свой родной город: организаторы размахнулись так, что не поспевали завершить все работы, и папа не захотел портить удовольствие ни им, ни себе.

В день Святого Андрея, 15 ноября 1515 года, папа римский, Лев X Медичи, въехал наконец в стены Флоренции через Римские ворота (Порта-Романья) в полной славе своего положения главы всего христианства, в своем облачении – в усыпанной драгоценностями тиаре и бесценной мантии – и в сопровождении огромной свиты из кардиналов, придворных, слуг и всего прочего. Ему показали новый фасад главного собора, который, конечно, не успели бы построить из мрамора, но зато успели сделать из дерева и штукатурки, расписанной лучшими художниками Флоренции.

Перед фасадом все теми же быстрыми методами был поставлен бюст Лоренцо Медичи, отца папы Льва X, под которым очень мелко (но так, что все же можно было прочитать) было написано: «*Моему возлюбленному сыну*».

Увидев этот бюст и прочитав надпись, папа Лев прослезился.

В Болонье, к сожалению, его встретили совсем не так. Он проехал со всем своим кортежем через улицы, где никто его не приветствовал, и когда он без всяких кликов «*Да здравствует папа!*» добрался наконец до Палаццо Публико (как назывался дворец, где располагались городские власти), его там никто не встретил. Король Франциск I приехал, сильно запоздав, – и сделал это, вне всяких сомнений, намеренно.

И разговор он повел сразу сугубо практический – папе было предложено передать Парму и Пьяченцу французским властям. Они принадлежали в свое время герцогству Миланскому – а герцог Миланский теперь он, Франциск I. Герцогство принадлежит ему и по праву завоевания, и по праву наследственного владения, потому что сын Лодовико Сфорца, герцог Массимилиано, продал свои права на Милан королю Франции и получит за это 30 тысяч флоринов – конечно, не все разом, а потом... А вот Парму и Пьяченцу папские гарнизоны должны сдать французам, немедленно и безотлагательно. Ну, спорить было трудно – папа согласился, хотя и продолжал

спорить по поводу поддержки притязаний короля Франциска на трон Неаполя. Беседы вскоре стали носить более дружелюбный характер [3].

Папа, как тогда говорили, «*дал кардинальскую шапку*» старому учителю Франциска I. То есть он возвел его в сан кардинала. Король не остался в долгу и дал титул герцога Немюрского брату папы, Джулиано Медичи, – но потом потребовал небольшой подарок: мраморную античную скульптуру, «группу с Лаокооном» [4], недавно найденную в Риме. Она служила украшением папской коллекции античных произведений искусства – но делать было нечего, пришлось принять такое наглое вымогательство с любезной улыбкой.

IV

Джулиано Медичи недолго пробыл герцогом Немюрским – он умер 17 марта 1516 года. Законных детей у него не было, так что даже и передать титул было некому. Все надежды Льва X сосредоточились на его племяннике, Лоренцо, сыне Пьеро. Была организована сперва политическая, а потом и военная кампания против Урбино, тамошний герцог был отлучен от церкви, город Урбино захвачен и передан во владение Лоренцо. Вместо неслучившегося «герцогства Романья», которое папа Александр VI Борджиа помогал строить для Чезаре, начали возникать вполне ощутимые контуры нового «герцогства» между Романьей и Тосканой, которое папа Лев X Медичи помогал строить для Лоренцо.

Но покуда это было дело будущего, а пока папа Лев расположился в Ватикане. Очередная ссора монахов – августинцы и доминиканцы спорили о том, кому из этих орденов должна быть поручена продажа индульгенций на территории Германии, – пока что его не слишком волновала. Мысли о том, кто станет следующим императором Священной Римской империи германской нации – то есть номинальным главой государей Германии, – тоже папу Льва X пока не тревожила. Темные облачка на горизонте не обязательно могут означать ураган – и Лев X следовал зову своего сердца: наслаждался папством, которое даровал ему Бог.

Войн не было. Все ресурсы святого престола шли только на обслуживание и украшение папского двора. Медичи затмили Борджиа роскошью. Утверждалось, что за один только год папа Лев X спустил все, что было накоплено его предшественником, Юлием II, в придачу к своему собственному доходу. Мало этого – он еще умудрился залезть в неоплатные долги.

С Льва X драли до 40% годовых – больно уже рискованный он был заемщик, брал в долг под честное слово и без серьезного обеспечения. Банкирские дома Рима, Флоренции, Генуи и Сиены делали в то время поистине золотые дела. Франческо Веттори писал Макиавелли из Рима, что «*папа так же неспособен отложить тысячу флоринов, как камень неспособен летать*».

Мессир Веттори явно позабыл о метавших камни боевых катапультах, но в принципе мысль его вполне ясна.

Лев X тратил деньги без счета, исповедуя несформулированный пока еще принцип «*после нас хоть потоп*» [5].

Этот стиль жизни воспроизводился и ниже – кардиналы,

патриции и даже обыкновенные богачи закатывали такие пиры, которые поражали послов, аккредитованных в Риме при святом престоле.

Как сказку, передавали историю, случившуюся в доме у одного сиенского банкира [6], который был так богат, что все предметы в его ванной комнате были сделаны из серебра. Когда папа почтил его визитом, ужин был сервирован в помещении, все стены которого были увешаны бесценными гобеленами, а гостям-кардиналам подавали еду на серебряных тарелках, украшенных – для каждого гостя наособо – его фамильным гербом.

Уж на что папа Лев X привык к роскоши – но и он нашел уместным поздравить банкира с изяществом, богатством и вкусом, с которым в его доме убрана трапезная.

«*Ах, ваше святейшество!* – воскликнул банкир с подобающей скромностью. – *Да какая трапезная? Это просто стойла моей конюшни...*» – и приказал слугам убрать гобелены.

И действительно, все пиршество было устроено в конюшнях его дворца... Ну, надо полагать, их все-таки почистили перед тем, как развесить там занавесы и поставить столы.

Банкир этот вообще имел обыкновение к экстравагантным жестам – каждый день из его римского дворца в реку Тибр выбрасывали все его столовое серебро – идея была в том, что он никогда не ест с одной тарелки дважды. Ну, положим, это было не совсем так – тарелки кидали в определенное место, где заранее были раскинуты густые сети, и ночью их вытягивали вместе со всем их серебряным уловом – но жест, конечно, производил впечатление...

V

Папские обеды устраивались тоже весьма изобретательно. Подавались, скажем, блюда из язычков павлинов. Из разрезанных пирогов вдруг вылетали соловьи. Это в том случае, если пирог был относительно невелик – а из большого пирога могли вылезти детишки-амурчики или карлики. Помимо гостей в пирах принимали участие и шуты. У папы Льва X имелся даже шут-монах, доминиканец фра Мариано Фетти. Жизнь свою он начинал цирюльником и дорос до должности хранителя папских печатей.

Известен он был неслыханно вульгарным чувством юмора и еще и невероятным обжорством. Он мог сьесть четыре десятка яиц или две дюжины цыплят – а когда однажды в порядке шутки папа Лев угостил его пирогом с начинкой из ворон, вместе с клювами и перьями, он сьел и пирог, и всю его начинку.

Непременно присутствовал за столом и священник из Гаэты, фра Барабалло, который писал стихи, совершенно ужасные по качеству, хотя он, по-видимому, искренне, был убежден в полном их совершенстве. Кто-то из гостей папы Льва однажды предложил увенчать Барабалло лавровым венком в римском Капитолии, как однажды это было сделано для Петрарки.

Эта мысль пришлась настолько по душе его святейшеству, что он предложил осуществить ее на практике и ссудил для этой цели своего любимого слона. Слон был подарком от короля Португалии Мануэля Счастливого [7].

И Барабалло действительно прокатили на слоне, убранном роскошными попонами, по дороге от Ватикана до Капитолия. Барабалло одели в алую тогу на римский образец, украшенную золотом, и все шло хорошо, пока слон, напуганный звуками труб, не уперся и не отказался пересечь мост у Замка Святого Ангела – пришлось лауреату с превеликими трудами слезать со слона и дальше уж шествовать в более скромном стиле, на ногах.

Но, понятное дело, не каждый день по Риму водили слона, были развлечения и менее эскстравагантного свойства. Устраивались костюмированные балы, на которых кардиналы – те, кто помоложе, – одетые в светское платье, танцевали со своими дамами. Все присутствующие были в масках, так что никакого соблазна для истинно верующих создавать не предполагалось.

Ставились всевозможные пьесы – например, исторические трагедии. Но куда больше папе Льву X нравились страшно неприличные фарсы, которые писали разные люди, например Ариосто. Среди сочинителей был даже один кардинал, Бернардо

Довицци да Биббиена.

Одна пьеса, прочитанная ему предположительно где-то в 1518—1519 годах и позднее, в 1520-м, даже поставленная при папском дворе, его особенно развлекала – уж больно соленые шутки вставил в свою комедию ее автор.

Называлась эта уморительная комедия «Мандрагора» [8].

Написал ее наш знакомый, тот самый – Никколо Макиавелли, уволенный без пенсии бывший секретарь Второй Канцелярии Республики Флоренция. Сам он ее к папскому двору не представлял – друзья пособили.

В кружок Ручеллаи все-таки входили влиятельные люди.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Массимилиано Сфорца, старший сын Лодовико Сфорца и Беатриче д'Эсте. Когда его отец был разгромлен и пленен Людовиком XII, бежал в Германию вместе с младшим братом Франческо. В 1512 году швейцарцы в ходе войны Камбрейской лиги сделали его номинальным герцогом Миланским, хотя на самом деле продолжали контролировать его владения сами.

2. Марии Тюдор было четырнадцать, когда умер ее отец, Генрих VII, и следующие пять лет она провела при дворе своего брата, Генриха VIII, пользуясь небывалой по тем временам свободой. Она, например, была избавлена от общества дуэний.

3. В 1516 году Лев X подписал с «христианнейшим» королем Франции (именно такой титул присвоило ему папство) Франциском I конкордат, который признавал за французским двором право назначения почти на все епископства, аббатства, приорства. Рим не возражал даже против назначения светских лиц на церковные должности, если под их именем руководящие функции будут выполнять представители духовенства.

4. 14 января 1506 года в Риме была найдена и перевезена в Ватиканский музей скульптура «Лаокоон и его сыновья». Шедевр древней скульптуры по времени создания относится примерно к I веку до нашей эры. По свидетельству Плиния, «Лаокоон» находился в доме императора Тита. Папа Лев X согласился на ее передачу во Францию, но в итоге скульптура так и осталась в Ватикане.

5. «После нас хоть потоп» (фр. Après nous le déluge – «после нас потоп»), то есть после нашей смерти погибай хоть весь мир; это выражение принадлежит маркизе Помпадур, официальной фаворитке французского короля Людовика XV, которая жила через 200 с лишним лет после папы Льва X.

6. Банкира звали Agostino Chigi, The Medici, by Christofer Hibbert, page 235.

7. Король Португалии с 1495 года. Его правление ознаменовалось эпохой Великих географических открытий. При нем Васко да Гама достиг берегов Индии в 1498 году, а Педру Алвариш Кабрал открыл Бразилию – период высшего могущества Португалии.

8. Мандрагорой называлось растение с корешками, очертаниями похожими на человеческое тело. Ему приписывались свойства, способствующиие деторожденню, а также и возбуждающие свойства. В современных терминах слово «мандрагора» звучало бы как «виагра».

Беседы в садах Орти Оричеллари

I

Надо сказать, что комедия Макиавелли попала к папскому двору не сразу, а только после того, как ее поставили во Флоренции. В садах дворца Ручеллаи, называвшихся Орти Оричеллари (сады Ручеллаи), собиралось общество молодых людей, происходивших из самых лучших семей Флоренции, и образовывали они все вместе что-то вроде платоновской академии. Среди них были поэты, историки, философы – и вопросы, которые они в своей среде обсуждали, соответствовали их интересам.

Основатель академии, Бернардо Ручеллаи, умер в 1514-м, но дело продолжил его племянник, Козимо, сады же сохранили свое название.

В этот блестящий и вроде бы совершенно неподходящий ему круг попал и Никколо Макиавелли. Почему неподходящий? Ну, начать с того, что Макиавелли был существенно старше, чем его новые друзья. Более того – по сравнению с ними он был беден, как церковная крыса, и должен был бы считаться политически неблагонадежным. В 1514-м, еще при жизни Джулиано Медичи, велись разговоры о том, как он организует земли Романьи и Тосканы, которые намечались для его нового герцогства. Одним из губернаторов в его владеньях преполагалось назначить Паоло Веттори, старшего брата Франческо Веттори.

Паоло был высокого мнения о способностях Макиавелли, который к тому же был другом его брата, и собирался взять его к себе, в свою будущую администрацию. Но он получил разъяснения от секретаря кардинала Джулио Медичи [1], и состояли они в том, что «*никаких дел с Макиавелли не стоит и заводить*».

Из проекта нового герцогства для Джулиано ничего не вышло, и Паоло Веттори так своего губернаторства и не получил. Но, даже уж и не говоря об этом, вообще все пути Макиавелли к государственным должностям были отрезаны.

Каким же образом Макиавелли попал в Орти Оричеллари?

Никаких точных сведений на этот счет нет. Вообще о жизни Макиавелли того периода нам известно главным образом из его переписки с Франческо Веттори, и говорят они, как хорошие друзья, и о том и о сем и обмениваются шутками и взаимными поручениями.

Например, Макиавелли попросил своего друга Франческо подыскать ему хорошей материи голубого цвета, которая могла бы пойти на накидку – явно подарок для женщины, и для

женщины из хорошего круга. Это было необычно – во-первых, у Никколо Макиавелли было плохо с деньгами, а подарок был дорогим, во-вторых, его интерес к женщинам в общем ограничивался куртизанками. В списке его расходов в период относительного финансового благополучия расходы на дам такого рода занимали видное место.

Так к чему же тогда просьба о покупке материи, которой и во Флоренции не найти? Это странно – куртизанкам обычно платили деньгами, а не нарядами.

По-видимому, где-то на середине пятого десятка отставной и безденежный администратор Никколо Макиавелли влюбился в порядочную женщину?

II

По-видимому – да, влюбился. Его итальянский биограф, Маурицио Вироли, положил немало трудов на то, чтобы установить, кто же она такая. Из анализа переписки Макиавелли с Франческо Веттори он сделал вывод, что скорее всего, это была сестра их общего приятеля, Никколо Таффани. Как ее звали? Это непонятно – похоже, что до ответа не доискался и сам Вироли: он именует ее Ла Таффани. Это мало что дает – в итальянском мужской род обозначается артиклем «*il*», а женский – «*la*». Скажем, Макиавелли его приятели называли: «*Иль Макка*», «*Il Macha*».

Если бы фамилия Никколо Таффани была бы «Иванов», то прозвище его сестры, «*La Taffani*», «*Ла Таффани*», которую приводит нам Вироли, была бы «Иванова». О ней известно, что она жила одна, так как ее муж ее оставил и уехал в Рим, после чего о нем не было ни слуху ни духу. Маурицио Вироли основывает свою догадку вот на чем: Макиавелли незадолго до просьбы о покупке ткани для подарка просил Франческо Веттори похлопотать о каких-то делах семейства Таффани, которым он до этого особо не интересовался. Просить Никколо Макиавелли очень не любил, а в семье Таффани была только одна как бы замужняя женщина, за которой можно было поухаживать без риска получить стилет под ребра… В общем, М. Вироли думает, что это она и стала предметом влюбленности Макиавелли. Трудно сказать. Хотя Франческо Веттори наверняка знал, кому предназначался подарок, но в своем письме Никколо он говорит, что ни о чем спрашивать его не будет, с него достаточно того, что он может услужить другу – так что кто эта дама, так и остается неясным. Однако он была, она существовала, и Макиавелли был так влюблен, что ходил к ней в гости за многие мили, и расстояние его не пугало.

Мы знаем об этом из его писем к Веттори – они обсуждали такого рода вопросы без особых обиняков. Скажем, Веттори писал Макиавелли, что ему очень приглянулась дочь его соседа, но в свои сорок лет он должен думать не о безумствах, а о том, что у него есть дочери, и лучше не бросать деньги на ветер, а отложить им что-то на приданое. А вот Никколо Макиавелли, истинное воплощение трезвости и жесткого цинизма, примерно в это время, где-то в 1514 году, пишет сонет, который есть смысл привести целиком, он был прекрасно переведен на русский Е.М. Солоновичем.

Сонет Никколо Макиавелли:

Когда бы миг не думать мне о вас,
Я этот миг благословлял бы годы.
Сердечной бы не ведал я невзгоды,
Когда бы вас признанием потряс.
Когда бы я, невольник ваших глаз,
Мог верить вам, я б не желал свободы,
И в этом роща верит мне, чьи своды
Внимали жалобам моим не раз.
Мы говорим: «Конец», – теряя сына,
Богатство, трон, смотря былому вслед.
Всему бывает в свой черед кончина.
Увы, зачем родился я на свет!
Мне только плакать – вы тому причина,
И нет слезам конца, и веры нет.

Как и было сказано – сонет предположительно датируется 1514 годом.

III

Но сонеты занимали все-таки далеко не все свободное время Никколо Макиавелли – потому что свободное время относилось к такой категории добра, которого у него было, увы, предостаточно. Уже был случай упомянуть, куда шло это время, но все же есть смысл послушать его самого. Вот отрывок из письма Макиавелли, отправленного в Рим, к Франческо Веттори:

«...Выйдя из леса, я отправляюсь к источнику, а оттуда на птицеловный ток. Со мной книга, Данте, Петрарка или кто-нибудь из второстепенных поэтов, Тибулл, Овидий и им подобные: читая об их любовных страстях и увлечениях, я вспоминаю о своем и какое-то время наслаждаюсь этой мыслью. Затем я перебираюсь в придорожную харчевню и разговариваю с проезжающими – спрашиваю, какие новости у них дома, слушаю всякую всячину и беру на заметку всевозможные людские вкусы и причуды. Между тем наступает час обеда... я вкушаю ту пищу, которой меня одаривают бедное имение и скудное хозяйство. Пообедав, я возвращаюсь в харчевню, где застаю обычно в сборе хозяина, мясника, мельника и двух кирпичников. С ними я убиваю целый день, играя в трик-трак и в крикку; при этом мы без конца спорим и бранимся...

Так, не гнушаясь этими тварями, я задаю себе встряску и даю волю проклятой судьбе – пусть сильнее втаптывает меня в грязь, посмотрим, не станет ли ей наконец стыдно.

С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так, должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой единственно я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают. На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих горестях, меня не удручает бедность и не страшит смерть: я целиком переношусь к ним».

В письме, цитату из которого мы привели, он начинает с обращения к своему адресату на торжественно-пародийный лад: «*светлейшему флорентийскому послу у верховного понтифика и своему благодетелю Франческо Веттори, в Рим*» и мимоходом сообщает ему, что написал кое-что, относящееся к государствам. Речь идет о «Государе».

Письмо датировано 13 декабря 1513 года. Отношения у Макиавелли с Франческо Веттори поистине неформальны,

обращение «*светлейший посол*» не следует принимать всерьез – в другом письме тот же Франческо именуется уже «*любезным куманьком*».

И Макиавелли пишет ему вполне откровенно, что не знает, как быть, но надеется поправить свои дела подношением «Государя»:

«*К подношению же меня побуждает жестокая необходимость, ибо я разоряюсь и пройдет совсем немного времени, как погрязну в жалкой нищете, не говоря о моем желании, чтобы эти синьоры Медичи вспомнили о моем существовании и поручили хоть камень в гору катить; потому что, если они и тут не обратят на меня внимания, мне придется пенять только на себя; а по прочтении этой вещи будет видно, что я не проспал и не проиграл в бирюльки те пятнадцать лет, которые были посвящены изучению государственного искусства, и всякий захочет использовать богатый опыт человека, готового им поделиться*».

Как мы уже знаем, из этого ничего не вышло – Медичи его книгу не прочли. Но, во-первых, книгу в рукописной копии все-таки кое-кто прочел, а во-вторых, Макиавелли написал не только «Государя».

IV

По-видимому, где-то в начале и в середине 1514 года Макиавелли стали приглашать в сады Орти Оричеллари – их владелец, Козимо Ручеллаи, определенно проникся к нему симпатиями. Во всяком случае, новая работа Никколо Макиавелли под названием «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» посвящена двум лицам – Козимо Ручеллаи и Дзаноби Буондельмонте.

«Декада» в данном случае – первые 10 книг знаменитой истории Рима Тита Ливия. Книга Макиавелли написана в лучших традициях Флоренции и ее школы «филологического гуманизма» – берется античный текст дохристианских языческих времен и исследуется примерно на тот же лад, на который толковались теологические сочинения отцов церкви вроде Фомы Аквинского. Такого рода вещи во Флоренции практиковались со времен Данте и Петрарки, то есть с XIII—XIV веков.

Движение гуманистов распространилось к началу XVI века уже далеко за пределы Италии. Конечно, гуманисты были люди разного уровня. Далеко не все углублялись в греческие тексты, как Эразм, – большинству хватало одной латыни, да и на ней они ограничивались чтением чего-нибудь полегче и поинтересней – допустим, эротических текстов Овидия [2].

И никто – ни потребитель непристойных шуток Овидия, ни премудрый Эразм – не видел противоречия в совмещении речей Цицерона с каждодневной жизнью, регулируемой церковью, Евангелием и верой в Христа.

Макиавелли не был бы самим собой, если бы не вывернул нечто вроде бы общеизвестное наизнанку.

Он задает своим читателям вопрос – почему его современники, почитая формы античного искусства и античной философии за образец, не пытаются понять ту систему политических установлений, которые эти формы породили?

Почему ни государи, ни республики вроде Флоренции не берут древних за образец, когда дело касается решений, связанных с войной или политикой?

Если пропорции античных скульптур исследуются самым тщательным образом для того, чтобы разгадать секрет их красоты и гармонии, если ритм, в котором написана «Энеида» Вергилия, изучается до мельчайших деталей – почему не посмотреть на причины, которые сделали из деревушки под названием Рим мощную империю, повелевавшую миром от Темзы до Евфрата?

Понятное дело – прямо-таки напрашивается еще один вопрос:

если в прошлом Риму удалось построить великое государственное образование, Римскую империю, и сделать это несмотря на все неожиданные повороты Фортуны с ее вечно крутящимся Колесом – почему это не удается сделать сейчас?

Если, говорит Макиавелли, «*христианство научило нас Истине и дало указания к правильной жизни*», то почему же достижения у нас по сравнению с древними римлянами так мизерны? Может быть, благодать подорвала нашу силу и ослабила наш дух? Ведь и без разъяснений понятно, что проповедь, содержащаяся в Евангелиях, учит хорошему и доброму, и точно так же понятно, что буквальное «*следование путем Христа*» делает людей слабыми и неспособными устраивать свои дела. Если бы стремление к славе, власти и богатству не гнало нас вперед, самые лучшие из нас отошли бы от мирской суеты и углубились в усовершенствование своей бессмертной души, оставив ложь и лицемерие бренному миру?

Но, уже подойдя опасно близко к ереси, Макиавелли делает шаг назад – он не отрицает благости христианства.

Вместо этого он предлагает своим читателям парадоксально поставленный вопрос: почему «хорошее» так противоречит «полезному»?

V

Его «Рассуждения», в сущности, представляют собой развернутый комментарий к «Государю», только «Государь» писался наскоро и как материал полемический и заостренный, а над «Рассуждениями» Макиавелли работал примерно с 1513 года и по крайней по мере по 1517-й. Текст книги, скорее всего, обсуждался в садах Ручеллаи – у Никколо Макиавелли там было немало почитателей. Он даже называл их сообщество своими «*полуденными друзьями*».

Однако «Рассуждения» – это не просто более развернутый текст «Государя», есть и серьезные отличия. Одно из них совершенно очевидно – Тит Ливий повествует о той стадии римской истории, когда Рим все еще был республикой, и Макиавелли тоже занят здесь устройством республик, а не действиями государей.

Начинает он довольно банально – говорит о трех типах правления, посредством «самодержавия», посредством «аристократии» и посредством «народа» – находит в каждом из них свои плюсы и свои минусы и говорит далее, что они склонны вырождаться. И тогда самодержавие становится тиранией, аристократия – олигархией, а правление народа становится хаотической властью толпы. Это все известные вещи – их обсуждали еще греки по крайней мере со времен Аристотеля.

Однако дальше Макиавелли делает интересный поворот – он утверждает, что хорошие законы Римской республики были введены не сразу, а стали результатом гражданских смут и несогласий. «Аристократия» не смогла победить «народ» – патриции не пересилили в Риме плебеев, – и в результате был найден компромисс, весьма несовершенный, но который устраивал обе стороны.

Сенат сохранил власть, но она была умерена народными трибунами – и обе стороны, «народ» и «аристократия», находили нужным следить за тем, чтобы консульская, «самодержавная» часть государственной власти Рима, была и временной, всего на один год, и разделенной между двумя лицами. Что же до свар между аристократией и народом, то они даже полезны. Послушаем его самого:

«…Я утверждаю, что осуждающие столкновения между знатью и плебсом порицают, по-моему, то самое, что было главной причиной сохранения в Риме свободы; что они обращают больше внимания на ропот и крики, порождавшиеся такими столкновениями, чем на вытекавшие из них благие последствия;

и что наконец они не учитывают того, что в каждой республике имеются два различных умонастроения – народа и знати, и что все законы, принимавшиеся во имя свободы, порождались разногласиями между народом и грандами…» [3].

Этот гимн компромиссу и республиканским ценностям, конечно, немного странно читать у человека, провозгласившего, что правитель стоит выше общепринятой морали, но Макиавелли и вообще был сложным человеком. Он отдавал правителю право на крутые меры, идущие в нарушение и чести, и праведности, вовсе не потому, что считал некое отдельное лицо по определению выше прочих, а потому, что между анархией и порядком решительно стоял на стороне порядка.

Чезаре Борджиа ставилось в похвалу не само по себе убийство его мятежных командиров, а тот факт, что мятеж был подавлен без малейших колебаний. Командиры были мятежники, их действия по необходимости вели к резне в Романье – следовательно, с точки зрения Макиавелли, любые действия против них были оправданны.

Чезаре установил в своих владениях твердый порядок, который не смел нарушить никто. Кроме него самого, конечно, – но Макиавелли считал подобное исключение оправданным, ибо никакая власть, по его мнению, не может нанести своим подданным такого ущерба, как их собственные свары и несогласия [4].

Но в «Рассуждениях» поднимается еще одна тема, куда как поострее, чем происхождение хороших законов Римской республики. В «Государе» Макиавелли этой темы лишь слегка коснулся, а вот в «Рассуждениях» у него было побольше времени и побольше пространства для того, чтобы углубиться в затронутый им вопрос.

Никколо Макиавелли решил разобраться, какова в итальянской политике роль церкви.

VI

Начинает он, что называется, издалека и делает реверанс в сторону религии – утверждает, что древний римский царь Нума был бы без нее как без рук: «*…Найдя римский народ до крайности диким и желая заставить его подчиняться нормам общественной жизни посредством мирных средств, Нума обратился к религии как к вещи совершенно необходимой для поддержания цивилизованности и так укоренил ее в народе, что потом в течение многих веков не было республики, в которой наблюдалось бы большее благочестие; оно-то и облегчило как римскому Сенату, так и отдельным великим римлянам осуществление всех задумываемых ими предприятий*».

Как мы видим, религия рассматривается сугубо с прагматической точки зрения как средство сплочения населения, помогающее задачам правления:

«*Кто хорошо изучит римскую историю, увидит, насколько религия помогала командовать войсками, воодушевлять плебс, сдерживать людей добродетельных и посрамлять порочных*».

В общем, все вполне в рамках дозволенного – в конце концов, царь Нума не христианин, а язычник, чего же от него и ожидать?

Но дальше Макиавелли переходит уже к делам «*поближе к дому*», связанным с христианской религией, – и находит, что тут, увы, наблюдается упадок:

«*Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее, чем они оказались в наше время. Невозможно представить большего свидетельства упадка религии, нежели указание на то, что народ, находящийся ближе всех к римской церкви, являющейся главой нашей религии, наименее религиозен*».

То есть итальянцы из всех народов Европы наименее религиозны? И именно потому, что они ближе всех к римской церкви? Надо полагать, это заявление производило немалое впечатление на современников Макиавелли, но и этого ему мало, потому что буквально в следующей строке он говорит, что причина этому ясна – церковь и вера находятся в упадке, потому что они отступили от древних образцов благочестия:

«*Тот, кто рассмотрит основы нашей религии и посмотрит, насколько отличны ее нынешние обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям*».

Такого рода пророчества вообще-то могут рассматриваться как подрывная литература, не правда ли?

VII

Казалось бы, понятно, что все вышесказанное может повлечь за собой большие неприятности? Но Макиавелли не унимается, а продолжает свои рассуждения:

«*Дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия и всякой религии, что повлекло за собой бесчисленные неудобства и бесконечные беспорядки, ибо там, где существует религия, предполагается всякое благо, там же, где ее нет, надо ждать обратного. Так вот, мы, итальянцы, обязаны церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле*».

И мало этого – не только дурные примеры пап и папской курии подорвали авторитет религии в Италии, но и сама по себе политическая роль папства оказалась губительной:

«*Мы обязаны им еще и гораздо большим, и сие – вторая причина нашей погибели. Церковь держала и держит нашу страну раздробленной. В самом деле, ни одна страна никогда не бывала единой и счастливой, если она не подчинялась какой-нибудь одной республике или же какому-нибудь одному государю, как то случилось во Франции и в Испании. Причина, почему Италия не достигла того же самого, почему в ней нет ни республики, ни государя, которые бы ею управляли, – одна лишь Церковь».*

Макиавелли находит, что дело тут не в отдельных ошибках того или иного папы – нет, дело гораздо хуже:

«Укоренившись в Италии и присвоив себе светскую власть, римская церковь не оказалась ни столь сильной, ни столь доблестной, чтобы суметь установить собственную тиранию надо всей Италией и сделаться ее государем; с другой стороны, она не была настолько слаба, чтобы, боясь утратить светскую власть над своими владениями, не быть в состоянии призывать себе на подмогу могущественных союзников, которые защищали бы ее против всякого народа и государства, становящегося в Италии чрезмерно сильным…»

И приводит совершенно конкретные примеры того, как церковь раз за разом решала политические проблемы Папской области, призывая на землю Италии иноземцев:

«*В наше время она* [Церковь]*подорвала мощь венецианцев с помощью французов, а потом прогнала французов с помощью швейцарцев. Таким образом, не будучи в силах овладеть всей Италией и не позволяя, чтобы ею овладел кто-нибудь другой, церковь была виновницей того, что Италия не смогла оказаться под властью одного владыки, но находилась под игом множества*

господ и государей. Это породило столь великую ее раздробленность и такую ее слабость, что она делалась добычей не только могущественных варваров, но всякого, кто только ни желал на нее напасть...

Всем этим мы, итальянцы, обязаны церкви, и никому иному».

Вот какого рода беседы велись в садах Орти Оричеллари, и вот какого рода тексты писались Никколо Макиавелли для людей, ими владеющих.

VIII

И он при этом изо всех сил старался понравиться Медичи – что довольно парадоксально. Как-никак, начиная с 1513 года, основой их могущества было обладание папским престолом.

Но сам Макиавелли, по-видимому, никакого парадокса в своем стремлении послужить папе римскому в сочетании с негативным взглядом на папство не видел.

У него была страсть – история, – и у него было ремесло, которое сейчас назвали бы «политический анализ». Ремеслом своим он занимался с большим успехом, используя при этом знания, которые подарила ему его страсть, и, находясь на службе Республики Флоренции, делал это целых 14 лет. Он хотел – даже очень хотел – применить свое умение на пользу и себе, и заказчику. А если бы таким заказчиком стал папа римский Лев X – тем лучше.

В этом смысле Макиавелли был типичным флорентийцем, на свой лад – не хуже Лоренцо Великолепного. Тот вполне мог сочетать вкус и к истинно языческим картинам Сандро Боттичелли, и стремление дать своему 13-летнему сыну Джованни кардинальский сан.

А то, что это делается в рамках иерархии христианской церкви, отрицающей язычество, – ну, это мелкая подробность, связанная с деталями реальной жизни. Он не видел в этом ни малейшего противоречия. Если что и сближало двух флорентийцев – Никколо Макиавелли, который полгода жил с семьей на 60 флоринов, и Лоренцо Медичи Великолепного, способного потратить 60 тысяч флоринов на одну только поездку в Неаполь, в гости к королю Ферранте, – так это их отношение к мессе. И тот, и другой ходили в церковь, на богослужение, пожимая плечами и со словами: «*Ну что же, отдадим дань этому распространенному суеверию!*» – которые, однако, они вслух не произносили.

Оба они были не только скептиками, но и реалистами.

IX

Из вышесказанного понятно, что к папскому двору Льва X Макиавелли со своими «Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли не обращался. Он, собственно, и со своей «Мандрагорой» туда не совался – за него это сделали другие. Комедия была озорной, совершенно в его духе и написал он ее для своих приятелей по садам Ручеллаи, «*друзьям прохладной тени*», как он их иногда называл. Подробный пересказ «Мандрагоры» включен в «Приложения», а здесь ограничимся просто фабулой: некий жадный и глупый скупец женат на молодой и красивой женщине и страстно мечтает стать отцом, но у него это никак не выходит. Юноша, влюбленный в эту даму, охотно помог бы разрешить проблему, но, к несчастью, его возлюбленная благочестива и добродетельна. Ну, как и положено в комедиях, в конце концов все благополучно улаживается – хитроумный юноша находит способ устроить так, что он все-таки оказывается в постели своей красавицы, муж ее великолепным образом обманут, а все дело помог уладить пройдоха-монах – за деньги, конечно.

Написано это все очень смешно.

Например, там есть уморительный диалог между некоей женщиной-вдовой и монахом, продающим индульгенции. Эти бумаги способны снять прегрешения не только с живых, но даже и с усопших, пребывающих в Чистилище или в Аду. И вот вдова хочет купить своему покойному муженьку отпущение за прегрешение, о сути которого она говорить никак не хочет. Правда, говорит доброму брату-продавцу индульгенций, что она-то сознавала всю греховность деяния, но ее покойный муж уж так настаивал, так настаивал – ну не могла она ему отказать...

А потом она вдруг переводит разговор на турок – правда ли, что они могут вторгнуться в Италию? Не смогут, говорит ей монах, если мы будем молиться и загодя купим себе отпущение грехов. Но вдова продолжает беспокоиться, ибо больше всего ее страшит турецкий обычай насаживания их недругов прямо задом – и на кол...

И аудитория, состоявшая из князей церкви и высших прелатов, просто помирала со смеха, потому что связь между словами вдовы о неназванном грехе ее покойного супруга и турецким обычаем насаживания на кол была им совершенно ясна – речь шла об анальном сексе, запрещенном церковными постановлениями как «содомия».

Тут, кстати, можно сделать попутное замечание: Никколо

Макиавелли в 1510 году был обвинен в том, что, будучи в связи с куртизанкой Лукрецией Ла Рочча, занимался с ней, помимо прочего, еще и анальным сексом и, следовательно, «*виновен в содомии*». Ну, в 1510 году Макиавелли был не последним среди граждан Республики Флоренция, обвинение было анонимным и даже, пожалуй, в принципе недоказуемым – кто, кроме Лукреции Ла Рочча, мог знать такого рода подробности? А она была не дурой, чтобы обвинить своего любовника в деле, в котором она сама была бы соучастницей – так что делу не дали хода, и все так и кончилось ничем.

Отметим к тому же, что отношения Лукреции и Никколо не сводились только к товарно-денежным – даже после того, как Никколо был низвергнут со своего административного Олимпа и у него уже не было и лишнего гроша, его подруга от него не отвернулась. В отличие от очень и очень многих, она по-прежнему охотно принимала у себя отставного секретаря Макиавелли и даже дарила ему иной раз радости телесной любви – когда у нее было свободное время.

Ну, что сказать? Пьесу Макиавелли сейчас особо не ставят и знакомиться с ней можно в основном только посредством чтения. Знание всех этих вышеописанных внешних обстоятельств делает текст еще забавней. Но иногда возникает и другое чувство.

Вот пример: монах в комедии уговаривает добродетельную красавицу склониться на уговоры и принести своему мужу ребенка, а своему любовнику – счастье и наслаждение. И что перед этим такие пустяки, как супружеская измена?

И монах говорит колеблющейся красавице следующее: «*Ваша цель – попасть в Рай и ублаготворить мужа*».

И добавляет: «*А главное при оценке любых действий – конечная цель*».

Кажется, что говорит это вовсе не персонаж пьесы, а ее автор, Никколо Макиавелли, с его обычной иронической улыбкой…

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Джулио ди Медичи родился в 1478 году. Был внебрачным сыном Джулиано Медичи (брата Лоренцо Великолепного) и Фьоретты Горини.

2. Публий Овидий Назон (лат. Publius Ovidius Naso) – древнеримский поэт, работавший во многих жанрах, но более всего прославившийся любовными элегиями и двумя поэмами – «Метаморфозами» и «Искусством любви».

3. Никколо Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», глава IV.

4. Тезис Макиавелли о том, что власть, охраняющая установленный порядок, по определению не может нанести обществу ущерба большего, чем само общество может нанести себе смутами, сохранял свою силу вплоть до 30-х годов XX века. То есть до установления в Европе тоталитарных империй. Никколо Макиавелли был очень проницательным человеком, но феномена появления таких людей, как Гитлер или как Сталин, не предусмотрел даже он.

О силе проповеди и о том, сколь необоримой она бывает, 1517—1520

I

Покуда в Италии двор Льва X занимался разнообразными развлечениями, в Германии случилось нечто очень значительное. Но началось все с действий лица весьма незначительного, занятого исключительно торговлей.

Иоганн Тецель был прирожденным торговцем, и при этом торговцем огромного дарования. Жизнь его сложилась так, что он стал не купцом, а монахом-доминиканцем, но и в этой сфере он развернулся с поистине артистическим размахом. Талант есть талант...

Чего стоили, например, его рифмованные двустишия [1], в которых он рекламировал свой товар:

> Звякнет денежка о дно —
> и Спасение дано.

Торговал же он именно что спасением душ из Чистилища и имел на это занятие должным образом выправленную лицензию: начиная с января 1517 года, он с папского дозволения продавал индульгенции по всей провинции Магдебург. Все было вполне официально – когда он приближался к какому-нибудь городу, его встречали представители местных властей и сопровождали к рыночной площади, куда он следовал во главе целой процесии. Впереди несли крест, знаки папской власти в виде скрещенных ключей и заверенную папской Канцелярией копию буллы папы римского, Льва X, провозглашающую отпущение грехов всякому грешнику, который внесет деньги на строительство и украшение базилики Святого Петра в Риме, которой надлежало стать храмом веры, не имеющим себе равного в пределах всего христианского мира.

На площади воздвигалась кафедра, клерки раскладывали впечатляюще выглядевшие пергаментные свидетельства об отпущении грехов – и брат Иоганн начинал свою смиренную проповедь. Он взывал к разуму своих слушателей и просил их трезво взвесить свои собственные интересы. Он просил их поразмышлять об опасностях, которым подвергаются их бессмертные души, изнемогающие под тяжестью совершенных ими грехов. Ведь им придется изнемогать в муках Чистилища десятки, а то и сотни лет, прежде чем они смогут достигнуть желаемого Спасения и вознестись на Небеса.

Но есть, есть надежда, ибо папа римский готов прийти к ним

на помощь. Всякий, кто покается в своих грехах и внесет вклад в дело строительства храма Святого Петра, может не только спасти свою душу, но и помочь бедным своим родственникам, уже скончавшимся и в силу этого не сумевшим воспользоваться папской милостью:

«*...Пожалейте же ваших отцов и матерей, чьи души взывают о Спасении, стеная в страшных муках в Чистилище! Они породили вас, вскормили, оставили вам все свои земные блага и владения. Неужели вы оставите их страдать в терзающих их языках пламени?*»

В общем, торговля брата-доминиканца Иоганна Тецеля шла самым бойким образом. И все было хорошо – до тех пор, пока 31 октября 1517 года на двери Замковой церкви в Виттенберге (административный центр княжества Саксония) не был вывешен для всеобщего сведения документ, написанный на латыни доктором теологии, монахом-августинцем Мартином Лютером. Документ получил название «95 тезисов».

На строго теологической основе доктор Лютер утверждал, что покаяние, к которому призывает Иисус Христос, совершается не в акте таинства, но длится всю жизнь христианина и заканчивается оно только с вхождением в Царствие Небесное. Истинное отпущение грехов совершает не римский папа, а сам Бог.

И вообще, Мартин Лютер полагает, что на небо следует всходить не деньгами, а скорбями.

II

Надо сказать, что никакого особого шума вокруг тезисов Лютера поначалу не возникло. В конце концов, Виттенберг хоть и служил административной столицей Саксонии, но проживало в нем не больше двух тысяч человек, значение городу придавало только то, что в нем размещалась резиденция Фридриха III, мудрого государя, который основал в Виттенберге университет.

Шум начался, когда Иоганн Тецель оспорил сказанное доктором Лютером.

Тягаться со своим ученым оппонентом в богословии он никак не мог и оспаривать его положения тезис за тезисом тоже не решился. Вместо этого монах-доминиканец использовал аргумент убойной силы – поскольку папа освятил его торговлю своим благословением, то, вне всяких сомнений, спасение души зависит от покупки индульгенции, и доказывать тут ничего не надо, потому что все, сказанное папой, уже истина – или становится ею, как только папа выскажется.

А тот, кто подвергает слова папы сомнению, есть еретик, и с ним будет поступлено соответственно. А поскольку на сторону Иоганна Тецеля встал весь его орден доминиканцев, слова о ереси следовало принимать очень и очень серьезно. Орден был основан святым Домиником, отсюда и название.

Считалось, что у него двойное назначение: охранять церковь от ереси и просвещать мир проповедью истины. Герб ордена изображает собаку, которая несет во рту горящий факел – этим и созвучностью с латинским «*Domini canes*» обусловлено и еще одно, дополнительное название доминиканцев – «*Псы господни*» [2].

Орден счел своим долгом встать на сторону собрата. Тут надо сделать попутное замечание – все монашеские ордена действительно, без всяких шуток, защищали своих. До поры защищали даже Савонаролу – который, хоть и прогневал папу римского, но как-никак был доминиканец.

Так что шум поднялся основательный, вопрос очень быстро перешел из сферы чисто богословской уже в сферу политическую, и тут оказалось, что Мартин Лютер, доктор богословия и профессор Виттенбергского университета, вдобавок ко всем своим прочим качествам еще и политик.

Его тезисы были составлены так, что сомнению подвергались основания торговли индульгенциями брата Иоганна Тецеля, – но дело было еще и в том, что эта торговля проводилась только с согласия светских властей. И она не была разрешена в Саксонии. Всякий государь где бы то ни было в Европе стремился получить

некую долю в доходах, получаемых церковью в пределах его государства, и размер этой доли всегда был предметом торга между двором государя и папской курией. Скажем, могущественные короли Испании и Франции имели голос в выборе и назначении епископов в диоцезах на своей территории – и таким образом чисто церковные должности становились областью королевского патронажа, их жаловали только «нужным людям» [3].

Совершенно тот же принцип был в ходу при продаже индульгенций – за разрешение на торговлю ими в своих владениях светский государь получал от церковных властей определенную долю – и уж дальше он должен был взвесить все плюсы и минусы своего решения. С одной стороны, он получал определенную выгоду, получая часть доходов от продаж. С другой стороны, он как бы облагал своих подданных дополнительным налогом в пользу церкви.

В 1517 году Саксонией правил государь Фридрих III. И, как уже и было сказано, он торговлю теми индульгенциями, которые продавал Иоганн Тецель, в своих владениях не дозволил. Более того – ему очень не нравился тот факт, что его подданные ездили за ними во владения Альбрехта, архиепископа Майнцского [4] – отток звонкой монеты из его Саксонии был ему и убыточен, и неприятен.

В итоге доктор теологии Мартин Лютер в своем споре с доминиканцами оказался под защитой светской власти.

III

Однако примем во внимание еще и тот факт, что имелся документ «95 тезисов», истинность которых Мартин Лютер был готов защищать в ученом споре с любым богословом, рискнувшим принять его вызов. Таковых, кстати, не нашлось – но сами тезисы, даже без их детальной защиты, говорили сами за себя, и говорили чрезвычайно громко. В 1511 году Лютер побывал в Риме. Поездка произвела на него большое впечатление – более оглушительного контраста между заветами Христа и образом жизни римских кардиналов нельзя было и вообразить. Так что недостатка в убежденности у Мартина Лютера не было.

Документ начинался так:

«*Во имя любви к истине и стремления разъяснить ее, нижеследующее будет предложено на обсуждение в Виттенберге под председательством достопочтенного отца Мартина Лютера, магистра свободных искусств и святого богословия, а также ординарного профессора в этом городе. Посему он просит, дабы те, которые не могут присутствовать и лично вступить с нами в дискуссию, сделали это ввиду отсутствия письменно. Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь*».

А дальше следовал залп из всех орудий: Лютером утверждалось, что покаяние, к которому призывает Иисус Христос, совершается не в акте таинства, но длится всю жизнь христианина, и заканчивается оно только с вхождением в Царствие Небесное, что отпущение грехов совершает не римский папа, а Бог, что догмат о чистилище, которое как бы стирает значение смерти, неверен, что индульгенции недействительны, ибо лишь Бог (вернее, его произволение) ведает спасением и так далее. И вообще, цель индульгенций обретается не покупкой отпустительной грамоты, а искренним раскаянием (принцип «Sola fide» – «только верой») – ибо бесспорен приоритет слова Божия (лат. verbum dei) и Евангелия над индульгенциями.

«*Истинное сокровище Церкви – это пресвятое Евангелие*».

И уж кстати и заодно: у римского папы нет никаких особых прав отпускать грехи. В противном случае, почему он до сих пор не отпустил всем все грехи – просто так, по долгу христианина и доброте сердца?

Ну, и напоследок – знаменитое заключение, тезисы 94-й и 95-й:

«*Надлежит призывать христиан, чтобы они с радостью стремились следовать за своим главой Христом через наказания, смерть и ад. И более уповали многими скорбями войти на небо,*

нежели безмятежным спокойствием».

То есть спасение души состоит в следовании за Христом, если надо – и по пути, полному страданий. И купить его нельзя. В общем, немудрено, что весть о «95 тезисах» разлетелась по всему христианскому миру. Тезисы были сформулированы в октябре 1517 года, а уже в марте 1518 года их читал Томас Мор, живущий в Англии, далекой от германской Саксонии.

С точки зрения быстроты распространения информации, новоизобретенное книгопечатание все-таки делало чудеса.

IV

Томас Мор был не чета профессору заштатного университета – еще когда он учился в Оксфорде, его считали чудом света. В 1518 году его государь, король Англии Генрих VIII ввел Томаса Мора в свой Тайный совет. Наконец, с ним дружил сам Эразм, первый гуманист Европы, который даже посвятил ему свою знаменитую книгу «Похвала Глупости».

Предисловие к ней начиналось так: «*Эразм Роттердамский своему милому Томасу Мору – привет*». Играя на созвучии греческого слова «*Мория*» – «*глупость*», он посвящает ему свою книгу, но не как дураку, а как лицу, от глупости далекому:

«*...ибо, по общему приговору, ты от нее всех дальше... Хотя по исключительной прозорливости ума ты чрезвычайно далек от вкусов и воззрений грубой толпы, зато благодаря необыкновенной легкости и кротости нрава можешь и любишь, снисходя до общего уровня, играть роль самого обыкновенного человека. А значит, ты не только благосклонно примешь эту мою ораторскую безделку, эту памятку о твоем товарище, но и возьмешь ее под свою защиту; отныне, тебе посвященная, она уже не моя, а твоя*».

А дальше, все еще в предисловии, Эразм пишет своему другу:

«*Немало также увидишь в наш век таких богомолов, которые скорее стерпят тягчайшую хулу на Христа, нежели самую безобидную шутку насчет папы или государя, в особенности когда дело затрагивает интересы кармана*».

Книжка вышла и правда веселая, и досталось в ней решительно всем. Не обошел автор своим интересом и папство, и вот что он в своей книге написал о нем – разумеется, от лица Глупости:

«ГЛАВА LIX: *А верховные первосвященники, которые заступают место самого Христа? Если бы они попробовали подражать его жизни, а именно бедности, трудам, учительству, крестной смерти, презрению к жизни, если бы задумались над значением своих титулов – «папы», иначе говоря, отца и «святейшества», – чья участь в целом свете оказалась бы печальнее?*

Кто стал бы добиваться этого места любой ценою или, однажды добившись, решился бы отстаивать его посредством меча, яда и всяческого насилия? Сколь многих выгод лишился бы папский престол, если б на него хоть раз вступила Мудрость?

Мудрость, сказала я? Пусть не Мудрость даже, а хотя бы крупица той соли, о которой говорил Христос. Что осталось бы тогда от всех этих богатств, почестей, владычества, побед,

должностей… сборов, индульгенций, коней, мулов, телохранителей, наслаждений?..»

Вся эта глава полностью приведена в приложениях, но – поверьте мне на слово – там и дальше текст ничуть не мягче. Вот еще один отрывок:

«*Как будто могут быть у церкви враги злее, нежели нечестивые первосвященники, которые своим молчанием о Христе позволяют забывать о нем, которые связывают его своими гнусными законами, искажают его учение своими за уши притянутыми толкованиями и убивают его своей гнусной жизнью.*

Поскольку христианская церковь основана на крови, кровью скреплена и кровью возвеличилась, они по сей день продолжают действовать мечом, словно нет больше Христа, который сам защищает своих верных.

И хотя война есть дело до того жестокое, что подобает скорее хищным зверям, нежели людям, до того безумное, что поэты считают ее порождением фурий, до того зловредное, что разлагает нравы с быстротою моровой язвы, до того несправедливое, что лучше всего предоставить заботу о ней отъявленным разбойникам, до того нечестивое, что ничего общего не имеет с Христом, – однако папы, забывая обо всем на свете, то и дело затевают войны».

Как мы видим, Эразм Роттердамский идет далеко и совершенно уверен, что его «*милый Томас Мор*» вполне его поддержит. Оба они и в самом деле негодовали на искажение веры Христовой – в конце концов, примеры папы Александра VI Борджиа или воинственного папы Юлия II были более чем красноречивы. Но все же «Похвала Глупости» никаких вопросов ребром не ставила. По слухам, ее охотно читал папа Лев X – истинный Медичи, он никаких противоречий между веселым искусством Эразма и папскими прерогативами не находил. Смеялся при чтении «Похвалы Глупости», посвященной ему вовсе не случайно, и Томас Мор.

Но вот в «95 тезисах» доктора Мартина Лютера ничего смешного он не нашел.

V

События, разворачивающиеся вокруг «95 тезисов», набирали и размах, и обороты. В конце 1517 года против Лютера было выдвинуто обвинение в ереси и в поношении папского достоинства – и сделал это не какой-то там монах-доминиканец, торговец индульгенциями, а высокий прелат церкви, Альбрехт, архиепископ Майнцский. Дело довольно быстро дошло до папы Льва X, который счел все это пустой ссорой между монахами доминиканского и августинского орденов и велел главе ордена августинцев призвать заблудшего собрата к порядку. Папа к тому же направил в Германию кардинала Каэтани – разбираться в этой дурацкой склоке.

Кардинал встретился с Лютером в Аугсбурге, и в октябре 1518-го у них состоялась серьезная дискуссия. Лютер, как и положено смиренному служителю церкви, простерся перед кардиналом ниц – но это была единственная уступка, которую он сделал. Он пообещал, правда, отречься от своих слов, если его убедят в их неверности – но штука-то и была в том, что это было невозможно: Лютер ссылался на незыблемый авторитет – на Евангелия.

Авторитету церковной иерархии, приказу свыше и аргументу «*это не твоего ума дело*» он подчиняться отказывался. Кардинал задал ему вопрос: «*Как может смертный быть уверен в своем спасении без заступничества со стороны церкви, просто на основе своего личного раскаяния?*» И получил в ответ страстную тираду: *«Как можно верить в действенность заступничества церкви, если все основано только и исключительно на личном раскаянии?»*

Из этого их диалога, в общем, ничего не вышло – а пока суд да дело, Мартин Лютер опубликовал уже детальную защиту своих тезисов. На что последовало опровержение «Тезисов», написанное знаменитым богословом фон Экком.

В июне 1519 года в Лейпциге между Лютером и фон Экком состоялся знаменитый публичный диспут. Страсти в ходе диспута разгорелись еще сильнее, потому что Лютер теперь уже отверг не только авторитет папства, но и авторитет Соборов, утверждающих положения официальной доктрины церкви. Но если власть не исходит ни от папы, ни от церковного собора, от кого же она тогда исходит? Вот что по этому поводу мы можем почерпнуть из энциклопедии:

«*В Лейпциге Лютер был вынужден публично признать, что он уже давно пришел к мысли о том, что власть исходит лишь от самой Библии. Человеку, чтобы дойти до истины и, следовательно,*

спасти свою душу, не нужен папский престол с его несметными богатствами и роскошью, сопутствующей должности, его ритуалами и догмами».

Дальше началось нечто невероятное. Лютер взялся за перо. Считается, что в течение его жизни вышло в свет около четырех тысяч различных изданий его произведений. Треть всего, что печаталось в Германии в то время, было написано им. Между 1518-м и 1520-м подробное изложение его защиты «95 тезисов» было напечатано 22 раза. Три десятка памфлетов, написанных им еще более резко, вышли в свет и выдержали 370 изданий общим тиражом в четверть миллиона копий. Его памфлет: «*Обращение к германскому дворянству*» был напечатан 13 раз в одном только 1520 году, и первое издание этой вещи числом в 3000 копий разошлось за неделю [5].

Само собой, такое словоизвержение не осталось без ответа – у Лютера теперь, кроме ожесточенных врагов, появились и пламенные сторонники. И те, и другие печатали свои памфлеты, которые зачитывались вслух, и не только на площадях, но иной раз и с церковных кафедр. Однако нам надо перейти сейчас от дел церковных и общественных к делам сугубо политического характера.

В 1519 году был избран новый император Священной Римской империи, Карл V.

VI

Тут надо остановиться и несколько отойти в сторону. Жила в Испании во времена Лоренцо Великолепного молодая и прекрасная принцесса Изабелла, и она в 18 лет по большой любви и без разрешения своего брата, короля Кастилии, тайно обвенчалась со своим кузеном, Фердинандом, принцем Арагонским. Браки между родственниками могли быть заключены только с папского позволения, а поскольку брак был тайным, то простить его было невозможно – и в итоге разрешение церкви попросту сфабриковали. Ну, с официальным разрешением, выданным задним числом, помог папа Сикст IV. Если вы глянете в начало этой книги, вы увидите, что его содействие заговору Пацци стоило жизни брату Лоренцо Великолепного, Джулиано, да и сам Лоренцо не отправился на тот свет просто чудом. Но к Фердинанду и Изабелле, как мы видим, папа Сикст отнесся самым дружеским образом.

В 1475 году Фердинанд как король Арагона и Изабелла как королева Кастилии и Леона оказались правителями Испании, и правили они долго и успешно. Благодаря их браку в одной семье объединились две короны – Арагонская и Кастильская. В 1492 году, пожалуй, значительнейшем в истории Испании, совместилось несколько крупнейших событий: взятие Гранады, обозначившее конец мусульманскому присутствию в Испании, и открытие Колумбом Америки, которое положило начало безмерному могуществу испанской короны. Папа римский Александр VI Борджиа, тоже знакомый нам по страницам этой книги, нарек Фердинанда и Изабеллу «католическими королями» – как-никак они изгнали из своей страны и мавров, и евреев, и учредили святую инквизицию.

После смерти Изабеллы король Фердинанд продолжал править и Арагоном как король Арагона, и Кастилией как регент при своей дочери, Хуане Безумной [7]. Правителем он оказался замечательным – настолько замечательным, что Никколо Макиавелли включил его деяния в своего «Государя» как образец для подражания:

«*Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. Из нынешних правителей сошлюсь на Фердинанда Арагонского, короля Испании. Его можно было бы назвать новым государем, ибо, слабый вначале, он сделался по славе и блеску первым королем христианского мира, и все его действия исполнены величия, а некоторые поражают воображение».*

И далее Макиавелли в деталях рассказывает о деяниях короля Фердинанда – и о его военном завоевании Гранады, и о том, как он увлек за собой бунтующих кастильских баронов, и о том, как на деньги церкви создал армию, с помощью которой он подчинил знать, и о том, как ловко он внедрился в Италию, безжалостно изгнав своих родственников, королей Неаполя и отобрав у них их королевство, – короче говоря, Никколо Макиавелли полон восхищения:

«*Так он обдумывал и осуществлял великие замыслы, держа в постоянном восхищении и напряжении подданных, поглощенно следивших за ходом событий. И все эти предприятия так вытекали одно из другого, что некогда было замыслить что-либо против самого государя*».

Но, как известно, люди смертны, и в 1516 году король Фердинанд умер.

Ему наследовал его старший внук, ставший и королем Арагона (со всеми его итальянскими завоеваниями), и регентом Кастилии при своей безумной матушке – со всеми заморскими владениями кастильской короны. А поскольку после отца он унаследовал и бургундские владения в теперешних Бельгии и Голландии и собирался выставить свою кандидатуру на выборах императора Священной Римской империи, в чем ему активно помогал император Максимилиан, его дед, то папе Льву X надо было очень серьезно подумать, как ему держаться относительно Карла V и его надежд. Ситуация для папства создавалась очень серьезная – один и тот же правитель и в Германии, и в Испании, и в южной Италии был бы опасен.

Надо было помешать избранию Карла V – и, как ни странно, это обстоятельство отразилось на судьбе Мартина Лютера.

VII

Папе Льву в момент ожидания выборов императора очень не хотелось создавать лишние осложнения в Германии, – а степень популярности Лютера он уже знал. К тому же из множества государей Германии право подавать голос за ту или иную кандидатуру имели только шесть так называемых электоров – и Фридрих III, патрон Мартина Лютера, был один из них, и ссориться с ним было уж и вовсе не с руки. Поэтому в Саксонию был послан личный представитель папы, и инструкции ему были даны такие – любой ценой уладить конфликт, предложить Лютеру самые необременительные условия покаяния, а его противника, Иоганна Тецеля, немедленно приструнить.

Увы, ничего из этих благих намерений Льва X не получилось – и Карл V, вопреки желаниям папы, был избран императором, и Мартин Лютер от компромиссных решений отказался. В общем, стало понятно, что мягкими мерами ничего не добьешься. С новым императором волей-неволей пришлось договориться, а против Лютера были двинуты лучшие силы пропагандистов церкви. В эту идеологическую войну с огромным энтузиазмом включился король Англии, Генрих VIII. Папа Лев X даже пожаловал ему титул «защитника веры». Подданный короля Генриха, Томас Мор делал все, что только мог, мобилизуя общественное мнение против учений Лютера.

Недостатки церкви он видел не хуже боевитого виттенбергского теолога, но смотрел он подальше, чем тот: ведь если ни папа, ни вселенские церковные Соборы не являются конечными авторитетами, а все дело только в личной совести христианина и в его толковании Евангелия, то толкований Евангелия вскоре будет столько же, сколько христиан – и тогда конец единству всего христианского мира. Интересно, что примерно то же самое думал Карл V. И ему не хотелось ссориться с государями Германии, поддержавшими Лютера, и папа римский никаких симпатий у него не вызывал, и к авторитету церкви он относился без особых восторгов, но все же и проповедь нового учения ему не нравилась: он понимал, что распространение лютеранских идей неизбежно ведет к расколу империи.

Священная Римская империя германской нации была очень рыхлым государственным организмом, в нее входило 230 политических единиц с самым разнообразным внутренним устройством – от имперских городов до княжеств, возглавляемых архиепископами.

А Лютер не унимался – он пылал праведным гневом

«*защитника истинного слова Господня*» и предложил созвать церковный Собор для обсуждения сложившейся ситуации. И пошел даже и еще дальше – призвал игнорировать эдикты папы и начать программу преобразований церкви совершенно самостоятельно.

Папа Лев X был человеком миролюбивым. Однако в серьезной ситуации он мог действовать весьма решительно. Мы, собственно, уже знаем, как в 1512-м он сумел сокрушить режим Пьеро Содерини во Флоренции, но можно привести пример и посвежее. В 1520 году ему пришло в голову, что властитель Перуджи, Джампаоло Бальони, ведет себя как-то сомнительно.

Джампаоло, собственно, был бандитом с территориальными владениями, одно время служил Чезаре Борджиа, а потом выступил против него вместе с мятежными кондотьерами – но, на свое счастье, избежал ловушки, в которую они попали. Уцелел он и еще раз – когда после ссоры с папой Юлием II вовремя покаялся. Но вот когда папа Лев X заподозрил его в заговоре, идущем во вред интересам семьи Медичи, и вызвал его в Рим, он почему-то принял приглашение.

Его арестовали прямо сразу и после пары месяцев заключения 21 июня 1520 года безо всяких церемоний отрубили голову.

А за шесть дней до этого незначительного события – казни заподозренного в заговоре властителя Перуджи – папа Лев издал буллу, «Exsurge, Domine» (букв. «Восстань, Господи!»; издана 15 июня 1520 года), осуждающую действия Мартина Лютера и угрожающую ему отлучением от церкви.

В свое время этого хватало за глаза: Савонаролу, в известной степени предшественника Мартина Лютера, как известно, без особых церемоний удавили, и тело его сожгли, и прах его развеяли по всем ветрам…

Но с 1498-го прошло уже 22 года, примерно жизнь целого поколения. Времена изменились, да и Германия, «*жаждавшая чистой веры*», была не Италия. 10 декабря 1520 г. Лютер и группа его студентов в Виттенберге публично, перед Эльстернскими воротами, сожгли папскую буллу. Доктор теологии Мартин Лютер бросал открытый вызов на бой – и даже не папе Льву X Медичи, а всему папству, всей иерархии церкви в целом, всем ее прелатам, кардиналам и епископам…

Он поистине верил в слово Господне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Немецкого текста этого двустишия я не нашел, но в английском переводе оно выглядит так: «*when the coin in the coffer rings, a soul from Purgatory springs*», в подстрочном переводе: «*когда монетка зазвенит в кружке, душа выпрыгнет из Чистилища*». Источник: биография Мартина Лютера, Out of the Storm, by Derek Wilson, page 89. Русский вариант этой рекламной считалки за неимением других переводов я написал сам.

2. Дерек Уилсон, автор вышедшей в 2008 году биографии Мартина Лютера, называет орден Святого Доминика «*функциональным эквивалентом КГБ*» – только не России, конечно, а католической церкви. Можно легко посчитать, что Дерек Уилсон в своих сравнениях хватил через край – но как-никак инквизицию в Испании возглавлял доминиканец, Томас Торквемада.

3. В результате даже отлучение папой французского короля от Церкви становилось не столь уж страшным наказанием – идея «галликанской» церкви, более или менее независимой от Рима, во Франции была очень в ходу. В 1516 году папа Лев X и король Франции Франциск I подписали в Болонье конкордат: Франция отказывалась от тезиса о приоритете галликанской церкви над папством, но король сохранял право пожалования церковных бенефициев и сбора доходов с епархий.

4. Альбрехт – второй сын в семье курфюрста Иоганна Бранденбургского и его супруги Маргариты Саксонской. В 1506 году был возведен в сан священника и в возрасте 23 лет стал архиепископом магдебургским. В 1517 г. Альбрехт проводил объявленную папой Львом X продажу индульгенций. Половина прибыли от нее передавалась в Рим на строительство собора Святого Петра, а вторая половина шла ему самому.

5. Сведения о тиражах сочинений Мартина Лютера взяты из авторитетной книги, «The Reformation», edited by Pierre Chaunu, St. Martin Press, New York, 1986, page 95.

6. Католические короли (исп. Los Reyes Católicos) – устоявшееся наименование двух испанских монархов-супругов: королевы Изабеллы I Кастильской (1451—1504) и короля Фердинанда II Арагонского (1452—1516), свадьба которых в 1469 году положила основу объединению королевств Арагона и Кастилии и Леона, которое, в свою очередь, привело к созданию современной Испании.

7. Хуана I Безумная (исп. Juana I la Loca, 1479—1555, Иоанна Безумная) – королева Кастилии с 1504-го, номинально – до своей

смерти в 1555 году. Супруга герцога Бургундского Филиппа Красивого, после его смерти сошла с ума и была заключена в монастырь, и за нее правили ее отец и старший сын.

Никколо Макиавелли и его мелкие разовые поручения...

I

Ну, на фоне грандиозных событий в Германии, пришедшихся на 1520 год, удача, выпавшая на долю Никколо Макиавелли 20 марта этого года, выглядит очень скромной. Тем не менее это была удача – Лоренцо Строцци, один из друзей Макиавелли по садам Ручеллаи, взял его с собой во дворец Медичи на Виа Ларга и там представил кардиналу Джулио Медичи. Кардинал был незаконным сыном Джулиано Медичи, того самого, убитого в церкви в 1478-м во время заговора Пацци, и вырос он с сыновьями Лоренцо Великолепного. Он был не только кузеном Джованни Медичи, но и его близким другом и советником, и после того, как Джованни стал папой римским, Львом X, он немедленно произвел Джулио в архиепископы Флоренции и дал ему место в конклаве кардиналов.

Кардинал Джулио был папе Льву больше чем другом и кузеном, он был ему и его брату Джулиано II почти братом, и к их племяннику Лоренцо относился как к своему. Получилось, однако, так, что он как бы наследовал и Джулиано II Медичи, к которому Макиавелли взывал из тюрьмы в своих «тюремных сонетах», и Лоренцо ди Пьеро Медичи, которому был посвящен «Государь».

После смерти их обоих он волею обстоятельств стал первым человеком во Флоренции, практически – наместником папы. Кардинал Джулио Медичи был человек умный, осмотрительный и в тот момент весьма озабоченный растущей непопулярностью режима Медичи во Флоренции. Флоренция все-таки так и не привыкла к правлению одной семьи.

В свое время Лоренцо Великолепный демонстрировал прямо-таки чудеса политической акробатики, доказывая всем и каждому, что он всего лишь «*один из многих*». Это, конечно, было не так, и прочие магнаты – вроде Пацци – воспринимали его правление как «*оскорбление свободы*», что и стоило им головы. Ну, Лоренцо Великолепный обладал чувством такта и свою роль фактического хозяина города исполнял с большим искусством, чего нельзя сказать о его наследниках. Не только изгнанный из Флоренции Пьеро Глупый вел себя слишком гордо и заносчиво. Но, как оказалось, и его младший брат Джулиано, и его сын, Лоренцо ди Пьетро, никаких выводов из факта падения Пьеро Глупого не сделали, и даже 18 лет изгнания рода Медичи из Флоренции – с 1494-го и по 1512-й – ничему их не научили, и вели они себя отнюдь не как «*частные граждане*».

В итоге режим Медичи стал терять популярность.

Кардинал Джулио задумал это как-то поправить. Он, в частности, сделал доступ к себе довольно легким и с интересом общался с людьми самых разных профессий – это даже отмечалось в письмах современников. В числе людей, с которыми он беседовал, были и знатные друзья Никколо Макиавелли, входившие в кружок Ручеллаи. Комедия «Мандрагора» попала в Рим через них.

Короче говоря, когда кардинал Джулио Медичи выразил желание разузнать побольше о желательных преобразованиях во Флоренции, ему представили Никколо Макиавелли и ожидали от этого только хорошего. Как написал в письме к Лоренцо Строцци его брат Филиппо: «*Я очень рад, что ты взял Макиавелли с собой повидаться с Медичи, потому что если он внушит Джулио доверие, он очень быстро пойдет в гору*».

Правда, не все смотрели на вещи в столь розовом свете. Вот что написал Филиппо де Нерли, тоже частый гость садов Орти Оричеллари:

«*Дзаноби Буондельмонте и даже Никколо Макиавелли говорили с кардиналом вполне откровенно – я видел их бумаги, которые они давали ему на рассмотрение, и он притворялся, что высоко их ценит… Он обманул и нарушил доверие людей слишком легковерных, демонстративно игнорируя советы, жалобы своих советников, которые предупреждали его об опасности*».

Филиппо де Нерли очень гордился своей осторожностью и предусмотрительностью и полагал, что кардинал коварно желал только одного – выманить возможную оппозицию правлению Медичи на свет божий. Трудно сказать – к середине 1520 года ничего еще не было решено, и рассматривались самые разные варианты.

А пока кардинал Джулио Медичи был со своими собеседниками вежлив и предупредителен.

II

В частности, кардинал попросил Никколо Макиавелли письменно изложить его взгляды на реформу системы правления Флоренции – и тот взялся за поставленную ему задачу с поистине юношеским пылом. Конечно, вовсе откровенно он все-таки не высказывался. Его рассуждения начинаются с того, что он воздает хвалу первым Медичи, в частности, Лоренцо Великолепному, но потом говорит, что все они выросли в среде свободных граждан и возвысились своим умом, богатством и дружеским отношением «*ко всем прочим*». Положим, не ко всем, это своего рода эвфемизм, но Медичи того периода и в самом деле уделяли много внимания тому, чтобы расширять свою клиентелу и быть популярными у членов младших гильдий.

Макиавелли прибавляет, что *«теперь, когда они выросли до подлинного величия, это делать уже труднее»* – вежливый намек на то, что краткое и столь недавнее правление сына Лоренцо Великолепного, Джулиано II, и его внука, Лоренцо II ди Пьеро де Медичи, было в этом смысле не столь удачным. И дальше он очень осторожно проводит мысль, что восстановление Республики – нет, не сейчас, а потом, когда и папа римский Лев X, да и сам кардинал Джулио Медичи уже сойдут со сцены, – было бы и правильным, и желательным.

Он говорит дальше, что есть разные типы республик и что для небольшого государства, живущего торговлей и ремеслом и построенного на том, что сейчас называли бы «*средним классом*», такая система была бы наилучшей.

По-видимому, это его работа и была теми «*бумагами*», о которых говорил Филиппо де Нерли. Ну, ходу им, конечно же, не дали – но, как ни странно, кардинал Джулио и впрямь проникся некоторой симпатией к Никколо Макиавелли. Во всяком случае, он дал ему пару поручений – и уже в мае 1520-го Никколо отправился в Лукку. О, дело вовсе не касалось высокой политики, ему просто надо было уладить дела нескольких богатых флорентийских кредиторов, чей должник оказался банкротом, но в любом случае Макиавелли просто схватился за возможность снова «*оказаться в седле*» и в прямом, и в переносном смысле этого слова.

Да, дело было мелкое, да, заработок был ничтожен – но он смог на несколько месяцев уехать из Флоренции, и не просто так, а по правительственному поручению. И у него даже оказалось на руках достаточно свободного времени для того, чтобы написать очень дельный обзор, посвященный теме ведения дел в городе

Лукка, и небольшую работу «Жизнь Каструччо Кастракани». Каструччо был отважным военачальником, который за пару веков до описываемых нами событий захватил власть в Лукке, – но важным было не это, а то, что на основе этой работы Заноби Буонельмонти предложил кардиналу Джулио поручить Макиавелли написать «Историю Флоренции». Это была поистине дружеская услуга – помимо престижа, доставляемого таким заказом, Никколо заработал бы еще и очень нужные ему наличные.

И что интересно – кардинал действительно решил так и сделать. В ноябре 1520 года был написан официальный контракт по принятой тогда формуле:

«*Такой-то (следует имя) нанимается на период в (столько-то) лет за плату в (столько-то) флоринов в год на условии, что он напишет анналы или, иначе, историю дел, сделанных государством и городом Флоренция, начиная с того времени, которое он сочтет подходящим, и на том языке – латинском или тосканском, – который подойдет ему больше*» [1].

Контракт был именно «написан», а не «подписан» – плата и срок не были оговорены, и подписи заказчика под контрактом еще не было.

III

До того как приняться за оговоренную уже работу над «Историей Флоренции», Макиавелли в мае 1521 года отправился в еще одну поездку – ему поручили представлять монахов-францисканцев Флоренции на общем собрании их ордена в городке Карпи в Романье. Задание было, надо сказать, довольно странным – ему поручили добиваться предоставления независимости францисканских монастырей Флоренции от «тосканского отделения» ордена. Казалось бы, куда лучше было бы поручить такого рода миссию духовному лицу, но еще в 1331 году могущественная гильдия торговцев шерстью (Arte della Lana) взяла на себя попечение о главном соборе Флоренции. Так что заодно она присвоила себе и множество других полномочий, и очень многие деловые переговоры вела сама, монахов в эти дела не вмешивая.

И вот гильдия-то и сочла Никколо Макиавелли подходящим человеком для ведения переговоров. Кроме того, ему вменялось в обязанность пригласить во Флоренцию известного проповедника, Фра Ровайо, для вразумления прихожан в специальной проповеди по случаю поста и воздержания.

Макиавелли считался чуть ли не атеистом даже и в не слишком богобоязненной по тем временам Флоренции, где «*огонь пламенной веры*» на манер Мартина Лютера не больно-то и пылал, но он взялся за него с таким энтузиазмом, что даже получил по этому поводу письмо-дразнилку от своего друга, Франческо Гвиччиардини [2].

В частности, там было написано следующее:

«...что и говорить, это действительно хороший выбор добрых попечителей Гильдии – доверить тебе выбор проповедника. Это примерно то же, как попросить Пачиротто (если бы он был все еще в живых) или Сер Сано найти прекрасную собой жену для кого-нибудь, к кому они расположены. Я уверен, что ты справишься с задачей в полном соответствии с их ожиданиями».

Шутка становится понятней, если знать, что оба лица, упомянутые Гвиччиардини в этом письме, были известными на всю Флоренцию гомосексуалистами, всячески избегавшими любого контакта с женщинами [3].

Вообще это путешествие Никколо Макиавелли по малозначительному делу в захолустье Романьи оказалось большой удачей для историков. Оно привело к интенсивной переписке между Гвиччиардини и Макиавелли. Сейчас они оба считаются крупнейшими политическими мыслителями своего

времени, а тогда они были просто два приятеля, только очень уж разные по своим жизненным обстоятельствам. Франческо Гвиччиардини был моложе своего друга на 14 лет и несравненно его богаче. Если в 1520 году Макиавелли изо всех сил добивался хоть какого-то, пусть и мелкого, поручения, то Гвиччиардини получил от папы римского должность губернатора Мантуи и Реджио с резиденцией в Модене, и получил он это без особого труда, как нечто должное.

Тем не менее этот высокомерный аристократ дружил с Макиавелли, и не «*сверху вниз*», а совершенно на равных. Во всяком случае, у себя в Модене он принимал его самым любезным образом. Им было о чем поговорить, и мнение друг друга они уважали и советовались друг с другом.

У них вообще были довольно замысловатые отношения, и лучше всего проиллюстрировать это на наглядном примере.

IV

Сохранилось письмо [4], направленное Никколо Макиавелли своему другу Франческо Гвиччиардини из Карпи, датированное 17 мая 1521 года. Начинается оно так: «*Сиятельному господину Франческо Гвиччардини, доктору прав, достойнейшему и мною высоко чтимому губернатору Модены и Реджо…*»

А дальше следует вот что: «*Светлейший и глубокоуважаемый муж. Я был в нужнике, когда прибыл ваш гонец, и как раз раздумывал о странностях этого мира, стараясь представить, какого проповедника на свой лад я выбрал бы для Флоренции, чтобы он был мне по вкусу*».

Неплохо, правда? После почтительного и в высшей степени официально-вежливого обращения к «*сиятельному господину, доктору прав, достойнейшему и мною высоко чтимому губернатору Модены»,* который к тому же сразу вслед за обращением именуется еще и как «*светлейший муж*», следует весьма неожиданное сообщение о том, что письмо «светлейшего мужа» было получено при следующих обстоятельствах:

«*Я был в нужнике, когда прибыл ваш гонец, и как раз раздумывал о странностях этого мира».*

Надо полагать, Франческо Гвиччиардини позабавило не только то, что его друг Никколо счел нужным сообщить ему о посещении нужника, но и то, что он пребывал там не только в силу прямой функциональной необходимости, но и потому, что и в этом месте Никколо был занят высокими материями – он «*раздумывает о странностях этого мира*». И в чем же эти странности состоят?

То есть как – в чем? Никколо пытается представить себе такого проповедника, который и удовлетворил бы попечителей собора, и подошел бы и ему самому.

«*Я знаю что, как и во многих других вещах, вступаю в противоречие с мнением своих сограждан: они желают проповедника, который научил бы их, как попасть в рай, и я хочу найти такого, чтобы он показал им дорогу к дьяволу*».

Ясное дело, такое чудо можно найти только в процессе глубоких размышлений о странностях этого мира. И нужник для этого процесса – самое подходящее место…

К тому же у Никколо якобы созрел коварный план – рассорить монахов-францисканцев между собой и он надеется в этом смысле на дружеское содействие:

«*Я пребываю здесь в праздности, потому что не могу выполнить поручение, пока не выбраны генерал и дефиниторы*

[глава и должностные лица ордена], *и обдумываю тем временем, как бы заронить среди них семена смуты, чтобы они начали пинать друг друга своими деревянными туфлями, здесь или еще где, если я не свихнусь, думаю, что преуспею в этом и что совет и помощь вашего превосходительства были бы очень кстати*».

И дальше обращается к Гвиччиардини с просьбой – присылать Никколо письма не обычной почтой, а со специальным гонцом из числа солдат на службе его милости:

«*Если вы будете ежедневно присылать ко мне нарочного, как сегодня, то убьете сразу двух зайцев: во-первых, подскажете мне что-нибудь полезное на этот счет, во-вторых, поднимете меня в глазах домашних, учащая важные уведомления.*

Скажу вам, что появление этого стрелка с письмом, с поклоном до земли и со словами, что он послан спешно и нарочно, наделало здесь столько шуму и почтительной суеты, что все пошло вверх дном? и многие стали расспрашивать меня о новостях; я же, чтобы еще повысить свой авторитет, сообщил им, что «французский король хотел приехать на свидание с другим королем, но советники ему отсоветовали»; так что все они стояли с непокрытыми головами и разинув рты; и теперь, пока я пишу, меня окружают несколько человек, которые дивятся тому, как долго я это делаю; а я, чтобы сильнее поразить их, иной раз застываю с пером в руке и надуваюсь, и тогда они еще больше раскрывают рты, но если бы они знали, ЧТО я вам пишу, то удивились бы еще сильнее».

Этот, конечно, намеренно бессмысленный вздор: *«французский король хотел приехать на свидание с другим королем, но советники ему отсоветовали»* – вставлен сюда для забавы.

Но Макиавелли тем не менее добавляет к письму слова насчет желательности получения им письма от Гвиаччардини, и непременно, непременно доставленного гонцом:

«*Жду от вас совета насчет моих дел – с одним из этих солдат, только пусть скачет быстро и приезжает сюда весь вымокший, чтобы сразить всю команду; этим вы окажете мне честь и одновременно ваши стрелки разомнутся, а для коней к лету это очень полезно*».

Письмо заканчивается опять на самой почтительной ноте:

«*Поручаю себя вашей милости, да пребудет всегда в желанном здравии. Ваш покорнейше. Никколо Макиавелли, посланник к братьям-миноритам*».

А почему, собственно, Макиавелли так хлопотал насчет гонца?

Надо полагать, эта мысль занимала и Франческо Гвиччиардини. Он, собственно, понимал, что Макиавелли хочет

поднять свой статус и знает, что его друг делал дела другого масштаба, покрупнее, чем ведение переговоров с францисканцами в богом забытом Карпи. И пишет ему следующее:

«*Когда я смотрю на твой титул посланника в эту «Республику монахов» и вспоминаю всех тех королей, герцогов и принцев, с которыми ты вел переговоры раньше, то вспоминаю Лисандра, который после многих побед и завоеваний получил задание распределять мясо тем самым солдатам, которыми он так доблестно командовал*».

Сравнение с Лисандром, грозным полководцем спартанцев, настолько не соответствует реальным достижениям бывшего секретаря Второй Канцелярии Республики Флоренция, что кажется шуткой с немалой долей издевки и перца. Не знаю – это чисто личное впечатление. Автор последней по времени английской биографии Макиавелли [6] так не считает и находит тут просто нечуткость богатого губернатора Модены, Франческо Гвиччиардини, по отношению к его другу.

Макиавелли, однако, на сравнение с Лисандром ничуть не обиделся и написал в ответ, что теперь его дела в Карпи совершенно поправились, его уважают и даже несколько побаиваются, – а все благодаря специальному гонцу, прибывшему от Гвиччиардини со всеми подобающими фанфарами и литаврами.

«*Теперь*, – пишет Макиавелли, – *меня завалили приглашениями на всевозможные обеды, и я ем на них столько, что хватило бы на шесть псов и на трех волков*», – и добавляет, что сэкономил немало денег на своих командировочных. Если это и шутка, то довольно горькая, – ему понадобилось провернуть целую комбинацию в духе его собственных комедий, и все это только для того, чтобы сберечь тем пару-другую флоринов, которые иначе ушли бы на еду.

Настолько он был тогда беден...

V

В начале июня 1521 года Макиавелли вернулся во Флоренцию, и его там ждал приятный сюрприз: первые оттиски его работы «Искусство войны». Это была его первая напечатанная книга – большая радость для любого автора.

Что сказать? Тиражей Лютера он не добился, и честно говоря – по справедливости. Книга была посвящена его другу по садам Ручеллаи, Лоренцо Строцци, тому самому, который представил его кардиналу Джулио Медичи. В ней были использованы любимые идеи Макиавелли о превосходстве республик над монархиями и о предполагаемом наилучшем устройстве войска – из граждан, а не из профессиональных солдат. У него было настолько полное помешательство на этой почве, что он отверг собственные принципы – смотреть на реальную жизнь, а не на умозрительные схемы. Но нет – он так верил латинским авторам, что уделял мало внимания и артиллерии, и фортификациям, и даже кавалерии, а смотрел только на пехоту, набранную из обыкновенных граждан, для которых война – не основное занятие.

То, что это вопиющим образом противоречило даже его собственному неудачному опыту с ополчением крестьян, подданных Флоренции, почему-то его не отрезвило.

В общем, все, что он навыдумывал относительно тактики и стратегии, оказалось на поверку изрядной чушью. Когда он говорил, что «*никогда дельный человек не изберет военную профессию как единственную*», или когда утверждал, что «*никакой мудрый государь и никакая мудрая республика не позволит своим подданным становиться профессиональными солдатами*» – он, конечно, хватил лишку [7].

В общем, как бы то ни было, особого успеха книга «Искусство войны» не имела. Однако это было не столь важно по сравнению с другим делом – контракт на написание «Истории Флоренции» был наконец-то подписан. Это случилось в ноябре 1521 года, и подпись была поставлена не кем иным, как самим кардиналом Джулио Медичи. Макиавелли получал два года на написание этого труда, и ему при этом полагалось что-то вроде стипендии в 100 флоринов в год. Увы, это были так называемые «короткие» флорины, ценой примерно в 60% от обычных. Жалованье секретаря Второй Канцелярии Республики составляло 128 полновесных флоринов, так что «стипендия» Никколо Макиавелли составляла примерно 60 золотых в год и была несколько меньше половины его жалованья в период его успехов.

Но мы должны учесть, что Никколо Макиавелли родился 3

мая 1469 года, со службы вылетел в 1512-м и долгие годы провел без всякой оплачиваемой работы.

Сейчас, в 52 года, он получил правительственный контракт – в сущности, заказ на анализ политической ситуации в его родной Флоренции. А ему так хотелось вернуться к той единственной деятельности в его жизни, в которой он действительно находил удовлетворение, – к политике, – что денег он особо не считал. Да и в любом случае – лучше половина жалованья, чем ничего, не правда ли? Несмотря ни на что, он все-таки дождался поворота скрипучего Колеса Фортуны – ему наконец повезло.

В конце ноября 1521 года Никколо Макиавелли был совершенно счастлив.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цитируется по книге Machiavelli, by Miles Unger, Simon & Shuster, London, New York, 2011, page 294.

2. Франческо Гвиччардини (итал. Francesco Guicciardini; 1483—1540) – выдающийся итальянский политический мыслитель и историк времен Высокого Возрождения. Родом из богатой и знатной семьи, учился в университетах Феррары и Падуи. Младший современник Макиавелли.

3. Цитируется по книге Machiavelli, by Miles Unger, Simon & Shuster, London, New York, 2011, page 299.

4. Полный текст письма приведен в приложениях, и если кому будет интересно его прочитать целиком, то надо только заглянуть в конец этой книжки.

5. Лисандр (греч. Lusandroz) (452—396 года до н. э.) – спартанский полководец, участник Пелопоннесской войны, отличавшийся выдающимися политическими способностями, честолюбивый и неразборчивый в выборе средств, суровый и жестокий, но умевший привлекать к себе расположение людей, с которыми имел дело.

6. Machiavelli, by Miles Unger, London, New York, 2011.

7. Но вот другая его идея, состоящая в том, что способ, который некое общество или государство избирает для решения своих военных проблем, сильно влияет на само общество, оказалась настолько верной и глубокой, что ее обсуждают и сейчас, спустя добрых 500 лет.

Смерть папы, эдикт императора и местные проблемы Флоренции

I

Работа Макиавелли над «Историей Флоренции» началась в конце ноября 1521 года. А буквально через несколько дней после этого, 1 декабря 1521 года, умер папа римский Лев X.

Ну, что сказать? На развлечения папа Лев ежегодно расходовал вдвое больше той суммы, что приносили папские имения и рудники. Он растранжирил весь золотой запас, который оставил ему в наследство Юлий II. Расходы на курию, которая при нем насчитывала штат в 638 чиновников, на продвижение интересов рода Медичи, на многочисленных артистов, скульпторов, художников, писателей, комедиантов и папских шутов поглотили столь колоссальные суммы, что самого папу Льва оказалось не на что похоронить.

Правда, двор его поражал роскошью – никто и никогда не видел ничего подобного. Люди приезжали в Рим издалека, чтобы подивиться блеску папского двора – и одним из них был молодой, ревностный к истинной вере монах Мартин Лютер. Какой, впрочем, он был монах, когда его еще в конце 1520 года отлучили от католической церкви? Это мало на что повлияло – Германия была охвачена смятением, и отчаянные споры по поводу истинности веры и по поводу реформы церкви бушевали по-прежнему.

В мае 1521 был собран сейм – на германский лад его называли рейхстаг. В городе Вормсе собрались представители высшего дворянства империи, ее высшего духовенства и патрициата имперских городов, входящих в ее состав, и председательствовал там сам император, Карл V.

Вообще все, что было связано с Вормсом и с собранным там рейхстагом, было далеко не просто. Лютера не судили церковным судом – он ехать в Рим отказался, а принудить его оказалось невозможным, он уже стал героем в Германии, и на его защиту выступили бы тысячи вооруженных людей. Когда он говорил, что из-за поборов церкви из селений Германии уходит живая кровь и что церковые владения уносят в Рим весь доход, который они создают – его слушали с огромным вниманием. Кардиналы римской Курии говорили, что невежественные миряне не в состоянии понять не то что доводы Лютера, а даже и сам предмет спора – и были правы, конечно. Но даже непонятность его речей служила ему на пользу – всякий мог вложить в них то содержание, которое казалось верным тому, кто их услышал. Лютера изображали Геркулесом, германским богатырем, дерзнувшим сразиться с Гидрой – и уже вскоре художники начали

его именно так и изображать. Так что судить его церковным судом оказалось невозможным. Да еще к тому же он поставил под сомнение саму идею отдельного суда для духовных лиц. Согласно обычаю, церковь была независима от светского суда и клириков судила сама. «*Почему?* – спрашивал Лютер. – *Разве не все подданные государя, равно лица и светские и духовные, должны повиноваться ему?*»

Это, надо сказать, находило отклик повсюду – и не только у светских государей, но и у городских советов имперских городов. Примеры Флоренции и Венеции оказались заразительны, их имитировали везде, где только могли, и в Нидерландах, и в Германии, и во Франции, и в Англии. Успех, конечно, сильно отличался от одного места к другому – но вот общая неприязнь к монастырям, занимавшимся коммерцией и неподсудным городским властям, была поистине всеобщей.

В общем, судить еретика, отлученного от церкви, пришлось светским судом, и даже не судом, а общим собранием всех имперских сословий империи, рейхстагом. Да и на заседание рейхстага в Вормсе Лютера пришлось не тащить в цепях, а вежливо приглашать.

Итак, Лютер был приглашен и действительно приехал в Вормс и выступил перед собравшимися с изложением своей позиции и, согласно легенде, закончил свою речь словами:

«*Если я не буду убежден свидетельствами Священного Писания и ясными доводами разума – ибо я не признаю авторитета ни пап, ни соборов, поскольку они противоречат друг другу, – совесть моя Словом Божьим связана.*

Я не могу и не хочу ни от чего отрекаться, потому что нехорошо и небезопасно поступать против совести.

На том стою и не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь».

Вот этой последней фразы – «*на том стою и не могу иначе*» – в первом опубликованном варианте речи не было, ее добавили потом.

Его слова отозвались громом по всей Германии.

Сейм он не убедил. Был издан Вормсский эдикт – указ Карла V, объявивший Мартина Лютера еретиком и преступником и запретивший издание и распространение его трудов. Кроме того, эдиктом устанавливалось, что предоставление Лютеру убежища или иной помощи расценивается как преступление против законов империи.

И тем не менее арестовать Лютера прямо в Вормсе не решился даже император. По-видимому, Карл V надеялся, что рано или поздно какой-нибудь «*добрый, верный человек*» окажет императору эту услугу по собственной инициативе, – но Лютер

уехал из Вормса под вооруженной охраной, выделенной ему его государем, электором Саксонии, и двинулся в путь, направляясь к своему родному Виттенбергу.

На «*доброго, верного человека, горящего усердием*», император Карл понадеялся напрасно. Помочь ему не успели – по дороге из Вормса в Виттенберг Мартин Лютер исчез, не оставив никаких следов.

Его похитили по приказу Фридриха Мудрого, электора Саксонии и укрыли в отдаленном и хорошо охраняемом замке. Подробностей не знал даже сам электор – он хотел иметь возможность с чистой совестью поклясться императору, что он не знает места, где находится Мартин Лютер.

Электор, в конце концов, был добрым и верным человеком.

II

События в далекой Германии, скорее всего, прошли мимо сознания Никколо Макиавелли, в середине 1521 года он занимался чем угодно – вроде улаживания дел с францисканцами в Карпи и веселой перепиской с Гвиччиардини, – но только не теологическими вопросами. И еретики, и отлучения мало его интересовали – в конце концов, он застал правление Савонаролы во Флоренции. И призыв Лютера к совести и справедливости в делах правления, даже если бы он и добрался каким-то образом из Германии в Италию, его тоже вряд ли взволновал бы.

Взгляды Никколо Макиавелли отличались от того, что думал его друг, губернатор Модены Франческо Гвиччиардини, но с одним из его афоризмов он, наверное, спорить на стал бы:

«*Нельзя править государствами по совести: если вдуматься в их происхождение, то окажется, что все они порождены насилием, – свободны от насилия только республики, да и то лишь в пределах родного города и не дальше. Я не делаю из этого правила исключения для императора, а еще менее для духовенства, которое творит двойное насилие, так как принуждает и светским, и духовным оружием*».

Но вот случившаяся внезапно смерть папы Льва X была для него истинным потрясением. На конклаве в Риме при выборах нового понтифика столкнулись две группировки: сторонников кардинала Джулио Медичи и сторонников кардинала Франческо Содерини. Никколо знал немало людей, хорошо осведомленных о делах в Риме, и, конечно же, о столкновении этом знал. В случае победы кардинала Содерини перед Макиавелли могла открыться широкая дорога – Никколо был лично известен кардиналу еще с тех пор, как он был епископом Вольтерры и вместе с Никколо ездил к Чезаре Борджиа по делам Республики. И Макиавелли произвел на него такое впечатление, что он всячески рекомендовал его своему брату, Пьеро Содерини как человека очень способного. Можно себе представить, что он сделал бы для Макиавелли, стань он папой.

Но в итоге ничего из этого не вышло, обе «партии», и Медичи, и Содерини, нейтрализовали друг друга, и папой в итоге стал кандидат, с которым каждая из спорящих фракций могла примириться – хотя бы потому, что он был голландцем, и широких связей в Италии не имел. В январе 1522 года на святой престол вступил кардинал Адриан Дедел, ставший папой Адрианом VI.

Флоренция в итоге оказалась важным «полем боя» между

Медичи и Содерини, и кардинал Джулио снова обратился к ноблям Флоренции за советом – у него были разумные основания для попытки расширить свою базу власти. Многие откликнулись. И даже такой искушенный и жизнью, и долгим опытом, и общей скептической настроенностью ума человек, как Никколо Макиавелли, и то решил, что желаемые им реформы политической системы Флоренции – вот они, за углом, и заново подал кардиналу свой проект о восстановлении свободных выборов.

Все эти надежды окончились в начале июня 1522 года.

Флорентийские власти перехватили гонца, едущего из Флоренции в Рим. Несомненно, по предварительной наводке, потому что в его сумке оказалось письмо, адресованное Баттисте делла Палла, в котором был описан детальный план убийства кардинала Джулио и провозглашения во Флоренции «*восстановленной Республики*».

Нити от Баттисты делла Палла повели в Риме к кардиналу Содерини и его брату Пьетро, бывшему гонфалоньеру Флоренции, а в самой Флоренции – к Заноби Буондельмонти, Луиджи Алламани и к их друзьям по садам Орти Оричеллари. Никколо Макиавелли со всеми ними был тесно связан – он не только посвятил свои «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» главе заговора Заноби Буондельмонти, не только был близок в свое время к семейству Содерини и не только был ближайшим помощником гонфалоньера Пьетро Содерини, но даже и к Баттисте делла Палле имел самое непосредственное отношение: именно через него комедия Макиавелли «Мандрагора» попала к папскому двору Льва X и имела там успех [1].

Кардинал Джулио Медичи принял меры быстрые и решительные: Буондельмонти и Алламани успели бежать, но остальные заговорщики были схвачены. Двоих казнили почти немедленно. Папе Адриану была послана самая убедительная депеша – и кардиналу Содерини пришлось бежать из Рима. Пьеро Содерини бежать не пришлось – он 13 июня 1522-го скончался и таким образом ареста избежал.

Весь кружок садов Орти был разгромлен как гнездо изменников и заговорщиков.

Никколо Макиавелли в заговор вовлечен не был. Он вообще считал такого рода предприятия делом очень неверным и опасным. Можно даже привести его собственные слова на этот счет:

«*Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем,*

кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага. Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой – сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя».

Цитата, приведенная выше, взята из «Государя». Стоит обратить внимание на то, что и здесь «этика» вынесена за скобки – оставлена только «целесообразность». Макиавелли был последователен в своих воззрениях: все, что относится к политике, следует рассматривать только точки зрения холодного расчета. Однако и он делает одно крошечное исключение – заговорщик все-таки может положиться, что его не выдаст сообщник, если этот сообщник – его «*преданнейший друг*».

Но разве Дзаноби Буондельмонти, или кардинал Франческо Содерини, или Баттиста делла Палла не были его добрыми друзьями? Разве сам он не был преданным помощником Пьетро Содерини?

В общем, картина для Никколо складывалась катастрофическая.

И тем не менее его не тронули. Почему – сказать трудно. С одной стороны, после падения республики в 1512-м и захвата там власти семейством Медичи он был очень осторожен в своих контактах с Содерини. Пьеро всячески пытался помочь своему бывшему помощнику – например, он предлагал ему пост секретаря в Республике Рагуза [2]. Было и еще одно предложение – стать секретарем кондотьера Просперо Колонна. Макиавелли отказался от обоих этих предложений – он не хотел уезжать из Флоренции.

Отказался он однажды и от службы французской монархии, заявив в конце своей жизни: «*Предпочитаю умереть с голода во Флоренции, чем от несварения желудка в Фонтенбло*» [3].

Так что он остался в родном городе, завел дружбу с Якопо Фальконетти, богатым человеком, в силу каких-то причин прозванным Булочником, начал бурную связь с певицей Барбарой Раффакани, написал новую комедию «Клиция», о которой мы еще поговорим, сообщил в письме своему шурину, Франческо дель Неро, что просит ему полагающийся аванс за заказанную книгу (заказ был подписан кардиналом Джулио, но формально проходил через ведомство, которым Франческо заведовал), в обмен за это пообещал передать от имени Франческо «*самое глубокое уважение курам*» на своей ферме – и с головой

погрузился в свою «Историю Флоренции».

Которую ему заказал человек, казнивший его друзей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Положим, не стоит переоценивать меру этого успеха – хотя к 1522 году пьеса была поставлена несколько раз и ее в дальнейшем одобрительно отметил даже Вазари, но имени автора он не отметил. Так, один из папских шутов...

2. Теперешний Дубровник. Республика в то время считалась вассалом султана Турции, но вассалитет ограничивался выплатой дани в 12 тысяч венецианских дукатов, в остальном Рагуза была свободным торговым городом.

3. Эта фраза кочует из одной его «русской» биографии в другую, но начального ее источника я так и не доискался.

Фарс как средство бегства от действительности

I

13 января 1525 года на вилле Якопо Фальконетти (или Булочника, Форначайо) было дано представление новой комедии Никколо Макиавелли под названием «Клиция». Сюжет был безжалостно содран у Плавта, у которого есть комедия с совершенно такой же фабулой. Центральный персонаж пьесы – старый дурак, охваченный любовью, зовут его Никомако. Он, собственно, не так уж глуп – дураком его делает безумная любовь к молодой девушке, ничуть ему не подходящей. Вот эта страсть и делает его и глупым, и смешным. Если основная мысль автора в силу каких-то причин не сразу дойдет до зрителя, то ему в помощь предлагается песенка-канцона:

«*Сколь хороша любовь во цвете лет, настолько не пристала тому, кто пережил давно расцвет.*

С годами власть Амура сообразна – и в юношестве он премного чтим, а старость редко не чужда соблазна.

Так что оставьте это молодым, о старики, – они на вашем месте Амуру больше чести способны оказать, сомнений нет».

Русский перевод несколько смягчен – в английской версии говорится не об *«оказании должной чести Амуру»,*а о том, то «*задницы молодых представляют собой более достойную цель для его стрел*».

Поскольку мы уже несколько знакомы со стилем Никколо Макиавелли, то, по-видимому, англичане со своим переводом подобрались поближе к оригиналу, чем их русскоязычные коллеги.

Исполнитель этой канцоны в тексте пьесы не указан, но, скорее всего, ее пела прелестная Барбара Раффакани. Постановка была сделана с истинным размахом: был задействован специальный художник, который создал сценическое оформление – Бастиано да Сан-Галло, – а музыку к спектаклю написал фламандец, Филипп Вердело.

Суть дела вкратце состоит в том, что Никомако, почтенный отец семейства, влюбляется на старости лет в свою воспитанницу, в которую влюблен также его сын Клеандро.

И Никомако измышляет прехитрый план: он собирается выдать свою воспитанницу за своего слугу, с тем, разумеется, чтобы не отдать ее своему слуге на самом деле, а воспользоваться правами мужа юной красавицы самому. Дальше следует целый ворох невероятных приключений и поворотов сюжета. В итоге, когда Никомако все же настоял на своем плане и входит вместе с ней в опочивальню, оказывается, что ему вместо девицы

подложили другого слугу, так ловко закутанного во всевозможные одежды и густые вуали, что бедный Никомако в темноте не распознал разницы. И даже когда в попытке овладеть предметом своей страсти встретил отчаянное сопротивление, то и то ничего не понял, приписал случившуюся незадачу стыдливости новобрачной. А уж после того, как «она» двинула ему коленом в самое что ни на есть чувствительное место, решил и вовсе отложить дело до утра и повернулся к ней спиной. Дальше есть смысл процитировать саму комедию. Вот что рассказывает об этой знаменательной ночи Никомако, обращаясь к своему другу Дамоне:

«*Притомившись от обиды и боли, я начал дремать. Как вдруг почувствовал колотье такое в боку, возле поясницы – пять или шесть сильных таких ударов! Спросонья я завел туда руку и нащупал нечто такое твердое и острое, что заставило меня пулей выскочить из постели, ибо в ту же секунду вспомнил я о кинжале, которым Клиция грозилась меня зарезать*».

И бедный Никомако закричал, позвал на помощь, велел зажечь светильники – и вдруг обнаружил в своей постели нечто неожиданное:

«*Вместо Клиции увидели мы Сиро, моего слугу. Этот паршивец возлежал на постели совершенно голый, давился от хохота и в знак полного презрения ко мне изображал рукой непотребные жесты*».

В общем, все кончается хорошо. Пристыженный Никомако раскаивается в своей глупости, Клиция оказывается дочерью неаполитанского дворянина, который готов отдать ее за Клеандра, и все идет к благополучному концу.

А теперь примем во внимание, что героя пьесы Никколо Макиавелли зовут Никомако, «Нико-Мако», что словечко «Мака» его молодые приятели использовали как прозвище Макиавелли – и мы поймем, что автор написал довольно злую комедию о самом себе.

II

Что сказать? Эта комедия не выглядит такой уж веселой. Что-то сильно грызло душу автора, и что именно – мы можем только гадать. О друзьях, окончивших жизнь на эшафоте, он никогда не вспоминал – по крайней мере он не делал этого в такой форме, что это дошло бы до нас. Нет ни его писем на эту тему, ни воспоминаний кого бы то ни было из его современников о разговорах с ним на эту тему.

И он никогда не упоминал о сильном страхе, который неминуемо посетил бы каждого, чьи близкие друзья оказались схвачены как заговорщики. Не забудем – Никколо отведал уже раз и тюрьму, и пытку. А в комедии нет ни сожалений, ни ужаса, а есть только понятная всем и каждому неприятность, известная еще со времен Плавта – неподходящая влюбленность старика в чужую прекрасную юность.

То есть вдобавок к фарсу как средству убежать от ужасной действительности комедия получается еще и довольно злой пародией на самого себя и на свои поздние страсти...

Вдобавок – ко всему прочему...

Сильный был человек Никколо Макиавелли, не у каждого хватит духа посмеяться над собой в такой беде и в таком отчаянии...

Но если он спрятал свои более глубокие чувства и соорудил свой фарс как «*средство для побега*», беды героя его пьесы и впрямь трогают сердце.

Песенка о том, что «*задницы молодых представляют собой более достойную цель для стрел Амура*», выглядит, я бы сказал, автобиографично. К тому же ее пела как раз та самая Барбара Раффакани, в которую Макиавелли был влюблен. И это хорошо видно из пьесы, которую он написал.

Его Никомако не просто влюбился – он стал другим человеком. Как говорит в пьесе его жена, – наш пожилой проказник ко всему прочему еще и женат, как, впрочем, женат и Никколо Макиавелли, что абсолютно ему не мешает:

«*Прежде он был сама рассудительность и спокойствие. Время свое он проводил в неустанных трудах: вставал спозаранку, шел в церковь, распоряжался по дому; затем – если бывала нужда – отправлялся на площадь, на рынок, в присутственные места; если нужды в том не было – уединялся с кем-нибудь из сограждан для степенного разговора или шел к себе и погружался в деловые бумаги и счетные книги; после чего приятственно обедал в кругу семьи, а отобедав, занимался с сыном, наставлял его, рассказывал*

назидательные истории о доблестных мужах и при помощи многоразличных примеров из античной и современной истории обучал его жизни; затем снова выходил из дома либо по делам, либо для честного и серьезного времяпрепровождения...»

В общем, Никомако ведет себя, пожалуй, получше, чем Никколо – как-никак, он ходит в церковь и занимается деловыми бумагами, а не только «*рассказывает назидательные истории о доблестных мужах... при помощи многоразличных примеров из античной и современной истории»,* но вот, стоило ему влюбиться – и он становится несчастным шутом и жертвой обмана.

Все-таки это довольно горькая комедия, я бы сказал...

III

Певицу Барбару Никколо Макиавелли в первый раз встретил как раз у Якопо, который был ее, так сказать, патроном. Впрочем, он был не ревнив и особо не возражал, если у нее появлялись и другие любовники. Приятели Никколо начали сплетничать насчет его вспышки поздней страсти чуть ли не в тот же месяц. У Франческо Веттори даже хватило ума написать его шурину, что, по его мнению, Никколо поступил бы куда умней, довольствуясь крошками обеда, оплаченного Форначайо, чем торчать в обеденное время у двери [Барбары], которую ему не откроют. Слово «обед», понятное дело, тут надо понимать как эвфемизм.

Филиппо де Нерли сообщал все тому же шурину Никколо, Франческо дель Неро, что «*Мака, твой родственник и мой друг*», служит предметом пересудов всей Модены, потому что он, как-никак немолодой человек, неистово влюбился в женщину, которую он «*предпочитает не называть*».

Почему он не хочет ее называть, не очень понятно. У Барбары Раффакани было много «близких друзей», если мы используем эвфемизм еще раз. Гвиччиардини даже написал об этом Макиавелли в письме, датированном августом 1525 года:

«*Ты слишком привык к своей Барбаре, которая, как и все особы ее рода занятий, старается понравиться всем и каждому и ищет путей к тому, чтобы чем-то «казаться», вместо того, чтобы чем-то «быть»*.

Все это, конечно же, известно и самому Макиавелли – и ничуть его не беспокоит. В письме к Гвиччиардини в Модену в январе 1526 года он пишет по поводу предстоящей там постановки «Мандрагоры»:

«*Что касается Барбары и других певцов, то я уверен, что смогу уговорить ее приехать, только надо ей заплатить. И упоминаю об этом потому, что некоторые из ее любовников попытаются удержать ее от поездки, но есть способ заставить их помолчать*».

И Франческо Гвиччиардини пишет своему беспутному другу, что он влюблен не столько в Барбару, сколько во всех женщин вообще, и поминает ему некую Малискоту, с которой у Макиавелли была связь летом 1525-го, когда он был у Гвиччиардини по порученным ему делам о францисканских монастырях. Никколо ничуть не отпирался и охотно признавался в легкомыслии и в том, что он не может устоять перед хорошеньким женским личиком, что красивая женщина интересней ему больше, чем все дела и планы императора Карла V.

Но про Барбару он пишет, что нашел в ней истинное сокровище огня, тонкости и грации и думает, что этих ее качеств хватило бы на то, чтобы «*приперчить*» целый город.

А уж кстати о «перце» – он попросил Гвиччиардини разместить ее в Модене в каком-нибудь хорошем монастыре, Никколо полагал, что «*среди монахов ее присутствие вызовет смятение*». Шутка была хороша, но в Модену Барбара так и не приехала, потому что в силу самых разных причин постановка там «Мандрагоры» так и не состоялась.

Странное дело – Никколо Макиавелли было уже 56 лет, по тем временам возраст более чем почтенный. Папа Лев X скончался в 46. Денег у него не было, о власти, влиянии и могуществе уж и не говоря. И тем не менее он, даже пожилой и безденежный, нравился молодым женщинам.

Малискотта, например, говорила Гвиччиардини, что очень оценила разговор и манеры его друга. Можно допустить сомнение – в конце концов, она говорила с губернатором Романьи и могла похвалить Макиавелли для того, чтобы угодить губернатору.

Но вот прекрасная Барбара с нежностью вспоминала его и потом, через 17 лет после его смерти. И это вряд ли была просто память о былом немолодой уже женщины – право же, ей было из чего выбирать, список былых любовей у нее был очень длинным.

И даже более того – говоря в самый разгар их романа, что ценит своего друга и автора, она и в самом деле оказала ему услугу. Барбара, по-видимому, выхлопотала Никколо то, чего он не добился всеми 14 долгими годами службы Республике: право на выдвижение своей кандидатуры на почетные должности.

Оговоримся, однако, что мнения потомков на этот счет разделены. Например, есть вполне обоснованное предположение, что право это он получил благодаря влиянию Джулио Медичи, ставшего с 19 ноября 1523 года папой римским, Климентом VII. По крайней мере, так говорится в совсем недавно вышедшей биографии Никколо Макиавелли на английском языке [2].

И вроде бы именно эта версия и выглядит более вероятной – как-никак, папе Клименту достаточно было молвить одно лишь словечко, и власти Флоренции, подвластной дому Медичи, выполнили бы его желание просто моментально. Но итальянский биограф Макиавелли, Маурицио Вироли, настаивает на том, что все было устроено Барбарой [3]. Кто тут прав?

Примем все-таки итальянскую гипотезу?

Пусть уж эта привилигия досталась Никколо от его юной любовницы, в знак женской благодарности за искреннюю любовь, а не от папы римского как награда и милость?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тит Макций Плавт (лат. Titus Maccius Plautus) – выдающийся римский комедиограф.

2. Machiavelli, by Miles J.Unger, London New York, 2011.

3. Niccolo’s smile, by Mauricio Viroli, 1998, page 225.

Никколо на службе у дома Медичи

I

В самом начале 1525 года Франческо Веттори написал своему другу Никколо Макиавелли письмо:

«*Не знаю, стоит ли тебе приезжать сейчас с твоей книгой в Рим, потому что время сейчас такое, что не располагает ни к чтению, ни к вручению подарков... С другой стороны, сам папа спрашивал меня о тебе и о том, закончил ли ты уже «Историю Флоренции», как он ожидает... И когда я сказал ему, что я видел ее часть, и что ты уже дошел до смерти Лоренцо, и что это прекрасно написано, и что ты хотел приехать и лично вручить книгу ему, но я, учитывая мрачные новости, убедил тебя этого не делать, он сказал мне: «Нет, пусть приезжает, я уверен, что книга доставит мне удовольствие...» – таковы его подлинные слова. Но я бы не давал им слишком много веры, потому что может случиться, что ты приедешь, но останешься с пустыми руками. Принимая во внимание теперешнее состояние его ума, это вполне может случиться*».

В общем, это был типичный Веттори – с одной стороны, «*приезжай*», с другой стороны – «*нет, лучше не надо*», ну а с третьей стороны – «*не знаю, что и делать, все так ненадежно*».

Насчет ненадежности – он был очень и очень прав, все вокруг папы Климента VII трещало и рассыпалось на части. Кардинал Джулио Медичи, ставший папой Климентом, оказался на святом престоле после того, как папа Адриан, его предшественник, в сентябре 1523 года внезапно умер.

И при выборах его преемника оказалось, что теперь это больше не внутреннее дело церкви и уже тем более не внутреннее дело итальянских государств – в дело вступили великие державы.

Король Франции Франциск I и император Священной Римской империи Карл V готовились к огромной и неизбежной схватке за итальянские земли, и оба осознавали, что та держава, чью сторону примет папство, получит крупное преимущество. Обе стороны начали кампанию по подкупу кардиналов, и после 50 дней отчаянного торга, 19 ноября 1523 года, папой римским стал кандидат императора, Джулио Медичи.

Это избрание во Флоренции особого ликования уже не вызвало. Медичи действительно использовали ресурсы Рима, но в основном на пользу себе, а не родному городу. Правда, во Флоренции была закончена новая семейная гробница рода Медичи, в семейной церкви Святого Лаврентия, где были похоронены Джулиано и Лоренцо, сын Пьеро Глупого. Это было восхитительное сооружение работы Микеланджело, и такого рода

вещи значили больше, чем просто надгробия. Все Медичи еще со времен основателя могущества рода, Козимо, сознавали важность искусства как демонстрации могущества. Создать диво, любоваться на которое будут сьезжаться издалека и слава о котором пойдет по всему христианскому миру, было важно любому государству, а уж в Италии, центре художеств и ремесел, это была важно в особенности. Лоренцо Великолепный совершенно сознательно использовал свою славу знатока и мецената как инструмент власти, и его потомки последовали по его стопам. Папа Лев X, например, очень украсил Рим, заказывал работы у Рафаэля Санти, и кое-что от этого великолепия досталось и на долю Флоренции. Но сейчас, в 1525 году, новому папе из рода Медичи было не до Флоренции – он очень боялся и за себя, и за папство. И боялся, вообще говоря, не напрасно.

Дело было в том, что он изменил своему покровителю – и просчитался.

II

Франциск I и Карл V воевали друг с другом с конца 1521 года. Схватки между их войсками шли и в Нидерландах, и в Наварре, а в 1522 году перекинулись и в Италию. В 1522-м в крупном сражении под Миланом [1] в конце апреля французы оказались разбиты.

Король Франциск не принял такого оборота событий, и в октябре 1524 года сам перешел в Италии в наступление. Папа Климент к тому времени нашел, что обьятия императора Карла, с его владениями и на юге Италии, в Неаполе, и на севере Италии, в Милане, слишком уж тесны, и переменил фронт – теперь он поддерживал Францию.

И это выглядело как мудрый и дальновидный шаг – если бы не одно совершенно неожиданное обстоятельство. 23 февраля 1525 года в огромном сражении при Павии французские войска были совершенно разбиты, и сам король Франциск попал в плен к своему врагу, Карлу V.

И теперь его союзник, папа Климент VII, пребывал в страхе и трепете, не зная, на что решиться.

Победоносные войска империи стояли в Ломбардии и были готовы ударить по всем итальянским союзникам французов – и по Венеции, и по Флоренции, и по владениям папы римского. И если у венецианцев были определенные ресурсы самозащиты, то и Флоренция, и Рим стояли перед лицом беды и разгрома.

Тем не менее, когда в мае 1525 года Макиавелли явился в Рим со своей рукописью, Климент VII его принял. И принял, надо сказать, очень любезно – и книгу просмотрел, и выразил удовольствие от прочитанного, и наградил ее автора 120 флоринами, что соответствовало двухлетнему жалованью нашего историографа.

У него, собственно, были определенные планы в отношении Макиавелли. В Испанию должно было отправиться важное посольство во главе с кардиналом Сальвиати, и предполагалось, что кардиналу очень пригодился бы помощник со значительным опытом в дипломатии.

Из проекта, увы, ничего не вышло, но вот деньги действительно пригодились – они пошли на приданое дочери Никколо, Бартоломее, которая как раз собиралась замуж [2].

Не дождавшись благоприятного исхода с назначением в состав посольства, Никколо предложил папе Клименту другую идею: раз от победоносных войск императора Карла нечем защититься, почему бы не пойти на экстраординарные меры и не

создать в срочном порядке «ополчение Романьи»? Он ссылался при этом на свой опыт в создании такого войска во Флоренции и говорил, что вполне можно собрать 20—25 тысяч человек.

Это было чистое безумие.

В конце концов, если Макиавелли оптимистично ссылался на свой опыт в формировании 20-тысячного флорентийского ополчения, честности ради ему следовало упомянуть и о том, что под Прато это ополчение разбежалось перед лицом испанского отряда на службе Джованни Медичи, будущего папы Льва X, численностью вчетверо меньше.

Но меру отчаяния папы Климента в его ужасном положении можно оценить хотя бы по тому, что к этому безумному предложению он отнесся серьезно.

Что ему оставалось делать? Флоренция сумела откупиться – Карлу было предложено 100 тысяч флоринов в обмен на обещание, что ее не разграбят. Гвиччиардини, губернатор Романьи, писал папе, что в отчаянной ситуации необходимы отчаянные меры и что лучше избрать самые большие опасности, чем оставаться в бездействии, ожидая неминуемой гибели. И Макиавелли говорил папе, что он не должен оставаться «*невооруженным пророком*». Это выражение – невооруженный пророк – Никколо уже однажды использовал в отношении Савонаролы, но Климент VII вряд ли мог это помнить.

В общем, Макиавелли был послан в Романью с целью составить инвентарную опись имеющихся там ресурсов обороны. В инструкции, которую он получил, говорилось следующее:

«*Это важное дело, и от его успеха зависит судьба папства, и всей Италии, и даже всего христианского мира*».

И Никколо Макиавелли, бывший секретарь Второй Канцелярии Республики Флоренция, отставленный со всех своих постов, угодивший в тюрьму, на долгие годы отлученный от всякой политической деятельности, но сумевший наконец войти в доверие к дому Медичи, в возрасте 56 лет отправился к своему другу, Франческо Гвиччиардини, с заданием: «*спасти весь христианский мир*».

III

Первое издание «Дон Кихота» вышло в свет в 1605 году, но и Никколо Макиавелли, летящий летом 1525 года спасать «*весь христианский мир*», представлял из себя, наверное, не менее сильное зрелище, чем благородный безумец-идеалист, дон Кехана, верхом на Росинанте, в своем шлеме, сделанном из тазика цирюльника, идущий в атаку на ветряные мельницы.

Прибавим к этому, что в роли благородного идальго, свихнувшегося на рыцарских романах, выступал человек, чье имя впоследствии станет нарицательным для самой трезвейшей, циничнейшей политики – и мы придем к заключению, что этот фарс будет, пожалуй, посильнее его «Клиции».

Понятное дело – окончилось все это предприятие примерно так же, как и атака дон Кихота, только вот с ветряной мельницей Макиавелли повезло: в ее роли выступил его друг, Франческо Гвиччиардини.

Он встретил Никколо просто по-королевски. В Рим к папе было направлено в высшей степени лояльное письмо, в котором говорилось: «*если бы этот проект мог быть осуществлен, то он был бы одним из наиболее полезных, заслуживающих восхищения деяний вашего святейшества. Но если это задумано как средство исправления теперешней ситуации, то это не может быть сделано в то малое время, что у нас еще есть*».

В общем, через пару недель даже Макиавелли, полному энтузиазма, стало ясно, что ничего не получится. Из Рима не приходило ничего – ни денег, ни солдат, ни даже инструкций, уж не говоря о приказах. Когда секретарь папы Климента напомнил ему об этом деле, то получил ответ, что Климент «*желал бы поразмышлять о затронутом предмете еще некоторое время*».

В общем, Никколо собрал свои седельные сумки и отправился во Флоренцию, покинув гостеприимный дворец Франческо Гвиччиардини. Они прекрасно провели время, что и говорить.

Свои беседы они оба ценили, как шахматные гроссмейстеры могли бы оценить возможность сыграть партию с достойным противником. У них были не только общие интересы, но и общие приоритеты – всеми силами души оба они желали «*изгнания варваров из Италии*».

«Государь» Макиавелли оканчивается главой, которая так и называется: «*Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров*» [3], в конце которой приведены строчки из Петрарки:

Доблесть ополчится

на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще доблесть
В итальянском сердце.

Это чувство в полной мере разделяли и сдержанный, богатый, взысканный всеми дарами Фортуны аристократ Франческо Гвиччиардини, и его гость, Никколо Макиавелли, бедный и нечиновный отставной администратор, а ныне – писатель и сочинитель фарсов.

IV

В письме к Никколо Гвиччиардини однажды написал, что если тот будет продолжать именовать его, используя прилагательное «*сиятельный*», то и он ответит ему тем же и начнет называть его «*великолепный*» – титул, который когда-то применялся к Лоренцо Медичи, Лоренцо Великолепному.

Принимая во внимание то, что губернатор Романьи, как правило, был весьма высокомерен с нижестоящими, – это признание равенства надо оценить вдвойне. Но Макиавелли и Гвиччиардини не всегда переписывались в столь комплиментарных тонах – желание поддразнить друг друга было у них вполне обоюдным.

Вскоре после возвращения во Флоренцию Гвиччиардини попросил Никколо осмотреть поместье, которое он недавно приобрел, и написать ему, что он думает об этой недвижимости. В ответ он получил целый отчет, в котором говорилось, что на три мили в округе от поместья Никколо Макиавелли не нашел ничего привлекательного, что дом, пожалуй, неплох, но и не так уж хорош – ну, и так далее...

Гвиччиардини написал ему ответ, но не от себя, а как бы от имени оскорбленного поместья.

Письмо было написано якобы самой «*мадонной Именье Финочетто*», и говорилось в нем, что «*ты, Никколо, привык к своей Барбаре, которая норовит понравиться всем и старается только казаться прекрасной. Потому-то тебе, привыкшему к ее компании, так трудно оценить истинные достоинства. Как только ты видишь даже слабый намек на красоту, то дальше уж и не глядишь, и не желаешь знать, что таится под обманчивой внешностью*».

В ответ он получил письмо, в котором содержался тщательно разработанный рецепт от запора и говорилось, что только таким образом и можно отблагодарить любезного хозяина, так прекрасно принимавшего своего гостя и кормившего его множеством всяких деликатесов.

Вот как раз во время этой веселой переписки Никколо и получил свое право на выдвижение кандидатуры на почетные должности, по поводу которого можно только гадать – было ли это знаком внимания со стороны папы римского или знаком внимания со стороны Барбары. Приятели Никколо все как один считали, что добилась этого Барбара и что «*ей это было нетрудно*».

Макиавелли однажды сказал, что его «Мандрагору» надо

интерпретировать так: «*Время идет и непрестанно повторяет то, что было, а мы остаемся неизменны*».

Что ж, может быть, это так и есть? В 1526 году иностранные армии стояли в Италии, и защиты от них не было. Эти армии с трудом контролировались даже их командирами, потому что состояли они из наемников, желавших пограбить.

Итальянские государства при этом думали не об общем сопротивлении, а о том, как использовать чужую мощь для того, чтобы сокрушить соперника, и как уберечься от идущей беды.

В «Государе» Макиавелли утверждал, что все проблемы Италии идут от дурного руководства. Что сказать – он все-таки был великим реалистом в политике.

Так что его вряд ли удивляли измены существующим союзам, заключенным, казалось бы, между друзьями – как, впрочем, и новые неожиданные союзы, стремительно заключаемые между заклятыми врагами.

А приятели Никколо Макиавелли с интересом обсуждали, кто же выхлопотал ему его привилегию, и сходились во мнении, что помогла тут все-таки подружка. Но сплетни очень скоро потеряли всякое значение: Гвиччиардини был срочно вызван в Рим.

Он потребовался папе Клименту VII по совершенно неотложному делу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Битва при Бикокке – сражение Итальянской войны 1521—1526 годов, состоявшееся 27 апреля 1522 года, в котором французско-венецианская армия потерпела поражение от папско-испано-имперских сил. На эту тему, собственно, можно было бы поговорить поподробней – общее командование имперскими войсками осуществлял Просперо Колонна, в секретари к которому чуть было не поступил Никколо Макиавелли по рекомендации Пьеро Содерини.

2. Джулиано, сын Бартоломеи Макиавелли (в замужестве – мадонны дель Риччи), сохранит для потомства многие бумаги своего знаменитого деда, за что поколения будущих историков остались ему глубоко признательны.

3. Полный список всех глав «Государя» приведен в приложениях к этой книге.

О том, как прекрасный теоретик может оказаться никудышным практиком

I

В феврале 1526 года король Франциск I получил послание султана Турции, в котором было сказано следующее:

«*Ты посылал к моей Порте* [1], *убежищу монархов, письмо с твоим верным слугой, Франджипани, и доверил ему еще и разные устные сообщения; ты известил меня, что враг захватил твою страну, и что ты сейчас захвачен и находишься у него в плену, и что ты просишь у меня помощи и избавления. Укрепись же духом и не отчаивайся. Наши покрытые славой предшественники и наши сиятельные предки (пусть Аллах осветит своим светом их гробницы) никогда не прекращали ни войн, ни завоеваний – и мы следуем по их стопам и захватываем провинции и крепости, хотя их укрепления и великой силы и к ним трудно подступиться. Но конь наш оседлан и день и ночь, и сабля наша остра. Да поможет Аллах правому делу! Пусть же то, чего хочет Аллах, будет достигнуто!*

Что до остального – расспроси своего посла, и ты узнаешь…»

Письма, как правило, ясны для их отправителей и для их получателей. Но прочим они темны и непонятны. Как мы уже хорошо знаем – к письмам нужен комментарий. Вот с комментариев мы и начнем.

Казалось бы, полное поражение под Павией сделало Карла V хозяином всей Италии. Как сам Франциск I написал своей матери после битвы, попав в плен:

«*Tout est perdu fors l'honneur*» – «*Потеряно все, кроме чести…*»

Короля, конечно, можно понять – поражение было огромным, Франциск I в сражении был два раза ранен, оказался в плену – и его отвезли сперва в замок Пиццигетоне, а потом для пущей надежности переправили в Мадрид.

Но его близкие не посчитали, что «*потеряно все*».

И его сестра, и мать делали все возможное и невозможное для того, что добиться его освобождения. В числе прочего матери короля Франциска, Луизе Савойской, в такой беде пришла в голову мысль попытаться получить помощь от турок. Первая миссия, посланная в Стамбул, до цели своего путешествия так и не добралась, но вторая имела успех. Ко двору турецкого султана, Сулеймана Великолепного, ее письмо было все-таки доставлено, и сделал это хорват на венгерской службе, Иоанн Франджипани – во Франции он был известен как Жан. Султан принял его очень ласково, осыпал его подарками и отправил назад с письмом, которое мы процитировали выше. Сулейман устно пообещал Франциску I самую широкую помощь.

В январе 1526 года заболевший Франциск был отпущен во Францию. Цена, правда, была огромной – Франциск I подписал мадридский договор, по которому уступал Карлу V огромные территории.

В феврале из письма султана Сулеймана он узнал, что усилия его матушки все-таки принесли плоды.

И в результате мир, заключенный в Мадриде, не продержался и полугода. Франциск I нарушил свое слово, отказался выполнить договор и провозгласил в июле 1526 года в городе Коньяк «*священную лигу для освобождения Италии*».

К этой лиге присоединились Англия, Генуя, Милан, Венеция и – на свое горе – папа Климент VII с Римом и подчиненной ему Флоренцией.

II

Про переписку короля Франции с султаном Сулейманом, разумеется, Макиавелли ничего не знал, это держалось в глубоком секрете. Но вот про то, что император Карл V сделал большую ошибку, выпустив своего пленника, говорил своему другу Гвиччиардини сразу же после того, как вести об этом дошли до Италии.

Он был уверен, что Франциск I нарушит обещание.

И неважно, что король дал слово чести, и неважно даже то, что в залог своего слова он оставил Карлу двух своих сыновей – все это неважно. Ибо есть важнейший фактор, который Макиавелли именовал «пользой». Крупнейшие государственные деятели, жившие куда позднее его, нашли другое определение – «государственный интерес». Но как было впервые сказано в «Государе», «*что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание».*

И еще Никколо говорил, что теперь, после опрометчивого освобождения короля из плена, император Карл непременно подвергнется нападению и что война с полной неизбежностью разразится в Италии, и что итальянским государствам следует выступить на стороне французов, ибо империя сильнее и в случае победы поработит все итальянские государства, а победа Франции не может быть полной, и ей и дальше понадобится помощь, и поэтому итальянцам будет оставлено больше свободы действий, и поэтому есть прямой смысл примкнуть к французской стороне. В этом смысле он оказался совершенно прав – так и произошло. Но нам есть смысл заглянуть в «Государя» еще раз и прочесть не только сентенцию Никколо о том, что «*разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию»,* но и то, в какой связи это сказано. Вот то же самое положение, но уже в обрамлении дополнительных условий:

«*Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана.*

Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты

должен поступать с ними так же.

А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется.

Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру».

Благовидный предлог, конечно же, нашелся – король Франциск заявил, что он и отдал бы Бургундию своему «*дорогому брату*» Карлу, да вот беда – Бургундия с этим не согласна. А в ответ на требование императора выполнить свое рыцарское слово чести и вернуться было сказано, что слово было дано по принуждению, и от обязательства его выполнения король Франции освобожден самим папой римским, Климентом VII. И вообще Франция уже собрала войска и готова прояснить ситуацию на поле боя. Так что король Франциск, хоть и не был знаком с Никколо Макиавелли, но повел себя в точности согласно его рекомендациям: и как лиса, и как лев. А вот папа Климент оказался без всяких львиных компонентов – и слаб, и нерешителен.

И он повел себя как лиса – и при этом лиса нерасчетливая.

III

В марте 1526 года, еще до того, как военные действия перекинулись в Италию, Макиавелли написал письмо с неким смелым политическим предложением. Направил он его Франческо Гвиччиардини, но несомненно, в надежде, что тот доведет его идею до сведения папы Климента. Суть же дела заключалась вот в чем: был в Италии такой кондотьер, Джованни ди Медичи. Он доводился родней папе Клименту и сражался при Павии на стороне французов, во главе так называемых Черных Отрядов.

А еще он был сыном знакомой нам графини Катерины Сфорца. Ее третьим мужем был отпрыск одной из младших ветвей рода Медичи, отсюда и фамилия.

Так вот, идея Никколо заключалась вот в чем – поскольку Джованни ди Медичи, прекрасный командир, был на службе у короля Франции и является родственником папы – почему бы тайно не помочь ему всем, чем только можно, в первую очередь деньгами? Вполне возможно, что он сможет создать ядро сил, с помощью которых удастся защитить от вторжения Тоскану

Гвиччиардини, по-видимому, действительно довел это предложение до сведения папы Климента, потому что 31 марта на письмо ответил секретарь папы, Филиппо Строцци. В письме говорилось, что такой шаг наверняка будет расценен императором Карлом как враждебный – так не лучше ли сделать враждебный шаг открыто?

Никколо, конечно, мог бы ответить, что нет, не лучше – Джованни ди Медичи храбр и решителен, а папа Климент только и делает, что колеблется, – но такого рода ответ был политически невозможен, слишком уж неравным было положение советующего по сравнению с тем, кому он пытался дать совет. В общем, из проекта ничего не получилось, но папе пришла в голову другая мысль – он нашел, что Флоренция, стоящая на пути возможного вторжения имперских войск, плохо защищена.

Он послал во Флоренцию графа Педро Наварра, испанского дезертира на папской службе, с миссией проинспектировать стены города, а Макиавелли было поручено графу помочь.

Макиавелли взялся за это дело с такой энергией, что сразу после встречи с Наварро написал довольно детальное предложение о ведении фортификационных работ и отправился с ним в Рим. План был одобрен и папой, и Франческо Гвиччиардини, на мнение которого папа очень полагался – и Макиавелли отправился обратно во Флоренцию с документом,

назначавшим его секретарем новообразованной комиссии по созданию и обновлению укреплений.

Гвиччиардини к тому же написал во Флоренцию своему брату Луиджи с наказом всячески помогать Макиавелли, потому что он именно тот человек, который весь план и придумал и который в силу этого факта заслуживает полного уважения и содействия.

Впервые Макиавелли, после 14 лет отставки, был занят в серьезном деле и на государственном уровне. Он взял к себе в комиссию своего сына Бернардо в качестве ассистента – и работа по обновлению укреплений пошла полным ходом. Он писал Гвиччиардини, что его голова сейчас так полна крепостными стенами, что больше туда уже ничего не помещается.

Гвиччиардини тем временем получил звучный титул генерал-лейтенанта (Luogotenente) папской армии, то есть второго человека после главнокомандующего, и направлен на север, в Пьяченцу, где начали собираться войска лиги, направленной на защиту от Империи. Он нашел их в полном беспорядке – и написал во Флоренцию Макиавелли с просьбой срочно приехать.

И в июле 1526 года Никколо, бросив все свои дела, помчался в Пьяченцу в надежде помочь делу. Ну, ему это не больно-то удалось. Собранные с бору по сосенке солдаты при отсутствии хороших офицеров особой силы из себя не представляли, а у Никколо Макиавелли не было ничего, кроме энергии и энтузиазма. Один из мемуаристов того времени говорил, что «*коли бы бог помог Никколо воплотить в жизнь то, что он задумал, это было бы прекрасно, но пока выходит только «Республика» Платона*» – не слишком деликатный намек на то, что философам не следует заниматься вопросами армии, в которых они разбираются только на теоретическом уровне.

IV

Справедливость этого положения продемонстрировал Макиавелли именно тот человек, за которого он так ратовал – Джованни ди Медичи [2], отважный командир Черных Отрядов, сын знакомой нам графини Катерины. Дело в том, что папа-то Макиавелли в его предложении отказал, но Гвиччиардини к нему прислушался – и в результате Джованни со своим войском примкнул к папским отрядам в Тоскане.

У него было всего несколько тысяч человек, но они были единственной боеспособной силой папской армии, действительно готовой сражаться.

И он предложил Макиавелли небольшой эксперимент: открыв его книгу «Искусство войны» на той странице, где говорилось о построениях пехоты, он предложил Никколо провести три тысячи человек через парадный плац. Ну, результат оказался довольно предсказуем – за полчаса на плацу все перепуталось так, что только вмешательство самого Джованни прекратило хаос и восстановило некое подобие порядка.

«*Какая огромная разница между тем, кто знает дело, и тем, кто выводит свои построения из умозрительных идей*», – написал в своих записках человек, видевший все это лично. Никколо был, конечно, пристыжен.

Стычки войск лиги с имперскими войсками шли до конца 1526 года, и дела их могли бы прийти к печальному концу очень скоро – в Риме разразился мятеж, поддержанный семейством Колонна, и папе пришлось покинуть свой дворец и укрыться в замке Святого Ангела. Ему пришлось в срочном порядке подписывать мирный договор с императором Карлом V, который был сорван почти немедленно. Вообще говоря, Карлу уже в конце августа 1526 года пришлось беспокоиться и по другому поводу – турки выполнили свое обещание и вторглись в Венгрию. В сражении под Мохачем венгерский король Лайош был убит, его столица, Буда, пала. и в Венгрии началось такое смятение, что часть имперских сил пришлось направить на это направление. Дорога от Буды до Вены, столицы наследных владений императора в Германии, была не столь уж далека.

В общем, получилось так, что осенью 1526 года понтифика церкви из беды выручил султан Турции – ситуация, полная едкой иронии, столь свойственной Никколо Макиавелли. Но ему было не до смеха, он просто сходил с ума от пассивности папского войска и писал Гвиччиардини:

«*Папа в отношении своей безопасности верит в росчерк пера*

больше, чем он верит в тысячу солдат».

Под «*росчерком пера*» он имел в виду бесконечные соглашения между Климентом VII и Карлом V. В ноябре 1526 года случилась еще одна беда – в бою был убит лучший командир, который только был у папской армии, Джованни ди Медичи. Макиавелли не держал на него обиды – он искренне думал, что при наличии достаточных средств Джованни мог бы стать тем самым «*государем, способным изгнать варваров из Италии*», о котором он мечтал. Очень возможно, кстати, что это мнение разделял и папа Климент VII – и именно поэтому и не давал Джованни нужных солдат и денег.

Он вовсе не хотел, чтобы один из его командиров стал для него совершенно ненужной ему головной болью, и в общем, его можно понять. Кондотьеры в Италии все были одинаковы. Так и прошел декабрь 1526 года, наступило Рождество.

А потом наступил 1527 год.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Порта (также Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта) (от фр. porte, итал. porta – дверь, врата) – принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства (канцелярии великого визиря и дивана) Османской империи.

2. Он был известен еще и как Giovanni delle Bande Nere – Джованни делле Банде Нери – то есть буквально: Джованни Черных Отрядов.

1527

I

Во Франции было такое понятие – «принц крови» (prince du sang). Подразумевалось – королевской крови. В эту категорию входили законнорожденные потомки французских королей, и родство считали только по мужской линии, ибо принцы крови согласно салическим законам потенциально могли унаследовать престол, а имелось правило: «*негоже лилиям прясть*» [1].

Все совершеннолетние принцы крови входили в Королевский совет, а старший из них и вовсе занимал особое положение. При королях, не имевших сыновей, он был официальным престолонаследником и именовался «вторым человеком королевства».

У Карла VIII не было сыновей, и ему наследовал Луи, сын герцога Карла Орлеанского, первый принц крови, который стал королем Людовиком XII.

У Людовика XII тоже не было сыновей, и ему наследовал двоюродный племянник и зять, первый принц крови – Франциск, граф Ангулемский, который стал королем Франциском I.

При Франциске первым принцем крови стал Шарль де Бурбон [2], и до рождения сыновей короля он считался «вторым человеком королевства».

Шарль де Бурбон, судя по всему, был очень славным человеком. Он обладал всеми достоинствами, которые было положено иметь принцу крови, – он был храбр, щедр и популярен. При Людовике XII он блистал при дворе, очень активно участвовал в государственном управлении и сумел сохранить высокое положение и при Франциске I. Король даже сделал его коннетаблем [3]. Сражение при Мариньяно и последовавшая осада Милана своим благоприятным исходом были многим обязаны его полководческому таланту. Король Франциск благоволил к нему и назначил своим наместником в Милане.

Дальше, однако, что-то между ними сломалось. К 1521 году, после смерти жены Шарля де Бурбона, оставившей ему по завещанию все свои обширные владения, дела его и вовсе ухудшились – на наследство предъявила свои претензии королева-мать, Луиза Савойская.

Она утверждала, что владения Бурбонов должны наследоваться не по завещанию, а по крови, – а поскольку она приходилась племянницей покойному тестю Шарля де Бурбона и двоюродной сестрой его умершей жене, Сюзанне, то и наследовать им обоим должна она.

Сплетен на эту тему ходило немало – например,

утверждалось, что матушка короля Франциска попросту влюбилась в молодого и блистательного Шарля де Бурбона, а он ее любовь высокомерно отверг. Трудно сказать. Луиза Савойская была, правда, на 14 лет старше коннетабля, но в принципе это возможно.

У предположения о влюбленности матушки государя в его молодого и красивого коннетабля есть даже и подтверждение – обсуждалась идея устранить спор, просто обвенчав ее с человеком, с которым она судилась, и она была не против.

Но мысль о том, что он станет мужем Луизы Савойской и, таким образом, отчимом Франциску I, Шарлю де Бурбону привлекательной не показалась, и он ее отверг. Король счел нежелание породниться с ним обидным и конфисковал часть спорных имений еще до судебного разбирательства.

Макиавелли в «Государе» специально оговаривал, что не следует творить зло частично, ибо обиженный может отомстить, а творить его следует разом и так, чтобы никакой возможности мести уже и возникнуть не могло. И еще он советует государю не покушаться на жен своих подданных и не задевать их имущества – ибо человек скорее забудет смерть отца, чем отнятое имение.

Но, по-видимому, Франциск I не читал «Государя».

Как бы то ни было, дела Шарля де Бурбона шли все хуже и хуже, владения его умершей супруги совершенно явно уплывали у него из рук, и он скатывался к наследию отца, графа Монпансье, которое он находил ничтожным.

В таком положении он решил защищать свое добро мечом. Шарль де Бурбон, конечно, не мог выступить против короля Франции сам по себе – и потому замыслил измену. Началась тайная переписка с врагами Франциска I – королем Англии Генрихом VIII и императором Карлом V.

Дело раскрылось, ему пришлось бежать.

Карл V принял его с распростертыми объятьями, всячески обласкал и доверил высокую должность в командовании своих войск. И он не ошибся – Шарль де Бурбон своих качеств превосходного полководца не растерял. Французов вытеснили из Италии, и Шарль де Бурбон перешел Альпы вслед за ними и возглавил вторжение в Прованс. Он даже осадил Марсель. Вообще говоря, Шарль де Бурбон думал провозгласить себя чем-то вроде государя южной части Франции под номинальным суверенитетом Генриха VIII Английского – но ему не повезло. Король Франциск собрался с силами, вновь вторгся в Италию, и осаду Марселя пришлось снимать.

Экс-коннетабль Франции не пал духом. Он продал фамильные драгоценности, на вырученные деньги нанял в

Германии солдат и с этим войском так помог имперским войскам, что многие считали его истинным отцом великой победы Карла V под Павией в 1525 году.

После срыва мадридского мира война возобновилась, шла она довольно вяло, император и папа раз за разом подписывали мир, который тут же срывался, и даже после того, как Климента VII принудили искать спасения от семьи Колонна, он все равно нарушил мир, послав отряд против имперских сил в Неаполе.

И сейчас, в начале 1527 года, Шарль де Бурбон с 20-тысячной армией начал движение на юг, в направлении на владения папы Медичи – на Флоренцию и Рим. Император не смог снабдить свою армию ни деньгами, ни даже продовольствием – и все надежды солдаты возлагали на удачный грабеж.

II

Весь конец 1526 года Макиавелли провел в поездках. Он побывал в Милане, Кремоне и в ноябре оказался в Модене. Здесь он задержался – как-никак ему было уже 57 лет, и поездки верхом через хребет Апеннин в холода и снег начали сказываться даже и на его энтузиазме. Из Модены во Флоренцию он ехал уже помедленнее, делая частые остановки. Наконец-то он снова, как в былые времена, был включен в работу государства, и, с его точки зрения, это оправдывало любые усилия. Хотя с точки зрения достижения чего-то для себя лично он не мог бы похвастаться особыми успехами – за все свои труды он не получил ничего особенного ни с точки зрения денег, ни с точки зрения престижа. И особого толку тоже не выходило.

Гвиччиардини, генерал-лейтенант папских войск, в отличие от своего друга Никколо был наделен и административным опытом, и значительными полномочиями – но и он не мог создать «что-то» из «ничего» или из почти ничего. Он был как бы заместителем герцога Урбинского, командовавшего всеми силами папы Климента, но герцог действовал вяло и нерешительно – уж больно противоречивые указания он получал из Рима, где все никак не могли решить, на что же решиться, и в результате не решались вообще ни на что.

Солдат было совершенно недостаточно, это правда – но деньги вроде бы и были, и при желании из «золота» можно было сделать «сталь», но нет, не делалось и этого... В силу каких-то неведомых причин папа Климент полагал, что лист бумаги, подписанный им и называемый договором, каким-то образом защитит его – и это при том, что совершенно такие же договоры, буквально на днях подписанные им с теми же людьми, сам он нарушал непрестанно.

Что было еще хуже – в надежде показать свою добрую волю папа не стягивал к Риму все войска, какие он только мог бы найти, и более того – даже из Рима и не уезжал. Как писал Макиавелли, «*оставаясь жить в Риме, он позволял поймать себя, как дитя*». В данном случае, говоря о том, что папа ведет себя как ребенок, Никколо вовсе высказывал не восхищение «*детской наивностью и простодушием*», а отвращение перед парализованным страхом дураком, который не бежит от уже приготовленной ему петли.

Хуже всего было то, что армию Шарля де Бурбона, идущую на юг, было трудно контролировать даже Шарлю де Бурбону. Солдатам задолжали жалованье, и дисциплина упала. В войске

было полно «лютеран» – как стали называть последователей Мартина Лютера, – которые на Рим смотрели как на «*блудницу Вавилонскую*», используя цитату из проповедей их кумира.

Макиавелли никакой надежды на то, что дела как-то поправятся, уже не имел: «*глядя на поведение Франции и венецианцев (союзников папы) и принимая во внимание состояние наших войск и мощь и упорство наших врагов, мы можем считать, что война уже проиграна*».

В феврале 1527 года комиссия Восьми, которая в то время занималась военными делами Флоренции, срочно отрядила Макиавелли в Парму, где в это время находился Гвиччиардини, с просьбой как-то помочь. И Никколо отправился в путь – и оставался при папской армии все то время, что она отступала перед войском Шарля де Бурбона, сначала до Болоньи, а потом и еще на юг, до Форли, старой цитадели, где когда-то молодой, в ту пору 29-летний, Никколо Макиавелли вел переговоры с величавой красавицей, графиней Катериной Сфорца.

Графиня Катерина умерла еще в 1509-м, ее насильник, Чезаре Борджиа, был убит в Наварре еще раньше, в 1507-м, ее сын от третьего брака, Джованни ди Медичи, похоронили поздней осенью 1526-го, а Никколо Макиавелли, который знал всех троих – и графиню, и Чезаре, и Джованни – сидел сейчас все в том же Форли и смотрел на вещи с полной безнадежностью.

Солдаты после долгого отступления по колено в снегу измучились, на победу у них никакой надежды уже не было, командиров, способных поднять их боевой дух, не имелось – и дезертирство пошло просто повальное. В первых числах апреля 1527 года имперская армия находилась на расстоянии нескольких дневных переходов от Флоренции, и Макиавелли послал письмо жене и детям с наказом бросить их именьице и срочно переезжать в город, под защиту его стен.

7 апреля сын Гвидо ответил ему очень «*успокаивающим*» письмом, в котором говорил следующее:

«*…Что до немецких ландскнехтов, то мы больше не беспокоимся на их счет, потому что ты сказал, что постараешься быть с нами, если что-то случится. И монна Мариетта* [жена Никколо Макиавелли и мать его сына Гвидо]*больше не боится. Напиши нам, если враг задумает подойти и нанести ущерб нашему имуществу, потому что у нас много еще чего осталось в деревне*».

То есть, по-видимому, до Гвидо явно не доходит, что его могут зарезать просто назавтра, вместе с матерью и с его братьями и сестрами, и присутствие Никколо никого из них не спасет, но инструкции отца он все же выполнил, уехал в их городской дом и вот только беспокоится немного – как бы

оставленное на ферме имущество не пострадало.

Все-таки умственные способности родителей не всегда передаются их потомству.

III

Те силы, что еще оставались в распоряжении Гвиччиардини в Форли, могли быть направлены либо на юг, на защиту Рима, либо на запад, на защиту Флоренции – и при этом без особой надежды на успех. Никколо написал Франческо Веттори, что нужно срочное, немедленное решение: мир абсолютно необходим, но прекратить войну в одностороннем порядке невозможно, *«а у нас на руках государь* [он имел в виду папу Климента]*, который не может решиться вообще ни на что*».

У Франческо Гвиччиардини решимости оказалось побольше. 16 апреля он дал приказ выступать из Форли к Флоренции. Сделано это было на его страх и риск, потому что никаких инструкций из Рима он не получил. Макиавелли, надо сказать, был просто в восторге – ничего на свете он не ценил больше, чем родной город. Преисполненный благодарности, Никколо написал Гвиччиардини письмо восторженное, совершенно не в его обычном духе письмо «*с большим количеством восклицательных знаков*», если так можно выразиться, – и немедленно отправился во Флоренцию.

Город он застал в состоянии почти открытого мятежа. Нерешительность Климента VIII и отсутствие надежды на защиту с его стороны подорвали всякое к нему уважение. Даже тот факт, что войска Гвиччиардини подошли к стенам Флоренции, и то не помог. Солдаты пришли голодными, жалованье им вовремя не платили – точно так же, как и имперским наемникам под командованием Шарля де Бурбона, – и они начали грабить округу. 26 апреля 1527 года толпа возбужденных молодых людей взяла штурмом здание Синьории и попыталась свалить правительство.

Положение опять спас мудрый Франческо Гвиччиардини – он убедил мятежников сдать оружие в обмен на полное прощение и забвение всех их «*поспешных действий*».

В общем-то, неизвестно, чем бы кончилось дело в ситуации, когда население города оказалось готово поднять оружие против войск, которые теоретически этот город защищают, но тут вмешался слепой случай.

Экс-коннетабль Франции, Шарль де Бурбон, буквально в последнюю минуту решил свернуть с пути на Флоренцию и повернуть на Рим. Почему он так сделал, сказать трудно. Может быть, ему не хотелось драться даже и с тем слабым прикрытием Флоренции, которым располагал Гвиччиардини, может быть, ему казалось более привлекательным делом изловить папу Климента,

который пребывал в Риме – сказать трудно. Но, как бы то ни было, он двинулся к Риму и к вечеру 4 мая 1527 года подошел к его предместьям. В составе его войск шли испанцы под его личным командованием, немцы под командой Георга фон Фрундсберга, итальянские наемники-кондотьеры под командой членов семей Гонзага и Колонна.

К ним примкнули и многие дезертиры из папской армии, и просто бандиты, надеявшиеся перехватить из добычи то, что удастся.

В самом начале осады Шарль де Бурбон был убит шальным пушечным выстрелом. До конца его дней Бенвенуто Челлини [4] уверял, что выстрел этот сделал лично он.

Человек он был шумный, скандальный, очень талантливый и к тому же большой враль. Очень вероятно, что он действительно стрелял по группе всадников, можно поверить, что он целил в самого высокого из них, но вот в то, что именно он сумел в него попасть, – это очень и очень сомнительно. Не такие тогда были самопалы, чтобы можно было рассчитывать на прицельный выстрел с большого расстояния, а стрелял он с башни.

Разве что опять вмешался слепой случай? Не знаю. Трудно сказать хоть с какой-то определенностью. Но, как бы то ни было, Челлини – или кто другой – в цель все-таки попал, и Шарль де Бурбон, экс-коннетабль Франции, бывший первый принц крови, несостоявшийся граф Прованский, готовый дать вассальную присягу Генриху VIII, королю Англии, изменивший своему королю и своей стране, окончил свое земное существование в самом вроде бы неподходящем для доблестного рыцаря положении – при осаде столицы христианского мира и резиденции главы церкви, папы римского.

Шестого мая 1527 года его армия, потерявшая и единое руководство, и расшатанную и до того дисциплину, начала штурм Рима.

IV

Последовал чудовищный разгром. Папа римский, как всегда в случае опасности, укрылся в замке Святого Ангела. Защищаться ему было нечем, у него было только тысяч пять ополченцев во главе с кондотьером Ренцо да Чери, да еще солдаты его швейцарской гвардии. Из тех 189 швейцарцев, что были при Клименте VII, 147 погибли, но они дали ему возможность бежать из своего дворца в замок.

В Риме в то время жило около 50 тысяч человек, и это был богатый город. Он, конечно, мало что производил и занимался в основном, так сказать, обслуживанием. Если верить автору подробной и авторитетной книги о роде Медичи, в Риме было 7 тысяч проституток, во что, честно говоря, верится с трудом. Как-никак, для этого ремесла требуется некоторая привлекательность, и при 50-тысячном населении наличие 7 тысяч куртизанок означает, что в городе не было ни одной порядочной женщины в возрасте от 18 до 38. Но, как бы то ни было, Рим был богатым городом, в нем сосредоточились все административные функции всей тогдашней «вселенской» церкви. В Риме жили кардиналы, и их дворцы представляли собой заманчивую добычу. В Риме были богато украшенные церкви и высокочтимые святилища, и все они были набиты ценностями.

Наконец, в городе во множестве были живые люди, и их можно было пытать, насиловать и убивать. Дикая резня, разразившая в Риме в мае 1527 года, потрясла Европу. Это было нечто чудовищное, что превзошло воображение не только незадачливого Гвидо Макиавелли, который беспокоился только о том, чтобы не пострадали его курятники, и начисто не понимал, что его могут зарезать, но и людей куда его поумнее.

Трупы валялись кучами, кровь текла по улицам ручьями в совершенно буквальном смысле, людей резали на части и скармливали им куски их собственной плоти, вопили подвешенные над кострами несчастные, у которых требовали показать, где спрятаны их ценности, монахинь насиловали прямо на улицах – и не было никакой силы, способной все это остановить.

Восьмого мая в Рим приехал кардинал Помпео Колонна, личный враг папы Климента VII. Он принадлежал к могущественной семье римских «баронов», Колонна. Как и семейство Орсини, с которыми Колонна отчаянно враждовали, у них было множество земельных владений вокруг Рима, так что кардинал привел с собой некоторое войско, составленное из его

вассалов. Положим, он прибыл в Рим для того, чтобы поучаствовать в грабеже, но все же он никак не предполагал, что грабить будут дворцы и его, и его союзников. Он попытался прекратить резню – но тщетно. Все, что он смог сделать, – это укрыть в своих имениях тех, кто смог заплатить за защиту.

Спасти церкви он даже не пытался. Количество перепорченного, изгаженного и уничтоженного церковного имущества не поддается учету. На одной из фресок Рафаэля копьем были выцарапаны слова «Мартин Лютер».

Но обвинить в произошедшем только немецких лютеран было бы несправедливо. Испанцы и итальянцы, добрые сыновья католической Церкви, делали в Риме ровно то же самое и громили монастыри с ничуть не меньшим энтузиазмом, чем германские поклонники Лютера.

Только 6 июня Климент VII был выпущен из замка Святого Ангела, заплатив фантастический по тем временам выкуп в 400 тысяч дукатов. Кроме того, святейший престол отказывался от своих прав на Парму, Пьяченцу, Чивитавеккью и Модену, а уж заодно – и епископство Утрехта. Все это отходило к императору Священной Римской империи, войска которого разгромили Рим так, как когда-то его разнесли дикие готы.

Пользуясь случаем, венецианцы захватили Равенну.

Лютер в Германии, когда до него дошли вести о том, что случилось, говорил, что «*тот самый император Карл V, который по просьбе папы римского преследовал Лютера, оказался вынужден уничтожить папу для Мартина Лютера*».

И благочестиво добавлял: «*Неисповедимы пути Господни…*»

V

Вести о разгроме Рима и о практически полном пленении Климента VII имели самые серьезные последствия для режима Медичи и во Флоренции – он попросту рухнул.

Об этом режиме, вообще говоря, есть смысл сказать пару слов. Папа Климент, как и положено папе римскому, жил в Риме. Но Флоренция рассматривалась им как его семейное достояние, и он намеревался оставить это достояние в семье. После смерти сына Лоренцо Великолепного, Джулиано Медичи, а потом и его внука и тезки, Лоренцо II, сына Пьеро Глупого, все надежды были сосредоточены на двух юношах, Ипполито и Алессандро Медичи. Оба они были незаконными отпрысками рода – Ипполито был внебрачным сыном Джулиано Медичи, а его кузен, Алессандро, считался сыном Лоренцо II, но на самом деле, скорее всего, был незаконным сыном самого папы Климента. Их обоих поселили во Флоренции как ее будущих правителей еще в 1524 году, но поскольку они были слишком молоды, – Ипполито было тогда всего лишь 13 лет, а Алессандро – 14, – то правил вместо них их воспитатель, кардинал Поссерини.

Ну, в мае 1527 года его выгнали вместе с обоими его воспитанниками, а во Флоренции была вновь провозглашена республика.

Никколо Макиавелли приехал во Флоренцию в мае 1527 года. Он находился в странном положении – его должность, в сущности, состояла в том, что он был эмиссаром не существующего больше правительства к армии, у которой больше не было никакого командования. Уж с какими чувствами въезжал он в городские ворота, судить не берусь. Надо думать, его грызла мысль, что вот и сейчас, в 1527-м, он оказался на стороне проигравших – в точности, как это случилось с ним пятнадцать лет тому назад, в 1512-м.

Тем не менее были и надежды. Во Флоренцию вернулись его друзья – те, что уцелели после разгрома кружка садов Орти Оричеллари, Лодовико Алламани (тезку и кузена которого казнили в 1522-м) и Дзаноби Буондельмонти. Оба они были по-прежнему очень расположены к Никколо и вместе с ним надеялись на то, что он будет назначен на свою прежнюю должность, но, увы, они оказались в меньшинстве.

А большинство было решительно настроено против Никколо, причем обвиняли его самые разные люди, буквально со всех концов политического спектра Флоренции. Люди благочестивые ставили ему в вину то, что он плохо соблюдал посты и крайне

редко ходил на проповеди, люди солидные и благонамеренные – то, что он сидел в трактире и писал всякие там комедии, – а лучше всех высказался почтенный Леоне Альбицци, представитель знатного рода, один из отцов города и истинный столп общества:

«*Отечество нуждается в людях благонадежных, а не ученых. Макиавелли – историк, он насмешник и считает себя выше других*».

Хуже всего, конечно, на его репутации сказалась близость к рухнувшей власти. Его называли «*продажным и вероломным льстецом, готовым служить любому хозяину*». Было и такое высказывание – «*Макиавелли – папский шут на службе Медичи*», это лихое определение, по-видимому, возникло в результате того, что он был автором «Мандрагоры» и «Клиции».

В конце концов, обе комедии ставили во Флоренции и видели их очень многие. В общем, как бы то ни было, но на выборах кандидатура Никколо Мекиавелли была провалена: за него было подано только 12 голосов, а против – 555.

Он на возводимые на него обвинения либо никак не возражал, либо его доводы, если он их и приводил, в дошедших до нас записях современников не отразились и до нас не дошли.

Лет эдак через 150 после описываемых событий в Англии было изобретено понятие служения стране, а не конкретному правителю, и Макиавелли, живи он тогда, через полтора столетия после 1527 года, мог бы сказать, что он всегда, твердо и неизменно, служил родной Флоренции, какую бы форму правления она ни избирала. Но он жил не в 1700-м в Англии, а в 1527-м, во Флоренции, и сограждане бы его не поняли. Они считали, что служил беспринципно то одному, то другому режиму – а он считал, что в обоих случаях, как честный чиновник [5], служил государству.

Он и в этом отношении сильно обогнал свое время.

VI

Десятого июня 1527 года некто Франческо Таруги, бывший секретарь комиссии Восьми, был назначен на пост секретаря Второй Канцелярии Республики Флоренция. Про него ничего особенного не было известно, кроме того, что он был человек благоразумный и осмотрительный, что выразилось в том, что он, бывший добросовестным клерком, вовремя перешел на сторону нового режима.

В тот же день, 10 июня 1527 года, бывший секретарь Второй Канцелярии Республики Флоренция, Никколо Макиавелли, слег с сильной болью в животе. Промучившись несколько дней, он попытался излечиться тем самым слабительным, которое он когда-то насмешливо предлагал Гвиччиардини как надежное средство от запора.

Это средство, однако, вызвало острый кризис, и 22 июня он скончался, по всей вероятности, от перитонита. Его сын, Пьетро, написал дядюшке Франческо, брату своей матери:

«*Дорогой дядя,*

я со слезами извещаю тебя, что наш отец, Никколо, умер 22 числа этого месяца, от болей в животе, вызванных лекарством, которое он принял 20-го. Он исповедался в своих грехах брату Маттео, который и оставался с ним до самой его смерти.

Как ты знаешь, отец оставил нас в глубочайшей бедности…»

После смерти Макиавелли было много сомнений в том, что он действительно исповедовался перед смертью – репутация у него была такая, что в искреннее раскаяние и желание примириться с Церковью верилось с трудом. Но скорее всего, это правда – его сыновья, и Гвидо, с которым мы уже успели познакомиться, и Пьетро, написавший вышецитированное письмо, были люди не шибко хитрые.

Со смертью Макиавелли связана и еще одна история, которая кочует из одной его биографии в другую: якобы он сказал, что предпочитает находиться в аду вместе с дохристианскими философами древности, с тем чтобы обсуждать с ними вопросы общества и государства, чем попасть в рай с бедными глупцами, которые только туда и стремятся.

Легенда эта возникла чуть ли не на следующий день после его смерти – и получила хождение, разумеется, только в кругу людей, которые его лично знали. Всем остальным это было бы просто неинтересно. Смерть Никколо Макиавелли прошла совершенно незаметно, его дети схоронили его тихо и без особых церемоний – им надо было делить его именьице, приносившее

100 флоринов в год, на шестерых: четырех братьев и двух сестер.

Как совершенно справедливо написал Пьетро в письме к своему дяде: «*Отец оставил нас в глубочайшей бедности*».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Правило наследования престола во Франции исключало женщин из линии наследования. Лилии – символ королевской власти, прядение считалось занятием, приличествующим женщинам. Ближайшие родственники короля (его сыновья, внуки, правнуки) в XVII—XVIII веках считались не принцами крови, а членами королевской фамилии.

2. Карл (Шарль) III де Бурбон (фр. Charles III de Bourbon) – 8-й герцог де Бурбон, граф де Монпансье, сын Жильбера, графа де Монпансье и Клары Гонзага. В 1505-м по воле Людовика XII женился на Сюзанне де Бурбон (1491—1521). После смерти Пьера II к Карлу III перешло старшинство среди Бурбонов вместе с герцогским титулом.

3. В XIII веке коннетабль – главнокомандующий королевской армией во время войны с привилегией возглавлять авангард армии, находящейся под командованием короля.

4. Бенвенуто Челлини (итал. Benvenuto Cellini; 3 ноября 1500, Флоренция – 13 февраля 1571, Флоренция) – выдающийся итальянский скульптор, ювелир, живописец и музыкант эпохи Ренессанса.

5. Никколо Макиавелли при увольнении отчитался во всех доверенных ему суммах, и, как показала даже враждебно к нему настроенная ревизия, оказался полностью чист.

О том, что было потом

I

Ну, что сказать? Возрожденная было Республика Флоренция прожила только три года. Император Карл V был добрым католиком, разрыв с папой тяготил его совесть, и он постарался устранить его как можно скорее. Первым делом он испросил у Климента VII отпущения грехов за случившийся разгром Рима – и отпущение было ему охотно даровано. Дальше можно было поговорить о делах.

Разумеется, воротить однажды сделанное было уже невозможно, престиж папства был подорван, и император не собирался отказываться от своих завоеваний, но вручить папе Клименту некий утешительный приз было вполне возможно. Имперские войска осадили Флоренцию, и республика не смогла выстоять против великой державы.

Город продержался девять месяцев, но в конце концов ему пришлось сдаться. Правителем Флоренции был поставлен Алессандро Медичи, а в 1532 году Карл V и вовсе сделал его герцогом Тосканским. Флоренция стала столицей герцогства, а само оно – чем-то вроде вассального владения императора Карла. Алессандро оказался плохим правителем – он охотно казнил людей по наговору, насиловал женщин из хороших семей и в итоге уже через 5 лет, в 1537-м, его зарезал его же кузен. Флорентийцы не решились снова провозгласить республику и избрали своим герцогом Козимо Медичи. Как ни странно, мы уже кое-что знаем о нем: он был сыном Джованни Медичи, того самого, который посмеялся над Макиавелли, предложив ему покомандовать на параде.

Таким образом, Козимо был внуком графини Катерины Сфорца.

Это вряд ли помогло бы ему в династических расчетах, но ко всему прочему он был женат на Марии Сальвати, по материнской линии внучке Лоренцо Великолепного. Так что вот именно с династической точки зрения все было в порядке. Все-таки усилия папы Льва X и его кузена, папы Климента VII, не пропали даром: династия Медичи прочно утвердилась в качестве великих герцогов Тосканы – не граждан, а государей Флоренции.

Медичи все-таки конвертировали свое богатство и влияние в княжеское достоинство. Екатерина – дочь Лоренцо II Медичи была женой Генриха II и матерью Карла IX, Генриха III и знаменитой красавицы Маргариты Наваррской, жены великого французского короля, Генриха IV.

Пользовалась во Франции репутацией отравительницы и

убежденной «макиавеллистки».

Среди представителей семьи Медичи значится четверо римских пап – Лев X, Пий IV, Климент VII, Лев XI – и две королевы Франции – Екатерина Медичи и Мария Медичи.

Семейству Борджиа повезло куда меньше. Из всех детей папы Александра VI Борджиа только Лукреция оказалась на достойном дочери папы месте владетельной герцогини. При ее дворе в Ферраре были очень заметные люди. Савонарола в свое время звал ее «*отравительницей и безжалостной убийцей, кровосмесительницей, прелюбодейкой, исчадием ада и отродьем гремучей змеи, дочерью шакала и гиены*», но, по-видимому, страшная слава клана Борджиа только добавляла ей притягательного обаяния. Ее портреты писали лучшие художники [1], и в нее по-прежнему влюблялись. У нее одно время была страстная связь с Франческо Гонзага, маркизом Мантуи, мужем Изабеллы д'Эсте. А поскольку Изабелла была родной сестрой мужа Лукреции, Альфонсо, то сплетни и пересуды о ней и ее любовниках по-прежнему занимали много места в скандальной хронике того времени. Но Лукреция умерла при родах в 1519 году, и с тех пор имя Борджиа исчезло с политического горизонта.

У императора Карла, владыки рыхлой империи из сложенных вместе владений в Нидерландах, Испании, Новом Свете, Италии и Германии, хватало проблем посерьезнее, чем заботы о судьбах итальянских династий вроде Медичи, или Гонзага, или Борджиа.

II

Его война с Францией как шла, так и шла, не останавливаясь и не утихая. Союз Франциска Первого с султаном Сулейманом удалось в известной мере уравновесить, установив в 1529 контакт с шахом Персии – теперь и Турции грозила война на два фронта. Конечно, зрелище союза сильнейшего из монархов христианского мира с безбожными персами несло в себе некоторый соблазн для верующих католиков, но политическая необходимость безусловно перевешивала теологические возражения.

Но если с шахом удалось достигнуть некоего взаимопонимания, то вот сделать то же с собратьями по христианской вере оказалось невозможным. Граница пролегла не только между добрыми католиками и последователями Лютера, но и между вариациями того, что поначалу было единым учением «евангелистов». Томас Мор был прав – как только Лютером было сказано, что единственный источник истины – это Евангелия и собственная совесть христианина и что ни папа, ни вселенские соборы не могут давать никаких установлений, обязательных для всех, начался и раскол среди «евангелистов».

Возникли новые варианты учения помимо лютеранства и новые пророки помимо Лютера – Цвингли, Кальвин…

В 1529 году Филиппом Гессенским была предпринята попытка объединить усилия сторонников Лютера и Цвингли в ходе совместного диспута в Марбурге. Стороны не смогли договориться по одному пункту из шестнадцати. В результате Лютер отказался признать в Цвингли единоверца.

В июне 1530 года Карл V созвал Аугсбургский рейхстаг (или сейм) в целях примирения католиков и протестантов перед лицом турецкой угрозы. Протестанты представили уже не одно, а два исповедания – договориться не смогли ни с тем, ни с этим.

В Скандинавии, за пределами Священной империи германской нации, дела шли еще хуже – там возникли уже государства, отрицающие папу как религиозный авторитет. Один из студентов Мартина Лютера, Ганс Таусен, произвел в Дании истинный религиозный переворот – ему покровительствовал король Дании, Фредерик I. В 1527 году в Швеции на Вестеросском риксдаге главой церкви был провозглашен король, а имущество монастырей было конфисковано в пользу короны. Делами церкви стали управлять светские лица, назначенные королем, отношения с папством были прерваны и больше не возобновлялись.

Огромные неприятности для церкви начались в Англии. И спор-то вроде бы был ни о чем – король Генрих VIII страстно

жаждал иметь сына, которого его жена, как было очевидно для всех, родить не могла, ему же тем временем приглянулась красавица Анна Болейн, и Генрих попросил папу аннулировать его постылый брак. Он хотел получить свою возлюбленную Анну законно и официально, с тем чтобы их будущий сын был рожден в законном браке.

Поэтому король просил признать его существующий брак «*заключенным по ошибке*», ибо он женился на вдове своего брата и теперь, по зрелом размышлении, находит это неправильным. Ну и в дополнение к этому он хотел, чтобы папа даровал ему желанную холостяцкую свободу.

Такого рода просьбы папе от коронованных особ, в принципе, исполнялись чуть ли не обратной почтой, но папа Климент отказал королю Генриху. Сделать иначе он никак не мог – супруга короля Генриха VIII была испанской принцессой, родной сестрой матери императора Карла.

Климент после разгрома Рима и оккупации итальянских провинций имперской армией не смел и думать о том, чтобы нанести Карлу V такую обиду, как перед лицом всей Европы признать тетушку императора «*супругой по ошибке*», король Генрих оскорбился – и в результате папа стал именоваться в Англии не папой, а всего лишь епископом Рима, а главой английской церкви король провозгласил самого себя. Монастыри начали громить, церковные владения конфисковывать в пользу короны…

А для английских католиков настали тяжелые времена.

III

Кардинал Реджинальд Поул [2] как раз и был одним из этих английских католиков. В 1538 году он был возведен папой римским в сан кардинала и назначен папским легатом (послом). После отлучения английского короля Генриха VIII от церкви отношения Рима с Генрихом VIII дошли до точки кипения. Святой Престол имел сильное желание «наказать» непокорного монарха путем создания изоляции от всего католического мира и к дворам могущественных монархов – например, к императору Карлу V, королю Франциску I и прочим – была направлена специальная миссия, возглавляемая папским легатом, кардиналом Поулом.

И вот в 1539 году, примерно через 12 лет после тихой и незаметной смерти Никколо Макиавелли, кардинал Поул обратился с посланием [3] к императору Карлу V, в котором о Никколо было, в частности, написано следующее: «*Этот человек – враг рода человеческого и палец Сатаны. Яд, им изливаемый, распространяется повсеместно, даже и при дворах государей*».

Кардинал был совершенно уверен, что Томас Кромвель, в то время главный министр короля Генриха Английского, был вдохновлен в своей деятельности трудами Никколо Макиавелли, ибо где же еще он мог почерпнуть и отрицательное отношение к иерархам церкви, и утверждение примата государства в его спорах с духовной властью? И вот по поводу этой гневной диатрибы есть смысл сделать одно попутное замечание.

Императору Карлу V в 1539 году исполнялось как раз 39 лет – он, как мы помним, родился в юбилейном, 1500 году. Он был просто по положению своему обязан служить образцом для монархов Европы, и действительно старался делать это. В частности, император изучал книгу Бальдассаре Кастильоне «Придворный». Она действительно так называется, если переводить ее название буквально, но куда лучшим русским эквивалентом было бы «Дворянин» или даже уж и вовсе современный термин – «Джентльмен». Книга рисовала портрет идеального дворянина – достойного, мужественного, лояльного к друзьям и к своему государю, во всей мере владеющего искусством беседы, безусловно честного, тонкого знатока манер и приличий, охоты и войны, покровителя искусств…

Это воплощенное совершенство должно было «*красиво драться на шпагах, изящно ездить на лошади, изысканно танцевать, всегда приятно и вежливо говорить и даже изощренно ораторствовать, владеть музыкальными инструментами, никогда не быть искусственным, но всегда только простым и*

естественным, до мозга костей светским и в глубинах души верующим».

В книге и про любовь было сказано немало хорошего, Амур объявляется подателем всех благ и наслаждений в жизни, и вообще все расписано в больших деталях, вплоть до того, что совершенно серьезно трактуется вопрос о музыке:

«*Прекрасной музыкой… кажется мне та, которая поется с листа уверенно и с хорошей манерой; но еще лучше пение под виолу, ибо в музыке соло, пожалуй, заключается прелесть; красивая мелодия и манера игры замечаются и слушаются с гораздо большим вниманием, ибо уши заняты лишь одним голосом; при этом легче примечается каждая малейшая ошибка, чего нет при пении совместном, где один помогает другому. Но приятнее всего мне кажется пение под виолу для декламации; это придает столько изящества и силы впечатления словам, что просто удивительно!..*»

Так вот, согласно свидетельству понимающих людей [4], книга Кастильоне была одной из тех трех книг, которые император Карл V прочел в своей жизни с большим вниманием.

А две другие назывались «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь» и принадлежали перу того самого «*пальца Сатаны*», Никколо Макиавелли.

IV

Если принять во внимание хронологию, то картина, складывается такая:

1. Никколо Макиавелли, выкинутый со службы, в 1513 году написал книгу «Государь» с целью привлечь к себе внимание нового режима Медичи, установленного в Риме и в его родной Флоренции. Его постигла неудача, им не заинтересовались.

2. В 1527 году он умер, будучи известен как «*шут и автор скабрезных комедий*», так и не получив никакого общественного признания в качестве политического писателя.

3. В 1532 году, через 5 лет после смерти Никколо Макиавелли, «Государь» был в первый раз напечатан.

4. В 1539 году, еще через 7 лет, его труды оказались отмечены особым вниманием церкви как «*источающие яд*», а сам Никколо был назван «*пальцем Сатаны*».

5. Две эти самые «*источающие яд*» книги оказались в числе тех трех, которые читал самый могущественный монарх христианского мира, император Карл V.

Учтем еще один факт – император знал Бальдассаре Кастильоне лично и ценил его так высоко, что папа Климент специально избрал Кастильоне на роль своего посла к Карлу V и даже с официальным значением – он сделал его своим нунцием [5]. Так что когда император избрал труд Кастильоне как руководство к совершенствованию своих манер, он руководствовался еще и симпатией к автору книги. Что до Макиавелли, то он его даже никогда и не видел. Однако вот читал и читал, раз за разом. Причем вообще складывается впечатление, что он рассматривал их как своего рода учебное пособие.

И негативное мнение церкви по этому поводу его не беспокоило.

Впрочем, если Макиавелли не одобрялся католической церковью, то это обстоятельство не делало ее оппонентов добрее к его трудам. Это кардинал Поул был твердо уверен, что создатель англиканской церкви Томас Кромвель действует по наущению Сатаны и по конспекту, составленному Макиавелли, но публицисты протестантов, напротив, именно Макиавелли считали истинным вдохновителем движения контрреформации.

Таким образом, обе стороны, стоявшие по разные стороны глубокой пропасти религиозного раскола Европы, считали, что их враги пользуются трудами Никколо Макиавелли как руководством. Очень может быть, что обе стороны были правы –

он рассматривал политику с «технологической» стороны.

А пила ведь не размышляет над тем, что именно она пилит.

Вообще, если подумать, то в истории жизни Никколо Макиавелли поражает его невезение. Его современниками были, например, крупные историки и писатели, Франческо Гвиччиардини и Пьетро Бембо. С Гвиччиардини мы знакомы. Его «История Италии», как и «Государь», тоже была издана после смерти автора, но признание он получил еще при жизни. После возвращения Медичи во Флоренцию в 1530 году он стал одним из наиболее влиятельных деятелей нового режима. Да и вообще, откладывая в сторону вопросы власти и влияния, он был и богат и знатен, и жизнь вел куда более приятную, чем его друг Никколо.

Историк Венеции, Пьетро Бембо, в 1513 году стал секретарем папы Льва X, на время понтификатов Адриана VI и Клемента VII пользовался уважением и почетом, с 1529 года – историограф Венецианской республики, с 1530 года – руководил библиотекой Святого Марка.

В 1539 году получил титул кардинала и епископство Губбио в 1541-м, благодаря своему разностороннему образованию считался долгое время кандидатом в папы. Наконец, по всей вероятности, одно время он был любовником Лукреции Борджиа – что, конечно, по значению не идет в сравнение с саном кардинала, князя церкви, но все же добавляет некую пикантную деталь к его биографии.

Оба знаменитых историка надолго пережили умершего в 1527-м Никколо Макиавелли: Гвиччиардини умер в 1540 году, Бембо – в 1547.

Их обоих в Италии и чтили, и читали, когда в 1559 году «Государь» Макиавелли в первый раз попал в индекс книг, запрещенных церковью.

К 1588 году, через поколение, и Гвиччиардини, и тем более Бембо уже несколько позабыли, да и вообще, в разгар религиозных войн, раздиравших Европу, было не до них. Фокус политических событий сместился из Италии в Нидерланды, во Францию, в Англию и в Испанию.

Уже очень немолодой к тому времени Филипп II, король Испании, сын императора Карла, готовил к походу свой флот. Он, признанный глава католических государей Европы, собирался сокрушить «*проклятую еретичку*», Елизавету I Английскую, дочь Генриха VIII – и тем сломать хребет всему протестантскому делу. Англичане, готовясь к бою с испанской Армадой, оснащали корабли и лили пушки.

Пропагандисты обеих сторон изо всех сил обвиняли друг друга в «макиавеллизме».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, великий итальянский живописец эпохи Ренессанса Лоренцо Лотто.

2. Реджинальд Поул (англ. Reginald Pole) – английский кардинал, потомок английской королевской династии Плантагенетов.

3. Документ назывался «Apologia Reginaldi Poli ad Carolum V».

4. Об этом пишет автор биографии Карла V, Франческо Сансовино, Francesco Sansovino, biographical sketch, 1567

5. Нунций (от лат. nuntius – вестник) – постоянный дипломатический представитель Ватикана в иностранных государствах, приравниваемый по рангу к послу.

Некая загадка – и попытки ее разрешения

I

Человек, возглавлявший вторжение в Италию в 1796 году, спустя примерно два с половиной века после смерти Макиавелли был не государем, а всего лишь генералом республики. Но определению идеального государя как «*комбинации льва и лисы*» он соответствовал просто идеально. Качества «льва» он продемонстрировал совершенно наглядно, сокрушив все посланные против него армии империи. А «лисой» оказался такой, что самые изощренные австрийские дипломаты называли его не иначе как «*бессовестным сутягой*» и «*вымогателем*». Но подписали все, что он им продиктовал, – у них не было другого выхода. Конечно, генерал Наполеон Бонапарт был не Чезаре Борджиа, он не приказывал удавить людей, с которыми у него возникали мимолетные разногласия. Но вот Венецианскую Республику, пережившую республику Флоренцию на две с лишним сотни лет, ликвидировал без всяких колебаний и в точном соответствии с рекомендацией Никколо – из соображений целесообразности. Ему был нужен разменный материал для завершения войны с Австрией, вот и все – а Венеция, хоть и была нейтральна, но подвернулась под руку. Он вообще широко относился к чужому имуществу. Во Францию хлынул поток денег и прочих ценностей, включая конфискованные мимоходом предметы искусства.

В этой связи есть смысл заглянуть в «Государя», мы найдем там вот что:

«…Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имущество, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздаривать щедрой рукой…»

Позднее, когда Наполеон станет уже не генералом, а повелителем половины Европы, он будет слыть весьма экономным и даже прижимистым государем. И Макиавелли объясняет нам, почему это произошло:

«*…Ради того, чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость – это один из тех пороков, которые позволяют ему править.*

Если мне скажут, что Цезарь проложил себе путь щедростью и что многие другие, благодаря тому, что были и слыли щедрыми, достигали самых высоких степеней, я отвечу: либо ты достиг

власти, либо ты еще на пути к ней.

В первом случае щедрость вредна, во втором – необходима. Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить, но владычеству его пришел бы конец, если бы он, достигнув власти, прожил дольше и не умерил расходов…»

Что же касается неслыханных контрибуций, которые он выжимал из побежденных, то и тут все ясно:

«*…А если мне возразят, что многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором – как можно большая щедрость…*»

Как мы видим, Наполеон, великий практик науки власти, с большой точностью следовал всем рекомендациям Макиавелли, великого теоретика власти – но при этом очень охотно говорил, что Макиавелли, как истый теоретик, «*ничего не понимал в делах правления*».

А Наполеон, надо сказать, в политике очень не любил теоретиков:

«*Я никогда не мог одолеть больше одной страницы Тацита, это – невероятный болтун*».

II

Хотя казалось бы – к Никколо, великому стороннику реальности, великий император мог бы подойти и поснисходительнее? Скажем, вот эта мысль Наполеона кажется чуть ли не буквальной цитатой из «Государя»:

«*Девятнадцать из двадцати тех, кто управляет, не верит в мораль, но они заинтересованы в том, чтобы люди поверили, что они пользуются своей властью не во зло: вот что делает из них порядочных людей*».

Может быть, и мог бы, но он видел Никколо Макиавелли глазами великих философов своего века. А как видели его они? Ну, в качестве примера можно сослаться на Руссо [1], который был свято убежден, что все, написанное Макиавелли, есть скрытое поучение народам, красноречиво описывающее им весь ужас тирании правления одного над многими.

И это было в полном согласии с тем, что думали на этот счет знаменитые энциклопедисты, в первую очередь Дидро [2]:

«*…Когда Макиавелли писал своего «Государя», этот труд был как бы предупрежением согражданам: прочтите эту книгу самым внимательным образом. Если вы позволите кому бы то ни было стать вашим хозяином, он поведет себя так, как я описал для вас во всех подробностях. Вот он, дикий зверь, которому вы отдадите себя… Ошибкой современников было то, что они приняли злую сатиру за хвалебный гимн…*»

А поскольку Наполеон именно и основал во Франции совершенно самодержавный режим империи и к написанию конституционных документов подходил с точки зрения, которую он выразил однажды с истинно военной лапидарностью: «*да, да, пишите так, чтобы было коротко и неясно*», то понятно, как он мог отнестись к работе Никколо.

«Государь» написан коротко, но очень, очень ясно. Оговоримся – написан ясно, если говорить только о его содержании, а не о его цели.

Вот она действительно неясна…

А неясность цели, с точки зрения Наполеона – и вправду раздражающий фактор. Если Дидро прав, и это сатира, то Макиавелли – опасный агитатор, желающий возродить «*прискорбные воспоминания*» о ликвидированном Наполеоном республиканском режиме. А если «Государь» все-таки не сатира, а объяснение сути системы правления самодержавного владыки, то тем более книга эта вредная и совершенно излишняя.

Если уж император Наполеон гневался на газеты, которые его

хвалили (не ругали, а хвалили) за то, что они смеют судить о принимаемых им мерах, то как же он должен был сердиться на автора, обьяснявшего даже не меры, а мотивы, на основании которых эти меры принимались, или могли быть приняты?

На острове Святой Елены, он сказал Лас-Казу следующее:

«*Я перечитываю Макиавелли всякий раз, когда позволяют мои болезни и занятия, и все более убеждаюсь, что он – профан*».

Примем это высказывание с долей сомнения – у императора Наполеона для его столь негативной оценки были свои мотивы.

Ну, например, – досада на то, что его поняли слишком хорошо?

III

Когда Макиавелли убрал из своего политического трактата «Государь» идею этики как ненужную ему для его логических построений, он сделал нечто подобное Лапласу, убравшему идею бога из астрономических выкладок на основании того, что в этой гипотезе он не нуждается [3].

Эта зияющая пустота на месте, «*где должен быть Бог*», сводила его современников с ума.

То, что католики считали Макиавелли порождением дьявола – это понятно само по себе без всяких обьяснений. Если даже не прибегать к сильным определениям кардинала Поула вроде его знаменитого «*пальца Сатаны*» и использовать выражения помягче, то все равно получится вот что: «*соучастник дьявола в преступлениях*», «*писатель без чести и без веры*», ну, и так далее.

То, что протестанты относились к нему не лучше, тоже само собой разумеется – к вере они относились очень серьезно. Для английских публицистов елизаветинской поры Макиавелли – это человек, которого «*дьявол уполномочил вести добрых людей к погибели*», это «*великий разрушитель*», «*учитель зла*» и даже почему-то «*вдохновитель Варфоломеевской ночи*».

Утверждалось, что он – прототип всех шекспировских злодеев, начиная с Яго. Его именовали «*кровожадный Макиавель*» – и даже его имя, Никколо, обыгрывалось как псевдоним сатаны, который в английской традиции именуется «*старина Ник*».

С течением времени это ставшее уже чем-то вроде ритуала поношение продолжалось – Фридрих Великий называл Макиавелли «*врагом рода человеческого»,* хотя в своей государственной деятельности следовал советам Макиавелли с неуклонной последовательностью...

В свое время «Государь» был отвергнут и гуманистами. С богом у них отношения были не больно-то ясны, многие из них были атеистами, но вот в отношении нравственности и установления справедливости – тут они были тверды.

Но у Макиавелли нет никаких ссылок на идеальный порядок Платона или Аристотеля и нет ровно ничего о месте человека в природе, «*в великой цепи бытия*», и отсутствие в книгах Никколо этих понятий как «*истинной цели правления*» раздражало их просто безмерно.

Так он и жил себе в своем «*посмертном существовании*» – таким же одиноким и изолированным, каким он был и в своей земной жизни.

Было, правда, некое формальное облегчение – Макиавелли

стали именовать «*темным гением Ренессанса*». То есть идея тут состояла в том, что совершенно так же, как и другие гении того времени – например, Леонардо да Винчи – он глубоко верил в неограниченные возможности человека, считал его «*мерой всех вещей*», а в суждениях своих опирался на эмпирический опыт и на собственный разум. Френсис Бэкон, знаменитый ученый, утверждал, что Макиавелли подошел к проблеме политики научным образом. В общем, Никколо включался в плеяду гениев-гуманистов своего времени, ну а то, что он заглянул, так сказать, на темную сторону человеческой натуры – так на то он и ученый, чтобы не пропускать и эту сторону бытия человеческого…

Первым из крупных мыслителей, кто попытался примирить понятие «справедливость» с именем Макиавелли, был, по-видимому, Спиноза. Именно ему принадлежала идея рассматривать «Государя» не как инструкцию для тиранов, а как сатиру и предостережение. И мы уже знаем, что эта мысль была подхвачена и развита позднее такими людьми, как Руссо или Дени Дидро.

Но в 1802 году в Германии в обращение было пущено совершенно новое истолкование «Государя».

IV

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (нем. Georg Wilhelm Friedrich Hegel) родился в 1770 году в Штутгарте, в семье крупного чиновника, секретаря казначейства при дворе герцога Вюртембергского. Предки его жили в наследственных владениях императора Карла V, в Каринтии, но в споре Мартина Лютера с церквью встали на сторону Лютера, и им пришлось бежать туда, где их единоверцев не преследовали.

За два с половиной столетия, прошедших со времен Лютера, религиозные страсти улеглись, лютеранство стало вполне признанной конфессией, и юный Гегель учился в Тюбингенском теологическом институте (богословской семинарии) при Тюбингенском университете.

Он даже был членом студенческого политического клуба, увлекавшегося идеями Французской революции, – веяния нового века не обошли своим влиянием и студентов-теологов.

Этот новый век, оптимистично названный Веком Разума, вызвал потрясения по размерам не меньшие, чем те, что сотрясали Европу в эпоху Реформации. Французская республика, очень скоро ставшая Империей, понесла за границы Франции уже не только идеи – ее экспансия стала носить самый что ни на есть осязаемый характер вторжений. И не только в Италию, о которой мы уже поговорили в самом начале этой главы, отнюдь нет – военные операции шли и на Рейне.

И вот в 1802 году Гегель, обладатель невероятного по силе интеллекта, обратил свой взор в сторону Никколо Макиавелли. И в рукописи «Конституция Германии» сказал он о нем следующее:

«*...Если рассматривать «Государя» в его историческом контексте – раздробленная, оккупированная, униженная Италия... он предстанет перед нами как истинно великое творение подлинного политического ума высокой и благородной направленности*».

Дело тут не в том, что Гегеля вдруг заинтересовала политика – в конце концов, для человека, который поставил своей задачей опровержение формальной логики Аристотеля и замену ее логикой диалектики [4], это была мелкая прикладная проблема.

Нет, его интересовала проблема германской государственности. И в ходе исследования он приходит к защите «властной руки завоевателя» (die Gewalt eines Eroberers), который станет объединителем германских земель, высказывает надежду на возрождение Германской империи, на воссоздание в Германии единой государственной организации.

И в этой связи Гегель находит Макиавелли своим предшественником, жившим в аналогичной ситуации в Италии, написавшим совершенно правильные вещи. Действительно, политика и этика не пересекаются. Они существуют, если так можно выразиться, в разных плоскостях. И «Государь» вовсе не сатира, что бы там ни говорили Руссо и прочие, а руководство к действию. Нужна только небольшая поправка.

Вместо слова «Государь» следует употребить слово «Государство».

V

Ну, что бы там ни говорил Маркс, а философы все-таки не изменяют мир. Вселенскую церковь взорвал не Мартин Лютер, а всеобщее негодование ее разложением и тленом, и в этом смысле «*агитационный вклад*» папы Александра VI в дело Реформации был, пожалуй, не меньше лютеровского. Это он и очень многие подобные ему совместными усилиями создали тот пороховой склад, спичку в который бросил Мартин Лютер.

Во вспышке национализма, произошедшей в Европе в XIX веке, свою роль сыграло многое – и идеи Французской революции, согласно которым суверенитет принадлежит не государю, а нации в целом, и завоевания Французской республики, и неслыханные успехи ее армий под командованием Наполеона, и неистовый грабеж побежденных, который установила его империя, и ответную реакцию на все это в Испании, в Германии и в России – в общем, факторов было много.

В частности – вереница побед императора Наполеона. Но и «*спичка Гегеля*» сыграла свою роль, и его идея о наличии национального Духа, находящего свой выход в национальном Государстве, тут очень пригодилась.

Обьединенное королевство Италия Кавура, созданное в 1861 г., и Германская империя Бисмарка, созданная в 1870-м, оказались логическим следствием слов Гегеля, сказанных им в 1802-м, и получилось, что такие разные люди, как Мольтке и Гарибальди, сходились друг с другом *«на почве преданности национальной идее»*.

Но, как-никак, мы говорим сейчас не об истории Европы в XX веке, и не о Гегеле, и не о национализме, докатившемся в конце концов из Европы к местам и подальше от нее, – нет, мы говорим об учении Никколо Макиавелли. Мощный интеллект Гегеля мимоходом модифицировал важнейшую из работ Макиавелли: оказалось, что слово «государь» – не константа, а всего лишь переменная, примерно как «икс» в алгебраическом уравнении. Гегель заменил этот «икс», сменив понятие «государь» на понятие «государство».

Но, как оказалось, возможны и другие варианты.

VI

Лет эдак через 130 после работы Гегеля, связанной с германской конституцией, наследием Никколо занялся еще один человек, на этот раз не немец, а итальянец. Он был четвертым из семи детей в семье мелкого служащего, поэтому собственных средств у него не было, да к тому же еще и отец его сел в тюрьму за служебные злоупотребления, так что всему семейству пришлось нелегко. Но у него оказались исключительные способности, и он все-таки сумел получить образование – учился в Туринском университете, на филологическом факультете. Очень увлекся социализмом. В 1922—1923 годах был делегатом в исполкоме Коминтерна и жил в Советском Союзе, даже встречался с Лениным. Женился на русской девушке, да еще из семьи революционера, друга семьи Ульяновых.

В мае 1924 года вернулся в Италию. В том же году создал газету компартии «l'Unità» («Единство»), занимался не только газетой, а и политикой.

В общем, Антонио Грамши – так звали нашего героя – стал основателем коммунистической партии Италии. Возглавлял в 1924—1926 годах парламентскую группу коммунистов, выступал с жесткой критикой фашизма. А надо сказать, что с 1922 года премьер-министром Италии был человек по имени Бенито Муссолини, основатель фашистской партии Италии.

Можно понять, что Грамши с Муссолини друг друга сильно не любили.

Седьмого апреля 1926 года англичанка Виолета Гибсон стреляла в Муссолини из револьвера. Не попала – пуля лишь задела его нос. Как ни странно – отделалась она легко, ее признали ненормальной и быстренько отправили в Великобританию.

Английский паспорт – и английский флот, полностью господствовавший в Средиземном море, – в то время пользовались в Италии таким уважением, что даже покушение на итальянского премьер-министра было спущено на тормозах, причем распорядился на этот счет как раз сам премьер-министр. Но, понятное дело, со своими можно было разобраться покруче.

Заглянем, по установившемуся у нас уже обыкновению, в энциклопедию:

«8 ноября 1926 года за революционную деятельность фашисты арестовали Грамши и сослали на остров Устика. В 1928 году фашистский трибунал приговорил его к 20 годам тюремного заключения (затем в результате нескольких амнистий этот срок

был сокращен – он истекал в 1937 году). Там и были написаны почти три тысячи страниц, составивших ядро творческого наследия Грамши – знаменитые «Тюремные тетради».

Как ни странно, Антонио Грамши был действительно освобожден в 1937-м, но умер буквально через несколько дней после освобождения от кровоизлияния в мозг. Так что, как правильно сказано в энциклопедии, ядро созданного им – это его «Тюремные тетради».

И вот в них есть работа, посвященная нашему старому другу, Никколо Макиавелли.

VII

Грамши был основателем итальянской компартии. Отзывы «отцов-основателей» марксизма о человеке, его заинтересовавшем, были самые положительные: Маркс называет «Историю Флоренции» «шедевром», а Энгельс (в «Диалектике природы») говорит о Макиавелли как об одном из «титанов» Возрождения, как о человеке, свободном от petit-bourgeois взгляда на мир.

Российский читатель, разумеется, может предположить, что работа Антонио Грамши была немедленно переведена на русский и издана в Советском Союзе немалым тиражом.

Коли так, то читатель очень ошибается. Во-первых, «Тетради» далеко не сразу дошли до СССР – тут вмешались многие факторы. И то, что рукописи было нелегко разобрать и привести в порядок и нелегко переправить в СССР. А в 1939-м началась Вторая мировая война, и стало как-то не до литературного наследия.

Во-вторых – и в главных, – в дело вмешалась политика. Недаром же Никколо Макиавелли утверждал, что политика главней идеологии.

В 1934 году в Москве в русском переводе вышла книга Макиавелли «Государь». Предисловие к ней написал Каменев [5]. Ну, и в предисловии было сказано несколько лестных слов в адрес Никколо. Он там назван и как «*активный публицист, исследующий механизм борьбы за власть внутри и между итальянскими принципатами*», и как *«социолог, в совершенстве проанализировавший социологические «джунгли»*, и даже говорится, что «*подход Макиавелли к проблеме власти и свобода от метафизических и теологических фантазий делают его достойным предшественником Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина*».

Ну, что сказать? Каменев был уже в ту пору в опале, все свои высокие посты в руководстве потерял и занимался только делами издательства «Academia». В конце того же 1934 года его арестовали, в конце августа 1936-го расстреляли, предварительно протащив по трем процессам [6].

Ну, а хвалебные слова о Макиавелли и кощунственное сравнение его с «корифеями марксизма» поставили в вину – на чем настаивал прокурор Вышинский. После этого надолго исчезла из обращения и сама книга «Государь». Не знаю, была ли она формально запрещена, но изъята из библиотек – безусловно. Хотя бы из-за предисловия.

Вместе с книгой Макиавелли канул в небытие и посвященный ей текст Грамши.

VIII

Времена, однако, менялись и в СССР. В 1982 году в СССР вышла книга «Макиавелли. Избранные сочинения». Тираж – аж 75 тысяч экземпляров, по теперешним временам дело очень редкое. При книге имеется огромное предисловие, написанное К. Долговым, – и добрая треть этого текста вертится вокруг Грамши.

Автор предисловия, я думаю, был человеком очень знающим, но сейчас читать его текст довольно тяжело. Забираться в глубины философии – задача для огромного большинстаа людей непосильная. Да и время публикации пришлось на такой политический момент, когда обильное цитирование Ленина, Маркса и Энгельса все еще считалось абсолютно необходимым вне зависимости от контекста. Лично видел статью, где на основании телеграммы Ленина с инструкцией послать на Южный фронт пару аэропланов утверждалось, что *«Владимир Ильич был родоначальником штурмовой авиации»*.

Так что отложим текст К. Долгова в сторону и попробуем поглядеть в оригинал. То есть непосредственно в то, что написал Антонио Грамши. У него есть, например, сочувственно процитированное высказывание другого исследователя, Кроче, о «науке Макиавелли» как о техническом учебном пособии:

«*...будучи наукой, макиавеллизм служит в такой же мере реакционерам, как и демократам, подобно искусству фехтования, которое служит как порядочному человеку, так и разбойнику, как для того, чтобы защищать свою жизнь, так и для того, чтобы убивать*».

Задается извечный вопрос – о целях написания «Государя»[7]. Отмечается, что все крупные политические деятели открещиваются от макиавеллизма, но неизменно следуют его правилам: *«Преследовал ли он моралистические или политические цели? Принято говорить, что правила, установленные Макиавелли для осуществления политической деятельности, «применяются, но не провозглашаются»; говорят, что великие политики начинают с проклятий Макиавелли, с объявления себя антимакиавеллистами именно для того, чтобы иметь возможность свято следовать его правилам, претворяя их в жизнь...»*

Задается логичный вопрос: *«Не был ли Макиавелли никудышным макиавеллистом, одним из тех, кто знает «правила игры» и по глупости обучает им других, тогда как вульгарный макиавеллизм предписывает прямо противоположное?»*

Дальше делается весьма спорное утверждение:

«*Учение Макиавелли не было в свое время чисто книжным,*

достоянием одиноких мыслителей; «Государь» не был сокровенной книгой, имевшей хождение только среди посвященных».

Вообще говоря, это неправда. Книга «Государь», в принципе, писалась буквально для аудитории из дюжины людей: кого-нибудь из Медичи, двух-трех их советников, и нескольких личных друзей Никколо Макиавелли. Ее опубликовали уже после его смерти – а то, что книга разошлась в рукописных копиях, самиздате того времени, объясняется только взрывной силой самого текста, а вовсе не намерениями автора.

Но спорить с Грамши мы не будем, а просто послушаем, что он говорит дальше:

«…Стиль Макиавелли – это никак не стиль тех систематических трактатов, которые сочинялись и в средние века и в пору гуманизма; это стиль человека действия, писателя, который хочет побудить к действию, это стиль партийного манифеста…».

То есть Антонио Грамши утверждает, что сказанное Макиавелли есть вовсе не «*…инструкция по фехтованию…*», и уж тем более не сатира, а партийный манифест. Партийный манифест какой партии? Ну, как какой? Народной, естественно:

«*…Государь» Макиавелли мог бы рассматриваться… как порождение конкретной фантазии, воздействующей на разъединенный и распыленный народ, с тем чтобы всколыхнуть его и организовать в нем коллективную волю…*».

Методы действия, изложенные в «манифесте», Грамши представляются вполне правильными:

«*…Макиавелли рассуждает о том, каким должен быть Государь, чтобы привести народ к созданию нового Государства, и его рассуждения ведутся строго логично, научно отрешенно…»*

А дальше следует взрыв эмоций – но эмоций не Никколо Макиавелли, а Антонио Грамши:

«*…сам Макиавелли становится народом, сливается с народом… вся «логическая» работа оказывается не чем иным, как саморефлексией народа, внутренне целостными рассуждениями… завершающимися страстным непроизвольным криком…*»

Мы уже несколько знакомы с Никколо Макиавелли, не правда ли? Представить себе этого очень умного и очень ироничного человека, испускающего «*…страстные непроизвольные крики…»* можно только в одном случае – в случае, если он наконец-то остался наедине со своей любимой Барбарой Раффакани, и она как бы не против…

Какие все-таки чудовищные глупости пишут революционеры, целиком задвинутые на своих политических страстях…

IX

Но не будем колоть глаза Антонио Грамши теми явными нелепостями, которые он нагородил насчет Макиавелли, якобы сливающегося в экстазе с восставшим народом. Посмотрим на то, что есть в сухом остатке – Грамши делает примерно то же, что и Гегель: он тоже рассматривает понятие «государь» как переменную, как некий «икс» – но в отличие от Гегеля подставляет вместо «икса» не «государство», а «компартию». Это уже кое-что, потому что понятно – на это же место можно поставить и другую партию.

Что, как не «макиавеллизм» революционеров, изображено в «Бесах» Достоевского?

И знаменитый призыв Макиавелли «*освободить Италию от варваров*» – помещенную им в самом конце «Государя» цитату из Петрарки – вполне можно вывернуть наизнанку? И превратить его в чисто технический совет тем же «варварам» – вот как вам надо действовать, чтобы завоевать Италию? Собственно, ведь однажды сам Макиавелли именно это и сделал – указал первому министру Франции, кардиналу Руанскому, на его опасные для дела Франции ошибки.

В общем, по-видимому, «загадки Макиавелли» нам с вами не решить. Над Грамши сейчас, из нашего безопасного далека, нетрудно и посмеяться, но если уж такой человек, как Гегель, придумал, что во имя государства и высшего блага можно делать что угодно, – нам остается только сложить руки. Правила завоевания власти вечны и едины, первым указал на эти правила Никколо Макиавелли – и втиснуть в них этику не удается даже таким гигантам, как Гегель или Спиноза.

Можно, однако, добавить пару слов на тему ограничений, накладываемых социумом. Ограничения эти касаются не столько методов, сколько «*социально приемлемой доли насилия*».

Чезаре Борджиа, столь живо изображенный в «Государе», действовал в мире, сравнимом с миром теперешних гангстеров. Ограничения были сняты полностью, он, в принципе, мог делать что угодно. Кстати – что угодно могли сделать и с ним. Это правило «*сделать что угодно*» волей или неволей оказывается в силе в обществе, где нет законной процедуры периодической смены власти, и в точности так, как было в случае Чезаре Борджиа – правило работает в обе стороны.

Сталин, конечно, убил Каменева и расправился с его семьей. Но и сам он до конца дней своих опасался заговора, и по сей день существуют подозрения, что умереть ему все-таки помогли.

А его партнер и противник, Уинстон Черчилль, после всех своих взлетов и падений, и даже после того, как он был свергнут со своего второго премьерского поста партийной интригой в духе чистого макиавеллизма, все же благополучно дожил до глубокой старости и умер в своей постели.

Может быть, такое положение дел, когда бой идет по правилам и побежденных не убивают, а отправляют в отставку, можно назвать суммарным успехом британского парламентаризма?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жан-Жак Руссо (фр. Jean-Jacques Rousseau) – писатель, мыслитель, композитор. Разработал прямую форму правления народа государством – прямую демократию, которая используется и по сей день в Швейцарии.

2. Дени Дидро (фр. Denis Diderot) – писатель, философ-просветитель и драматург. Вместе с Вольтером, Руссо, Монтескье, д'Аламбером и другими энциклопедистами основал «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел».

3. Наполеон как-то спросил Лапласа: «Ньютон в своей книге говорил о Боге, в вашей же книге я не встретил имени Бога ни разу». Лаплас ответил: «В этой гипотезе я не нуждался».

4. Гегель предлагает т. н. спекулятивную логику, включающую в себя диалектику – науку о развитии. Последнее, согласно ей, проходит три стадии: тезис – антитезис – синтез.

5. Лев Борисович Каменев (1883—1936) – советский партийный и государственный деятель, большевик, революционер. В 1936-м осужден по делу «Троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян. Реабилитирован в 1988 году.

6. По делу так называемого московского центра, по делу кремлевской библиотеки и комендатуры Кремля и по делу Троцкистско-зиновьевского объединенного центра.

7. Вопрос о том, что же все-таки Макиавелли считал достойным моральным основанием для действий по его системе, настолько растиражирован, что получил даже специальное название – «загадка Макиавелли».

Эпилог

Кем был Никколо Макиавелли? Уж, наверное, его помнят и по сей день не по результатам его служебной деятельности. В конце концов, со времени его смерти прошло без малого 500 лет. Память о самых могущественных семьях Италии того времени, Борджиа и Медичи, сохранилась разве что в телевизионных сериалах. Ну, если кто интересуется живописью, тот вспомнит, что есть портрет прекрасной молодой женщины работы Рафаэля, и на нем изображена Джулиа Фарнезе, любовница папы Александра Борджиа.

То есть не «*изображена*», а «*возможно изображена*» – точной идентификации модели Рафаэля не существует, это всего лишь предположение.

А что мы знаем о Макиавелли? Как уже и говорилось, про первую половину его земной жизни, про те 29 лет, что он прожил в качестве простого гражданина Республики Флоренция, мы на знаем практически ничего. Потом последовали 14 лет деятельности, и весьма активной.

Никколо Макиавелли – человек, нас интересующий – занимал пост секретаря Второй Канцелярии, при Синьории, правительстве Флорентийской республики.

Все 14 лет, все на той же должности, все на том же жаловании. Пару раз получал мелкие премии в размере полумесячной обычной оплаты. Политику он, понятное дело, не определял. Правда – писал отчеты, которыми восхищались. Давал советы, которые у него, как правило, не просили и которым следовали далеко не всегда.

Потом – полный крах карьеры со множеством неприятностей.

Потом – 15 лет жизни на покое. Бесполезная суета, попытки понравиться новому режиму. Не удалось. На досуге пишутся книги. При очередной смене режима – попытка баллотироваться на выборную должность. Полный провал...

Смерть в 58 лет.

И жизнь – уже загробная – которая длится почти 500 лет и никаких признаков увядания и забвения не проявляет.

Все это странно, не правда ли?..

Так почему же мы о нем помним? Что осталось от его жизни – кроме написанных им книг, конечно?

На известной картине Боттичелли «Поклонение волхвов» в галерее Уффици во Флоренции изображены члены семьи Медичи. В общем – то, что вам расскажет экскурсовод о Лоренцо Медичи и людях из его окружения, изображенных с ним вместе, зависит от

экскурсовода. Он может рассказать вам, например, что на картине можно увидеть портреты и Козимо Медичи, великого банкира и мецената, и его сына Пьеро, прозванного Подагриком; и старшего сына Пьеро – Лоренцо, прозванного Великолепным, – это молодой человек в черном с красным воротником (справа, в профиль), – и его младший брата Джулиано – это человек слева, в красном, с цепью на груди.

Но нет ни одного экскурсовода, который не указал бы на правый нижний угол композиции, где Боттичелли изобразил себя.

Есть, скажем, картина «Дама с горностаем». Считается, что ее написал Леонардо да Винчи. Точно это неизвестно, но одного только хорошо обоснованного подозрения того, что картина создана Леонардо, совершенно достаточно для того, чтобы картина пользовалась мировой известностью. А то, что, по мнению многих исследователей это портрет Чечилии Галлерани – любовницы Лодовико Сфорца, герцога миланского, о котором мы кое-что знаем, – вопрос, вообще говоря, весьма второстепенный.

Так что когда мы, из нашего далека, смотрим на Никколо Макиавелли – что нам за разница, был он секретарем Второй Канцелярии Республики Флоренция или Первой? Мы не очень беспокоимся ни о его славе историка, ни о его репутации одаренного автора комедий.

Тогда почему же еще в XVIII веке городские власти Флоренции озаботились тем, что воздвигли над его могилой пышное надгробие? Почему во всех справочниках по истории Флоренции он стоит в одном ряду с великими флорентийцами вроде Данте?

Почему единственная похвала историков в адрес гонфалоньера Пьетро Содерини состоит в том, что при его правлении во Флоренции жили и действовали два гения – Микеланджело, создавший «Давида», и Макиавелли, создавший «Государя»?

Замечательный российский поэт и переводчик Г. Кружков в одном из своих эссе мимоходом высказал глубокую мысль:

«Если речь идет о человеке действия – правителе, политике, генерале, – человек равен своей биографии. В случае человека искусства, который является не деятелем, а творцом, история его жизни принципиально отлична от истории его произведений...»

Воздвигнутое во Флоренции надгробие над могилой Макиавелли в церкви Санта-Кроче изображает аллегорическую фигуру Политику, глядящуюся в зеркало, с подписью на латыни:

«*TANTO NOMINI NULLUM PAR ELOGIUM» – «Нет достойной похвалы для такого имени*».

Микеланджело помимо «Давида» успел сделать еще многое.

От Макиавелли остался только «Государь».

Сразу после того, как книга была напечатана, ее поносили решительно со всех сторон. Считалось, что она отрицает христианскую мораль. Это было, возможно, единственное утверждение, в котором совершенно искренне сходились католики и протестанты в первые сто лет после его смерти. Во всяком случае, впервые ее запретили в 1559 году и с тех пор в разных странах и в разное время запрещали многократно.

Высказывалось мнение, что книга служит *«наставлением тиранам»*.

Но ее положения использовали потом люди вроде Ришелье, или Меттерниха, или Бисмарка во имя «raison d'état» – «государственного интереса». Гегель, как мы видели, даже обосновал это теоретически, а Антонио Грамши и вовсе заменил слово «государь» на слово «компартия».

И что интересно – все у них у всех замечательно сходилось и получалось.

Во времена античности Евклид сформулировал некие положения, на основании которых потом выстроилась вся так называемая Евклидова геометрия. Во времена Ренессанса Никколо Макиавелли сформулировал некие положения, на основании которых выстроилась вся так называемая политика реальности, политика такая, как она есть. В каком-то смысле Макиавелли оказался как бы Евклидом. Сам он не был ни королем вроде Фридриха II, ни императором вроде Наполеона, ни великим министром вроде Ришелье или Бисмарка – но все они, великие практики политики, так или иначе, сознательно или бессознательно, но опирались на теоретические положения, которые Макиавелли вперые разглядел и сформулировал с кристально чистой ясностью и простотой.

«Государь» был написан в 1513-м, и, как считается, прототипом портрета «государя», сочетавшего в себе всю необходимую для дела силу, хитрость, решительность и вероломство, послужил Чезаре Борджиа, пытавшийся сколотить себе государство в Италии, в провинции Романья.

Книга, которую вы держите в руках, вышла в свет через 499 лет, в 2012-м, на языке страны, о которой Никколо Макиавелли знал примерно столько же, сколько он знал, допустим, о Персии. О ее культуре он не знал ровно ничего, и уж тем более это относится к ее истории, которой только еще предстоит случиться – через 400 с лишним лет, в первой трети XX века.

Теперь проведем небольшой эксперимент.

Возьмем один только отрывок из «Государя», возможно, наиболее известный, и прочитаем его «*по Грамши*», а в текст,

написанный Макиавелли, подставим имена и названия должностей, подходящих к некоему политическому ландшафту, нам хорошо знакомому:

«*…было сочтено, что население склонно к мятежу. Министром госбезопасности был назначен Н. Ежов… Человек он был жестокий, колебаний не знал, и за время своего правления навел весьма эффективный порядок – его ненавидели, но так отчаянно боялись, что никто не смел против него и слова сказать. Сталин… провел инспекцию, и однажды рано утром жители СССР… обнаружили разрубленный пополам труп Н. Ежова. Голова его была отрублена и надета на копье, а рядом с телом был найден тесак – и деревянная колодка, которую мясники использовали при разделке туш.*

Никаких обьяснений не последовало – они возникли сами по себе. Потрясенные жители СССР говорили друг другу, что великий Сталин узнал о всех тех несправедливостях, которые чинил его министр, – и наказал его должным образом. Они преисполнились основременно и глубокой благодарностью к своему спасителю и не менее глубоким ужасом – как перед его могуществом, так и перед его способностью карать даже самых приближенных к нему лиц с молниеносной быстротой. Одним этим актом Сталин показал, кто здесь хозяин и кто может как вознести, так и уничтожить…».

Все-таки, что ни говори, а «Государь» – это великая книга.

Приложения

Список гильдий Флоренции

Старшие гильдии Флоренции (Arti Maggiori):

1. Гильдия судей и нотариусов (Arte dei Giudici e Notai)
2. Калимала (гильдия по отделке тканей) (Arte dei Mercatanti o di Calimala)
3. Гильдия менял (Arte del Cambio)
4. Гильдия шерсти (Arte della Lana)
5. Гильдия ворот Святой Марии (шелковая гильдия) (Arte della Seta o di Por Santa Maria)
6. Гильдия врачей и аптекарей (Arte dei Medici e Speziali)
7. Гильдия меховщиков (Arte dei Vaiai e Pellicciai)

Младшие гильдии Флоренции (Arti Minori):

8. Гильдия мясников (Arte dei Beccai)
9. Гильдия башмачников (Arte dei Calzolai)
10. Гильдия кузнецов (Arte dei Fabbri)
11. Гильдия мастеров камня и дерева (строителей) (Arte dei Maestri di Pietra e Legname)
12. Гильдия льнопрядильщиков и тряпичников (Arte dei Linaioli e Rigattieri)
13. Гильдия виноделов (Arte dei Vinattieri)
14. Гильдия хозяев гостиниц (Arte degli Albergatori)
15. Гильдия торговцев маслом и колбасников (Arte degli Oliandoli e Pizzicagnoli)
16. Гильдия дубильщиков (Arte dei Cuoiai e Galigai)
17. Гильдия бронников и оружейников (Arte dei Corazzai e Spadai)
18. Гильдия седельщиков (Arte dei Correggiai)
19. Гильдия столяров (Arte dei Legnaioli)
20. Гильдия замочных слесарей (Arte dei Chiavaioli)
21. Гильдия пекарей (Arte dei Fornai)

Некоторые произведения Никколо Маккиавелли

«ГОСУДАРЬ»
Список глав:

Вступление.

Глава I. Скольких видов бывают государства и как они приобретаются

Глава II. О наследственном единовластии.

Глава III. О смешанных государствах.

Глава IV. Почему царство Дария, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти.

Глава V. Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам.

Глава VI. О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью.

Глава VII. О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы.

Глава VIII. О тех, кто приобретает власть злодеяниями.

Глава IX. О гражданском единовластии.

Глава X. Как следует измерять силы всех государств.

Глава XI. О церковных государствах.

Глава XII. О том, сколько бывает видов войск, и о наемных солдатах.

Глава XIII. О войсках союзнических, смешанных и собственных.

Глава XIV. Как государь должен поступать касательно военного дела.

Глава XV. О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают.

Глава XVI. О щедрости и бережливости.

Глава XVII. О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх.

Глава XVIII. О том, как государи должны держать слово.

Глава XIX. О том, каким образом избежать ненависти и презрения.

Глава XX. О том, полезны ли крепости и многое другое, что постоянно применяют государи.

Глава XXI. Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали.

Глава XXII. О советниках государей.

Глава XXIII. Как избежать льстецов.

Глава XXIV. Почему государи Италии лишились своих государств.

Глава XXV. Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять.

Глава XXVI. Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров.

Отрывки из текста «ГОСУДАРЯ»:

«...Ради того, чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость – это один из тех пороков, которые позволяют ему править. Если мне скажут, что Цезарь проложил себе путь щедростью и что многие другие благодаря тому, что были и слыли щедрыми, достигали самых высоких степеней, я отвечу: либо ты достиг власти, либо ты еще на пути к ней. В первом случае щедрость вредна, во втором – необходима. Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить, но владычеству его пришел бы конец, если бы он, достигнув власти, прожил дольше и не умерил расходов.

А если мне возразят, что многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором – как можно большая щедрость.

Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имущество, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздаривать щедрой рукой...»

«...Каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Чезаре Борджиа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в

жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица. Новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей...»

«...Может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому, если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, – но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно...»

«...Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же.

А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь

прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Из близких по времени примеров не могу умолчать об одном. Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле. Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими.

Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранить готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия.

Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим.

Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются

сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобрят, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство.

Один из нынешних государей, которого воздержусь назвать, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства...»

«...Дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами... Уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить...»

КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ ГОСУДАРЮ, ЧТОБЫ ЕГО ПОЧИТАЛИ

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. Из нынешних правителей сошлюсь на Фердинанда Арагонского, короля Испании. Его можно было бы назвать новым государем, ибо, слабый вначале, он сделался по славе и блеску первым королем христианского мира; и все его действия исполнены величия, а некоторые поражают воображение. Основанием его могущества послужила война за Гренаду, предпринятая вскоре после вступления на престол. Прежде всего, он начал войну, когда внутри страны было тихо, не опасаясь, что ему помешают, и увлек ею кастильских баронов так, что они, занявшись войной, забыли о смутах; он же тем временем, незаметно для них, сосредоточил в своих руках всю власть и подчинил их своему влиянию. Деньги на содержание войска он получил от церкви и народа и, пока длилась война, построил армию, которая впоследствии создала ему славу. После этого, замыслив еще более значительные предприятия, он, действуя опять-таки как защитник религии, сотворил благочестивую жестокость: изгнал марранов и очистил

от них королевство – трудно представить себе более безжалостный и в то же время более необычайный поступок. Под тем же предлогом он захватил земли в Африке, провел кампанию в Италии и, наконец, вступил в войну с Францией.

КАК ИЗБЕЖАТЬ ЛЬСТЕЦОВ

Я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства, а именно одной слабости, от которой трудно уберечься правителям, если их не отличает особая мудрость и знание людей. Я имею в виду лесть и льстецов, которых во множестве приходится видеть при дворах государей, ибо люди так тщеславны и так обольщаются на свой счет, что с трудом могут уберечься от этой напасти. Но беда еще и в том, что когда государь пытается искоренить лесть, он рискует навлечь на себя презрение. Ибо нет другого способа оградить себя от лести, как внушив людям, что, если они выскажут тебе всю правду, ты не будешь на них в обиде, но когда каждый сможет говорить тебе правду, тебе перестанут оказывать должное почтение. Поэтому благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных. Сошлюсь на один современный пример. Отец Лука, доверенное лицо императора Максимилиана, говоря о его величестве, заметил, что тот ни у кого совета не просит, но по-своему тоже не поступает именно оттого, что его образ действий противоположен описанному выше. Ибо император человек скрытный, намерений своих никому не поверяет, совета на их счет не спрашивает. Но когда по мере осуществления они выходят наружу, то те, кто его окружают, начинают их оспаривать, и государь, как человек слабый, от них отступается. Поэтому начатое сегодня назавтра отменяется, и никогда нельзя понять, чего желает и что намерен предпринять император, и нельзя положиться на его решение.

ОПИСАНИЕ ТОГО, КАК ИЗБАВИЛСЯ ГЕРЦОГ

ВАЛЕНТИНО ОТ ВИТЕЛОЦЦО ВИТЕЛЛИ, ОЛИВЕРЕТТО ДА ФЕРМО, СИНЬОРА ПАОЛО И ГЕРЦОГА ГРАВИНА ОРСИНИ

Герцог Валентино только что вернулся из Ломбардии, куда он ездил, чтобы оправдаться перед Людовиком, королем Франции, от клевет, взведенных на него флорентийцами из-за мятежа в Ареццо и в других местностях Вальдикьяны; он находился в Имоле, оттуда намеревался выступить со своими отрядами против Джованни Бентиволь, тирана Болоньи, так как хотел подчинить себе этот город и сделать его столицей своего герцогства Романьи. Когда весть об этом дошла до Вителли, Орсини и других их сторонников, они решили, что герцог становится слишком могуч и теперь надо бояться за себя, ибо, завладев Болоньей, он, конечно, постарается их истребить, дабы вооруженным в Италии остался один только он. Они собрались в Маджоне около Перуджии и пригласили туда кардинала, Паоло и герцога Гравина Орсини, Вителоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, Джанпаоло Бальони, тирана Перуджии, и мессера Антонио да Венафро, посланного Пандольфо Петруччи, властителем Сиены; на собрании речь шла о мощи герцога, о его замыслах, о том, что его необходимо обуздать, иначе всем им грозит гибель. Кроме того, решили не покидать Бентиволь, постараться привлечь на свою сторону флорентийцев и в оба города послать своих людей, обещая помощь первому и убеждая второй объединиться против общего врага. Об этом съезде стало тотчас же известно во всей Италии, и у всех недовольных властью герцога, между прочим, у жителей Урбино, появилась надежда на перемены. Умы волновались, и несколько жителей Урбино решили захватить дружественный герцогу замок Сан-Лео. Владелец замка в это время его укреплял, и туда свозили лес для построек; заговорщики дождались, пока бревна, доставлявшиеся в замок, были уже на мосту и загромоздили его настолько, что защитники замка не могли на него взойти, вскочили на мост и оттуда ворвались в замок. Как только об этом захвате стало известно, взбунтовалось все государство и потребовало обратно своего старого герцога, понадеявшись не столько даже на захват крепости, сколько на съезд в Маджоне и на его поддержку. Участники съезда, узнав о бунте в Урбино, решили, что упускать этот случай нельзя, собрали своих людей и двинулись на завоевание всех земель, которые в этом государстве оставались еще в руках герцога, причем снова отправили во Флоренцию послов, поручив им убедить республику соединиться с ними, чтобы потушить страшный для всех пожар, указывая, что враг

разбит и другого такого случая уже не дождаться. Однако флорентийцы, ненавидевшие по разным причинам Вителли и Орсини, не только к ним не присоединились, но послали к герцогу своего секретаря, Никколо Макиавелли, предлагая ему убежище и помощь против его новых врагов; герцог же находился в Имоле в великом страхе, потому что солдаты его совсем для него неожиданно стали его врагами, война была близка, а он оказывался безоружным. Однако, получив предложения флорентийцев, он воспрянул духом и решил тянуть войну с небольшими отрядами, какие у него оставались, заключать с кем можно соглашения и искать помощи, которую готовил двояко: он просил помощи у короля Франции, а со своей стороны нанимал где мог солдат и всяких конных людей, всем раздавая деньги. Враги его все же, продвигаясь вперед, подошли к Фоссомброне, где стояли некоторые отряды герцога, которые и были разбиты Вителли и Орсини. После этого герцог все свои помыслы сосредоточил на одном: попробовать, нельзя ли остановить беду, заключив с врагами сделку; будучи величайшим мастером в притворстве, он не упустил ничего, чтобы втолковать им, что они подняли оружие против человека, который хотел все свои приобретения отдать им, что с него довольно одного титула князя, а самое княжество он хотел им уступить. Герцог так их в этом убедил, что они отправили к нему синьора Паоло для переговоров и прекратили войну. Герцог же своих приготовлений не прекратил и всячески старался набрать как можно больше всадников и пехотинцев; а чтобы приготовления его не обнаружились, он рассылал своих людей отдельными отрядами по всей Романье. Тем временем к нему прибыли пятьсот французских копейщиков, и хотя он был уже настолько силен, что мог ответить врагам оружием, он все же решил, что вернее и полезнее их обмануть и не прекращать переговоров. Он так усердно вел дело, что заключил с ними мир, которым подтвердил свои прежние договоры с ними о командовании, подарил им четыре тысячи дукатов, обещал не притеснять Бентивольо, даже породнился с Джованни; все это было тем труднее, что он не мог заставить врагов лично к себе явиться. С другой стороны, Орсини и Вителли обязались вернуть ему герцогство Урбино и другие занятые владения, служить ему во всех его походах, без разрешения его ни с кем не вести войны и не заключать союза. После этой сделки Гвидо Убальдо, герцог Урбино, снова бежал в Венецию, разрушив сперва все крепости государства, ибо, доверяя народу и не веря, что он сможет эти крепости защитить, он не хотел отдать их врагу, который, владея замками, держал бы в руках его друзей. Сам герцог Валентино, заключив этот мир и

разослав своих людей по всей Романье вместе с французскими солдатами, уехал в конце ноября из Имолы и направился в Чезену, где провел немало времени в переговорах с Вителли и Орсини, находившимися со своими людьми в герцогстве Урбино, завоевание которого приходилось вести с начала; так как дело не двигалось, они послали к герцогу Оливеротто да Фермо, чтобы предложить ему свои услуги, если герцог захочет идти на Тоскану. В противном случае они двинутся на Синигалию. Герцог ответил, что не желает поднимать войну в Тоскане, так как флорентийцы – его друзья, но будет очень рад, если Орсини и Вителли отправятся в Синигалию. Вскоре пришло известие, что город им покорился, но замок сдаться не хочет, так как владелец хотел передать его только самому герцогу и никому иному, а потому герцога просят прибыть скорее. Случай оказался герцогу удобным и не возбуждающим подозрения, так как не он собирался ехать в Синигалию, а сами Орсини его туда вызвали. Чтобы вернее усыпить противников, герцог отпустил всех французских солдат, которые вернулись в Ломбардию, и оставил при себе только сто копейщиков под командой своего родственника монсеньора ди Кандалес; в середине декабря он выехал из Чезены и отправился в Фано; там он со всем коварством и ловкостью, на какую только был способен, убедил Вителли и Орсини подождать его в Синигалии, доказав им, что при такой грубости владельца замка мир их не может быть ни прочным, ни продолжительным, а он такой человек, который хочет опереться на оружие и совет своих друзей. Правда, Вителоццо держался очень осторожно, так как смерть брата научила его, что нельзя сперва оскорбить князя, а потом ему доверяться, но, поддавшись убеждениям Паоло Орсини, соблазненного подарками и обещаниями герцога, он согласился его подождать. Перед отъездом из Фано (это было 30 декабря 1502 года) герцог сообщил свои замыслы восьми самым верным своим приближенным, между прочими дону Микеле и монсеньору д'Эуна, который впоследствии был кардиналом, и приказал им, как только они встретят Вителлоццо, Паоло Орсини, герцога Гранина и Оливеротто, сейчас же поставить около каждого из них двух своих, поручить каждого точно известным людям и двигаться в таком порядке до Синигалии, никого не отпуская, пока не доведут их до дома герцога и не схватят. Затем герцог распорядился, чтобы все его воины, конные и пешие (а их было больше двух тысяч всадников и десять тысяч пехотинцев), находились с раннего утра на берегу реки Метавра, в пяти милях от Фано, и там его дожидались. Когда все это войско в последний день декабря собралось на берегу Метавра, он выслал вперед

около двухсот всадников, затем послал пехоту и, наконец, выступил сам с остальными солдатами. Фано и Синигалия – это два города в Анконской Марке, лежащие на берегу Адриатического моря и в пятнадцати милях друг от друга; если идти по направлению к Синигалии, то с правой стороны будут горы, подножие которых иногда так приближается к морю, что между горами и водой остается только очень узкое пространство, и даже там, где горы расступаются, оно не достигает двух миль. Расстояние от подножия этих гор до Синигалии немного больше выстрела из лука, а от Синигалии до моря оно меньше мили. Недалеко протекает небольшая речка, омывающая часть стен, которые выходят на дорогу и обращены к городу Фано. Таким образом, если направляться в Синигалию из окрестностей, то большую часть пути надо идти вдоль гор, у самой реки, пересекающей Синигалию, дорога отклоняется влево и на расстоянии выстрела из лука идет берегом, а затем поворачивает на мост, перекинутый через реку, и почти подходит к воротам Синигалии, но не прямо, а сбоку. Перед воротами лежит предместье из нескольких домов и площади, которая одной стороной выходит на речную плотину. Вителли и Орсини, приказав дожидаться герцога и желая сами торжественно его встретить, разместили своих людей в замке в шести милях от Синигалии и оставили в Синигалии только Оливеротто с его отрядом в тысячу пехотинцев и сто пятьдесят всадников, расположившихся в предместье, о котором сказано выше.

Отдав, таким образом, необходимые распоряжения, герцог Валентино направился к Синигалии, и, когда головной отряд всадников подъехал к мосту, он не перешел его, а остановился и затем повернул частью к реке, частью в поле, оставив в середине проход, через который, не останавливаясь, прошли пехотинцы. Навстречу герцогу выехали на мулах Вителоццо, Паоло Орсини и герцог Гранина, сопровождаемые всего несколькими всадниками. Вителоццо, безоружный, в зеленой шапочке, был в глубокой печали, точно сознавая свою близкую смерть (храбрость этого человека и его прошлое были хорошо известны), и на него смотрели с любопытством. Говорили, что, уезжая от своих солдат, чтобы отправиться навстречу герцогу в Синигалию, он прощался с ними как бы в последний раз. Дом и имущество он поручил начальникам отряда, а племянников своих увещевал помнить не о богатстве их дома, а о доблести отцов. Когда все трое подъехали к герцогу и сердечно его приветствовали, он их принял любезно, и они тотчас же были окружены людьми герцога, которым приказано было за ними следить. Увидав, что не хватает Оливеротто, который остался со своим отрядом в Синигалии и,

дожидаясь у места своей стоянки, выше реки, держал своих людей в строю и обучал их, герцог показал глазами дону Микеле, которому поручен был Оливеротто, чтобы тот не допустил Оливеротто ускользнуть. Тогда дон Микеле поскакал вперед и, подъехав к Оливеротто, сказал ему, что нельзя уводить солдат из помещений, так как люди герцога их отнимут; поэтому он предложил ему их разместить и вместе ехать навстречу герцогу. Оливеротто исполнил это распоряжение, и в это время неожиданно подъехал герцог, который, увидев Оливеротто, позвал его, а Оливеротто, поклонившись, присоединился к остальным. Они въехали в Синигалию, спешились у дома герцога и, как только вошли с ним в потайную комнату, были схвачены людьми герцога, который сейчас же вскочил на коня и велел окружить солдат Оливеротто и Орсини. Люди Оливеротто были истреблены, так как были ближе, но отряды Орсини и Вителли, которые стояли дальше и почуяли гибель своих господ, успели соединиться и, вспомнив доблесть и дисциплину Орсини и Вителли, пробились вместе и спаслись, несмотря на усилия местных жителей и врагов. Однако солдаты герцога, не довольствуясь тем, что ограбили людей Оливеротто, начали грабить Синигалию, и если бы герцог не обуздал их, приказав перебить многих, они разграбили бы весь город. Когда подошла ночь и кончилось волнение, герцог решил, что настало удобное время убить Вителоццо и Оливеротто, приказал отвести их обоих в указанное место и велел их удавить. При этом не обратили никакого внимания на их слова, достойные их прежней жизни: Вителоццо просил дозволить ему вымолить у папы полное отпущение грехов, а Оливеротто с плачем сваливал на Вителоццо вину за все козни против герцога. Паоло и герцог Гравина Орсини были оставлены в живых, пока герцог не узнал, что папа в Риме захватил кардинала Орсини, архиепископа Флорентийского, и мессера Джакомо ди Санта-Кроче. Когда известие об этом пришло, они были таким же образом удавлены в Кастель дель Пиэве восемнадцатого января 1502 года.

(Пер. под ред. Дживелегова А.)

Текст воспроизведен по изданиям: Никколо Макиавелли. Государь. М.: Эксмо-Пресс, 2000

«О ТОМ, КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ С ВОССТАВШИМИ ЖИТЕЛЯМИ ВАЛЬДИКЬЯНЫ»

Когда Луций Фурий Камилл вернулся в Рим после победы над жителями Лациума, много раз восставшими против римлян, он пришел в Сенат и сказал речь, в которой рассуждал,

как поступить с землями и городами латинян. Вот как передает Ливий его слова и решение Сената: «Отцы сенаторы, то, что должно было свершить в Лациуме войной и мечом, милостью богов и доблестью воинов наших ныне окончено. Воинство врагов полегло у Педа и Астуры, земли и города латинян и Анциум, город вольсков, взяты силой или сдались вам на известных условиях. Мы знаем, однако, что племена эти часто восстают, подвергая отечество опасности, и теперь нам остается подумать, как обеспечить себя на будущее время: воздать ли им жестокостью или великодушно их простить. Боги дали вам полную власть решить, должен ли Лациум остаться независимым или вы подчините его на вечные времена. Итак, подумайте, хотите ли вы сурово проучить тех, кто вам покорился, хотите ли вы разорить дотла весь Лациум и превратить в пустыню край, откуда не раз приводили вы в опасное время на помощь себе войска, или вы хотите, по примеру предков ваших, расширить республику Римскую, переселив в Рим тех, кого еще они победили, и этим дается вам случай со славой расширить пределы города. Я же хочу сказать лишь следующее: то государство стоит несокрушимо, которое обладает подданными верными и привязанными к своему властителю; однако дело, которое надо решить, должно быть решено быстро, ибо перед вами множество людей, трепещущих между надеждой и страхом, которых надо вывести из этой неизвестности и обратить их умы к мыслям о каре или о награждении. Долгом моим было действовать так, чтобы и то и другое было в вашей власти; это исполнено. Вам же теперь предстоит принять решение на благо и пользу республики».

Сенаторы хвалили речь консула, но сказали, что дела в восставших городах и землях обстоят различно, так что они не могут говорить обо всех, а лишь о каждом отдельно, и когда консул доложил о делах каждой земли, сенаторы решили, что ланувийцы должны быть гражданами римскими и получить обратно священные предметы, отнятые у них во время войны; точно так же дали они гражданство римское арицинам, номентанам и педанам, сохранили преимущества тускуланцев, а вину за их восстание возложили на немногих, наиболее подозрительных. Зато велитерны были наказаны жестоко, потому что, будучи уже давно римскими гражданами, они много раз восставали; город их был разрушен, и всех его граждан переселили в Рим. В Анциум, дабы прочно укрепить его за собой, поселили новых жителей, отняли все корабли и запретили строить новые. Можно видеть по этому приговору, как решили римляне судьбу восставших земель; они думали, что надо или

приобрести их верность благодеяниями, или поступить с ними так, чтобы впредь никогда не приходилось их бояться; всякий средний путь казался им вредным. Когда надо было решать, римляне прибегали то к одному, то к другому средству, милуя тех, с кем можно было надеяться на мир; с другими же, на кого надеяться не приходилось, они поступали так, что те уже никак и никогда не могли им повредить. Чтобы достигнуть этой последней цели, у римлян было два средства: одно – это разрушить город и переселить жителей в Рим, другое – изгнать из города его старых жителей и прислать сюда новых или, оставив в городе старых жителей, поселить туда так много новых, чтобы старые уже никогда не могли злоумышлять и затеять что-либо против Сената. К этим двум средствам и прибегли римляне, когда разрушили Велитернум и заселили новыми жителями Анциум. Говорят, что история – наставница наших поступков, а более всего поступков князей, что мир всегда населен был людьми, подвластными одним и тем же страстям, что всегда были слуги и повелители, а среди слуг такие, кто служит поневоле и кто служит охотно, кто восстает на господина и терпит за это кару. Кто этому не верит, пусть посмотрит на Ареццо и на всю Вальдикьяну, где в прошлом году творились дела, очень схожие с историей латинских племен. Как там, так и здесь было восстание, впоследствии подавленное, и хотя в средствах восстания и подавления есть довольно заметная разница, но самое восстание и подавление его схожи. Поэтому, если верно, что история – наставница наших поступков, не мешает тем, кто будет карать и судить Вальдикьяну, брать пример и подражать народу, который стал владыкой мира, особенно в деле, где вам точно показано, как надо управлять, ибо как римляне осудили различно, смотря по разности вины, так должны поступить и вы, усмотрев различие вины и среди ваших мятежников. Если вы скажете: мы это сделаем, я отвечу, что не сделано главное и лучшее. Я считаю хорошим решением, что вы оставили правящие органы в Кортоне, Кастильоне, Борго, Фойано, обошлись с ними ласково и сумели благодеяниями вернуть их приязнь, ибо нахожу в них сходство с ланувийцами, арицинами, номентанами и тускуланцами, насчет которых римляне решили почти так же. Но я не одобряю, что аретинцы, похожие на велитернов и анциан, не подверглись такой же участи, как и те. И если решение римлян заслуживает хвалы, то ваше в той же мере заслуживает осуждения. Римляне находили, что надо либо облагодетельствовать восставшие народы, либо вовсе их истребить и что всякий иной путь грозит величайшими опасностями. Как мне кажется, вы не сделали с аретинцами ни того ни другого: вы переселили их во Флоренцию,

лишили их почестей, продали их имения, открыто их срамили, держали их солдат в плену – все это нельзя назвать благодеянием. Точно так же нельзя сказать, что вы себя обезопасили, ибо оставили в целости городские стены, позволили пяти шестым жителей остаться по-прежнему в городе, не смешали их с новыми жителями, которые держали бы их в узде, и вообще не сумели так поставить дело, чтобы при новых затруднениях и войнах нам не пришлось тратить больше сил на Ареццо, чем на врага, который вздумает на нас напасть. Вспомните опыт 1498 года, когда еще не было ни восстания, ни жестокого усмирения этого города; все же, когда венецианцы подошли к Биббиене, вам пришлось, чтобы отстоять Ареццо, отдать его войскам герцога Миланского, и если бы не ваши колебания, то граф Рануччо с своим отрядом мог бы воевать против врагов в Казентино и не понадобилось бы отзывать из-под Пизы Паоло Вителли, чтобы послать его в Казентино. Однако ненадежность аретинцев заставила вас на это решиться, и вам пришлось встретиться с очень большими опасностями, помимо огромных расходов, которых вы бы избежали, если бы аретинцы остались верными. Сближая, таким образом, то, что было тогда, с тем, что мы видели позже, и с условиями, в которых вы находитесь, можно заключить наверняка, что если на вас, упаси боже, кто-нибудь нападет, то Ареццо восстанет или вам будет так трудно удержать его в повиновении, что расходы окажутся для города непосильными. Не хочу обойти молчанием и вопрос, можете ли вы подвергнуться нападению или нет и есть ли человек, который рассчитывает на аретинцев.

Не будем говорить о том, насколько вам могут быть страшны иноземные государи, а побеседуем об опасности гораздо более близкой. Кто наблюдал Чезаре Борджиа, которого называют герцогом Валентино, тот знает, что, оберегая свои владения, он никогда не думал опираться на своих итальянских друзей, так как венецианцев он ценил низко, а вас еще ниже. Поэтому он, конечно, должен думать о том, чтобы создать себе в Италии такую власть, которая дала бы ему безопасность и заставила бы всякого другого правителя желать его дружбы. Что таково его намерение, что он стремится захватить Тоскану, страну, близко лежащую и пригодную, чтобы образовать вместе с другими его владениями единое королевство, – это вытекает необходимо из причин, о которых сказано выше, из властолюбия герцога и даже из того, что он заставлял вас терять время на переговоры и никогда не хотел заключить с вами договор. Дело теперь только в том, удобное ли сейчас время для его замыслов. Я вспоминаю, как кардинал Содерини говорил, что у папы и у герцога, помимо

других качеств, за которые можно было назвать их великими людьми, было еще следующее: оба они большие мастера выбирать удобный случай и, как никто, умеют им пользоваться. Мнение это подтверждено опытом дел, проведенных ими с успехом. Если бы спор шел о том, настала ли сейчас удобная минута, чтобы вас прижать, я бы ответил, что нет, но знайте, что герцог не может выжидать, кто победит, ибо, при краткости жизни папы, времени у него останется мало; ему необходимо воспользоваться первым представившимся случаем и положиться во многом на счастье.

КОМЕДИЯ «МАНДРАГОРА» Подробный пересказ

Действие происходит во Флоренции. Завязкой служит беседа Каллимако со своим слугой Сиро, обращенная, по сути, к зрителям. Юноша объясняет, почему вернулся в родной город из Парижа, куда его увезли в десятилетнем возрасте. В дружеской компании французы и итальянцы затеяли спор, чьи женщины красивее. И один флорентиец заявил, что мадонна Лукреция, жена мессера Нича Кальфуччи, прелестью своей затмевает всех дам. Желая проверить это, Каллимако отправился во Флоренцию и обнаружил, что земляк ничуть не покривил душой – Лукреция оказалась даже прекраснее, чем он ожидал. Но теперь Каллимако испытывает неслыханные муки: влюбившись до безумия, он обречен томиться неутоленной страстью, поскольку совратить добродетельную Лукрецию невозможно. Остается только одна надежда: за дело взялся хитрец Лигурио —тот самый, что всегда является к обеду и постоянно клянчит деньги.

Лигурио жаждет угодить Каллимако. Поговорив с мужем Лукреции, он убеждается в двух вещах: во-первых, мессер Нича необыкновенно глуп, во-вторых, очень хочет иметь детишек, которых Бог все никак не дает. Нича уже советовался со многими докторами – все в один голос рекомендуют съездить с женой на воды, что совсем не по душе домоседу Нича. Сама же Лукреция дала обет отстоять сорок ранних обеден, но выдержала только двадцать – какой-то жирный священник стал приставать к ней, и с тех пор у нее сильно испортился характер. Лигурио обещает познакомить Нича со знаменитейшим врачом, недавно прибывшим во Флоренцию из Парижа, – по протекции Лигурио тот, быть может, и согласится помочь.

Каллимако в роли доктора производит на мессера Нича неизгладимое впечатление: он великолепно изъясняется по-латыни и в отличие от прочих врачей демонстрирует профессиональный подход к делу: требует принести мочу

женщины, дабы выяснить, в состоянии ли она иметь детей. К великой радости Нича, вердикт выносится благоприятный: его супруга непременно понесет, если выпьет настойку мандрагоры. Это вернейшее средство, к которому прибегали французские короли и герцоги, но есть у него один недостаток – первая ночь смертельно опасна для мужчины. Лигурио предлагает выход: нужно схватить на улице какого-нибудь бродягу и подложить в постель к Лукреции – тогда вредное действие мандрагоры скажется на нем. Нича горестно вздыхает: нет, жена никогда не согласится, ведь эту набожную дуру пришлось уламывать даже для того, чтобы получить мочу. Однако Лигурио уверен в успехе: в этом святом деле просто обязаны помочь мать Лукреции Сострата и ее духовник фра Тимотео. Сострата с энтузиазмом уговаривает дочь – ради ребенка можно потерпеть, да и речь-то идет о сущем пустяке. Лукреция приходит в ужас: провести ночь с незнакомым мужчиной, которому придется заплатить за это жизнью, – как можно решиться на такое? В любом случае она не пойдет на это без согласия святого отца.

Тогда Нича и Лигурио отправляются к фра Тимотео. Для начала Лигурио запускает пробный шар: одна монашка, родственница мессера Кальфуччи, по случайности забеременела – нельзя ли дать бедняжке такого отвара, чтобы она выкинула? Фра Тимотео охотно соглашается помочь богатому человеку – по его словам, Господь одобряет все, что приносит пользу людям. Отлучившись на минутку, Лигурио возвращается с известием, что надобность в отваре отпала, ибо девица выкинула сама – однако есть возможность совершить другое доброе дело, осчастливив мессера Нича и его жену. Фра Тимотео быстро прикидывает, что сулит ему затея, благодаря которой можно ждать щедрой награды и от любовника, и от мужа – причем оба будут ему благодарны по гроб жизни. Остается только уговорить Лукрецию. И фра Тимотео без особого труда справляется со своей задачей. Лукреция добра и простодушна: монах уверяет ее, что бродяга, возможно, не умрет, но раз опасность такая существует, нужно поберечь мужа. А прелюбодеянием это «таинство» никак нельзя назвать, ибо совершится оно во благо семьи и по приказу супруга, которому должно повиноваться. Грешит не плоть, а воля – во имя продолжения рода дочери Лота некогда совокупились с собственным отцом, и никто их за это не осудил. Лукреция не слишком охотно соглашается с доводами духовника, а Сострата обещает зятю, что сама уложит дочь в постель.

Лигурио спешит с радостной вестью к Каллимако, и тот велит Сиро отнести мессеру Нича пресловутую настойку мандрагоры – сладкое вино с пряностями. Но тут возникает затруднение:

Каллимако обязан схватить первого попавшегося оборванца на глазах тупицы мужа – уклониться никак нельзя, ибо Нича может заподозрить неладное. Хитроумный паразит мгновенно находит выход: в роли Каллимако выступит фра Тимотео, а сам юноша, нацепив накладной нос и скривив на сторону рот, станет прогуливаться возле дома Лукреции. Все происходит в полном соответствии с планом: увидев переодетого монаха, Нича восторгается умением Каллимако менять внешность и голос – Лигурио советует положить в рот восковой шарик, но для начала дает навозный. Пока Нича отплевывается, на улицу выходит Каллимако в драном плаще и с лютней в руках – заговорщики, вооруженные паролем «Святой рогач», набрасываются на него и волокут в дом под радостные восклицания мужа.

На следующий день фра Тимотео, которому не терпится узнать, чем завершилось дело, узнает, что все счастливы. Нича с гордостью повествует о своей предусмотрительности: он самолично раздел и осмотрел уродливого бродягу, который оказался совершенно здоров и на удивление хорошо сложен. Убедившись, что жена и «заместитель» не отлынивают от своих обязанностей, он всю ночь беседовал с Состратой о будущем ребеночке – конечно, это будет мальчик. А оборванца пришлось чуть не пинками поднимать с постели; но, в общем-то, обреченного юношу отчасти даже жаль. Со своей стороны Каллимако рассказывает Лигурио, что Лукреция прекрасно поняла разницу между старым мужем и молодым любовником. Он ей во всем признался, и она увидела в этом Божье знамение – подобное могло произойти только по соизволению небес, поэтому начатое следует непременно продолжить. Беседу прерывает появление мессера Нича: он рассыпается в благодарностях великому доктору, а затем оба они вместе с Лукрецией и Состратой отправляются к фра Тимотео – благодетелю семьи. Супруг «знакомит» свою половину с Каллимако и приказывает окружить этого человека всяческим вниманием как лучшего друга дома. Покорная воле мужа Лукреция заявляет, что Каллимако будет их кумом, ибо без его помощи она никогда бы не понесла ребенка. А довольный монах предлагает всей честной компании вознести молитву за удачное завершение доброго дела.

Пересказала Е.Д. Мурашкинцева.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПИСЬМА НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ, НАПРАВЛЕННОГО ИМ ИЗ КАРПИ ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧИАРДИНИ

Сиятельному господину Франческо Гвиччиардини, доктору прав,

достойнейшему и мною высоко чтимому губернатору Модены и Реджо.

Светлейший и глубокоуважаемый муж. Я был в нужнике, когда прибыл ваш гонец, и как раз раздумывал о странностях этого мира, стараясь представить, какого проповедника на свой лад я выбрал бы для Флоренции, чтобы он был мне по вкусу, потому что в этом я хочу быть столь же упрямым, как и в других своих мнениях. А поскольку я никогда не упускал возможности быть полезным нашей республике если не делом, то словом, и если не словом, то хоть намеком, я не собираюсь упустить ее и на этот раз. Правда, я знаю, что, как и во многих других вещах, вступаю в противоречие с мнением своих сограждан: они желают проповедника, который научил бы их, как попасть в рай, и я хочу найти такого, чтобы он показал им дорогу к дьяволу; им желательно также заполучить мужа благоразумного, настоящего праведника, а мне – такого, чтобы он был большим сумасбродом, чем Понцо, большим ловкачом, чем брат Джироламо, большим лицемером, чем фра Альберто, ибо мне кажется чудесной выдумкой, достойной нашего славного времени, соединить в одном монахе все то, что мы наблюдали у нескольких; ведь, по-моему, это и есть правильный путь в рай – изучить дорогу в ад, дабы избегать ее. Помимо этого, видя, каким доверием пользуется негодяй, действующий под личиной благочестия, легко себе представить, чего достигнет достойный, если на деле, а не из притворства двинется по стопам святого Франциска. Итак, находя удачной свою затею, я решил взять Ровайо, и если он похож на других братьев и сестер, то все будет в порядке. Буду признателен, если в следующем письме вы мне выскажете свое мнение.

Я пребываю здесь в праздности, потому что не могу выполнить поручение, пока не выбраны генерал и дефиниторы, и обдумываю тем временем, как бы заронить среди них семена смуты, чтобы они начали пинать друг друга своими деревянными туфлями, здесь или еще где, если я не свихнусь, думаю, что преуспею в этом и что совет и помощь вашего превосходительства были бы очень кстати. Поэтому, если бы вы приехали сюда как будто развеяться, было бы не худо, или хотя бы в письме подсказали какой-нибудь ловкий ход; ибо если с этой целью вы будете ежедневно присылать ко мне нарочного, как сегодня, то убьете сразу двух зайцев: во-первых, подскажете мне что-нибудь полезное на этот счет, во-вторых, поднимете меня в глазах домашних, учащая важные уведомления. Скажу вам, что появление этого стрелка с письмом, с поклоном до земли и со словами, что он послан спешно и нарочно, наделало здесь

столько шуму и почтительной суеты, что все пошло вверх дном, и многие стали расспрашивать меня о новостях; я же, чтобы еще повысить свой авторитет, сообщил им, что императора ожидают в Тренто, что швейцарцы опять собираются на сейм и что французский король хотел приехать на свидание с другим королем, но советники ему отсоветовали; так что все они стояли с непокрытыми головами и разинув рты; и теперь, пока я пишу, меня окружают несколько человек, которые дивятся тому, как долго я это делаю, и смотрят на меня, как на одержимого; а я, чтобы сильнее поразить их, иной раз застываю с пером в руке и надуваюсь, и тогда они еще больше раскрывают рты, но если бы они знали, что я вам пишу, то удивились бы еще сильнее. Вашей милости известна поговорка здешних братьев, что если кто утвердился в благодати, у дьявола нет больше власти искушать его. Поэтому я не боюсь заразиться лицемерием от этих монахов, ведь я, кажется утвердился вполне.

Что касается обитателей Карпи, то я сравнюсь со всеми ими, ведь я давно превзошел эту науку настолько, что не нуждаюсь даже в таком подручном, как Франческо Мартелли; потому что с некоторых пор никогда не говорю того, что думаю, и никогда не думаю того, что говорю, если же мне случается сказать правду, я скрываю ее под таким ворохом лжи, что ее и не сыщешь. С губернатором я не говорил, потому что, раз уж я нашел себе пристанище, мне казалось это излишним. Правда, сегодня утром в церкви я имел случай полюбоваться им, когда он рассматривал живопись. Сложение его мне показалось удачным и наводящим на мысль о соразмерности части и целого, а также о том, что он кажется тем, что есть, и что его уродство не бред, и если бы под рукой у меня было ваше письмо, я бы воспользовался случаем почерпнуть из этого источника. Впрочем, ничего не потеряно, и завтра я жду от вас совета насчет моих дел – с одним из этих солдат, только пусть скачет быстро и приезжает сюда весь вымокший, чтобы сразить всю команду; этим вы окажете мне честь и одновременно ваши стрелки разомнутся, а для коней к лету это очень полезно. Написал бы вам еще, но не хочу напрягать воображение, чтобы во всей свежести сохранить его на завтра. Поручаю себя вашей милости, *да пребудет всегда в желанном здравии.*

В Карпи, 17 мая 1521 года. *Ваш покорнейше. Никколо Макиавелли,* посланник к братьям-миноритам.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПИСЬМА НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ О САВОНАРОЛЕ, АДРЕСОВАННОЕ К РИЧЧАРДО БЕККИ

Дабы получить полное представление, как вы желали, о здешних событиях, связанных с братом [Савонаролой], узнайте, что кроме двух проповедей, копия которых у вас уже есть, он произнес в масленичное воскресенье еще одну и после пространных излияний призвал всех своих сторонников собраться в день карнавала в монастыре Сан-Марко – он заявил, что будет молить о более явном знамении, если данные ему предсказания исходили не от Бога. Доминиканец сделал это, как говорят некоторые, чтобы крепче сплотить свою партию и поднять ее на свою защиту, ибо он опасался противодействия вновь сформированной Синьории, состав которой не был еще обнародован. Когда же в понедельник состав Синьории, о котором вы, вероятно, хорошо осведомлены, был объявлен, он увидел, что две с лишним трети враждебны ему, а так как папа в своем бреве (послании. – *Прим. ред.*) под угрозой интердикта требовал его выдачи, и доминиканец боялся, как бы Синьория ему не подчинилась, то он решил, возможно, по совету друзей, прекратить проповеди у святой Репараты и перебраться в Сан-Марко. Поэтому в понедельник утром, со вступлением в должность новой Синьории, еще в святой Репарате он объявил, что во избежание беспорядков и ущерба для божьего дела отправляется назад, так что пускай мужчины приходят слушать его в Сан-Марко, а женщины пусть собираются у фра Доменико, в Сан-Лоренцо. Итак, когда наш брат оказался дома, он стал проповедовать на удивление смело и продолжает в том же духе, ибо страшась за свою судьбу и ожидая от новой Синьории враждебных действий, а равно рассчитав, что его падение будет гибельным для многих сограждан, он стал их запугивать и, на первый взгляд, очень убедительно, всячески восхваляя своих последователей и черня противников. Тут он употребил все средства, чтобы ослабить враждебную партию и выставить преимущества своей; об этом я, как очевидец, расскажу несколько подробнее.

Первую проповедь в Сан-Марко брат произнес на следующие слова Исхода: «Но чем более изнуряли их, тем более народ умножался и увеличивался», – и прежде чем приступить к изъяснению этих слов, он указал причину своего возвращения, говоря: «Благоразумие есть правильное постижение возможного». Далее он сказал, что все люди устремлены к той или иной цели: для христиан эта цель – Христос, для прочих людей прошлого и настоящего цель вытекает из их религии. Мы, будучи христианами, соразмеряем наши поступки с нашей целью – Христом и, чтобы не уронить его высокого достоинства, должны

благоразумно учитывать меняющиеся обстоятельства, так что когда... требуется положить жизнь за Христа, жертвовать ею, а когда следует укрываться, так и поступать, подражая тому, что мы читаем о Христе и о святом Павле. Так мы, добавил он, должны действовать и так мы действовали: когда необходимо было вступить в противоборство с безумием, мы так и сделали, в день Вознесения, ибо того требовали обстоятельства и честь Господня, теперь же, когда ради Господа нужно склониться перед гневом, мы уступили. После этого краткого вступления он выстроил две шеренги – в одной воинствующие под водительством Божьим, здесь он и его сторонники, в другой находятся приспешники дьявола, то есть его враги. И приступив к более пространному изложению, он стал объяснять вышеприведенные слова Исхода, говоря, что вследствие гонений умножение добрых людей происходит двояким способом: духовным и количественным; духовным, поскольку в несчастье человек обращается к Богу и укрепляется, приближаясь к движущему его, как теплая вода при поднесении огня становится еще горячее, ибо в нем заключается движущая сила его тепла. Возрастают они также и числом, потому что существуют три рода людей: праведные – а это те, кто следует за мной; испорченные и закоренелые, то есть противники, и еще один тип людей, расточающих свою жизнь в удовольствиях, эти не упорствуют в дурных поступках, но не заботятся и о добрых делах, ибо не отличают одно от другого. Но поскольку деяния праведников и дурных отличаются друг от друга, ибо противоположности при сопоставлении выступают резче, люди третьего типа распознают испорченность дурных и простодушие добрых, а так как по природе нам свойственно избегать зла и стремиться к добру, они примыкают к последним и сторонятся первых, почему в несчастье и умножается число праведных, число же дурных уменьшается, и это тем более и т.д. Я передаю все это вкратце, потому что эпистолярный стиль не терпит пространных речей. Затем, пустившись, по своему обыкновению, во всякие рассуждения, он заявил, желая ослабить своих противников и перебросить мостик к следующей проповеди, что вследствие наших распрей воздвигнется тиран, который разрушит наши дома и разорит весь город, но это не противоречит сказанному им, что Флоренцию ждет процветание и господство над всей Италией, ибо тиран продержится недолго и будет изгнан; и на том он закончил свою проповедь.

На следующее утро, продолжая толкование Исхода и дойдя до того места, где говорится, как Моисей умертвил египтянина,

он объявил, что египтянин представляет дурных людей, Моисей же – проповедника, который умерщвляет таковых, разоблачая их пороки, и тут он сказал: «О египтянин, я поражу тебя насмерть», – и вскрыл всю вашу подноготную, о попы, обращаясь с вами, как с падалью, на которую и псы не польстятся. Потом он прибавил (а к этому он и вел), что хочет нанести египтянину другую тяжкую рану, и сообщил, что Бог открыл ему, будто во Флоренции некто намеревается установить тираническую власть и с этой целью строит козни и заговоры и хочет изгнать брата, отлучить брата, преследовать брата, а это и есть не что иное, как стремление к тирании, и что нужно соблюдать законы. И он столько наговорил, что на следующий день подверглось публичному обвинению одно лицо, которое столь же близко к тирании, как вы к небесам. Но затем, когда Синьория заступилась за доминиканца перед папой, и когда он убедился, что врагов во Флоренции больше нечего бояться, тут он завел другую музыку, и если раньше пытался только сплотить свою партию, внушая ненависть к противникам и запугивая их словом «тиран», то теперь, не упоминая больше ни о тирании, ни о преступных происках, призывает сохранить единство и настраивает всех против верховного понтифика, на которого обратил ныне свои злые укусы, отзываясь о нем, как о самом последнем негодяе. Так он, по моему мнению, сообразуется с обстоятельствами момента и приукрашивает свое вранье.

Засим оставляю на ваше сужденье толки, которые ходят в народе, людские ожидания и страхи, ибо вы человек благоразумный и можете судить о них лучше меня, потому что отлично осведомлены о наших настроениях, об особенностях момента и о намерениях папы, находясь там поблизости. Прошу вас только об одном: коль скоро вы не сочли за труд прочесть мое письмо, пусть вам не покажется обременительным и ответить, каково ваше мнение о нынешних обстоятельствах и настроениях с точки зрения здешних дел. Будьте здоровы.

Флоренция, 9 марта 1497 года.

Ваш Никколо ди м[ессер] Бернарда Макиавелли

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПИСЬМА НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ.
«…Книжица «О государствах»…», о написании которой он сообщает ему мимоходом – «Государь»

Светлейшему флорентийскому послу у верховного понтифика и своему благодетелю Франческо Веттори, в Рим

Светлейший посол. «Божья благодать ко времени приходит». Говорю так, потому что мне казалось, что я, если не потерял совсем, то утратил вашу благосклонность, потому что вы мне не писали довольно давно, и я недоумевал относительно причины этого. Все, что приходило мне в голову, не заслуживало внимания, я мог разве что предположить, не воздерживаетесь ли вы от переписки со мной, получив известие, что я плохо распоряжаюсь вашими письмами; но я помню, что за вычетом Филиппе и Паголо никому их не показывал. Наконец, ко мне пришло от вас письмо за 23 число прошлого месяца, из которого я к своему удовлетворению вижу, сколь спокойно и размеренно вы исполняете обязанности своей службы, и я призываю вас продолжать в том же духе, ибо кто забывает о своей выгоде ради выгоды другого, тот и свое потеряет, и от других благодарности не дождется. А поскольку судьба любит распоряжаться по-всякому, нужно положиться на нее, не тревожиться и не искушать ее в ожидании того времени, когда она и людям даст возможность действовать; тогда-то и вам придется потрудиться и во все вникать, а мне распроститься с деревней и сказать: вот он я. Поэтому, желая оказать вам равную услугу, я могу только описать в этом письме собственный образ жизни, и если вы пожелаете обменять его на ваш, охотно соглашусь.

Я сижу в деревне и со времени последних происшествий не провел во Флоренции полным счетом и двадцати дней. До сих пор занимался собственноручной ловлей дроздов. Поднявшись до света, я намазывал ловушки клеем, затем обходил их, нагруженный связкой клеток, как Гета, когда он возвращался из порта с книгами Амфитриона, и собирал от двух до шести дроздов. Так я провел весь сентябрь, а затем, к своему неудовольствию, лишился этого развлечения, хотя оно чересчур ничтожно и непривычно; и теперь расскажу, как я живу. Встаю я с солнцем и иду в лес, который распорядился вырубить; здесь в течение двух часов осматриваю, что сделано накануне, и беседую с дровосеками, у которых всегда в запасе какая-нибудь размолвка между собой или с соседями. Я мог бы рассказать массу любопытных вещей, которые случились у меня из-за этих дров с Фрозино да Панцано и с другими. Фрозино, например, не говоря мне ни слова, забрал несколько поленниц, а расплачиваясь, хотел удержать с меня десять лир, которые он, по его словам, четыре года назад выиграл в крикку в доме Антонио Гвиччардини. Меня это порядком взбесило, и я собирался обвинить возчика, приехавшего за дровами, в воровстве; однако вмешался Джованни

Макиавелли и помирил нас. Когда разразилась известная буря, Баттиста Гвиччардини, Филиппе Джинори, Томмазо дель Бене и еще кое-кто из горожан пожелали взять по одной поленнице. Я пообещал всем и одну отправил Томмазо, но до Флоренции дошла лишь половина, потому что ее составлением занимались он сам, жена, прислуга и дети, так что все это напоминало Габурру, когда он по четвергам колотит со своими подручными быка. Тогда, размыслив, на ком можно заработать, я сказал остальным, что дров больше нет; причем все огорчились, особенно Баттиста, который причислил это к прочим последствиям поражения при Прато.

Выйдя из леса, я отправляюсь к источнику, а оттуда на птицеловный ток. Со мной книга, Данте, Петрарка или кто-нибудь из второстепенных поэтов, Тибулл, Овидий и им подобные: читая об их любовных страстях и увлечениях, я вспоминаю о своем и какое-то время наслаждаюсь этой мыслью. Затем я перебираюсь в придорожную харчевню и разговариваю с проезжающими – спрашиваю, какие новости у них дома, слушаю всякую всячину и беру на заметку всевозможные людские вкусы и причуды. Между тем наступает час обеда, и окруженный своей командой я вкушаю ту пищу, которой меня одаривают бедное имение и скудное хозяйство. Пообедав, я возвращаюсь в харчевню, где застаю обычно в сборе хозяина, мясника, мельника и двух кирпичников. С ними я убиваю целый день, играя в трик-трак и в крикку; при этом мы без конца спорим и бранимся, и порой из-за гроша поднимаем такой шум, что нас слышно в Сан-Кашано. Так, не гнушаясь этими тварями, я задаю себе встряску и даю волю проклятой судьбе – пусть сильнее втаптывает меня в грязь, посмотрим, не станет ли ей наконец стыдно.

С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой единственно я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают. На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих горестях, меня не удручает бедность и не страшит смерть: я целиком переношусь к ним. И так как Данте говорит, что «исчезает вскоре то, что услышав, мы не затвердим», я записал все, что вынес поучительного из их бесед, и составил книжицу «О государствах», где по мере сил углубляюсь в размышления над этим предметом, обсуждая, что такое единоличная власть, какого рода она бывает, каким

образом приобретается и сохраняется, по какой причине утрачивается. И если вам когда-либо нравились мои фантазии, вы и эту примете не без удовольствия, а государю, особенно новому, она может пригодиться, и я адресую ее Его Светлости Джулиано. Филиппе Казавеккья видел эту книжку; он может подробнее описать, что она собой представляет и какие мы вели о ней беседы, хотя я еще не кончил ее пополнять и отделывать.

Вы, светлейший посол, желали бы, чтобы я простился со здешней жизнью и приехал к вам наслаждаться радостями вашей. Я обязательно так и поступлю, но сейчас меня отвлекают некоторые дела, они займут у меня полтора месяца. Что внушает мне опасения, так это присутствие там Содерини, которых мне, приехав туда, пришлось бы навестить и говорить с ними. Не уверен, что по возвращении, направляясь домой, я не угодил бы в Барджелло, потому что хотя теперешнее правление покоится на прочном и безопасном основании, все-таки оно новое и в силу этого страдает мнительностью, тем более, что здесь хватает узников, которые готовы засадить тебя в казенный дом, лишь бы уподобиться Паголо Бертини, а остальное – не их забота. Пожалуйста, войдите в мое положение, а я через указанное время непременно навещу вас.

Я обсуждал с Филиппе, стоит ли преподнести мою книжку или не стоит, и если подносить, то самому или послать ее вам. К тому, чтобы не подносить, меня склоняет опасение, что Джулиано ее даже и не прочитает, а этот Ардингелли присвоит себе часть моих последних трудов. К подношению же меня побуждает жестокая необходимость, ибо я разоряюсь, и пройдет совсем немного времени, как погрязну в жалкой нищете, не говоря о моем желании, чтобы эти синьоры Медичи вспомнили о моем существовании и поручили хоть камень в гору катить; потому что, если они и тут не обратят на меня внимания, мне придется пенять только на себя; а по прочтении этой вещи будет видно, что я не проспал и не проиграл в бирюльки те пятнадцать лет, которые были посвящены изучению государственного искусства, и всякий захочет использовать богатый опыт человека, готового им поделиться. Что касается моей верности, в ней не следует сомневаться, потому что, ранее всегда соблюдая верность, я не могу теперь вдруг научиться ее нарушать; и кто был верным и честным, как я, сорок три года, не изменит свою природу за один миг; свидетельство моей верности и честности – моя бедность.

Итак, мне хотелось бы познакомиться с вашим мнением обо всем этом, и с тем себя препоручаю вашему вниманию. Будь счастлив.

10 декабря 1513 года.

«ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА», написанная Рафаэлем Сабатини
Отрывок из книги, посвященный «Письму Савелли»

«Письмо начинается с поздравлений по случаю избавления от разбойников. Насколько можно понять, адресат (Сильвио) попал в руки какой-то шайки, был обобран дочиста, но сумел бежать и добраться до германского императорского двора, испытав по дороге немало злоключений. Затем автор выражает удивление по поводу наивности Сильвио, обратившегося к папе с просьбой о восстановлении в правах – ведь «всем известно, что этот предатель, забывший о простой человечности, вся жизнь коего – сплошной обман, никогда не совершал справедливого поступка, если не был принужден к тому силой или страхом». Автор письма заклинает Сильвио «поведать императору и князьям о постыдных делах этого чудовища, ни на единый миг не вспоминающего ни о Боге, ни о нуждах церкви». А затем, не полагаясь на память своего корреспондента, анонимный составитель письма начинает перечислять грехи всего семейства Борджиа. Список получается очень внушительный.

Папа оказался обвинен в низостях и преступлениях самого разного сорта, включая «симонию, скотское любострастие и неприкрытый грабеж»; Лукреция – в кровосмешении, диких оргиях и «бесстыдном совращении всех мужчин, имевших несчастье ей понравиться, следствием чего становилась скорая гибель несчастных». Чезаре был назван безбожным человекоубийцей, Каином, руки которого обагрены кровью родного брата – Джованни Борджиа, затем деверя – принца Бишелье и, наконец, постороннего, также не совершившего никакого преступления – Педро Кальдеса; «все эти сеньоры умерли потому, что стали на пути герцога, любившего свою сестру отнюдь не братской любовью». Кроме того, Валентино «разорил целую страну – Романью, изгнав оттуда законных государей, и сделался самовластным тираном, чья свирепость повергла людей в безмолвную дрожь».

По сути дела, «Письмо» было сборником всех имевшихся наветов и проклятий в адрес Борджиа. Эта компиляция свела воедино слухи, рожденные в Риме и Венеции, Неаполе и Милане. На предыдущих страницах мы уже рассмотрели большинство обвинительных пунктов и сейчас отметим только явную несостоятельность последнего утверждения. Чезаре покорял романские государства, но не грабил и не разорял их население. Теперь, когда Романья перешла под власть герцога, жизнь там стала куда более обеспеченной и мирной, и это было отражено во

многих летописях.

Едва ли не впервые за сотню лет одинокий путник мог проехать по дорогам Центральной Италии, от Пьомбино до Пезаро, сохранив в целости свой кошелек. Даже враги Валентино не отрицали благотворности его правления.

Еще раз обратившись к вопросу о совпадениях между «Дневником» Бурхарда и «Письмом к Сильвио Савелли», следует констатировать наличие плагиата. Выяснение первенства не составляет труда. Кем бы ни был автор «Письма», он не мог получить доступ к хранимому в глубокой тайне дневнику папского церемониймейстера. Видимо, Бурхард ознакомился с текстом письма раньше всех в Риме и, по каким-то своим соображениям, позаимствовал оттуда два самых выразительных отрывка.

Александр прочитал поданный ему пасквиль, посмеялся… и предал это дело презрительному забвению, не сделав ни малейшей попытки выявить и покарать неведомого врага. Такая невозмутимость свидетельствует об определенном великодушии – или о том, что не все, описанное в «Письме», происходило в действительности. Как известно, явная клевета задевает нас гораздо меньше, чем правдивое разоблачение. А человек, знающий за собой кое-какие грешки, обычно не склонен предоставлять слово своим недругам.

Чезаре не обладал благодушным терпением Борджиа-старшего. Герцог заявил, что сыт по горло грязными подметными листками, и отдал соответствующие приказы шпионам и городской страже. В начале декабря в Риме был арестован некий Манчони, уроженец Неаполя, «говоривший крамольные и оскорбительные речи о герцоге и его святейшестве папе». Несчастный неаполитанец подвергся публичному наказанию – ему отрубили правую руку и вырезали язык, чтобы лишить возможности порочить высоких особ, будь то письменно или устно. Окровавленную руку с привязанным к мизинцу языком выставили в окне собора Санта-Кроче в назидание болтунам.

В январе 1502 года была найдена новая жертва – венецианец, переводивший с греческого на латынь памфлет против папы и Валентино. Вмешательство официального представителя республики опоздало, и наградой ученому переводчику стала петля.

По воспоминаниям феррарского посла Костабили, «сам папа считал подобные меры излишними и скорее вредными, чем полезными. Его святейшество даже при мне не раз напоминал герцогу, что Рим – свободный город, «где каждый волен говорить и писать, что ему заблагорассудится». Но в данном случае

родительские уговоры принесли мало прока. Как выразился огорченный Александр в одной из бесед с послом, «герцог – добрый человек, но все еще не научился с покорностью переносить обиды». И это было весьма справедливое замечание, ибо никому и никогда не удавалось безнаказанно оскорбить Чезаре Борджиа.

«Уж если римляне привыкли говорить и писать что им вздумается, то я, со своей стороны, обязан привить этому народу понятие о хороших манерах», – таким бывал ответ герцога на упреки отца.

Но, к большой удаче для римлян, Валентино не успел выполнить намеченную программу».

Современники Макиавелли, представленные их собственными словами

Из афоризмов Франческо Гвиччиардини (по статье М.А. Лившица об «Истории Италии» Гвиччиардини, написанной в 1932 году):

1. «Великая ошибка говорить о делах человеческих, не делая ни различий, ни оговорок и рассуждая, так сказать, правилами: ведь почти во всех делах благодаря изменчивости условий существуют различия и исключения, так что нельзя мерить их одной и той же мерой; в книгах эти различия и исключения не записаны, но познанию их должна служить рассудительность».

2. «Человек в своих решениях и поступках всегда сталкивается с одной трудностью, именно: с правдой противоположного. Нет столь совершенного порядка, в котором не скрывался бы беспорядок; нет зла, в котором не было бы добра; нет добра, в котором не заключалось бы зла; отсюда нерешительность многих людей, которых смущает всякое маленькое затруднение. Людей с таким характером называют оглядывающимися, потому что они оглядываются на все. Не следует так поступать, надо взвесить неудобства каждого решения и помнить, что не может быть решения безукоризненного и совершенного со всех сторон».

3. «Кто глух к голосу страсти, тот бездарен».

4. «Почти все без исключения действуют под влиянием интереса».

Эразм Роттердамский

«ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ»
Глава, относящаяся к папству

ГЛАВА LIX

А верховные первосвященники, которые заступают место самого Христа? Если бы они попробовали подражать его жизни, а именно бедности, трудам, учительству, крестной смерти, презрению к жизни, если бы задумались над значением своих титулов – «папы», иначе говоря, отца и «святейшества», – чья участь в целом свете оказалась бы печальнее? Кто стал бы добиваться этого места любой ценою или, однажды добившись, решился бы отстаивать его посредством меча, яда и всяческого насилия? Сколь многих выгод лишился бы папский престол, если

б на него хоть раз вступила Мудрость? Мудрость, сказала я? Пусть не Мудрость даже, а хотя бы крупица той соли, о которой говорил Христос. Что осталось бы тогда от всех этих богатств, почестей, владычества, побед, должностей, диспенсаций, сборов, индульгенций, коней, мулов, телохранителей, наслаждений? (В нескольких словах я изобразила вам целую ярмарку, целую гору, целый океан всяческих благ.) Их место заняли бы бдения, посты, слезы, проповеди, молитвенные собрания, ученые занятия, покаянные вздохи и тысяча других столь же горестных тягот. Не следует также забывать об участи, которая постигла бы бесчисленных чиновников, копиистов, нотариусов, адвокатов, промоторов, секретарей, погонщиков мулов, конюших, банкиров, сводников... Прибавила бы я еще словечка два покрепче, да боюсь оскорбить ваши уши... В общем, вся эта огромная толпа, которая отягощает, – или нет, прошу прощения, – которая украшает римский престол, была бы обречена на голод. Но еще бесчеловечнее, еще ужаснее, еще нестерпимее было бы пожелание, чтобы верховные князья церкви, эти истинные светочи мира, снова взялись за суму и посох. Ныне же, напротив, все труды возлагаются на Петра и Павла, – у них ведь довольно досуга, – а блеск и наслаждение папы берут себе. При моем содействии никому в целом роде людском не живется так привольно и беззаботно, как им. Они мнят, будто в совершенстве исполняют закон Христов, если, надев на себя мистический и почти театральный убор, присвоив титулы «блаженнейшего», «преподобнейшего» и «святейшего», раздавая благословения и проклятия, разыгрывают роль верховных епископов. Смешно, старомодно и совсем не ко времени в наши дни творить чудеса. Поучать народ – трудно; толковать священное писание – схоластично; молиться – бесполезно; лить слезы – некрасиво и женоподобно; жить в бедности – грязно; оказаться побежденным – постыдно и недостойно того, кто и королей едва допускает лобызать свои блаженные стопы; наконец, умирать – неприятно, а быть распятым – позорно. Остается одно лишь оружие да те сладкие словеса, о которых упоминает апостол Павел и которых никогда не жалели папы в своем милосердии, и, наконец, интердикты, временные отрешения от бенефициев, повторные отлучения, анафемы, картинки, изображающие муки грешников, и грозные молнии, при помощи которых папы единым своим мановением низвергают души смертных в самую глубину Тартара. Охотнее всего святейшие во Христе отцы и Христовы наместники поражают этими молниями тех, кто, наущаемый дьяволом, пытается умалить или расхитить достояние святого Петра. Хотя, по свидетельству Евангелия, Петр сказал: «Вот мы

оставили все и последовали за тобою», однако его достоянием именуются поля, города, селения, налоги, пошлины, права владения. Ревнуя о Христе, папы огнем и мечом отстаивают «наследие Петрово», щедро проливают христианскую кровь и при этом свято веруют, что они по завету апостольскому охраняют невесту Христову – церковь, доблестно сокрушая ее врагов. Как будто могут быть у церкви враги злее, нежели нечестивые первосвященники, которые своим молчанием о Христе позволяют забывать о нем, которые связывают его своими гнусными законами, искажают его учение своими за уши притянутыми толкованиями и убивают его своей гнусной жизнью. Поскольку христианская церковь основана на крови, кровью скреплена и кровью возвеличилась, они по сей день продолжают действовать мечом, словно нет больше Христа, который сам защищает своих верных. И хотя война есть дело до того жестокое, что подобает скорее хищным зверям, нежели людям, до того безумное, что поэты считают ее порождением фурий, до того зловредное, что разлагает нравы с быстротою моровой язвы, до того несправедливое, что лучше всего предоставить заботу о ней отъявленным разбойникам, до того нечестивое, что ничего общего не имеет с Христом, – однако папы, забывая обо всем на свете, то и дело затевают войны. Порой увидишь даже дряхлых старцев, одушевленных чисто юношеским пылом, которых никакие расходы не страшат и никакие труды не утомляют, которые, ни минуты не колеблясь, перевернут вверх дном законы, религию, мир и спокойствие и все вообще дела человеческие. И находятся у них ученые льстецы, которые именуют это явное безумие святой ревностью, благочестием, мужеством, которые, пускаясь во всевозможные тонкости, доказывают, что можно, обнаживши губительный меч, пронзать железом утробу брата своего, нисколько не погрешая в то же время против высшей заповеди Христа о любви к ближнему.

Стихи на русском об Италии эпохи Макиавелли

Осип Мандельштам
НОВЕЛЛИНО

Вы помните, как бегуны
У Данта Алигьери
Соревновались в честь весны
В своей зеленой вере.
По темнобархатным холмам
В сафьяновых сапожках
Они пестрели по лугам,
Как маки на дорожках.
Уж эти мне говоруны —
Бродяги—флорентийцы,
Отъявленные все лгуны,
Наемные убийцы.
Они под звон колоколов
Молились Богу спьяну,
Они дарили соколов
Турецкому султану.
Увы, растаяла свеча
Молодчиков каленых,
Что хаживали вполплеча
В камзольчиках зеленых,
Что пересиливали срам
И чумную заразу,
И всевозможным господам
Прислуживали сразу.
И нет рассказчика для жен
В порочных длинных платьях,
Что проводили дни как сон
В пленительных занятьях:
Топили воск, мотали шелк,
Учили попугаев
И в спальню, видя в этом толк,
Пускали негодяев.
1932

Л. Лосев

Из цикла «Итальянские стихи»
ПАЛАЦЦО ТЕ

Однажды кто-то из Гонзаг
построил в Мантуе палаццо,
чтоб с герцогиней баловаться
и просто так – как власти знак.

Художник был в расцвете сил,
умея много, много смея,
он в виде человекозмея
заказчика изобразил.

Весь в бирюзово-золотом,
прильнувши к герцогини устью,
с торжественностью и грустью
драконогерцог бьет хвостом.

Окрашивает корабли,
и небо, и прибой на чреслах
сок виноградников окрестных,
напоминающий шабли.

Что ей в туристе-дурачке?
Не отпускает эта фреска
мой взгляд, натянутый, как леска,
меня, как рыбу на крючке.
1996

Отрывок из лекции о Венеции

«...Что касается дожей, то было все еще интереснее. То, что одиннадцать ступеней избрания – это ладно. Это только одна из мер предосторожностей, чтобы не избрать узурпатора. Какое там – «не моложе 30 лет»? В Большой Совет очень редко, крайне редко, попадали даже пятидесятилетние. Нормальным был возраст чуть до 60 и старше. Дож же должен был быть ЕЩЕ старше. Средний возраст избрания дожа – 72 года. Исключения были – и о них крайне сожалели впоследствии. В качестве преимуществ – при прочих равных – было отсутствие жены или давно умершая жена (члены ее семьи таким образом исключались из возможной борьбы за власть), отсутствие сыновей. Дож и ВСЯ ЕГО СЕМЬЯ должны были иметь незапятнанную биографию НА СЛУЖБЕ республике. Чтобы не забывал службу, дож принимал сложную присягу, которую ужесточали после каждого относительного провала предыдущих дожей. Эту присягу ему зачитывали вслух на Совете каждые два месяца. Дожу не разрешалось во время своего пожизненного срока каким-либо образом улучшать как свой дом, так и служебные помещения. Дожа штрафовали за каждый пункт нарушения присяги. А с начала XVI века ПОСЛЕ смерти дожа специальная комиссия – позже ставшая знаменитым советом Десяти – проверяла всю деятельность умершего и штрафовала или наказывала другим способом семью дожа. Дожу не разрешалось встречаться наедине с любым иностранцем, включая послов, не разрешалось вскрывать в одиночестве письма и писать письма без копии и так далее. Кстати, популярность среди второго (нотабли) и третьего сословия (пополи) считалась недостатком при избрании дожа. То, что дож мог быть только из первого сословия (нобили), вы знаете. Но знаете ли, что в первое сословие по закону входило очень ограниченное количество семей. Сначала их было 40, потом с 1297-го добавили еще примерно столько же. Всего же в истории Республики в нобили входило всего 101 семья (старые нобили, новые нобили – после 1297-го, новейшие – в XVII веке, когда войны повырубили многие семьи и республике срочно нужны были деньги), что никогда не превышало 2500 мужчин (которые по закону должны были ходить в простой – одинаковой – черной робе). Это была интереснейшая Республика, просуществовавшая 1000 лет и всего с двумя дожами, которые ПЫТАЛИСЬ узурпировать власть. Обоих казнили, и семьи вывели из нобилей...»

Примечание автора книги: это – часть лекции о Венеции,

прочитанной мне моим другом, бывшим экскурсоводом по Италии Игорем Юдовичем.

Краткий список использованной литературы

1. The House of Medici, by Christopher Hibbert, Morrow Quill Paperback, New York, 1980.

2. The Pursuit of Power, by William McNeal, The University of Chicago Press, 1984.

3. «История Флоренции», Никколо Макиавелли, издание Академии наук СССР, 1973.

4. The Man of The Renaissans, by Ralph Roeder, New York, Viking Press, 1933.

5. The Borgias, by Ivan Cloulas, Franklin Watts, New York, 1989.

6. Machiavelli and Us, by Louis Althusser, Verso, London, 1999.

7. Niccolo Machiavelli, Discourses, Penguin Books, London, 1964.

8. Niccolo's smile, by Maurizio Piroli, translated from Italian, Farrar, Stracs and Girocx, New York, 1998.

9. Machiavelli, Philosopher of Power, by Ross King, Atlas Books, New York, 2007.

10. Никколо Макиавелли, Избранные сочинения, Москва, изд. «Художественная литература», 1982.

11. Machiavelli, by Miles J.Unger, Simon and Schuster, New York, 2011.

12. Modern Europe, by John Merriman, Yale University, London/ New York, 1996.

13. Енё Гергей, «История папства», Москва: Республика, 1996.

14. From Dawn to Decadence, by Jacques Barzun, Harpers/ Collins Publishers, New York, 2000.

15. Якоб Буркхардт, «Культура Возрождения в Италии», Юристъ, Москва, 1996.

16. Out of the storm, by Derek Wislon, 2007. The life and legacy of Martin Luther.

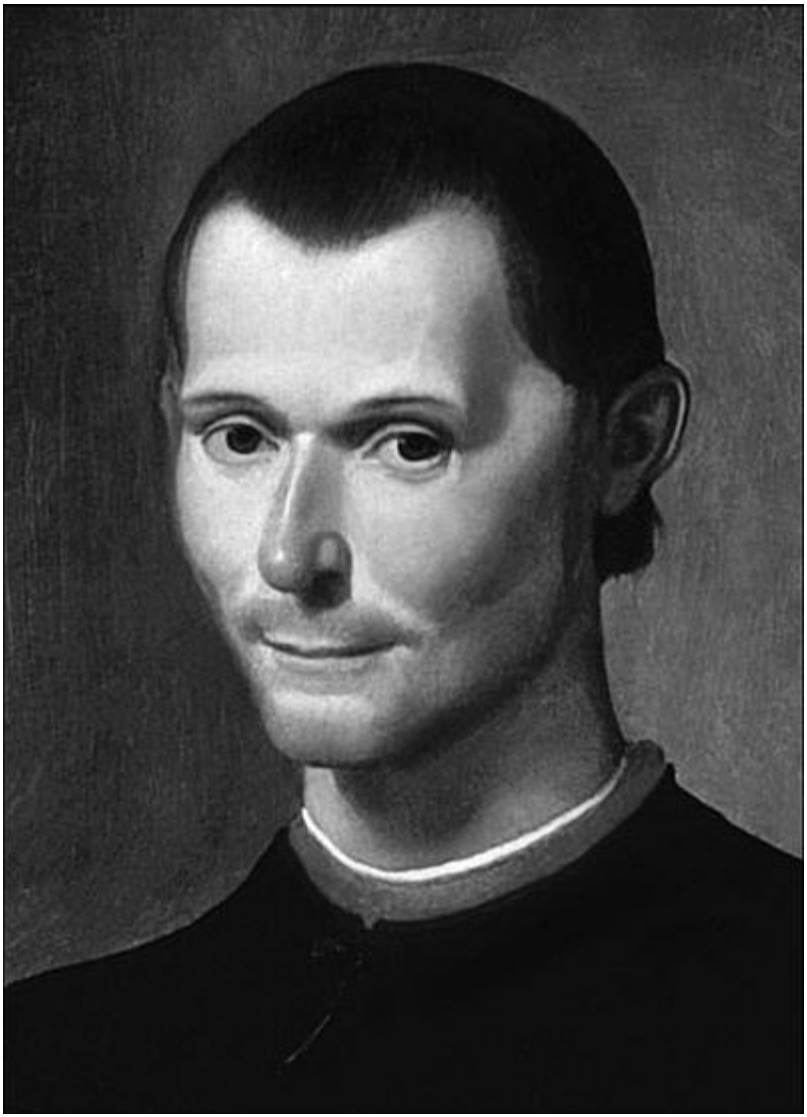
17. Magnifico, The Brilliant Life and violent times of Lorenco de Medici, by Miles J. Unger, 2008.

18. Lucrezia Bordgia, by Rachel Erlanger, Hawtorn Books, Inc., New York, 1978

19. The Civilization of The Renaissance in Italy, by J. Burckhardt, The Phaidon Press, Vienna/London, copyright edition.

20. A History of Venice, by John Julius Norwich, Vintage Books, New York, 1982.

Иллюстрации

Никколо Макиавелли

Карта территорий Республики Флоренция

Флорин

Палаццо Веккьо, «Старый» Дворец Синьории

Козимо ди Джованни де Медичи

Лоренцо ди Козимо де Медичи

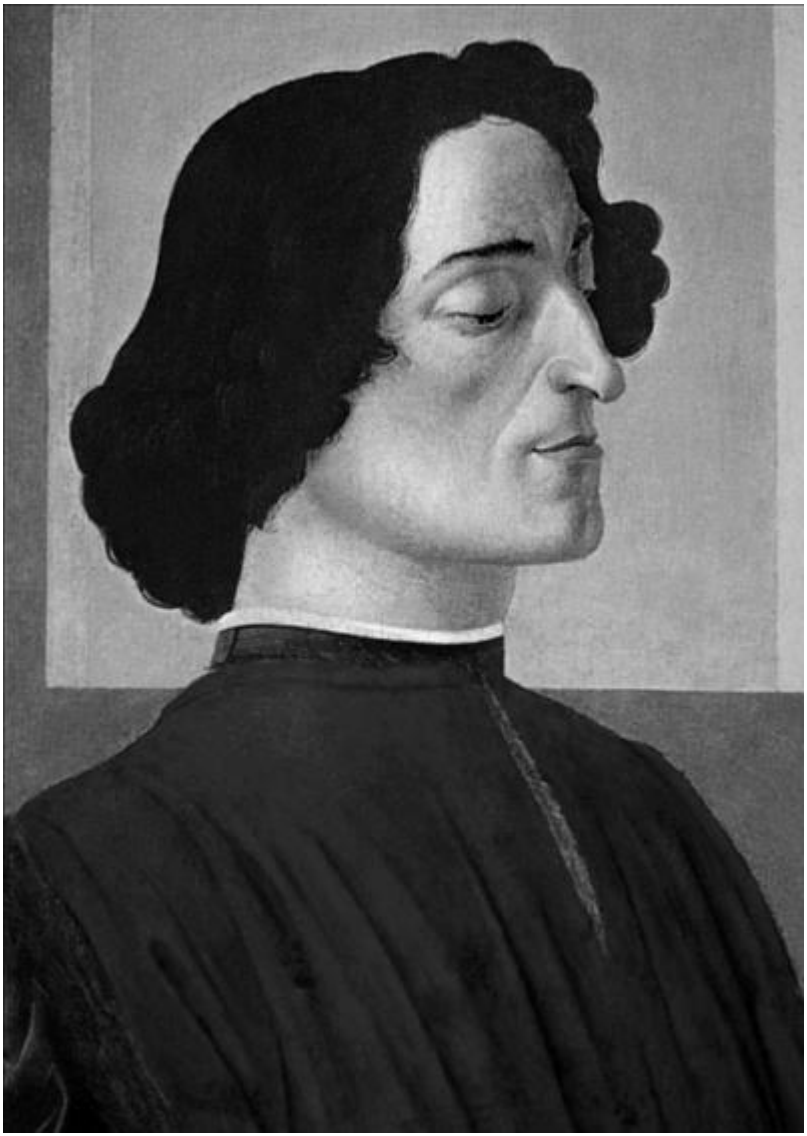
Лоренцо II Медичи

Алессандро Медичи, первый герцог Флоренции. По-видимому, был сыном папы Климента VII

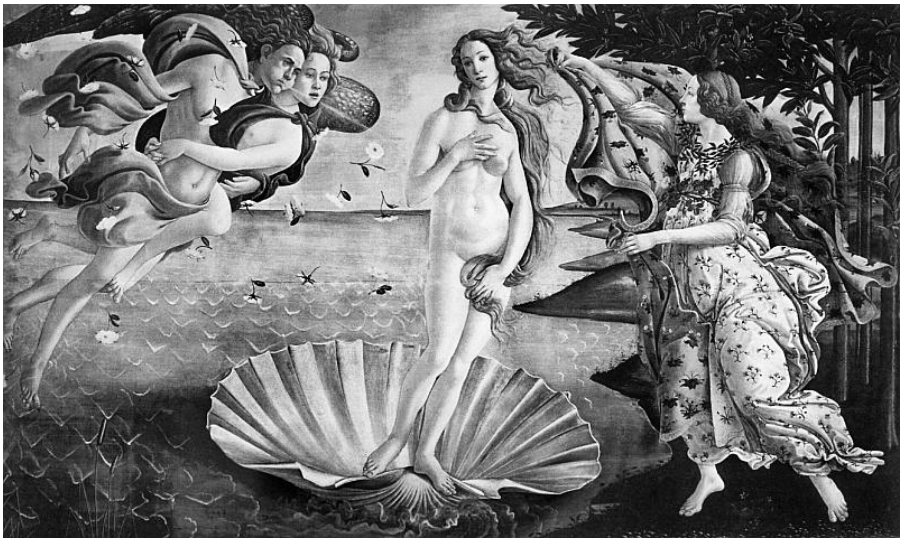
Екатерина Медичи, дочь Лоренцо II, королева Франции

Джулиано Медичи, портрет работы Сандро Боттичелли

Козимо I Медичи, внук Катерины Сфорца, герцог Флоренции

«Рождение Венеры», картина работы Сандро Боттичелли

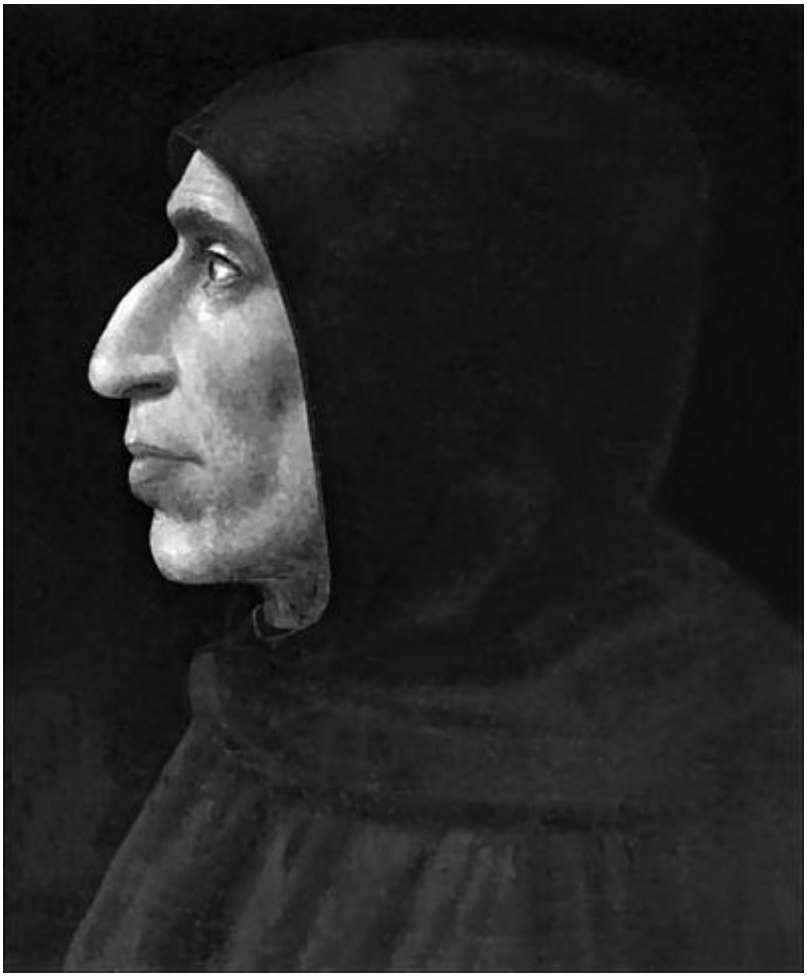

У богини любви кисти Боттичелли лицо Симонетты Веспуччи

Сандро Боттичелли «Поклонение Волхвов». На картине изображены члены семьи Медичи

Фра Джироламо Савонарола

Эразм Роттердамский

Александр VI Борджиа

Ваноцца деи Каттанеи, любовница Александра VI Борджиа

Чезаре Борджиа

Лукреция Борджиа

Пьетро Бембо, кардинал. Один из любовников Лукреции Борджиа

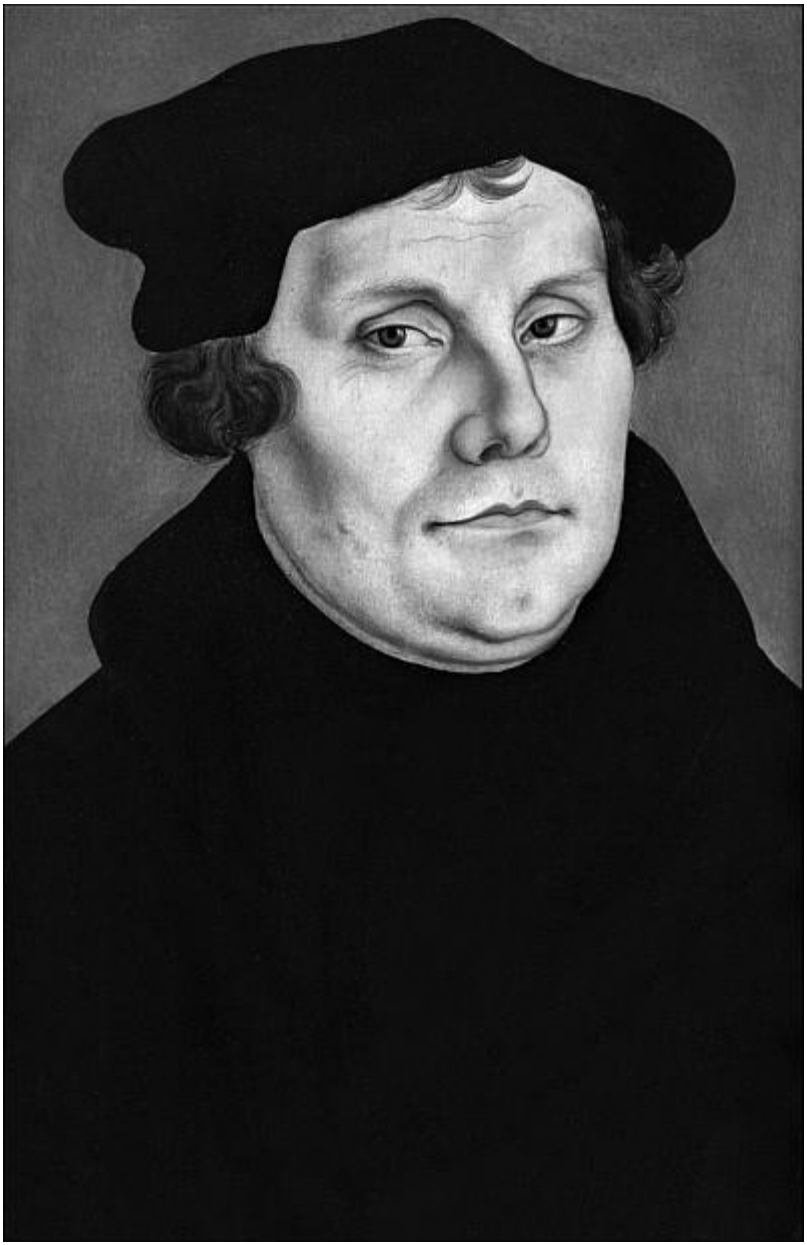
Франческо Гвиччиардини

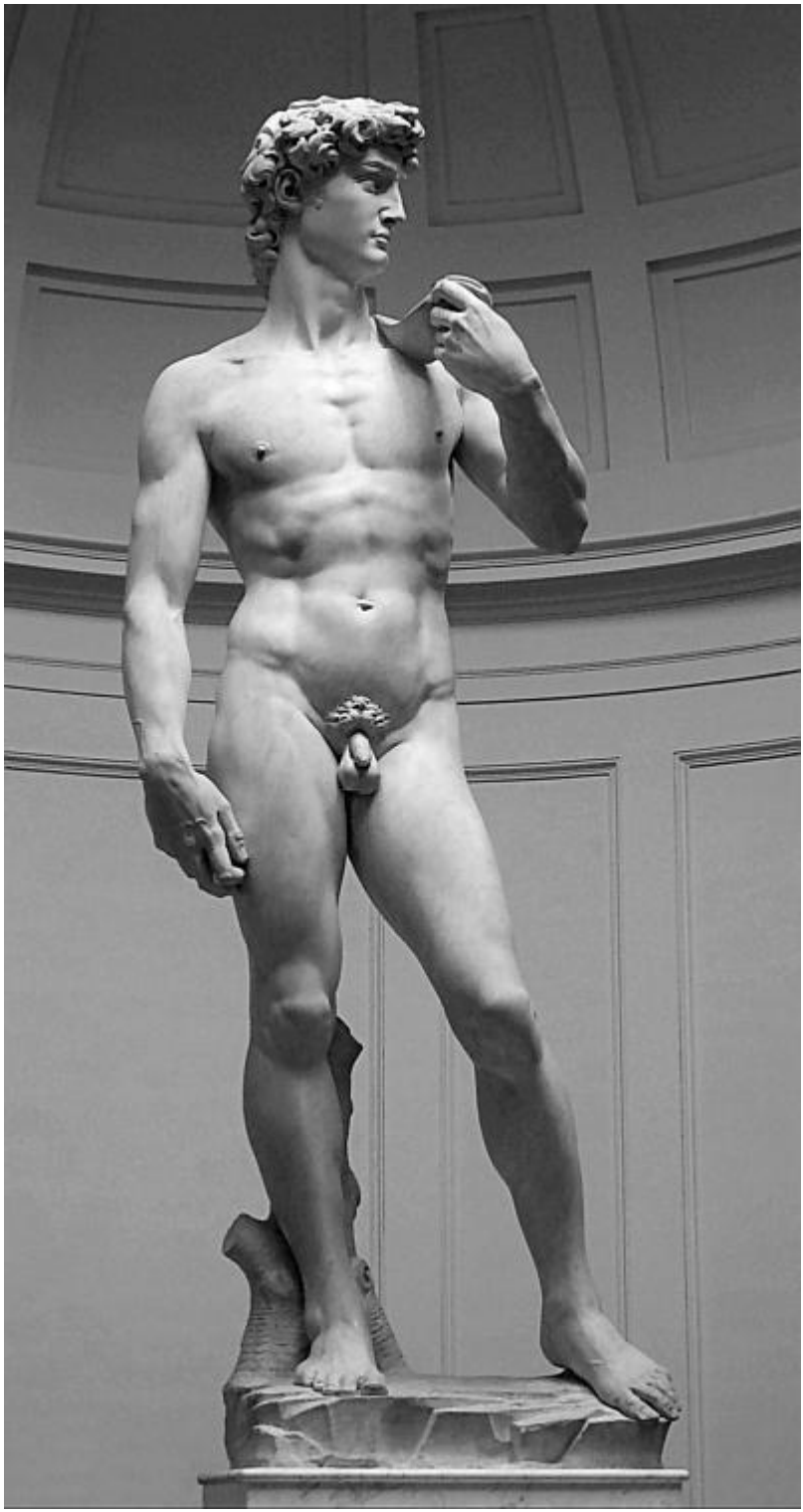
Папа Юлий II

Папа Лев X

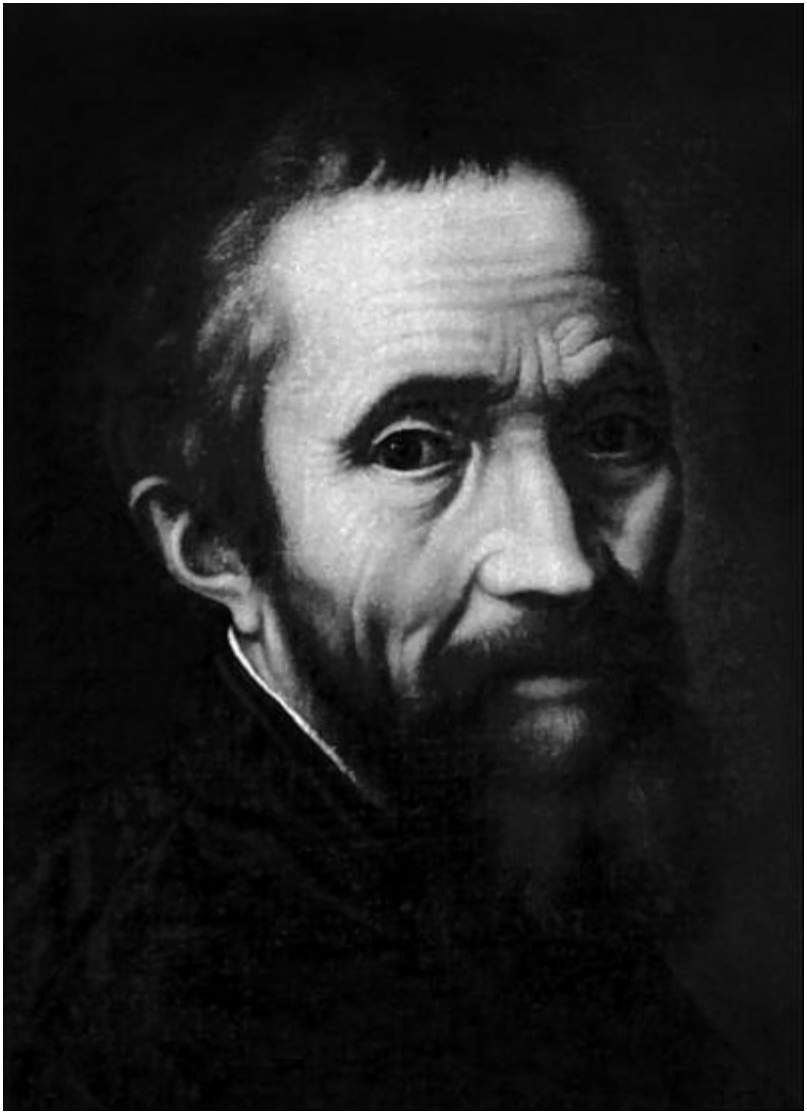

Мартин Лютер

Давид, статуя работы Микеланджело Буонарроти, символ

Флорентийской республики

Микеланджело Буонарроти

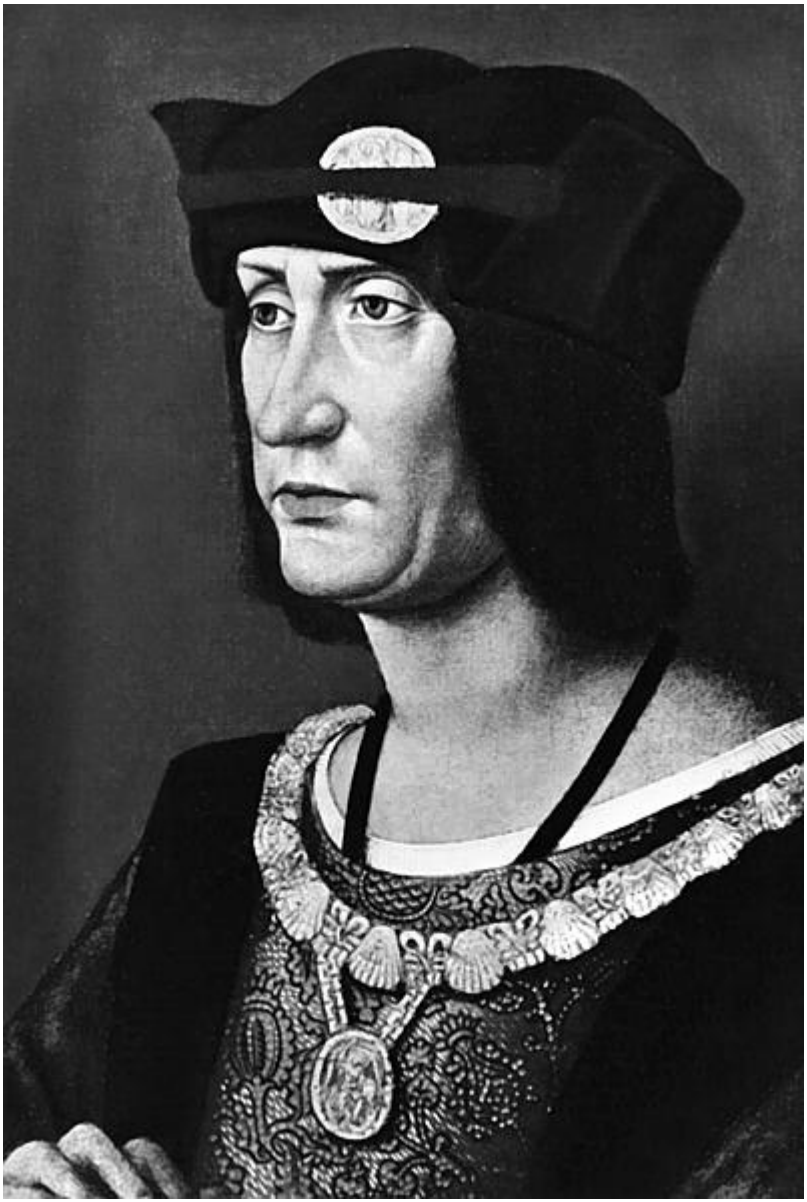
Леонардо да Винчи, автопортрет

Леонардо да Винчи «Дама с горностаем». Портрет Чечилии Галлерани, любовницы Лодовико Сфорца

Карл V, портрет работы Тициана

Людовик XII

Карл VIII

Франциск I